

ШРИ РАДЖНИШ (ОШО)

БИБЛИЯ РАДЖНИША

Том 1, книга 2

Специальные беседы для группы, названной «Немногие избранные», члены которой собираются стать проповедниками учения Раджниша по всему миру.

БЕСЕДА 16

БОГ – ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ ФИКЦИЙ

14 ноября 1984

Бхагаван, откуда явился дьявол, когда он предстал перед Адамом и Евой в образе змея?

Необходимо понять очень простой принцип. Если вы солгали однажды, то вы будете вынуждены лгать тысячу и один раз, чтобы скрыть первую ложь. И все же скрыть ее не удастся.

Эта тысяча и одна ложь не сделают из нее правды. Они могут подавить ее, но она остается. И в действительности все это снова ложь, и, как всякая ложь, она снова нуждается в сокрытии. Никакой правдой не скрыть лжи.

Правду скрывать не нужно. Когда говоришь правду, она самоочевидна, полна. Ей не нужно ничего другого, никакой поддержки. Она в самой себе содержит свою подлинность.

Ложь пуста. В ней нет очевидности. Но, рассказывая одну ложь за другой, можно дурачить людей. Может быть, одну ложь они и смогут раскрыть, но когда рассказана тысяча и одна ложь, в этой массе очень трудно обнаружить ложь основную.

Бог – вот основная ложь.

Настолько основная, что в мире нужны тысячи теологов, чтобы скрыть ее.

И все же она не скрыта. Бог все еще не является самоочевидным. Все еще требуются доказательства. Все еще нет достаточных аргументов. Все аргументы оказываются лежащими вне логики. Да, они могут убедить кого-то, кто уже убежден. Но какой смысл убеждать человека, который уже убежден, который воспринял, который верит. Ему не нужны аргументы, не нужны доказательства.

И все аргументы о Боге, все доказательства не смогли обратить за всю историю человечества ни одного атеиста. Здесь есть о чем подумать.

И затем, когда основная ложь высказана, нужно окружать ее, затуманивать ее много большим количеством лжи.

История соблазнения Евы и Адама дьяволом; история падения человечества – все это ложь для поддержки другой лжи. Но заняться этим очень интересно, интересно посмотреть на уловки так называемых мессий, аватар, так называемых теологов. Перед тем, как я войду в эту историю, я хотел бы, чтобы вы узнали ее полную версию. Она известна не полностью. Рассказывают только половину истории, поскольку вторая половина стала неудобной.

Адам и Ева не были первыми, кого создал Бог. Настоящая история такова, что Ева была второй. Бог создал одну женщину, но то была не Ева. Он создал Адама и одну женщину. Когда я всматриваюсь в эту историю, мне представляется это очень явственно. Бог создал мужчину и женщину, но он должен был быть – и он был – еврейским Богом. Это еврейская история, и он должен был быть абсолютным евреем: он создал только одну кровать, такую маленькую, что и для одного человека она не была удобна. На такую маленькую кровать невозможно было положить вместе мужчину и женщину. Поэтому первая ночь – первая ночь медового месяца – превратилась в кошмар. Первым столкновением было: «Кто будет спать на этой кровати?»

Конечно, мужчина был великим мужским шовинистом, но еще не было доказано, что он является самым лучшим во всех отношениях, и еще не было прецедента. Они были первыми людьми. Женщина была очень упорной; она сказала, что она будет спать на кровати. Всю ночь они ссорились, дрались подушками – первая стычка – и... и на следующий день Бог вынужден был убрать эту женщину. С тех пор не было настоящей женщины.

Мне кажется, даже вымышленная история может быть использована для исследования ума, создавшего ее. Настоящую женщину пришлось убрать. Затем

была создана Ева, но не как независимое существо; она была создана из ребра, извлеченного из тела Адама. Теперь она будет зависимой. Она будет лишь частью. Первая женщина была единственной независимой женщиной. Не было вопроса о том, что она ниже, а Адам выше. Но вторая женщина с самого начала была ниже; она – лишь малое ребро, взятое из тела Адама, ничего больше; она лишь часть, никакое не целое. От этой точки начинается деградация женщины. Падение Адама наступило позже, но деградация женщины, ее рабство началось с этого: настоящую женщину Бог забрал обратно.

У этого Бога тоже был ум мужского шовиниста. Почему бы ему не сказать, что вы оба равны, что не нужно драться? Он был, должно быть, настоящим евреем. Он не мог сделать кровать немного побольше, где могли бы разместиться оба. Это не только вопрос кровати, помните это. Я пытаюсь сказать вам: Бог не мог создать равенство между мужчиной и женщиной, не мог сделать так, чтобы они чувствовали себя удобно в сосуществовании, без чьей-либо игры во власть. Естественно, он сам – мужчина. Он не убрал Адама. Он взял женщину, аннигилировал ее, просто прикончил. А вторая женщина – это женщина ложная, псевдоженщина.

С самого начала Бог сделал так, чтобы вторая женщина была псевдоженщиной.

Так история показывает, что никогда не предполагалось, что Ева будет равной. Как часть может быть равна целому?

Но когда вы ставите кого-то в подчиненное положение, абсолютно несправедливое, нечестное, то обязательно должно случиться восстание. Люди, придумавшие эту историю, должно быть, не осознавали, что придумывают. И никто не интерпретировал ее так, как я. Женщина, должно быть, несла в себе великий гнев. Женщина, должно быть, хотела как-то показать Богу: «Если ты можешь быть нечестным, то я тоже могу разрушить то, что ты пытаешься создать». Она собирается бунтовать. Христиане и евреи сделали в этой истории очень важным змея. Но это лишь оправдание.

Главное заключается в том, что в тот момент, когда вы пытаетесь усилить рабство, подчиненность, вы сеете зерна революции, бунта. Это – бунт.

Почему змей не смог уговорить Адама? Это было бы намного проще, ведь мужчина считается более разумным, более рациональным, более склонным к приключениям, более эгоистичным. И все эти качества могли бы помочь змею, дьяволу, возбудить Адама против приказов Бога – спровоцировать его на бунт, на неподчинение. И это представляется абсолютно логичным, соответствующим психологии.

Женщина за всю историю человека никогда не бунтовала. На самом деле бунтовал, и многократно, только мужчина. Женщина не бунтовала никогда. Но первая женщина была мятежной, и дьявол нашел, что проще уговорить женщину... что было неправильно, абсолютно неправильно, поскольку все религии мира поддерживаются не мужчиной, но женщиной. Женщина – становой хребет всех религий мира. Если она поддержала кого-то, то это священник, а не дьявол; это Бог, а не дьявол.

Мужчина является лишь поверхностной опорой религии – очень незначительной. Ему не присуща глубокая связь с религией.

Но женщина по всему миру, во всех религиях является главной опорой. Иначе все эти религии исчезли бы.

Поэтому есть только две возможности: или эти религии исходят от дьявола, что представляется естественным выводом из этой истории – все эти религии не что иное, как стратегии дьявола, и он все еще продолжает старый трюк манипулирования женщиной, а через нее и мужчиной, – или вся эта история придумана для осуждения женщины. Те, кто придумали эту историю, придумали ее для осуждения женщины: она опасна, она может очень просто прийти к согласию с дьяволом – мужчина должен осознавать это.

В средние века папы и христианство проделали такую невероятную, неправдоподобную работу. Они заставили тысячи женщин признаться в том, что они ведьмы. Слово «ведьма» – не плохое слово, за ним не стоит какой-либо мерзкий смысл. Но христиане в средние века сделали его мерзким словом. «Ведьма» означает просто «мудрая женщина». Ничего другого оно не

означает, но они изменили смысл этого слова, они сделали так, чтобы оно означало то, что они хотели: ведьма – это та, которая состоит в половой связи с дьяволом.

Не только обыкновенную женщину заставляли признаваться и сжигали заживо... Раз женщина согласилась с тем, что она ведьма и имеет половую связь с дьяволом, то, конечно, ей нельзя было позволить оставаться среди живых ни на одно мгновение. Она привносит дьявола в кровь человеческую. Она оскверняет все человечество. Она должна быть сожжена заживо. И так поступали не только с обыкновенными женщинами, даже монахини, настоятельницы монастырей – и их заставляли признаваться.

Достаточно было малейшего подозрения, любой мужчина, каждый мог донести папе, епископу, священнику о том, что эта женщина, эта монахиня кажется ему ведьмой. Этого было достаточно, чтобы начать расследование. И папа учредил специальный суд – Великую Инквизицию с огромным офисом и сотнями людей, работавшими для него по этим расследованиям с тем, чтобы дьявол был уничтожен повсюду, где бы он ни сеял свое семя.

И монахини на своих исповедях выражались более ясно, поскольку, естественно, они знали, что такое исповедь, они знали, что есть дьявол, они знали, какого рода половые связи могут быть с дьяволом. Они знали все эти вещи и подавляли свою сексуальность.

Весьма вероятно, что они мечтали завести любовные дела с дьяволом. О ней бы думали, как о мученице: «Ведь ты стараешься помочь Божьим людям искоренить дьявола. Ты готова рисковать своей жизнью».

Они в деталях описывали, как приходит дьявол, как он выглядит, с двумя рогами... вместо пальцев копыта. И не только это, они описывали, что у дьявола раздвоенный половой орган. Такое богатое воображение. И после того, как призналась одна монахиня, каждая следующая выражалась даже еще более ясно, с большим воображением. Почему раздвоенный половой орган? Потому, что дьявол мог одновременно иметь сношения с двумя, он мог одновременно использовать два входа в женское тело. В это верили, и их сжигали. И они шли на костер с радостью, поскольку тем самым они помогали великому делу мессии, Бога.

Теперь и в этой истории: мужчина остается в стороне, не отвечает по-настоящему за грех. Настоящая ответственность ложится на женщину. Змей соблазняет ее ум, так я вижу это. И на Востоке о змеях думают совсем иначе. Они не являются символом дьявола; только в христианстве и иудаизме змей – символ дьявола. На Востоке змея – мудрейшее животное на земле.

В Индии поклоняются змее. Поклонению змее посвящен особый день года, миллионам змей всех видов дают молоко, поклоняются им... поскольку на Востоке полагают, что змея – это символ мудрости. Почему? Потому что энергия кундалини в вашем теле движется точно так же, как движется змея. Поэтому кундалини переводится, как «энергия змеи».

Если вы когда-либо видели змею, стоящую на хвосте, вы удивились бы, ведь у нее нет костей. Стоять на хвосте – это чудо, ведь нет же костей, как поддерживать себя? Обычно, когда змея отдыхает, она свивает свое тело в форме кольца. В этом смысл кундалини. Кундалини означает кольцо, концентрические круги. Так обычно происходит с внутренней энергией каждого, она отдыхает в форме кольца.

Другое странное обстоятельство, касающееся змей, заключается в том, что они не имеют ушей. Тем не менее, змея танцует под определенную мелодию. Когда ученые обнаружили, что у змей нет ушей, они не могли поверить этому. Как же может так быть, что она танцует под определенную музыку? Лишь позднее они поняли, что, хотя у нее нет ушей – это правда, – но все ее тело чувствует вибрацию музыки. Поэтому она танцует, не слыша музыки, она танцует, чувствуя ее.

Запомните разницу: не слушая музыку – она не может слышать, не имеет никакой возможности слышать, – но чувствуя вибрацию музыки, чувствуя волны музыки, набегающие на ее тело. Ее тело настолько чувствительно, что оно начинает двигаться вместе с этими вибрациями. Это в точности соответствует внутренней змеиной энергии – кундалини. Она тоже начинает подниматься при определенной музыке. У этой энергии нет ушей, нет даже

тела; она – просто чистая энергия, но определенная музыка чрезвычайно помогает ей.

И на Востоке обнаружили, какая музыка, какие песнопения помогают. Например, постоянное распевание слова «аум» ударяет по вашей спящей энергии. Действие звуков «аум» таково, что оно заставляет подниматься, вставать внутреннюю змею. То же самое происходит при звуке «ху». Это может происходить и при других звуках. Но, как было обнаружено, эти два звука работают совершенно определенно.

Восточная музыка совершенно отличается от западной. Западная музыка – это, в лучшем случае, развлечение. В худшем случае, она также ударяет по змее, но не вверх, а в точности наоборот, вниз. Поэтому большая часть западной музыки сексуальна. Это та движущаяся вниз энергия, что становится сексуальностью. Та же энергия, движущаяся вверх, становится духовностью. И когда змея достигает высшей точки вашего существа, седьмой чакры, удар энергии открывает эту чакру – в точности, как цветок лотоса. Это происходит в точности так же, как с цветком лотоса, поэтому лотос имеет такое огромное значение на Востоке.

Но идиоты придумали эту историю: дьявол явился в виде змея и соблазнил ум Евы, спровоцировал ее на бунт. Бог сказал, что нельзя есть от двух деревьев: древа познания и древа жизни. Если вы беспристрастны, не имеете предубеждений, то скажите, кто наносит вред человеку, Бог или дьявол? Бог отстраняет человека от познания. А когда вы отрезаны от познания, то кто вы, как не овощ: капуста или кабачок. Он просто отрезает от познания. И в этом была идея Бога: постоянно держать человека в состоянии овоща, растения. Конечно, овощи не бунтуют. Овощи зависимы.

Знание опасно. Разум опасен.

Если вы посмотрите без предубеждения, то увидите, что змей – друг человека, а не враг его. И даже в этой истории он исполняет восточную концепцию мудрости, хотя люди, придумавшие эту историю, не думали, что такая интерпретация возможна. Но со мной все возможно. Змей – не дьявол. Необходимо понять само слово «дьявол». Оно происходит от того же санскритского корня, что и слово «дивный» (чудесный, божественный). Поэтому «дьявол» и «дивный» имеют сходные значения. За ними обоими один санскритский корень; в санскрите он становится словом «дэва», в русском «дивный» и «дьявол».

Теперь снова та часть этой истории, о которой не рассказывают в церквях... Дьявол был ангелом, дивным, божественным существом, как и другие ангелы, продолжающие петь аллилуйя Богу. Он прекратил петь аллилуйя Богу – он был, должно быть, самым разумным ангелом – и начал поднимать вопросы, вопросы, на которые нет ответа, ведь если бы Бог был способен ответить на эти вопросы, то не было бы необходимости изгонять дьявола с небес. Что же это за Бог... не может ответить на вопрос, но может сотворить все сущее? Он должен знать все, ведь он создатель всего. И если определенный ангел задает вопросы, они должны приветствоваться.

Но Бог представляется большим диктатором, деспотом. Никаких вопросов – он дает только заповеди: делайте это, не делайте этого, но никаких вопросов.

Спрашивать почему – это не для вас. Делайте или умирайте, но не спрашивайте почему.

А этот ангел начинает спрашивать почему. Как следствие этого, он низвергнут. Это тот ангел, которого порицают под именем дьявола, сатаны и под другими именами. И это тот дьявол, который вложил в ум Евы идею: «Бог боится, что если вы отведаете от древа познания и древа жизни, то станете равными Богу, а он не хочет никого, равного себе. Он хочет оставаться превосходящим всех, самым высоким, единственным, кто знает, единственным, кто понимает, единственным, кто дает заповеди. Он очень завистлив, он не желает иметь соперников».

«Но если вы не отведаете от этих двух деревьев, вы никогда не узнаете, что есть жизнь. Вы никогда не сможете исследовать это загадочное и прекрасное существование».

Почему он выбрал Еву? Почему он не выбрал Адама? Это было бы более непосредственным, - но на то была причина. Адам - мужского рода, Бог - мужского рода. Этот ангел был низвергнут потому, что спрашивал, потому, что сомневался. Он понимает, что Ева страдает, потому что Бог был очень недобр и негуманен по отношению к ней. Она от рождения была создана рабыней. Она не может стать независимой, поэтому глубоко внутри она несет возможность восстания.

Адаму нечего сказать против Бога. На самом деле он пользуется благосклонностью Бога, ведь, когда он поссорился с первой женщиной. Бог забрал ее обратно. Он избранный, по-настоящему единственный порожденный сын Божий. Он особенный. Ради него Бог уничтожил женщину. Ради него он создал другую женщину, подчиненную ему во всех отношениях. Поэтому было бы трудно заронить идею восстания в ум мужчины. У него есть коренная заинтересованность в господствующей верхушке, незыблемых основах мироустройства. Бог - это истэблизм, господствующая верхушка, и эта верхушка его уважает. Почему же он должен бунтовать? Для восстания нужно поискать кого-то, кто недоволен, у кого есть рана, нанесенная Богом. И здесь змей показывает свою мудрость, свое понимание.

Вы можете видеть мою работу - я работал больше над женщиной, чем над мужчиной. Почти семьдесят процентов моих саньясинов - женщины, и это по той простой причине, что женщина на протяжении веков была самой эксплуатируемой, самой подавленной во всем мире; подвергалась негуманному обращению со стороны каждого... Будда, Рама, Кришна, Махавира - все осуждали ее, что же говорить об обыкновенных людях. Она страдала больше всех... и страдание было таким долгим, что она полностью забыла, что есть и некоторый другой путь.

Я знаю: змей был мудрым.

На самом деле Бог представляется очень злым, когда настаивает на том, что нельзя есть плодов познания, нельзя есть плодов жизни.

Это зло. И он говорит: «Если вы не подчинитесь мне, я выгоню вас из Эдема. Тогда вы не будете больше под моей защитой; тогда вы будете сами по себе. В саду Эдемском вам не нужно заботиться о пропитании. Вам не нужно беспокоиться ни о чем, обо всем позаботились за вас, - но это концентрационный лагерь. Вокруг сада Эдемского были, должно быть, электрические провода. Но змей может пройти сквозь электрические провода без всякого труда.

Мне Бог представляется очень злым, когда он так настаивает на том, что непокорность - это величайший грех.

Я хотел бы сказать вам: покорность - величайший грех.

Прислушайтесь к своему разуму, и если что-то кажется вам правильным, делайте это, - но не подчиняйтесь, следуйте своему разуму.

Если ваш разум обнаруживает что-то неправильное, тогда, не взирая ни на какой риск, ни на какие последствия, идите против приказа.

Нет приказа выше вашего разума.

А Бог считает это обязательным... поэтому неподчинение становится изначальным грехом; все остальные грехи - лишь следствия его. Его не беспокоят воры, грабители, убийцы, насильники, нет, здесь нет никаких проблем. Если бы Адам насильничал, ну и ладно. Конечно, он не мог насиловать других женщин, поскольку их не было, но были животные. И известны люди, которые насильствовали животных. Да и сам он был как животное. Он мог убивать животных для пропитания. Он был бы каннибалом, если там были бы другие человеческие существа, но их не было, поэтому он поедал других животных. Но и сам он был животным и ничем другим.

Но нет, это не грехи и даже не преступления. Богу все это представляется совершенно нормальным. Все эти преступники мира: все насильники, все садисты, все мазохисты, Адольф Гитлер, Чингисхан, Тамерлан, Иосиф Сталин - с ними все в порядке, нет проблем. Величайший грех - это неподчинение.

Странно слышать такое от Бога, Бог должен был бы сказать своим детям: «Будьте разумными. Заостряйте свой интеллект и следуйте за своим внутренним бытием и сознанием».

Но он хочет, чтобы они оставались зависимыми от него во всем. Это желание диктатора.

Поэтому я не могу осуждать дьявола, я уважаю его, очень уважаю его, потому что благодаря ему развился человек, существует человечество и оно способно давать таких людей, как Чарльз Дарвин, Микеланджело, Галилей, Коперник, Альберт Эйнштейн, Фрейд, Маркс. Благодаря ему были Будда, Иисус, Пифагор, Гераклит, Сократ – благодаря ему. Вся хвала – дьяволу. Без него... только капуста и кабачки, ничего другого.

Ева, конечно, очень легко убедила Адама. Тот, кто придумал эту историю, понимал кое-что в психологии: мужчина, если он любит женщину, готов сделать все, что она захочет. Если встанет вопрос выбора между его возлюбленной и Богом, он выберет возлюбленную. Любовь настолько значительна для мужчины, что он может рискнуть садом Эдема и всеми его удовольствиями.

И, кроме того, ее аргументы были сильными, ведь женщина просто повторяла то, что сказал ей змей: «Странно, что в этом прекрасном саду нам не говорят: "Здесь есть ядовитые деревья; не ешьте их плодов, иначе умрете". Нам не сказали: "Здесь есть деревья, не обладающие питательными свойствами, не ешьте от них; они просто утомляют вашу пищеварительную систему, напрасно перегружают ее". Нас предупредили лишь о двух деревьях, которые мы сами по себе не нашли бы. Как бы мы их нашли в таком большом саду?» Ведь это же был не ботанический сад, в котором рядом с каждым деревом находится табличка с его названием! Было бы чисто случайным совпадением, если бы они натолкнулись на эти два дерева, – а он запрещает именно их. Эти аргументы представляются совершенно логичными, совершенно практичными и прагматическими.

Женщина более практична, обладает большим прагматизмом, ближе к земле, чем мужчина. Женщина не спорит, не может много спорить, но у нее относительно некоторых вещей есть инстинктивное чувство, интуитивное чувство. И для нее без всяких аргументов было ясно: «Отстраняя нас от познания... а ведь познание открывает все горизонты приключения, открытия. И что мы будем делать здесь, если мы ничего не знаем? Какой смысл вообще нам быть здесь? И дерево жизни... мы будем жить здесь и умрем и никогда не узнаем, что есть жизнь. А если мы не можем узнать, что есть жизнь, то как мы узнаем, что есть смерть? Так что он закрыл нам настоящие двери к существованию».

Это змей показал ей дерево познания. Но эта история оставалась неполной, поскольку Бог, должно быть, шпионил за ними. У диктаторов всегда есть ФБР, КГБ, Скотленд Ярд и все такое. Они в сильном страхе; они постоянно следят, не делает ли кто-нибудь то, что идет против их приказов. Поэтому люди были схвачены уже на первом дереве; они съели только плоды познания. Они не смогли добраться до второго дерева. И они были немедленно изгнаны, ведь теперь можно было быть уверенным, что они найдут и второе.

Раз вы отведали от древа познания, то теперь не успокойтесь, не узнав все о жизни, смерти, о том, что случается раньше, что случается позже, и о том, зачем все это.

Теперь уже недалеко – вторым должно стать дерево жизни. Н пока они не отведали плодов жизни и не стали вечными, их нужно выгнать и захлопнуть за ними двери. И они были изгнаны прочь голыми, одинокими в огромном мире. И того, кто выбросил их голыми, одинокими в этом огромном мире, без одежды, без еды хотя бы на несколько дней, без какого-нибудь пристанища... вы называете Богом?

Я думаю, лучше будет, если мы поменяем местами... Это дьявол приказывает: «Не ешьте от этих двух деревьев». А Бог – это тот, кто является в образе змея и провоцирует их на бунт.

И с тех пор, с тех пор, когда двери Эдема закрылись для человечества, человечество не потеряло, оно выиграло.

Человек постоянно рос, постоянно развивался. Да, служители Бога все еще старались. Хотя вы и были выброшены из Эдема, его агенты еще среди вас... Ватикан, шанкарачарья, имам. И он продолжает посылать своего

единственного порожденного сына, и паигамбару, и тиртханкару, и аватару – для чего? Чтобы и сейчас отстранить вас от познания конечного секрета жизни.

Все религии против науки.

Все религии против познания истины.

Все они в почете у верования, а верование – это незнание.

И, конечно, они против познания вечного источника жизни, ведь если человек узнает, что он вечен, то он скажет Богу: «Отправляйся в ад». Кто будет беспокоиться о нем? Разве вы будете думать о нем, когда познаете вечность, когда узнаете, что вы сами вечны? Почему я совершенно не беспокоюсь о Боге? Даже мои родители всегда говорили мне: «Не говори против Бога – кто знает? Может быть, он есть. Если не хочешь верить в него, не верь, но хотя бы не говори ничего против него». Мои преподаватели говорили мне: «Разве ты не боишься?»

Я говорил: «Но почему я должен бояться того, кого нет? Я есть. Бога нет. Он должен чувствовать страх. Почему я должен бояться?»

«Я есть, я был, я буду».

В тот день, когда я узнал истину моего сознания, вечность моего сознания, слово «бог» стало просто бесполезным.

Дьявол сослужил потрясающую службу человечеству.

В тот день, когда человечество поймет реальность, будут разрушены все храмы Бога, потому что он с самого начала был против нас. И если вам нужен какой-то храм, создайте храм для дьявола, для змея. Ведь все, что вы есть, все, что вы имеете... человек, добравшийся до Луны... все открытия в биологии, позволяющие человеческому телу жить молодым и здоровым, по крайней мере, триста лет...

Вы удивитесь тому, что в Советской России все еще есть люди, вблизи Кавказских гор, есть племя, в котором легко найти людей ста пятидесяти, ста шестидесяти лет. И не на больничной койке с ногами, подвешенными в воздухе, нет – они еще работают, еще живы. На Кавказе можно найти человека, который женится в сто двадцать лет! Шесть поколений его потомков рядом с ним, живут. А он собирается снова жениться.

В Индии, в маленькой ее части, которая была частью Кашмира, а затем насильственно, незаконно отторгнута Пакистаном, есть люди, которым в среднем по сто пятьдесят лет, и это не удивительно для них. Они удивляются тому, что другие умирают так рано. Ученые работают над тем, в чем здесь причина. Является ли причиной климат, в котором они живут? Или пища, которую они едят? Или их раса, которой присущ такой возраст? В чем причина? Пока еще не найдено ничего, что отличало бы их от вас.

Так что кажется, что они просто жили отдельно в горах и идея о семидесяти годах не гипнотизировала их. Они не думали о том, что нужно жить только семьдесят лет. Это какой-то глубокий гипноз. На протяжении веков все знали, сколько должен прожить человек – семьдесят лет. Если же вы живете с соблюдением правил гигиены, с хорошим питанием, в хорошем климате, заботитесь о своем теле, то, может быть, проживете восемьдесят, девяносто лет, – но это все.

Мне вспоминается Бернард Шоу. В восемьдесят пять лет он уехал из Лондона. Странно, ведь он так долго прожил в Лондоне, Лондон был для него всем; там были все его друзья, все, кто ценил его, интеллигенция. Это было в те дни, когда Лондон был столицей мира. И в восемьдесят пять лет он неожиданно решает уехать из Лондона.

И он начал ходить по всем кладбищам окрестных деревень. Его друзья спрашивают: «Вы сходите с ума? Что вы делаете? Что вы там ищете?»

Он ответил: «Я хочу найти кладбище, где лежали бы люди, прожившие более ста лет. Я перееду в эту деревню». И он переехал в ту деревню, где он нашел на могилах надписи о том, что кто-то прожил сто, кто-то сто десять, кто-то сто двадцать лет, – он переехал в эту деревню. Он сказал: «В этой деревне правильная психология». И он прожил действительно долго. Может быть, психология помогла. Психология также создает климат вокруг вас.

На самом деле человек может жить столько, сколько он хочет, ведь по природе тело оснащено всем необходимым, чтобы постоянно обновлять себя. Это единственный механизм – наука не изобрела таких механизмов, – который может обновлять сам себя. Тело постоянно обновляется, отбрасывает все старые клетки, создает новые живые клетки. Это такой чудесный, удивительный процесс. В борьбе со всеми микробами, которые могут убить его, тело мгновенно производит антитела. И всякий раз, когда возникает необходимость, эти антитела начинают рваться к нужной точке. Если вы случайно порежете палец и начнет течь кровь, что произойдет с вашими внутренними химическими процессами?

Со всех концов вашего тела к поврежденной точке немедленно начнут рваться клетки крови. Внутри вас существуют определенные каналы связи: есть неприятность, нельзя терять слишком много крови, поэтому клетки крови должны двигаться туда и создать там защитный слой, чтобы прекратить кровотечение. Эти клетки крови – разумные ребята, на самом деле, может быть, даже более разумные, чем вы. И они делают свою работу быстро и абсолютно правильно, корректно, безошибочно.

В теле постоянно протекают тысячи процессов. Это самообновляющаяся жизнь. Ей не отведено фиксированного времени; наука может очень легко справиться с тем, чтобы человек жил триста, пятьсот, тысячу лет. И естественно, если вы можете жить тысячу лет, мудрость будет все время возрастать. Это накапливающийся процесс. И, исходя из самой этой возможности жить дольше, откроются новые двери познания, которые в свою очередь сделают жизнь еще длиннее.

Эта история прекрасна; я всегда любил ее. Но она использовалась неправильно. Она использовалась для того, чтобы доказать вам, что вы – следствие изначального греха Адама и Евы. Вы рождены в изначальном грехе, само ваше рождение – в грехе; вы – следствие его. Единственный путь – это подчиниться Богу. Верить, никогда не сомневаться. Тогда Бог примет вас обратно, будет приветствовать ваше возвращение.

Но хотите ли вы вернуться в сад Эдема, снова стать Адамом и Евой.

По крайней мере, я отказываюсь идти туда – ведь я не могу выполнить это идиотское условие.

Но миллионы людей пытаются выполнить его. Христиане, мусульмане, индусы – все стараются выполнить его, разделаться с тем, что сотворили и Адам, и Ева, и змей.

Своим людям я говорю: нам не нужно разделяться с этим. Они сотворили великую революцию. Нам нужно пойти дальше, исследовать больше и знать больше.

Мы не должны оставлять в темноте, в неведении ни одного уголка существования и нашего собственного бытия. Мы повсюду должны нести свет.

И если этого не случится, вы будете в горе, вы будете в муке. Ваши верования не помогут; ваша вера не поможет.

И этот Эдемский сад – лишь вымысел. Он не существует нигде, кроме как в невротических умах, психопатических умах, где существуют вещи, подобные этой. И эта история основывается на одном и только на одном моменте: подчинение или неподчинение.

Я учу вас неподчинению. Для подчинения не нужно ничего – ни разума, ни смелости. Для подчинения ничего не нужно.

Для неподчинения нужно все, ведь вы собираетесь быть сами собой.

А если вы не будете сами собой, вы никогда не узнаете, кто вы есть.

БЕСЕДА 17

БЕЗУКОРИЗНЕННЫЙ ОБМАН

15 ноября 1984

Бхагаван, почему священные книги должны были изобрести идею дьявола? Нет священных книг.

Все книги написаны человеком, но каждая религия обманывала людей тем, что ее книги – единственно священные. И говоря: «Это единственная священная книга», они имеют в виду, что она написана Богом.

И все они представляют странные аргументы, абсолютно нелогичные, лишённые очевидности. Например, индусы говорят, что Веды священны и что это единственное собрание священных книг – Вед всего четыре, – а всякий, кто претендует на то, что его книга, отличная от Вед, священна, просто совершает грех перед Богом.

Если вы заглянете в эти четыре Веды, – а первым усилием должна быть попытка найти в них некоторую внутреннюю очевидность, – то вы удивитесь, поскольку в Ведах содержатся вещи, которые мог написать только человек. Их я называю внутренними доказательствами. Никаких внешних доказательств не требуется. Например, в Ведах есть место, где брамин молит Бога: «Прибавь молока моим коровам, урожай этого года у меня должен быть лучше, чем у всех соседей».

Зачем Богу писать об этом? И если это написал Бог, то кому он молится. В другом месте брамин молит Бога: «Уничтожь всех моих врагов. Убей их. Искорени их целиком, полностью». Такое мог придумать только человеческий ум. Невозможно представить, что это написал Бог. А Веды полны такого хлама; девяносто процентов просто хлам.

Если вдруг докажут, что эти Веды написаны Богом, то такого Бога нужно поместить в психиатрическую лечебницу. Что здесь священного? Просить: «Мои враги должны быть убиты, полностью истреблены», – что в этом священного? И что священного в этом: «У меня урожай должен быть лучше, чем у моих соседей?» – это определённо человеческое, не священное. Однако индусы поклоняются этим книгам, даже не задумываясь, чему же они поклоняются.

Поэтому первое, что нужно запомнить: нет священных книг, есть только хорошо написанные и плохо написанные. Да, есть шедевры, но ни одна из так называемых священных книг не входит в категорию шедевров. Я хочу настоять на этом факте: эти книги не только не являются священными, они в соответствии с человеческими стандартами не являются даже шедеврами.

Например, книга Майкла Найми «Книга Мирдада», или книга Халиля Джебрана «Пророк», или книга Рабиндраната «Гитанджали», или книга Федора Достоевского «Братья Карамазовы» – это шедевры. Ни одна из священных книг – Веды, Гита, Коран, Библия, Тора – ни одна священная книга даже не приближается к этим шедеврам. Поэтому они не только не священные, они даже недостойны называться шедеврами.

Но каждая религия настаивает на том – ведь от этого зависит весь ее бизнес, – что ее книга должна быть священной, иначе кто будет слушать ее? И книга решает, что вам следует делать, чего не следует делать. Книга снимает с ваших плеч всю ответственность. Она освобождает вас от необходимости быть ответственным человеком самому по себе. Она диктует вам и не позволяет вам спорить, поскольку нельзя же спорить с Богом. Раз вы приняли книгу, как священную, о каких-либо аргументах не может быть и вопроса. Вы должны принимать все, что она говорит.

Христиане верят, что Библия священна, что священны оба Завета, Ветхий и Новый. Для евреев священен только Ветхий Завет; Новый Завет исходит от этого безумного человека, Иисуса. Он не является священным. Но если вы заглянете в Ветхий Завет, то на каждом шагу будете наталкиваться на такое гнилое содержание, что даже любая третьесортная газетенка окажется намного лучше. Если хотите понапрасну тратить свое время, можете проводить его, читая любую третьесортную газетенку, этого будет довольно.

Новый Завет – это не что иное, как собрание заметок четырех учеников Иисуса, всего того, что Иисус мог бы сказать или мог бы сделать. И все четверо в своих заметках отличаются друг от друга. Поэтому не верится, что они являются свидетелями тех событий, о которых пишут. Слова, собранные ими, пришли от Иисуса. Иисус, точно, человеческое существо, и в этом была проблема... он ведь пытался доказать, что является единственным порожденным сыном Божиим. А евреи не были готовы поверить в это. И были совершенно правы.

Иисус так и не смог доказать, что является сыном Божиим. И почему он должен быть сыном Божиим? Для меня представляется простым, логичным, понятным следующее: или каждый – сын Бога, дочь Бога, или никто. Но если

каждый – сын Божий, если каждая – дочь Божья, тогда Иисус теряет всю свою особость, необыкновенность; тогда он просто такой же, как все. Тогда какой же у него авторитет?

Чтобы навязывать свой авторитет, он должен держать себя над вами. Вы – просто люди; он – божественен. Вы – просто следствие изначального греха Адама и Евы; он – нет. Он – следствие великого акта, случившегося между Святым Духом и Марией. Странно... вы – продукт изначального греха, а он – продукт некоторого духовного акта. Все, что делает Дух Святой, настолько не свято, ведь нет даже согласия матери Иисуса. А она чья-то жена – это совершенно точно преступление. Если бы она, по крайней мере, хотела. Она ничего не знала об этом. Ее сделали беременной, быть может, под воздействием хлороформа или какой-нибудь анестезии – она, должно быть, не осознавала, спала, абсолютно не понимала, что происходит.

А что говорит Иисус... нет ничего, что придавало бы его словам вид божественного; это обыкновенная мудрость, прошедшая через века. Но христианин должен верить в святость Библии, в то, что она написана Богом. Странно, ведь мы знаем, что она написана четырьмя апостолами... В самой Библии сказано, что она написана четырьмя людьми. Она получена даже не из первых рук, она написана не Иисусом. Она – из вторых рук.

Но христиане продолжают декларировать ее святость. В этом есть коренные интересы: если она не священна, то кто будет верить в нее? И если вы раз приняли что-то, как священное, то это ваша вина. Тогда вы будете принимать все, тогда вы будете принимать всякий абсурд, всякое несоответствие. Вы не будете задумываться – как можно задумываться над тем, что написано Богом? Оно должно быть принято полностью, целиком.

По этой причине каждая религия старается укрепить идею о том, что ее книга – священная книга. Конечно, они должны одновременно отвергать другие священные книги потому, что все эти священные книги очень противоречат друг другу, из них невозможно будет извлечь никакого смысла. Они должны быть отвергнуты.

Индусы не принимают Библию, Тору, Коран как священные книги. Ни христиане, ни евреи, ни мусульмане не признают священными Веды. Что говорит о христианах, евреях, мусульманах – эти три религии, возникли вне Индии; но есть другие религии, отличные от индуизма, которые возникли в Индии: джайнизм, буддизм, сикхизм, – и они не верят, что Веды священны.

Будда порицает Веды, критикует Веды так решительно, как только можно, за то, что Веды поддерживают – вы удивитесь, и это священная книга – Веды поддерживают все виды насилия. В ритуале, предписываемом Ведами, нужно приносить в жертву животных. Вы удивитесь тому, что сейчас индусы постоянно обращаются в правительство – создают проблемы, движения, мятежи – с тем, чтобы запретить забивать коров. Но Веды, их священная книга, полна примеров, когда в их особых ритуалах забивают корову: гомедх яджна, ритуал забивания коровы. И не то чтобы коров забивали и потом выбрасывали; брамины, забивавшие коров, их и съедали.

Если вы были в Индии или встречались где-нибудь с индийцами, то могли натолкнуться на фамилию Шарма, являющуюся очень распространенной. Это фамилия браминов. Но человек, которого вам представят как доктора Шарму, профессора Шарму, даже он может не знать, что означает его фамилия. В ритуалах, предписываемых Ведами, забивание коров было названо шарман, и брамин, занимавшийся этим, назывался Шарма. Люди с фамилией Шарма – потомки тех браминов.

Конечно, Будда был в гневе, и забивали не только животных, забивали даже людей. Так же, как были гомедх яджаны, были и нармедх яджаны – ритуалы принесения в жертву человека. И, конечно, должна была поедаться и плоть человека, потому что брамин ничего не убивает без необходимости. Теперь ни один индус не говорит о том факте, что их Веды полны каннибализма, насилия, нарушения вегетарианства. И эти книги написаны Богом! Будда и Махавира, оба громили Веды. Конечно, ответить Будде и Махавире было нечем.

Но беда в том, что сам Будда стал превалировать, он склонил на свою сторону миллионы людей. Когда он умер, его слова стали священными. Игра

осталась той же самой. Сменились игроки, но правила игры остались теми же, и теперь для последователей Будды возник вопрос: «У индусов есть Веды – священные книги; у джайнов есть их священные книги. Если у нас не будет священных книг, мы проиграем в этой гонке, в этом состязании».

Так что это вопрос состязания. Кого беспокоит, что делал Будда всю свою жизнь? Его высказывания собраны и стали священными. Будда говорил: «Бога нет», но его высказывания приобретают то же значение, что и Веды. И с Махавирой произошло то же. Он говорил: «Бога нет», но его высказывания становятся священными. Они неоспоримы.

Я говорил с буддийскими монахами, с джайнскими монахами, и они понимали мою точку зрения и говорили: «Мы понимаем, но, пожалуйста, не поднимайте этого вопроса публично. Публично мы не можем признать этого». Например, джайнский монах не может пользоваться современным туалетом по такой странной причине: там вода, а Махавира сказал: «Нельзя испражняться в воду». И он был прав, потому что в Индии люди делают в реке все, что угодно, и они же пьют эту воду. Их быки купаются в той же реке – их коровы, лошади, другие животные. Они купаются там, люди стирают в реке одежду; всякое случается. Потом они пьют эту воду.

Поэтому совершенно правильно Махавира говорит: «Хотя бы не испражняйтесь и не мочитесь в воду». Но теперь это стало священными словами. Поэтому джайнский монах, джайнская монахиня не могут пользоваться туалетом, ведь там вода. В частных беседах они смеялись вместе со мной, говорили: «Это правда, но публично мы не можем так говорить, мы не можем идти против священных книг».

Однажды группа монахинь, пять монахинь, очень интересовавшихся мной, – джайнских монахинь – остановились... Они не могли остановиться в гостинице. Я жил в семье друзей, а выше был свободен еще этаж. Человек пока не вселился туда, и мой друг попросил его: «Не переезжайте еще пять дней; эти монахини хотели бы побыть здесь, а если вы переедете, они не смогут оставаться. Так что позвольте им в течение пяти дней попользоваться вашим домом».

Я жил в этом доме, поэтому им было бы проще – в противном случае джайнское общество не позволило бы им встречаться со мной. Джайнское общество боялось, что я могу развратить их умы, и они определенно были правы. Если я получаю шанс развратить кого-нибудь, я стремлюсь развратить его – ведь это единственный способ поставить вас правильно. Вы стоите на головах. Чтобы поставить вас правильной стороной вверх, я должен многое изменить в вас.

Они не могли приходить ко мне – какое оправдание могли они найти своим ежедневным хождениям сюда из храма, где они остановились бы? А если бы люди узнали, что и я живу в этом доме и поэтому они приходят сюда, тогда их престиж подвергся бы риску. А они были очень уважаемыми монахинями. Поэтому мой друг сказал: «Лучше всего им остановиться наверху. Там никого нет, они никого не будут беспокоить». После наступления темноты никто не посещал их. Джайнскую монахиню никто не может посещать после захода солнца; тогда она становится недосыгаемой. Так принято для защиты ее безбрачия, для защиты ее подавленной сексуальности. Поэтому было так устроено, что после наступления темноты они могли спускаться вниз и встречаться со мной, чтобы никто не узнал, – а этот дом стоял за городом, далеко от того места, где проживало сообщество джайнов.

Но на следующее утро, когда я гулял по саду, ко мне подбежал человек, охранявший дом, и сказал: «Что за женщины остановились наверху? Всю ночь я недоумевал, что они делают. Они что-то носили ведрами и выливали на улицу». Наконец, он пошел туда с факелом, чтобы посмотреть, и был удивлен: то были странные женщины; они не могли мочиться в туалете; они мочились в маленькое ведро и, когда оно наполнялось, выливали его наружу. Я сказал им об этом. Они ответили: «Ах, мы понимаем, но так было бы против священных книг».

Буддийские монахи ходят босыми. Будда и Махавира, оба сказали: «Не пользуйтесь кожей, поскольку, если вы пользуетесь кожей для каких-либо целей – будь то обувь, одежда или что-то еще, – это значит, что нужно

убивать животных. Вы можете не убивать их сами, вы можете не знать, кто убивает их, но косвенно вы являетесь причиной их убийства. Поэтому вы должны знать о своей ответственности; не пользуйтесь ничем, сделанным из кожи».

Махавира был очень требователен, поэтому джайны не пользуются обувью. И я спрашивал джайнских монахов и монахинь... ходить сейчас и во времена Махавиры – в этом есть некоторая разница; раньше ходили по чистой земле, а сейчас бедные монахи и монахини ходят жарким летом по раскаленному асфальту... их ноги изранены, но носить обувь они не смеют. Я говорил: «Это совершенно верно. Но посмотрите на мою обувь, она сделана не из кожи. Теперь делают синтетическую кожу, она искусственная, для такой обуви не требуется никого убивать. Вы можете пользоваться обувью из ткани». Но им достаточно одного слова «обувь»; это против священных книг.

И я видел этих несчастных женщин и мужчин и говорил им: «Что вы делаете – я же подсказываю вам, что делать, но вы не понимаете». Их ноги кровоточат, они оборачивают их в ткань, и я говорю: «Вот же обувь из ткани, только хорошо сделанная, сделанная лучше, более удобная. А то, что вы делаете, выглядит глупо. И носить такую тяжесть на ногах...» – они ведь должны наматывать ткань очень тщательно, чтобы не потерять ее при ходьбе и чтобы не падать. Но и это они делают только тогда, когда находятся не на виду у своего сообщества. Если сообщество узнает, что вы покрываете свои ноги тканью, то это будет означать, что вы пытаетесь обманывать. Вы нарушаете приличия.

Будда не был так требователен по поводу кожи. Может быть, этот вопрос не возникал потому, что применение кожи было уже признанным фактом. Джайнское монашество было очень старым; во времена Будды им было уже по крайней мере пять тысяч лет. И Будда пытался доказать, что он является двадцать четвертым тиртханкарой джайнов, поэтому он должен был следовать всем их предписаниям. Он должен был ходить босыми ногами, и его санньясины, его бхикку, его монахи должны были делать то же самое, поэтому этот вопрос не поднимался.

Но в другом источнике произошла странная вещь. Будда сказал: «Все, что ни будет дано вам, когда вы просите, не отвергайте. Это будет оскорблением». И он был заботлив, ведь если бы он разрешил людям отвергать, то они стали бы выбирать то, что им хочется, выбирать только хорошие вещи, а другие вещи отвергали бы. «Так что принимайте все, что дается вам, с благодарностью и пользуйтесь этим. И не выбрасывайте ничего из того, что дано вам». Он вынужден был быть заботливым, потому что знал, что люди будут выбрасывать все, что им не нравится, а все, что им нравится, будут использовать.

Однажды случилось так: монах возвращался с подаянием и над ним пролетела птица и уронила кусочек мяса в его чашу для подаяний. Никто не мог когда-либо представить себе, что нечто подобное может случиться. Никто не подавал мяса, поскольку все знали, что Будда вегетарианец и его монахи вегетарианцы. Но птице было неизвестно, что это буддийский монах.

Монах был в затруднении: что делать? Он не может выбросить мясо, поскольку это будет против приказа Будды. Он не может использовать его, съесть его, поскольку это тоже будет против приказа Будды. Поэтому он пришел в коммуну, встал там со своей чашей для подаяния и сказал Будде: «Бханте, скажите, что мне делать. Птица уронила кусочек мяса в мою чашу для подаяний. Я не могу выбросить его, потому что это против вашего приказа. Я не могу и съесть его, потому что мы вегетарианцы. Что же мне делать? Я в затруднении».

Даже Будда на мгновение оказался в затруднении. Что делать? Если он скажет: «Выброси вон», – тогда он разрешит выбрасывать, одно исключение может стать правилом. Тогда люди смогут цитировать его: «Вещи можно выбрасывать – в определенных ситуациях можно выбрасывать». Если он скажет: «Съешь его», – тогда он разрешит есть мясо; это может стать прецедентом для других. Но, взвесив «за» и «против», он подумал: «Птицы не роняют мясо каждый день». Поэтому он сказал: «Мы вегетарианцы, и мы

останемся строгими вегетарианцами, но вам разрешается съесть его, чтобы никто никогда не выбрасывал то, что дано ему».

Теперь все буддисты едят мясо – этого случая было достаточно. Буддийские монахи, собирая подаяние, оговаривают особые условия, посылают извещение через своего агента: «Подайте мне мясо. Если вы мне подаете мясо, я съем его, вопроса нет; если оно попадет в мою чашу для подаяний, я съем его». Так что весь Китай является буддийским и ест мясо; Япония является буддийской и ест мясо; Корея – во всей Азии, за исключением Индии, все едят мясо.

Такой небольшой инцидент... но человек так изворотлив. И буддийский монах спорит: «Так сказано в книгах, священных книгах. Даже сам Будда сказал: "То, что упадет в вашу чашу для подаяний, можно есть"». Будда никогда не мог подумать, что люди так ловко будут пользоваться этим. Очень легко посылать извещения. Каждый джайнский монах посылает извещение, когда хочет мяса, и ему готовят его. Ему не разрешается просить, поэтому он не просит прямо, но посылает извещения через агента. И постепенно люди узнают его вкусы, что ему нравится больше всего, и готовят это.

Между Буддой и Махавирой было много споров по большому числу вопросов. По одному из пунктов Махавира говорил: «Вегетарианство означает, что вы не должны есть мясо; очевидно, вы не должны убивать никого, и вы не должны разрешать никому другому убивать для вас».

Но Будда немного отличался в этом вопросе. Он говорил: «Если животное умирает само, естественной смертью, то что плохого в том, что вы едите его мясо?» В этом заключалось его расхождение с Махавирой. И в этом Будда логичен... насилие – это убийство, а не поедание мяса. Если животное умирает естественной смертью и вы едите его мясо, вы не совершаете никакого насилия. Но он никогда не думал, что этот спор с Махавирой...

И все эти споры были из-за борьбы за обладание званием тиртханкары – кто тиртханкара. Будда или Махавира? И было еще шесть претендентов. Все восемь постоянно спорили друг с другом по самым незначительным вопросам, несущественным деталям. И вот эта маленькая, крошечная деталь, – но Будда выступил в данном споре лучше, по крайней мере, в том, что касалось аргумента о недопустимости насилия. Причина не в том, что вы едите мясо, а в том, что вы уничтожаете жизнь. И если обойтись без уничтожения жизни... если жизнь покинула тело сама, тогда почему бы не есть? В чем проблема? Где здесь насилие?

Его аргументация была сильной, но он не осознавал, что эта аргументация не останется лишь частью их спора с Махавирой, – она определит судьбы миллионов людей. Теперь весь Китай, одна четвертая часть мира, и остальные азиатские страны, являющиеся все буддийскими, – Цейлон, Бирма, Таиланд, Индонезия, Вьетнам, Япония, Корея, Тибет, – все они едят мясо.

В любой мясной лавке вы найдете объявление, написанное крупными буквами: «Здесь продается мясо только мертвых животных». Вот и все. Что еще вам нужно? И откуда они берут так много животных, умирающих естественной смертью? Это чудо, что миллионы людей каждый день получают мясо;

в нем никогда нет недостатка. Животные имеют большие математические способности! Они все время умирают естественной смертью в точном соответствии с потребностями всех этих людей. В других странах такого не происходит. Это случается только в буддийских странах. Их убивают; их забивают на мясо. Но для монахов и мирян такого объявления достаточно. Ведь в священной книге написано, что есть мясо животного, умершего естественной смертью, не является насилием.

Будда всю свою жизнь пытался настаивать на том, что нет священной книги. Теперь священной является его книга, священной является книга Махавиры.

Коран, священная книга мусульман, такая детская, такая примитивная – ведь Мухаммед был неграмотным. Он сам писать не мог. Он говорил, а кто-то другой должен был записывать. Он был потрясен, когда услышал голос. Он

был в горах, ухаживая за овцами и козами. И он услышал: «Пиши!» Он оглянулся вокруг, никого не было. Он снова услышал: «Пиши!» «Я необразованный, я не умею писать. И кто ты?» Никого не было вокруг. Он, должно быть, сильно испугался, был потрясен. А это как раз симптом неуравновешенного ума, который ошибочно воспринимает голос своего подсознания так, как будто он исходит извне.

Это его собственное подсознание. Но для сознания свое собственное подсознание располагается очень далеко. Оно внутри. Но если ум неуравновешен... имеется достаточно доказательств того, что ум Мухаммеда был неуравновешен, ведь вся его жизнь была жизнью фанатика – фанатика, убивающего людей и посредством убийства обращающего их: «Или вы станете правоверными, или готовьтесь умереть». Ислам завоевал третью часть мира – не аргументами, но мечом. Мухаммед не был способен спорить. У него не было способностей к чтению, или письму, или размышлению.

Поэтому, когда он услышал свое подсознание, он бросился домой, дрожа, как в лихорадке, по-настоящему испуганный. Он лег в кровать и сказал своей жене: «Я не могу рассказать никому другому, что Бог разговаривал со мной. Я не могу поверить в это. Я, должно быть, сошел с ума – может быть, я перегрелся в этих пустынных горах, и постоянное хождение по жаре сделало меня безумным или вроде этого. Я слышал и хочу рассказать тебе, чтобы сбросить с себя эту тяжесть».

Женщина убедила его – это я говорю вам снова и снова: лидерам нужны последователи, чтобы они могли убедиться, что они лидеры. Эта женщина убедила его: «Это был действительно Бог, ты не сумасшедший. Бог говорил с тобой».

Эта женщина, должно быть, любила Мухаммеда, ведь ей было сорок лет, а ему только двадцать шесть. И он был бедным, некультурным, хотя эта богатая женщина и вышла за него замуж. Она, должно быть, любила этого человека.

Поэтому она убедила его: «Не беспокойся. Придет еще больше голосов. Это только начало, поэтому Бог и говорит:

"Пиши!" Если не умеешь писать, не беспокойся. Ты только рассказывай, что говорится тебе, мы будем записывать». Вот так был написан Коран. И он не был написан в один день, или в один месяц, или в один год, потому что Мухаммед не умел ясно выразиться. Это заняло у него всю жизнь. Когда время от времени что-то приходило ему в голову, он говорил: «Записывайте».

Коран записывался на протяжении многих лет, и то, что получилось, оказалось почти бессмысленным. Он не мог получиться таким даже у обыкновенного разумного человека, что же говорить о Боге – если есть какой-нибудь Бог. И если эти книги – доказательства существования такого Бога, то этот Бог действительно неразумен. Вот и в Коране говорятся странные вещи, которым продолжают следовать мусульмане, – ведь это священо.

Мухаммед сам был женат на девяти женах. Он был бедным. Он не мог позволить себе и одной жены. Но поскольку в него влюбилась богатая женщина, а ей было сорок лет, тогда как ему только двадцать шесть, то вскоре она умерла, и ему остались все ее деньги. Поэтому он женился на всех красивых женщинах, которых мог найти. И он установил в Коране: «Каждый мусульманин наделен правом иметь четырех жен», – это особый почет мусульманам от Бога.

Ни одна другая религия не разрешает иметь одновременно четырех жен. И откуда взять четырех жен? В природе количества мужчин и женщин почти равны, поэтому пропорция: одна жена для одного мужа – кажется весьма естественной, ведь при этом общее соответствие сохраняется. Но если мужчина должен жениться на четырех женах, он забирает жен трех других мужчин. Что делать этим троице? Это стало стратегией мусульманства. Трое других мусульман должны захватывать жен других людей – не мусульман – и обращать их в мусульманство. На самом деле в тот момент, когда женщина выходит замуж за мусульманина, она уже становится мусульманкой, особого обращения не требуется.

И особенно много женщин, тысячи женщин, они захватывали в Индии. Индусское общество было в затруднительном положении, поскольку индусы не верят в обращение, как и евреи. Это две старейших религии, которые не верят в обращение. Еврей – это еврей по рождению. Индус – это индус по рождению. И если индусская женщина стала мусульманкой, то она пала. Она стала неприкасаемой, она не может вернуться назад.

Итак, они повсюду разыскивали женщин, и это чрезвычайно способствовало росту их народонаселения. Понимаете смысл? Один мужчина, если в его распоряжении имеется много женщин, может произвести на свет много детей, но одна женщина может родить только одного ребенка в год. Ей требуется самое меньшее один год, чтобы родить одного ребенка. Численность мусульман возросла мгновенно, поскольку каждый мусульманин наделен правом иметь четырех жен.

И посредством меча... Это удивительно, что люди верят в такое. Коран говорит: «Если вы не можете обратить кого-то в ислам, лучше убейте его, тогда вы хотя бы освободите его от несправедливой жизни, которой он жил». Ради его же пользы освободите его! И они освободили миллионы людей и продолжают освобождать. Они освобождают разными путями. Если вы станете мусульманином, вы тоже освободитесь, ведь Бог сострадателен.

Быть мусульманином – это просто верить в три вещи: один Бог, один пророк Мухаммед, одна святая книга Коран. Вот и все, эти три верования – и вы спасены. Если вы не желаете быть спасенными этими тремя верованиями, тогда меч спасет вас незамедлительно. Но они не позволяют вам жить несправедливой жизнью. И они знают, что есть праведная жизнь; а все другие жизни, отличные от их жизни, несправедливы. Вот они, священные книги. Все эти священные книги – тяжелый груз на душе человечества.

Поэтому я прежде всего хочу сказать, что нет священных книг – включая и мои. Все книги человеческие.

Да, есть книги, хорошо написанные, и есть книги, не так хорошо написанные, но нет категории священных и несвященных книг.

Вы спрашиваете меня: Почему все священные книги, должны были создать концепцию дьявола?

Арифметика здесь очень простая. Арифметика здесь такова, что невозможно создать Бога, не создав при этом дьявола. Это абсолютно необходимо для существования Бога, иначе на кого вы будете сваливать все плохое и неправильное в этом мире? Если есть только Бог, то он отвечает за все, за Бухенвальд и другие концентрационные лагеря Адольфа Гитлера, где в газовых камерах в течение секунд испарились миллионы евреев.

После второй мировой войны, когда все это было предано гласности, никто не мог поверить своим глазам. Даже немцы не могли поверить этому, поскольку они не осознавали, что происходит. Миллионы скелетов... у этих людей забирали все. Даже если у них были золотые зубы, то и это отнимали у них. Золотые зубы ценились выше человеческой жизни. И перед тем, как послать людей в газовую камеру, их полностью уничтожали как личность, как индивидуальность.

Прежде всего они должны были раздеться и обнажить себя; затем полностью сбрасывали их волосы, бороды, усы. Те, кто как-то выжил, говорят, что, глядя в зеркало, они не могли поверить: «Неужели это я». Отнимали все. Они стояли там обнаженные, обритые, и им говорили, что их готовят к приему ванны – просто для соблюдения гигиены и чистоты. Они входили в те газовые камеры, просто собираясь принимать ванну, – так говорили им. Они уже не выходили оттуда и не могли рассказать другим, что это за ванна. Оказавшись в камере, человек умирал в течение нескольких секунд. Это была печь для сжигания людей заживо – такая быстрая и такая эффективная. Вы понимаете: немецкая эффективность, немецкая бюрократия. Это все было очень хорошо засекречено, поскольку умерли миллионы людей, а никто в стране даже не слышал о том, что творится.

И те люди, которые творили это, совершали священное дело, поскольку для них Адольф Гитлер был воплощением Илии. Он был пророком: «Все, что он делает, правильно. Такова, должно быть, воля Бога, что евреи больше не нужны». Поэтому они были совершенно убеждены в правоте того, что делали.

Они никогда не задумывались, что совершают преступление, они просто следовали приказам пророка. И его книга была священной: для нацистов книга Адольфа Гитлера «Майн кампф (Моя борьба)» так же священна, как Библия для христиан, как Веды для индусов. И что бы ни сказал Адольф Гитлер – это были слова Бога.

Но вы спрашиваете, зачем нужен дьявол? Это очень просто. Кому вы собираетесь делегировать все то плохое, что творится в мире, что все время нарастает: страдание, горе, боль? Если есть только один Бог, тогда, конечно, он один отвечает за все. Чтобы спасти его от такой ответственности, бедный дьявол...

Итак, первый вымысел – это Бог, и чтобы сохранить его в чистоте и добре – он ведь добрый парень, – вам нужен для контраста злой парень. И вы можете валить все плохое на плохого парня, на дьявола.

В Германии Адольф Гитлер был пророком Бога. В Англии он был дьяволом. Матери пугали им своих детей. Если дети гуляли на улице и не хотели возвращаться домой, достаточно было сказать: «Адольф Гитлер идет», – и они бежали домой. В Англии и в других странах, которые захватил или собирался захватить Адольф Гитлер, его считали воплощением дьявола.

Дьявол нужен всем религиям. В этом заключена безопасность для Бога. Адам и Ева впали в немилость, совершили изначальный грех из-за дьявола. С другой стороны, Бог был так добр: он дал им все. И он дал им добрый совет, что есть, чего не есть. И он заботился о них, но этот дьявол все разрушил. И с тех пор все, что творится плохого, происходит из-за вмешательства дьявола.

Дьявол абсолютно необходим, поскольку существование – смесь добра и зла. Я, как человек, говорящий, что Бога нет, могу сказать, что нет и дьявола, поскольку исчезает сама необходимость в дьяволе. Причиной ему был Бог. Теперь нет самой этой причины; нет и дьявола. И я воспринимаю существование во всей его всеобщности, в его хорошем и плохом, в том, как оно есть, не переваливая плохое на чью-то голову, поскольку это совершенно бесполезно.

На протяжении всех этих тысячелетий происходило вот что: все хорошее приписывали Богу, хорошее совершается по Его благословию, а все плохое сваливали на дьявола, это его дела. Но это не помогло. Хорошего не стало больше, количество плохого не уменьшилось. На самом деле стало больше плохого, а хорошего уменьшилось. Если вы посмотрите на историю, то увидите, что побеждает дьявол, а Бог теряет почву под ногами – ведь в мире становится все больше и больше нечеловеческого, мерзкого; поднимается все больше и больше животного. И ситуация не улучшается. Так что такой способ деления на хорошее и плохое ничего не дает – это разделение в своей основе неестественно и неправильно.

Хорошее и плохое – две стороны одной монеты, это как день и ночь, жизнь и смерть, любовь и ненависть. Если вы принимаете их полную неразрывную целостность, то возникает возможность для огромных изменений. Тогда хорошее может быть положено в центр вашего бытия, а плохое может использоваться как средство для хорошего.

Яд может использоваться как лекарство. И все, что религии называют плохим, может использоваться потрясающе благословенным образом.

Например, они осудили секс, как плохое, он исходит от дьявола. На самом деле Зигмунд Фрейд... Один еврей написал историю о том, как змей соблазняет бедную Еву, а затем приходит другой еврей, Зигмунд Фрейд, и говорит, что змей – это не что иное, как фаллический символ. Для него все имеет значение фаллического. Куда он ни посмотрит, повсюду находит фаллические символы и ничего другого. Ракета – фаллический символ, флагшток – фаллический символ, все – только назовите это, – и он найдет в нем фаллический символ, откуда и змей тоже. Змея осуждали, как дьявола, теперь Фрейд делает его сексуальным символом. Но осуждение продолжается.

Вы осуждаете секс и становитесь неспособными к преобразованию его энергии. А секс – это просто энергия. Она может двигаться в любом направлении, вниз, вверх. Если вы воспринимаете ее, то только благодаря этому восприятию она начинает двигаться вверх, поскольку вы дружите с

ней. В тот момент, когда вы отвергаете ее, вы создаете в себе враждебность, разделенность.

Эта разделенность между Богом и дьяволом не только там, в священных книгах. Она проникла в вас, она сделала вас шизофрениками. Одна ваша часть думает: «Это я, хорошая часть. А та плохая часть должна принадлежать дьяволу». Вы расколоты. Как теперь вы сможете изменить ту часть, которую отринули от своего бытия? Она ведь есть. И она сильна. То, что вы отвергаете ее, только делает ее более сильной, вы ведь не расходуете ее, постоянно накапливаете, постоянно подавляете ее.

Девяносто процентов умственных болезней в мире – это не что иное, как подавленная сексуальность, и пятьдесят процентов болезней тела – из-за подавленной сексуальности.

Если мы сможем естественно воспринимать сексуальность, то эти девяносто процентов умственных болезней просто исчезнут, исчезнут и эти пятьдесят процентов физических болезней, исчезнут бесследно.

И мы впервые встретим человеческие существа в совершенно новом веке здоровья, благополучия, целостности.

Для меня только эта целостность священна; когда больше нет шизофрении, когда вы едины, цельны – и достаточно смелы, чтобы воспринимать все окружающее таким образом: «Это я. Что бы это ни было, это я. И я буду использовать это так полно, как только смогу».

И у вас есть разум, чтобы использовать это. И совершенно нет проблем. Проблемы вытекают одна из другой и создаются людьми, заинтересованными в этих проблемах.

И заинтересованность в них людей препятствует полному исчезновению проблем – в противном случае что случится с этими людьми, что станет с их профессиями? Все их интересы заключаются в том, чтобы удержать человечество таким, какое оно есть.

Но сейчас мы подошли к тому, что или вы должны измениться и отбросить все, разделяющее вас, должны стать цельными; или готовьтесь совершить глобальное самоубийство, ведь существует лишь определенный уровень боли, который можно вынести.

К концу этого столетия мы дойдем до той точки, когда боль станет абсолютно невыносимой.

И тогда есть только две возможности: самоубийство или санньяса.

Под санньясой я понимаю только то, что вы воспринимаете себя во всей своей целостности. Вы не избегаете ни одной своей части, вы не прячете ничего во тьме.

Вы выносите себя на свет и видите себя глазами друга – ведь это ваша энергия, и над этой энергией вы должны работать. Когда вы приходите к ней, как друг, она тоже становится вашим другом.

И подружиться с собой – одно из величайших явлений, которое может случиться с человеком.

Иисус говорит: «Возлюбите врагов своих, как себя». Но он полностью забывает, что никто не любит себя – как можно любить врага?

И даже более трудное высказывание... он говорит: «Возлюбите ближнего своего, как себя». Это еще труднее. Можно любить врагов, потому что они далеко, но ближние, соседи, они просто стучатся в вашу дверь – как можно любить их, да еще как себя?

Я говорю: не совершайте эту ошибку. Вы ведь не любите себя, поэтому, если вы начнете делать со своим соседом то, что проделали с собой, вы убьете его! Ведь себя вы убили.

Вы живете посмертным существованием.

Пожалуйста, не делайте этого со своим соседом и никогда не делайте этого со своим врагом. Что он вам сделал? Почему вы так мерзки по отношению к нему? Конечно, это ваше прирожденное право делать с собой все, что вам захочется, но делать тоже самое с соседом или врагом вашим прирожденным правом не является.

Нет, я хотел бы сказать вам, что вы никогда не любили себя. Забудьте врага, забудьте соседа – прежде полюбите себя.

И соберите все свое хорошее и плохое вместе, не разделяйтесь - будьте цельными.

И в своей цельности вы увидите, что вне вас нет ни Бога, ни дьявола. Они лишь проекции вашей внутренней разделенности.

И тогда вовне вы тоже увидите целостность, потрясающее единение тьмы и света, смерти и рождения.

Вы увидите единение и целостность, повсюду рука об руку работающие вместе. Ничто не идет против другого. Все дополняет друг друга.

То, что вы называете хорошим, и то, что называете плохим, являются дополнениями друг друга. Они не могут существовать порознь, они могут существовать только вместе.

И сложить себя в единое целое - это путь увидеть вселенную в ее всеобщности, в ее целостности.

БЕСЕДА 18

СУПРУЖЕСТВО - МОГИЛА ЛЮБВИ

16 ноября 1984

Бхагаван, Ваша связь с Вашими, учениками представляется уникальной среди религий; скажете ли вы что-нибудь об этом?

Она уникальна по той простой причине, что вовсе не является связью. Нам нужно будет глубоко осознать саму идею связи, только тогда мы сможем понять, что происходит между мной и вами.

Старые религии, все как одна, воспринимают связь Учителя и ученика точно так же, как связь между отцом и сыном, братом и сестрой, мужем и женой.

Связь между Учителем и учеником была одной из таких связей. Связь между отцом и сыном, братом и сестрой - это статическое явление. Она остается одинаковой, не меняется. Это как бы мертвая связь.

Можно увидеть это, сравнивая ее со связью между двумя любовниками, любовником и возлюбленной. Их связь очень хрупка, каждый момент непредсказуемо меняется; никто не может сказать, что произойдет завтра или даже в следующее мгновение. Это порождает страх; непредсказуемость, неизвестное будущее, естественно, разрушило связь между любовниками и создало что-то подобное отношению отец-мать, брат-сестра - и это что-то есть супружество.

Супружество необходимо для того, чтобы избежать страха перед переменами; супружество необходимо для того, чтобы сделать связь твердой.

Но любовь - это такое явление, которое умирает в тот момент, когда вы делаете ее неизблемой. В тот момент, когда вы делаете ее статичной, она исчезает.

Любовь - как весенний ветерок; он приходит, и когда он приходит, то приносит потрясающее благоухание, красоту, - но он уходит.

Когда он приходит, у вас появляется ощущение, что он останется навсегда. И это чувство так сильно, что нельзя сомневаться в нем, нет возможности сомневаться в нем.

Под влиянием этой определенности вы даете обещания, ваша возлюбленная дает обещания, совсем не осознавая, что все это - лишь весенний ветерок.

Он приходит, когда приходит, и он уходит, когда уходит. Он не в ваших руках. Вы не можете удержать его в кулаке. Вы можете почувствовать его, когда ваша рука раскрыта, - тогда можно почувствовать его прохладу, - но в тот момент, когда ваш кулак сжат, ветерка нет, нет прохлады, нет благоухания.

Из страха человек превратил любовь в подобие связи вас с вашим отцом, вашей матерью, вашей сестрой, вашим братом.

Человек совершенно забыл, что мать не выбирают, отца не выбирают, не выбирают брата или сестру. Они даны вам, как внешние факторы.

Но женщина, которую вы полюбите, - это единственное, что не дается вам при рождении, что не определяется рождением, что требует сознательного выбора. Это также порождает страх.

Только подумайте: если бы вы должны были выбирать своих мать и отца, братьев и сестер, ваша жизнь была бы чересчур беспокойна – кого выбрать, кого не выбирать. Но все это дается вам по рождению, их предоставляет вам природа; они по природе своей – биологические явления.

Любовь имеет психологическую природу. Она полностью зависит от вас. И вследствие того, что она полностью зависит от вас, она порождает страх: можно совершить ошибку.

Невозможно совершить ошибку, став сыном своей матери, что тут можно поделаться? Каждая мать прекрасна, каждый сын прекрасен. Каждый отец великий, каждый сын особенный. Вас не спрашивали, вы даже не думали об этом. Для вас это все случилось. Вы были просто следствием всех этих связей – мать, отец, брат, сестра. Не в ваших руках, не в ваших возможностях что-либо поделаться с этим.

Но когда вы влюбляетесь, тогда возникает страх, неопределенность, колебание, беспокойство... делаете ли вы правильный шаг или нет; создана ли эта женщина для вас и созданы ли вы для нее? Не является ли ваша любовь просто слепым увлечением? Или в этом есть что-то большее? Любовь ли это? Или это лишь биологическое влечение? Тысяча и одна проблема поднимаются в вас.

И самым трудным является вопрос: продлится ли эта любовь долго.

Поэтому до того, как она исчезнет, до того, как она уйдет за пределы вашей досягаемости, вам нужна некоторая поддержка со стороны закона, со стороны государства, со стороны общества – некоторая гарантия.

Вы не можете полагаться только на эту женщину, на этого мужчину. Это слишком рискованно. Вы не знаете человека, кто он, кто она; и какое будущее ждет вас, вы не знаете. Вы вынуждены предпринимать некоторые меры, чтобы сделать любовь стабильной. На самом деле, вы просите о следующем: было бы хорошо, если бы вы родились вместе со своей женой.

Вы удивитесь, но в джайнизме есть такая идея – идея о том, что каждый человек рождается вместе с партнером. Ни мальчики, ни девочки не рождаются поодиночке, рождаются только близнецы: один – мальчик, другой – девочка. Отсюда в санскрите для обозначения слов «жена» и «сестра» используется одно слово багни; это очень странно, что для них используется одно и то же слово. Оно очень древнего происхождения. Постепенно значением его стало только «сестра», но первоначально оно обозначало и сестру, и жену. На самом деле это был один человек, сестра и жена.

Эта идея не правильная, не историческая. Она является проекцией находящегося в вас глубокого желания, заключающегося в том, что было бы лучше не подвергаться этому огненному испытанию выбором, чтобы Бог, природа, существование, хуз... кто-нибудь сделал бы за вас этот выбор. И люди всеми возможными способами всегда старались сделать так, чтобы за них решали другие, не они. Поэтому во всех старых обществах любовные дела не пользуются благосклонностью. Они знают, они пережили это; за миллионы лет они насмотрелись на то, что может случиться из-за любовных дел. Поэтому лучше, чтобы выбирал отец, выбирали родители...

В Индии все еще так и есть. В девяноста девяти процентах случаев выбор лежит на родителях, а не на людях, собирающихся вступить в брак. Всего лишь несколько лет назад невозможно было мальчику увидеть девочку или девочке увидеть мальчика, если они предназначались в супруги друг другу. Это считалось проявлением неуважения: вы не доверяете своим старшим. Они пережили гораздо больше, они знают жизнь. Что знаете вы? И как вы собираетесь выбирать? Какой критерий вы будете использовать? Просто красивое лицо? Хороший цвет кожи? Форма носа? Хорошая фигура? Каким образом вы собираетесь решать? После того, как женитесь, все это уже не будет иметь значения.

После вступления в брак кого беспокоит нос жены или глаза мужа? На самом деле никто не смотрит друг на друга. Старшие знают гораздо лучше: имеются другие критерии, над которыми следует думать, которые следует рассматривать. И они должны рассматриваться старшими с обеих сторон, – а

этих двух людей даже не спрашивают. Да, могут спросить некоторых посторонних людей; могут спросить хироманта, могут спросить астролога.

Видите смысл? Смысл в том, что они снимают с вас груз – перекалывают его на звезды, на линии вашей ладони, на схему вашего рождения, на астронома, на астролога, – и они принимают всю ответственность на себя, отец, дед, мать, бабушка, дядя, вся семья, родственники. Все они будут обсуждать, и решать, и рассматривать каждый аспект. Что вы знаете?

До настоящего времени такова была практика во всем мире. И причиной было то, что любовь хрупка, ненадежна. Поэтому если природа не дает жены или мужа при рождении, то должно решать общество, оно должно заменить природу. Но вы не должны решать, поскольку завтра ваш выбор может измениться. На самом деле, он будет изменяться.

Любовь – это изменяющаяся связь, она не стабильна. Поэтому и возник брак, супружество.

Супружество – смерть любви.

Да, вы строите прекрасное самадхи, самадхи из мрамора, прекрасный мемориал, но это могила, как бы вы ее ни называли.

Почему же все общества во всем мире пришли к этому? Это не простое совпадение. Они пришли к решению ослабить лежащий на человеке груз беспокойства, суматохи, напряжения, боли – чтобы защитить семью, детей, будущее. И миллионы людей стали следовать этому. И тысячи лет никто не поднимал ни единого вопроса, никто даже не работал глубоко над тем, зачем нужен брак.

Он нужен потому, что одной любви недостаточно. Сегодня она есть; она как гость. Да, когда она есть, ее слишком много, она переполняет. Но точно так же, когда она уходит, она уходит полностью – как будто ее никогда и не было. Она приходит вместе с большими волнениями, она заполняет все ваше существо, дает вам ощущение того, что все достигнуто. Но когда она уходит, она ускользает так тихо, что не издает ни единого звука при своем уходе, вы не слышите ее уходящих шагов. Вы узнаете об этом только тогда, когда ее уже нет. И точно так же, когда она уходит, вы чувствуете, что все потеряно.

Если вы разумны – как очень немногие люди, – если вы разумны, то вы будете благодарны тем прекрасным моментам, которые пришли и вот теперь уходят.

Вы будете чувствовать огромную благодарность, поскольку тем несколькими мгновениям не было необходимости приходить. Они пришли сами по себе, не спрашивая, достойны ли вы их или нет.

Они дали вам потрясающее переживание, вкус жизни, ощущение цветения.

Если вы разумны, эти мгновения останутся навсегда с вами – молодость, свежесть, благоухание – и разовьют вашу способность любить глубже, более интенсивно.

Но лишь немногие люди разумны. Десятью девять процентов людей будут в отчаянии, в гневе; они немедленно забудут те прекрасные мгновения, поскольку любовь их обманула. Но это только вы так думаете.

Любовь никогда не говорила вам: «Я останусь с тобой навсегда». Это было ваше предположение.

Вы сделали предположение – любовь здесь ни при чем. Вы не распорядились ее приходом, как вы можете распорядиться тем, чтобы заставить ее остаться, не уходить? Но десяти девять процентов людей неразумны. Эволюция добралась лишь до этого состояния. Эти десяти девять процентов людей обратят моменты любви в моменты ненависти. Они будут ненавидеть другого человека, они возложат на него всю ответственность. Они постараются всеми способами сделать так, чтобы тот человек почувствовал себя виноватым: «Ты обманул меня, ввел в заблуждение». А тот, другой, будет делать то же самое, поскольку принадлежит все к тем же десяти девяти процентам.

Поэтому бывшие возлюбленные становятся врагами. Там, где была любовь, теперь ненависть, мстительность.

Чтобы избежать этого, в обществе постарались устроить так, чтобы вы женились до того, как вас захватит вихрь любви. Поэтому супружество детей

было общим правилом во всем мире. Вам не разрешалось стать взрослыми, поскольку тогда вы потеряете контроль – любовь может поразить вас, – так что лучше держать вас в безопасности. Все общества постарались устроить так, чтобы любовь была как можно дальше от вашей жизни. Лучшим способом было супружество детей.

Вы удивитесь: в Индии случалось так, что брак заключался, когда дети были еще в утробах. Люди договаривались, что если будет мальчик у меня и девочка у тебя или мальчик у тебя и девочка у меня, то они поженятся. Они оба еще не родились, еще не известно, кто будет мальчиком, кто будет девочкой, может быть, оба получатся мальчиками – тогда, конечно, договор разрывается – или обе получатся девочками...

Но люди заключали договоры и следовали им. Это было вопросом престижа, вопросом данного слова. Никого не беспокоило, что за существа в утробах, какого вида, – нет, знать это не было необходимости. Просто общество нашло, что лучше заключать брак как можно скорее; если не в утробе, то как только дети родятся.

Моя мать вышла замуж, когда ей было семь лет. О чем может думать семилетний ребенок? Моему отцу было одиннадцать лет. Что может знать о любви и ее проблемах одиннадцатилетний мальчик? Моя мать рассказывала мне, что вся деревня была в напряженном ожидании церемонии, все люди собрались перед домом, и из столицы прибыл большой оркестр. И только ей не позволили пойти и посмотреть. Все дети были на улице, а она не могла понять, в чем дело, почему ей нельзя. Ее вынуждены были привязать к столбу в доме, поскольку она рвалась наружу – так много интересного происходило там. Весь дом был на улице, никто не остался внутри; только ей не разрешили выйти.

Что может понимать семилетняя девочка? Она не может понимать, что такое супружество. Но стратегия была такой: «Пусть вступают в брак маленькие дети. Когда они начнут жить вместе, они полюбят точно так же, как любят сестру, как любят мать». Это не та любовь, которая захватывает вас, овладевает вами, изменяет вас, делает вас способными рисковать даже жизнью. Это не та безумная любовь.

Нет, это просто товарищеские отношения. Два человека живут вместе, спят вместе, едят вместе, бывают вместе: в боли, в удовольствии, в здоровье, в болезни, в заботе друг о друге. Это создает товарищеские отношения. И миллионы людей на земле думали, что эти товарищеские отношения и есть любовь. И общество сделало абсолютно все, чтобы после заключения брака никакая любовь не была возможна.

Женщине не разрешается никуда выходить. В мусульманских странах им не разрешается показывать своих лиц. Первое, что мусульманская жена должна спросить у своего мужа, это: «Кто те люди, перед которыми я могу открывать свое лицо?» – ведь это считается величайшим преступлением, если она откроет свое лицо перед кем-то, кого ее муж не назвал. Поэтому муж говорит ей: «Вот те люди, которым ты можешь показывать свое лицо, и никто другой не должен видеть тебя».

Индусская жена находится почти в том же положении – она не может открыть даже свою гхоонгхату, свою вуаль, перед своим мужем, если при этом присутствует кто-то из старших. Это считается неуважительным. Жена не выходит в общество, не посещает клубы, не ходит за покупками. Она остается привязанной к дому. Весь ее мир заключен в четырех стенах. У нее нет никакой возможности встретиться с кем-то и влюбиться.

Те, кто обладал могуществом, устраивались даже еще лучше. Например, у царей было много цариц, много жен. Естественно, они боялись – иметь тысячу жен опасно. Царь старился, но каждый раз мог снова жениться на новой молодой, красивой женщине, которую встречал в своем царстве. Если он просил ее руки, ему нельзя было отказать; он обладал наипервейшим правом.

Поэтому лагерь его жен разрастался. Естественно, туда ходили слуги, а это было опасно. Поэтому слуг превращали в евнухов. И один царь превращал в евнухов сотни слуг, ведь они должны были ходить во дворец, а если они мужчины, это было опасно. Женщины допускались, но не все виды работ

женщины способны выполнять. Тогда из мужчин насильно делали евнухов, и только после этого они допускались во дворец.

Общество старалось предохранить вас от любви. И нельзя сказать, что это было абсолютно неправильным... Ведь в этой стране, в Америке, и в западных странах, а также на Востоке для тех немногих людей, которые приняли западный образ жизни, супружество детей является преступлением. И, конечно, они запретили такое супружество законом, поскольку это абсолютное безобразие: жениться детям, ничего не знаящим о том, что это такое. И потом люди должны жить друг с другом всю свою жизнь, на это решится лишь тот, кому нечего делать со своей жизнью.

Но даже если законодательство, например, индийское законодательство, объявляет детский брак преступлением, строго наказуемым... законы ведь написаны людьми, получившими образование на Западе, не знаящими своего собственного народа. Они учились в Лондоне, они знают Лондон, они знают Париж, они знакомы с современными идеями, но они не знают своих людей. А эти люди ничуть не беспокоятся об их конституции. Детское супружество все еще продолжает иметь место. И кто накажет за это? Ведь в это верит констебль, в это верит техсилдар, в это верит уполномоченный сборщик налогов, вся деревня... каждый верит в это. Кому вы собираетесь навязывать свои законы, с помощью кого вы собираетесь проводить свои законы? Поэтому конституция хороша, следуйте ей в Дели и поклоняйтесь ей там. Люди же полагаются на свой древний опыт.

Поэтому я хотел бы, чтобы было понятно, что не так глупо то, что они делают, поскольку опыт этого столетия в странах, где любовь стала обыденным явлением, – этот опыт не является хорошим. Он вызвал в людях глубокую тревогу, боль, отчаяние, побудил их к самоубийству. Он не дал им тех поэтов, которых всегда обещал.

Вам следует читать поэзию, наслаждаться поэзией; но, пожалуйста, не следуйте ей, ведь поэты не пишут, исходя из реального переживания. Поэты, пишущие о любви, – это поэты, не пережившие любви. Эта поэзия о любви – подделка, подделка под переживание, которое они упустили. Конечно, их умозрительная любовь становится огромной, приобретает многомерность – они хорошие поэты, они могут перенести свое воображение на бумагу в красивых словах, – но не пытайтесь любить, следуя их поэзии, не пытайтесь жить ею. Вы окажетесь в канаве, поскольку эти поэты не знают, что любовь очень хрупка.

Они все говорят, что любовь вечна, любовь постоянна; настоящая любовь никогда не умирает... все абсолютно не так. Настоящая любовь умирает скорее, чем ненастоящая. Ненастоящая любовь может жить долго; она ненастоящая, как она может умереть? Это как пластмассовый цветок. Если вы притворяетесь, вы можете продолжать притворяться, сколько вам будет угодно.

Но если что-то случается с вами, а затем однажды исчезает, испаряется, – что вы можете с этим поделать? У вас в глазах могут стоять слезы, но что вы можете сделать? Этого больше нет. С этим ничего не поделаешь. Вы не сделали это частью бытия; вы не можете навсегда удержать это. Вы не можете предотвратить это; оно как нечто, находящееся вне вас, проходящее мимо вас подобно ветру – может быть, даже не осознаваемое вами: вы просто попались ему на пути, и ветер, пролетая мимо, коснулся вас, поиграл вашими волосами, поиграл вашим телом – и улетел.

Идиот все время обращает свою любовь в ненависть, потому что она снова и снова обманывает его. И он снова и снова надеется, что она будет постоянной. И когда любовь превращается в мщение, в ощущение того, что вас все обманывают, все обводят вокруг пальца, все эксплуатируют – все они обещали, но никто не сдержал обещания, – тогда, естественно, вы начинаете кипеть внутри. Вся энергия вашей любви превращается в энергию ненависти. Таково переживание людей, которые следовали в любви указаниям поэтов.

Имеются два типа связей. Один тип – стабильная связь: связь с вашим отцом, с вашей матерью, с вашей сестрой. Другой тип – любовь, хрупкая любовь, а также связь с Учителем – это явление почти того же рода.

Как я многократно говорил вам, сексуальная энергия, направленная вниз, служит биологии, а сексуальная энергия, направленная вверх, служит духовности. Но это одна и та же энергия; как вы ее назовете, не имеет значения. Давайте назовем ее Х-энергией, поскольку, когда вы называете ее секс-энергией, тогда глубоко внутри возникает некоторое осуждение. Поэтому давайте называть ее Х-энергией, что будет по звучанию напоминать и о сексе, но Х чище, его трудно осудить.

Эта Х-энергия, движущаяся вниз, становится сексуальной любовью. Если эта Х-энергия движется вверх, она становится духовной любовью. Мужчина, влюбляющийся в женщину, на самом деле падает. Женщина, влюбляющаяся в мужчину, на самом деле падает. Это выражение абсолютно точно. Любовь – это падение.

Но если иногда вы чувствуете, что поднимаетесь в любви, то это означает, что вы нашли настоящего Учителя, с которым у вас возникает отношение того же рода, но в иной плоскости.

Это не биология, это отношение не связано с телом; это не имеет ничего общего с психологией, природой. Но что-то в Учителе тянет вас вверх, точно так же, как что-то в женщине тянет вас вниз.

Меня много раз спрашивали, почему никогда не было женщин Учителей. Я никогда не говорил правды. А правда в том, что мужчине очень трудно почувствовать подъем энергии по направлению к женщине. Биологическая перестановка... это очень трудно. Иногда так все же случалось. Было несколько женщин Учителей, но это большая редкость. Трудность заключается в том, что с женщиной вы немедленно чувствуете, что ваша энергия движется вниз. Вы можете влюбиться в женщину и при этом думать, что это связь Учитель – ученик. Для женщины вероятность стать Учителем очень мала; ее можно не принимать во внимание, она очень мала.

Подобное может случиться, случается, когда женщина влюбляется в Учителя – мужчину – и оказывается не в состоянии понять, движется ли ее энергия вверх или вниз. Здесь нужно небольшое понимание, ясность, осознанность, иначе энергия этой женщины может начать падать. У нее может вскружиться голова от Учителя. Тогда Учитель уже ничем не сможет ей помочь. А если Он ничем не может помочь, она станет мстительной. Ее любовь немедленно превратится в ненависть.

Итак, должно быть очень ясно понято, что это одна и та же энергия, Х-энергия. Если в присутствии кого-то – мужчины или женщины, но имеет значения, – она начинает движение вверх, то возникает явление связи Учителя и ученика.

Старые религии сделали так, чтобы этого не случилось. Всеми возможными способами с энергией, движущейся вверх, они делали то же самое, что и с энергией любви, движущейся вниз. Как они изобрели детский брак, так они изобрели и обращение детей в веру. Это то же самое. Забирая ребенка для крещения, что вы делаете? Ребенок беспомощен, ничего не знает, а вы крестите его? Вы пытаетесь сделать из него христианина, даете ему учителя.

Или вы забираете его для обрезания, делаете его евреем и даете ему раввина. То же самое делают индусы, то же самое делают мусульмане, то же самое делают джайны, то же самое делают буддисты. Каждая религия старается делать так, чтобы ребенок был обращен в религию своей семьи, родителей, предков до того, как он начнет спрашивать, до того, как он начнет задавать вопросы. Раз он начинает спрашивать: «Что есть истина? Что есть Бог? Кто есть я?» – то будет совсем не просто крестить его. Он спросит: «Сначала ответьте на мой вопрос. Только тогда я смогу стать вашим учеником».

Раз он способен спрашивать, как вы думаете, сможете ли вы сделать ему обрезание? Он сделает обрезание всем вам! Что это за чушь? Вы ведь не сумасшедшие. Итак, делайте это до того, как он сможет доставить вам неприятности. К тому времени, когда он сможет доставить вам неприятности, он уже будет обусловлен, полон дерьма. Он думает, что он еврей, он думает, что он индус, он думает, что он христианин. Он верит в это. Если

у него есть какие-то проблемы, он идет к раввину, он идет к священнику. Он идет в католическую церковь исповедаться в грехах.

То, что они сделали с любовью, они сделали и с медитацией. X-энергия, движущаяся вниз, - это любовь, X-энергия, движущаяся вверх, - это медитация. Они искалечили и то и другое.

Первое, они искалечили вас, поскольку боялись, что у вас будут неприятности, а они хотели бы предохранить вас от них. Второе, они боялись, что вы можете заблудиться - ведь только их религия может спасти вас, только их религия находится на правильном пути; без нее вы заблудитесь. В обоих случаях я могу понять их беспокойство и могу понять также, что они действуют, исходя из заботы о вас. Но это по-настоящему нехорошо. Даже в том, что касается любви, хотя она и может доставлять неприятности, беспокойство, боль... но она стоит того, поскольку всякий вызов в жизни стоит того, чтобы его принять. Вам не нужно никакое предохранение, иначе вы останетесь искалеченными.

Мать боится, что если ребенок начнет ходить, то может упасть. И он обязательно будет много раз падать, пока не научится ходить правильно. А если она будет слишком защищать, предохранять его, не будет позволять ему ходить из-за возможности падения - не просто возможности, обязанности падения, - то этот ребенок будет искалечен на всю свою жизнь. Забота была правильной, но то, что она делала, нельзя принять. С осторожностью, но ребенку нужно разрешать. Мать должна быть бдительной, в случае необходимости должна быть рядом, но ребенку должна быть дана свобода ходить, падать, подниматься, ходить снова - учиться хождению.

То же справедливо и для любви. Брак - один из безобразнейших институтов, изобретенных человеком. Но он был изобретен с глубокой заботой, исходя из доброй воли. Я не сомневаюсь в наличии у них доброй воли. Я лишь сомневаюсь в их мудрости. Их намерение правильное, но разум их весьма посредственный. Если бы вместе со своими добрыми намерениями они также имели бы разум, тогда они сделали бы все возможное для того, чтобы ребенок узнал о любви, об их любви, об их тревогах, об их проблемах, об их неудачах, об их отчаяниях. Они дали бы ему осознать, что эти вещи есть, что рано или поздно вихрь любви может захватить его. Это естественно. Не надо бояться. Но помните: то, что говорят поэты, - неправда.

Любовь - это не нечто постоянное, вечное. Не берите критерий поэтов, что истинная любовь вечна, а неистинная мимолетна... нет! Как раз наоборот. Истинная любовь весьма мимолетна, - но что это за мгновение! Оно такое, что ради него можно оставить вечность, ради него можно рискнуть всей вечностью. Кто захочет, чтобы это мгновение было постоянным? И почему постоянство должно цениться так высоко?

Жизнь ведь изменяется, течет; только смерть постоянна. Только в смерти останавливаются часы и остаются там, где остановились. Они не движутся потом. Но в жизни они все время в движении и движутся каждый день новыми путями.

И почему нужно быть ограниченными одной любовью? Зачем нужно заставлять себя ограничиваться одной любовью? Природа ведь не имеет такого стремления.

Природа устремляет вас любить так много, как это только возможно, поскольку то, что вы можете узнать от одной женщины, вы не узнаете от другой. То, что вы можете узнать и пережить от одного мужчины, не будет пережито от другого.

Каждая любовь уникальна. Между ними нет состязания. Нет ссоры. И чем больше вы любите, тем больше вы обогащаете свое бытие.

Поэтому я за всяческие неприятности, за беспокойства, за муки, за отчаяние - одно только я хотел бы добавить: будьте разумными. Эти неприятности не от того, что любовь ушла, они от того, что вы идиот. Поэтому, если вам и нужно оставить что-то, то оставьте свой идиотизм. Но люди оставляют любовь и цепляются за свои идиотические умы.

Будьте разумными, и тогда любовь даст вам все цвета радуги, вы будете наполнены многими людьми, многими возможностями, ведь женщина затрагивает

лишь один аспект вашего бытия, а другие остаются ненасыщенными, голодными. Один человек касается одной части вашего сердца, а другие части остаются без роста. Если вы цепляетесь за него, одна часть разрастается в монстра, а все остальные сжимаются.

Если мне будет позволено дать совет миру, то он будет таким: помогите людям пережить так много любви, как это возможно. Позвольте им войти в суматоху, в вихрь, позвольте им найти свои корни в этом вихре.

Не пытайтесь прятать их в доме, не закрывайте окон и дверей. Конечно, в доме они будут иметь все удобства, но они будут мертвыми. Тогда самый лучший комфорт - в могиле, без беспокойства, без проблем, никто не навредит вам более; даже смерть теперь бессильна. Чего более безопасного, более комфортного, более роскошного еще можно ожидать? Мраморное надгробие и имя, написанное на нем золотыми буквами. Но вы мертвы.

Нет, это не способ жить и переживать жизнь, переживать то, что я называю божественностью.

И это же справедливо для медитации - даже более справедливо. Ведь если они разрушили вашу любовь, то они не разрушили вашу духовность; они разрушили только вашу биологию, ваше любовное бытие. Но они пытались также разрушить ваше высшее бытие. Забирая ребенка к раввину, к брамину, к имаму, они разрушают и более высокие возможности, - а причина остается той же самой, только теперь она еще более опасна.

В том, что касается первого, у вас может быть неприятность, но эта неприятность не такая большая. Люди попадают в такую неприятность и выходят из нее, она не представляет большой проблемы. Но духовная часть вашего бытия огромна, обширна, бесконечна. Если вы потеряетесь в ней, вы можете оказаться не в состоянии найти путь домой. Вы можете идти и идти все дальше и дальше от дома.

А что такое дом? Евреи думают, что дом - это Тора, христиане думают, что дом - это Библия, индусы думают, что дом - это Гита. А люди, ставшие мостами, ведущими к Торе, к Библии, к Гите, - это Учителя. Нет, они не Учителя. Они лишь преподаватели. Они преподают вам все то, что преподавалось им, не то, что они пережили сами.

Отсюда отличие и уникальность связи между мной и учениками. Я не преподаватель.

Я совсем ничего не преподаю вам. Я не мост между вами и Библией, между вами и Гитой, между вами и Кораном.

Я не мост между вами и Богом.

Нет, я не даю вам никаких учений, догм, кредо, философий, теологии.

Поэтому поймите различие между преподавателем и Учителем.

В старых религиях преподавателей называют Учителями. Они просто преподаватели. Они знают учение. Это учение было передано им другими преподавателями, они передают его вам. Они ничего не пережили, через их учение и вы ничего не переживете. Все это лишь красивые слова, они могут дать вам лишь утешение - как вы сами знаете.

Учитель - это прежде всего не преподаватель. Учитель делится с вами своим бытием, а не своей философией.

Учитель отображает себя на вас, позволяет вам настолько приблизиться, что вы видите свое лицо в Его зеркале.

Учитель - это в точности зеркало.

Он никогда ничего не делает ученику. Позвольте мне подчеркнуть это. Учитель - не делатель, ведь если я начну что-то делать для вас, я могу испортить ваше бытие. Я могу дать вам маску, дисциплину, я могу превратить вас во что-то, чем вы не являетесь. Учитель не может делать этого.

Преподаватель делает это. Он дает вам учение; он преподает вам дисциплину и затем усиливает ее с помощью алчности, убеждения, страха - всеми возможными способами. Он старается отлить вас в литейную форму: каким должен быть христианин, каким должен быть буддист... Для буддийского монаха имеются тридцать три тысячи правил. Я не думаю, что смогу запомнить тридцать три тысячи правил, - что говорить о следовании

им, я не могу запомнить их! И всякий, кто делает это, окажется в ситуации, которая случилась в басне Эзопа.

Многоножка выходит на утреннюю прогулку. У многоножки сто ног. Лягушка смотрит на нее, не верит своим глазам, моргает ими, смотрит снова... сто ног! Как она управляет ими? Какую ногу следует поднимать первой, какую второй, третьей, четвертой – сотня ног! Если забыть номер, можно наступить на свою же ногу и упасть.

Лягушка поднимается, прыгает, останавливает многоножку и спрашивает у нее: «Тетушка, мне не следовало бы останавливать вас во время вашей утренней прогулки, но у меня в уме возник один очень философский вопрос, который я не могу разрешить, – я же просто лягушка, вы знаете. Только вы можете помочь».

Многоножка сказала: «В чем проблема?»

Лягушка объяснила ей: «Вот в чем проблема. Я увидела ваши сто ног, пересчитала их; а проблема такая: как вы управляетесь с ними?»

Многоножка сказала: «Я никогда не задумывалась над этим. Я постараюсь и пойму, как я управляюсь. Я никогда не думала об этом – я на самом деле никогда не смотрела вниз и не считала своих ног. Вы великолепны, вы математик и философ».

И многоножка постаралась – можете представить себе, что должно было случиться. Она немедленно упала, все ее сто ног перепутались. Она сильно разгневалась на лягушку и сказала: «Никогда больше никому не задавайте таких вопросов. Держите свою философию при себе. Вы идиотка – я прекрасно управлялась всю свою жизнь, и не только я, миллионы многоножек прекрасно управляют. Никто не падает, как я. Но теперь я боюсь. Вы заронили такой вопрос в мою голову, что если я не освобожусь от него, то не смогу ходить совсем. Скажите теперь, как мне освободиться от этого вопроса».

Лягушка сказала: «Я не знаю. Я сама озадачена. Я спросила вас потому, что вы очень опытная, пожилая многоножка, вы ходите каждый день на утреннюю прогулку; если вы не можете разрешить этот вопрос, то как я могу? Я просто бедная лягушка».

Я не знаю, что случилось потом с многоножкой, но могу представить себе, что вся ее жизнь была испорчена. Снова и снова к ней возвращался вопрос: «Сто ног! Я ставлю правую ногу на правильное место?»

У жизни свои собственные пути. В тот момент, когда вы начинаете управлять чем-то, вы это портите.

Разрешите жизни ее свободу.

Дайте свободу любви и не руководствуйтесь фиксированными идеями.

Испытывайте переживание – не идите по жизни с идеей о постоянной или непостоянной любви. Испытывайте переживание, и вы узнаете ее, узнаете, что она есть.

Не пользуйтесь чужими критериями о том, что истинно и что нет. Все эти преподаватели испортили человечество. Они говорят вам, как ходить, какая нога должна быть первой, какая второй, и если вы будете ставить их в каком-то другом порядке, то вы грешник, вы падете в ад. Ад далеко, вы падете здесь! Вы можете оказаться даже неспособными достичь ада, потому что для этого нужны ноги. Это долгое путешествие. Только очень опытные преподаватели, профессора, философы способны добраться туда. Это не дело обыкновенного человека добираться до ада. Это долгое, долгое путешествие, и очень трудное.

Функция Учителя – не формовать вас по шаблону определенной идеи, но отобрать у вас все костыли, все подпорки, которыми общество снабдило вас.

Конечно, вначале вы будете чувствовать себя очень испуганными – нет никаких подпорок, никаких костылей, нет больше самой земли, на которой вы стояли. Будет великий страх, но его надо встретить лицом к лицу. Только встав к нему лицом, проходя сквозь него, можно будет его преодолеть.

Любовь доставит вам неприятности, беспокойства, муки, но проблему создает лишь недостаток разумности.

Будьте просто разумными и поймите, что любовь ничего не сделала. Она лишь дала вам несколько прекрасных, потрясающе восторженных мгновений. И она не попросила ничего взамен.

Это не было торговой сделкой, то был бескорыстный дар.

И что же вы за человек – вы не чувствуете даже благодарности? Вы чувствуете жажду мщения?

Человек, давший вам возможность ощутить эти несколько мгновений, женщина, мужчина, – будьте благодарны, чрезвычайно благодарны этому человеку.

Да, этих мгновений больше нет. С этим ничего не поделаешь. Их нельзя вернуть назад, и даже если бы был способ вернуть их обратно, они не были бы такими же. Это было бы повторением. Они не принесут вам той же радости, того же восторга. И хорошо, что их нельзя вернуть назад, иначе воспоминание об этих нежно хранимых в памяти мгновениях будет испорчено.

Уважайте этого человека, будьте благодарны ему за то, что без всякой причины – она незнакомка, вы незнакомец, – без всякой причины, без торговли, без всякого бизнеса... вселенная таинственным образом управлялась так; что-то проявилось между вами.

И это было питанием для вас обоих. Это сделало вас зрелыми.

Может быть, завтра снова какой-то весенний ветерок подует на вас. Но никогда не просите о возврате прошлого. Это невозможно, и невыполнимость этого вам на благо. Храните будущее открытым, доступным.

Не несите в себе никакого недовольства, поскольку оно закроет вам будущее. Если вы гневаетесь на одну женщину, на одного мужчину, то вы гневаетесь на всех женщин и всех мужчин, ведь одна женщина – это представительница всех женщин, один мужчина – представитель всех мужчин. Если вы начинаете чувствовать ненависть, гнев, вы закрываете двери и окна. Теперь весенний ветерок не ворвется в ваш дом.

Для тех, кто достиг высокого уровня, я не преподаватель. Я не хочу превращать вас в собрание некоторых моих идей. Во мне нет никакой идеи о вас. Я не несу в себе никакого образа, которому должен соответствовать каждый.

Весь мой подход заключается в убеждении, что каждая индивидуальность уникальна и никто не может предсказать, чем она в конце концов станет.

Даже Учитель не может предсказать, чем вы будете, ведь предсказание возможно только по поводу вещей, но не сознания.

Сознание непредсказуемо.

Что собирается расцвести в вас – это станет известно только тогда, когда оно расцветет.

Поэтому Учитель может сделать только одно – Он может устранить все, что препятствует вашему цветению. Но тогда Учитель будет выглядеть очень тяжелым человеком.

Преподаватель будет выглядеть очень сострадательным человеком, ведь он дает вам всяческие наставления, он принимает на себя всю ответственность. Он показывает вам путь; он ведет вас по этому пути, а вы должны только следовать.

Учитель не заинтересован в том, чтобы вы следовали за Ним. Нет, напротив: вы не должны следовать за Ним, в противном случае вы упустите возможность стать собой. Что же Он делает тогда? На самом деле вся Его функция – отрицательная. Он уничтожает ваши костыли, ваши подпорки. Он делает вас уязвимыми для всех видов страха, беспокойства, вызова. Все это отрицательное.

В том, что касается положительного. Он не делает ничего. Он просто зеркало.

Он позволяет вам подойти поближе и увидеть свое лицо в Его зеркале. Он не хочет, чтобы вы имитировали и стали похожими лицом на Него. Он хочет, чтобы вы смотрели на Него.

У Него нет идей. Это означает, что вся пыль с зеркала удалена. Его зеркало чисто.

Вы можете подойти ближе и посмотреть, и вы найдете свое лицо. Зеркало просто отражает; оно не делает, оно не действует.

Моя связь с вами определенно уникальна.

Прежде всего, это не связь, поскольку какую связь вы можете иметь с зеркалом? Вы можете увидеть свое лицо и испытать благодарность, испытать

признательность, - но это не связь. Какую связь с вами может иметь зеркало? Это невозможно.

Зеркало просто есть. Оно не связано с вами никакими путями. Оно просто существует.

Поэтому наша связь уникальна, ведь если вы обратитесь к другим религиям, то Учитель - не Учитель даже, это они называют его Учителем, - то учитель, так называемый учитель, будет иметь тысячу и одно требование, которое вы должны исполнить, поскольку он собирается совершить для вас великую работу. «Учитель» имеет условия, которые должны быть выполнены. Если вы не сможете выполнить их, тогда последует порицание; если вы выполните их, тогда последует похвала, награда.

Я не могу порицать вас, я не могу вознаграждать вас - ведь у меня нет никаких условий, которые вы должны были бы выполнять.

Быть моим учеником - это ваше решение. Это не имеет со мной ничего общего.

Воспринимать меня как своего Учителя - это ваше решение, это не имеет со мной ничего общего. Я не ишу тех, кто обращается в новую религию; я не христианский миссионер. Я не прилагаю усилий к тому, чтобы обратить людей к моему способу мыслить, к моему образу жизни. Нет, совсем нет. Иначе за эти тридцать пять лет я обратил бы без проблем миллионы людей. Они были готовы обратиться; я не был готов обращать.

Это ваше решение. Всегда помните, что бы ни случилось здесь - это ваше решение.

Если вы санньясин - это ваше решение.

Если вы отбрасываете санньясу, это ваше решение.

Если вы принимаете ее снова, это ваше решение.

Я все оставляю на вас.

Поэтому наша связь уникальна: она абсолютно односторонняя; с моей стороны нет связи.

Это должно быть абсолютно ясно: с моей стороны нет связи.

С вашей стороны... все постоянно изменяется. Когда вы впервые приходите сюда, вы - как студенты. Это один вид связи с вашей стороны. Вы хотите научиться чему-то. Побыв вблизи меня, вы понимаете, что учиться недостаточно. Нужно некоторое переживание. Вы становитесь учениками, становитесь санньясинами. Это ваше решение. Вы просто указываете этим, что хотите быть ближе ко мне. Что еще есть санньяса? Это просто ваша декларация о том, что вы хотели бы быть ближе ко мне. С вашей стороны исчезает студент и появляется ученик.

А затем наступает последняя стадия, когда вы чувствуете, что даже переживания недостаточно: нужно бытие.

Посмотрите на эти три момента. Преподавание - самая отдаленная вещь, и скучная; нужно переживание, - но оно вне вас. Вы становитесь тем, кто переживает, и переживание есть, оно прекрасно, восторженно, блаженно, но вы знаете, что оно есть в качестве объекта; оно внутри, но оно все еще является объектом. Нет, вы хотите быть в центре своего бытия.

И тогда вы подходите еще ближе: ученик превращается в приверженца.

Приверженец означает, что с вашей стороны связь тоже исчезла.

Теперь вы абсолютно счастливы просто идти по тому пути, по которому идете. Теперь вы понимаете, почему не было связи с моей стороны.

Я наслаждаюсь моим одиночеством, и вы начинаете наслаждаться вашим одиночеством.

Поэтому связь не статична, как связь отца и сына, брата и сестры; она не является статичной. Она не похожа на супружество. Нет закона, запрещающего вам отбросить санньясу или заставляющего вас быть санньясином. Постепенно вы понимаете, что и ваша связь исчезает. Когда вы были студентами, связь с преподавателем, с Учителем была очень сильна. Когда вы ученики, связь хрупка, как связь возлюбленных. Когда вы становитесь приверженцами, вы... достигаете.

Теперь вы можете расцвести в вашей уединенности.

Есть благодарность. Есть приятие, есть признательность, бесконечная благодарность, - но нет связи, нет требований с вашей стороны или с моей стороны.

Тогда это как две свечи, горящие бок о бок, стоящие так близко, что их пламя сливается в одно.

БЕСЕДА 19

МЕДИТАЦИЯ - НАУКА ОСОЗНОВАНИЯ

17 ноября 1984

Бахагаван, в чем различие между наукой, искусством и религией?

Наука открывает, искусство измышляет, придумывает, религия делает и то и другое. Истинная религия открывает; псевдорелигия измышляет.

На протяжении веков над умами людей превалировала псевдорелигия. Она - не что иное, как вымысел. Такая религия ближе к искусству и абсолютно против науки.

Вот почему никогда не было конфликта между искусством и религией. Глубоко внутри они делали одно и то же.

Искусство измышляло объективно, а так называемая религия измышляла субъективно. Они очень легко могли сойтись вместе, поскольку их игра была одинаковой. И по всему миру они соединились. На протяжении столетий искусство служило так называемой религии. Прекрасные церкви, синагоги, храмы - тысячелетиями искусство не делало ничего, кроме как служило религии.

Если вы увидите храмы Кхаджурахо в Индии... Когда-то там была тысяча храмов; сейчас одни руины, но двадцать или тридцать храмов еще остались нетронутыми, выжили. Чтобы осмотреть один храм, потребуется целый день. Он весь полон произведений искусства, каждый укромный уголок. Создание одного храма требовало сотен лет, над ним работали тысячи скульпторов.

Вы не найдете ни одного квадратного дюйма на храме, который бы не был оформлен художественно. Один храм несет тысячи статуй на своих внешних стенах, так же выглядят остальные тридцать храмов, так же выглядели, наверное, и те храмы, что лежат сейчас в руинах. Даже в этих руинах находят сокровища искусства. Я не думаю, что есть еще где-нибудь в мире такая красота, созданная из камня.

Строение каждого храма почти одинаково. Внешние стороны храма, внешние стены, уставлены так называемыми статуями митхун - это обнаженные мужчины и женщины, любящие друг друга, занимающиеся любовью во всех возможных позах, которые только можно вообразить или представить себе. Одна только поза отсутствует, она известна в Индии под названием миссионерской, - это когда мужчина находится сверху женщины; только она пропущена: она была принесена в Индию христианскими миссионерами. Для индийского ума сама идея о том, что мужчина должен быть сверху женщины, выглядит безобразной... Представляется несправедливой. Женщина такая хрупкая, и этот зверь поверх ее красоты. Нет, индийцы никогда не считали такую позу человеческой. В Индии она известна как миссионерская, поскольку индийцы впервые увидели эту позу у христианских миссионеров, иначе у них не возникло бы и мысли, что так можно делать.

Но, за исключением этой позы, там вы найдете все виды поз, поскольку в Индии сексология существует уже по крайней мере пять тысяч лет. Самому старому сексологическому трактату пять тысяч лет - это Камасутры Ватсяяны. Во времена Ватсяяны писать сутры о сексе - кама означает секс, - изречения о сексе, наставления по сексу не считалось зазорным, ведь Ватсяяна уважается как один из великих провидцев Индии. И говорят, что только такой провидец, как Ватсяяна, мог дать эти прекрасные сутры. Они раскрывают хитросплетения и загадки энергии секса и то, как она может быть преобразована.

Эти храмы в Кхаджурахо несут на своих внешних стенах прекрасных женщин, прекрасных мужчин - и все они в позах любви. Внутри храмов нет любовных поз. Внутри - пустой храм, нет даже статуи Бога. Идея заключается в том, что вы входите в храм только после того, как вы прошли через свою сексуальность с полным осознанием ее, во всех ее фазах, во

всех ее измерениях, – только после того, как вы пришли к точке, в которой секс не имеет значения для вас. В противном случае вы вне храма, ваш интерес у наружных стен.

Итак, это символ того, что если вы еще интересуетесь сексом, то храм не для вас. Но откровение, выраженное этими стенами, не направлено против секса; это внешние стены храма, храм построен из них, и вы должны пройти сквозь двери храма и пойти дальше. А дальше нет ничего, кроме предельной пустоты.

Сколько художников, каменотесов, скульпторов были заняты созданием этих храмов; тысяча храмов, целый город храмов, сколько лет потребовалось на это [И это не единственное место: есть Аджанта, группа пещер, созданных буддистами. Целая гора... и внутри горы они на многие мили прорыли пещеры. В пещерах можно найти изумительные произведения искусства, все они прекрасны. Вся жизнь Будды в камне... В первой пещере, в которую вы входите, находится изображение рождения Будды. И это не маленькие пещеры; каждая пещера, по крайней мере, в четыре раза больше, чем это помещение. Они были высечены в твердом камне.

Из пещеры в пещеру постепенно разворачивается вся жизнь Будды, а в последней пещере – спящий Будда. Статуя, должно быть, такой же длины, как это помещение. Это последнее мгновение его жизни, когда он говорил ученикам: «Если у вас есть какие-нибудь вопросы, спрашивайте меня; иначе я уйду в вечный сон – навсегда». У него не было даже подушки, он использовал в качестве подушки свою руку. Так огромна эта статуя и так прекрасна!

Есть пещеры Эллары, также открытые в горах. Есть индусские храмы в Джаганатх Пури, в Коонараке. Вы не можете представить себе, что создавало искусство на протяжении столетий. Прекрасные кафедральные соборы в Европе; и все величайшие художники... Микеланджело... что делали эти люди? Они служили религии.

Нигде в мире не было конфликта между искусством и религией. Для меня это означает, что это была псевдорелигия, и религия, и искусство – они измышлены, придуманы. Не было между ними внутреннего противостояния; они двигались вдоль одной и той же линии выдумывания, измышления, изобретения. Конечно, искусство делало гораздо более подлинную работу, гораздо более искреннюю, чем работа священника, поскольку то, что измышлял последний, было абсолютным вымыслом. Под этим не было никакого основания. Бог был вымыслом, его небеса и ад были вымыслом. И все эти вымыслы должны были соответствовать людям, жившим там, где существовала данная религия.

Например, в Тибете, очевидно, нельзя иметь небеса того же вида, что и в Индии. Индия – жаркая страна, настолько жаркая, что небеса нуждаются в кондиционировании воздуха. Конечно, этого слова не было в те времена, но описание полностью соответствует кондиционированию воздуха. Описание говорит: «Двадцать четыре часа в сутки прохладный воздух, свежесть, аромат, как весной. Никогда не бывает лета, никогда не бывает сезонов дождей. Никогда не бывает холодных зим; просто прохлада – не холод, но прохлада – и такая атмосфера круглый год. Постоянная весна». Но тибетский священник не воспринимает этого. Их так мучит холод, их небеса теплые, обогреваемые – там никогда не бывает холодно. Они даже не упоминают о прохладе, ведь для тибетцев даже прохлада неприемлема. Там должно быть тепло.

Тибетские священные книги говорят: «Нужно мыть свое тело хотя бы раз в год». Когда Далай-лама и его люди бежали из Тибета в Индию, многие из них приходили повидаться со мной. Привычки отмирают очень трудно. Они даже в Индии не принимали ванну или душ. И они носили ту же одежду, что и на Тибете. Я говорил им: «У меня сильная аллергия на запахи, поэтому садитесь в другом углу комнаты, если не знаете, как чистить свое тело и каждый день менять одежду». Они говорили: «Каждый день! Но в священных книгах говорится, что достаточно раза в год!»

В разных странах разные вымыслы. В мусульманских странах очень широко была распространена гомосексуальность – распространена она и сейчас.

Странно, но это проявляет какое-то значительное свойство человеческого ума. Если вы будете обнаружены как гомосексуалист, за это последует самое страшное наказание. Вас просто обезглавят, меньшего наказания не положено. И вместе с тем, это очень распространенное явление, настолько распространенное, что согласно Корану на небесах для великих религиозных мудрецов сделаны нужные приготовления: там есть прекрасные женщины, там есть и прекрасные мальчики. Все эти вымыслы соответствуют конкретному складу ума, климату, стране и не имеют никакой основы в реальности.

Реальность не надо выдумывать, ее нужно открывать. Реальность уже есть.

Поэтому наука открывает, и истинная религия открывает тоже.

Все религии, существовавшие в мире до настоящего времени, - христианство, иудаизм, ислам, индуизм - никогда не ощущали конфликта с искусством, но испытывали потрясающий антагонизм с наукой. Никто не замечал этого факта.

Почему все религии не идут против искусства и почему они идут против науки? Потому что с искусством они находят некоторое сходство. Они используют искусство, но не могут использовать науку и не находят с ней сходства в основах. На самом деле они находят, что наука прямо противоположна им. Они выдумывают, создают какие-то измышления; а вся работа науки - раскрывать истину, реальность, как она есть.

Им невозможно победить науку - им невозможно даже предстать перед лицом истины.

Я очень любил эту историю. Однажды тьма пришла к Богу и сказала: «Я никогда не делала солнцу ничего плохого, но оно все время мучит меня. Куда бы я ни пошла, оно добирается до меня, я и вынуждена бежать оттуда. Я не могу даже отдохнуть. Я не хочу жаловаться, но с меня довольно. Как долго это будет продолжаться? И ведь я абсолютно чиста. Я ничего не сделала против солнца. Я ничего не сказала против него. Я вообще впервые говорю об этом».

Бог немедленно приказал вызвать солнце. Солнце было вызвано, и Бог спросил его: «Почему ты мучаешь и тревожишь тьму?»

Солнце сказало: «О чем вы говорите? Я никогда не встречало ничего, что называлось бы тьмой». И Бог оглянулся вокруг. Куда делась тьма? Она исчезла. Солнце сказало: «Как только вы сможете привести ко мне тьму, я немедленно извинюсь, или что там еще нужно. Я не знаю, может быть, неосознанно, не зная того, я задело ее. Но дайте мне хотя бы посмотреть на нее - на ту, что выражает недовольство по моему поведению».

Эта история говорит о том, что папка с делом тьмы против солнца все еще не закрыта. Бог оказался не в состоянии свести обе стороны вместе перед собой. Иногда ему удается, и приходит тьма; иногда ему удается, и приходит солнце; но он не в состоянии свести их обоих вместе. А пока они не сойдутся вместе, дело не может быть решено.

Как тьма может предстать перед лицом солнца? Ведь тьма - это не нечто существующее, это просто отсутствие света. Поэтому там, где есть свет, отсутствия его не может быть. И это то, что делали псевдорелигии, создавая вымыслы, эксплуатируя людей - их воображение, их страх, их алчность, их горе, их страдание, их нищету - все. А когда наука начала свои открытия, каждая религия стала очень бдительной и готовой всеми возможными способами воспрепятствовать науке.

Ведь когда открывается истина, ложь умирает сама по себе; ее не нужно убивать. Она просто исчезает.

Поэтому я и говорю вам, что сейчас самое время для первой религии.

Триста лет псевдорелигии боролись против науки. Теперь они устали, насытились и очень хорошо знают, что наука победит; что она уже победила.

Поэтому старые религии потеряли почву под ногами. Вы должны понять это. То, что вы видите в церквях, в синагогах, в мечетях, в храмах, - это мертвое тело религии, которая когда-то была живой. Это только труп. Но они притворяются, что все еще живы, надеются, что случится какое-то чудо.

Но чудеса никогда не случаются. И не будут случаться.

У науки прочные корни.

Если вы теперь хотите, чтобы в мире было что-то, что назвалось бы религией, вы должны начать с самой азбуки, с самой стартовой черты – с религии, которая является наукой, не вымыслом.

Точно так же, как наука открывает объективный, внешний мир, религия открывает внутренний мир.

Как наука относится к объективному существованию, так религия относится к субъективному существованию.

Их методы в точности сходны. Наука называет свой метод наблюдением, религия называет свой метод осознанием. Наука называет свой метод экспериментом, религия называет свой метод переживанием. Наука хочет, чтобы вы вступали в эксперимент без всякого предубеждения в уме, без всякого верования. Вы должны быть открыты и доступны. Вы собираетесь быть открытыми для реальности, какой бы она ни была, даже если она пойдет против ваших идей. Вам придется отбросить эти идеи, – но реальность не может быть отвергнута.

Стремлением науки является рискнуть вашим умом ради реальности, отстранить ваш ум ради реальности. Считается лишь реальность, а не то, что вы думаете о ней. Ваши мысли могут быть правильными, могут быть неправильными, но решать это будет реальность. Ваш ум не будет решать, что правильно и что неправильно.

Точно такая же ситуация с подлинной религией, с научной религией.

Если мне будет позволено, я хотел бы описать науку, как нечто, имеющее два измерения, внешнее и внутреннее. Тогда слово «религия» можно опустить. Имеется две науки: одна – объективная наука; другая – субъективная наука.

Так и происходит; назвать ли ее религией или наукой, не имеет значения, названия не имеют значения. Но методология в точности одинакова; входить с верованием нельзя. Ни один верующий никогда не узнает истины. Верить – это упускать.

Вы должны отложить в сторону свою идеологию. Как бы красиво она ни выглядела, какой бы систематической она ни выглядела, как бы вы ни устроили и ни украсили ее психологически, вы должны отстранить ее и всмотреться вглубь.

В этом весь метод медитации, осознания, бдительной настороженности и внимания.

Медитация, вкратце, – это отстранение ума. Поэтому люди, говорящие, что медитация – это тренировка ума, абсолютно неправы. Это не тренировка ума, поскольку если вы тренируете ум, то он становится сильнее. Легче отстранить его, когда он слабее, когда он не тренирован. Когда он тренирован, он окажет вам упорное сопротивление.

Поэтому гораздо труднее будет тому, кто практиковался в концентрации, поскольку концентрация – это умственное явление. Да, она делает ваш ум лучше, тренирует его, делает его более пронизательным. Но отстранить такой ум будет очень трудно. Вы прежде усилили его. Вы выкристаллизовали его.

Так случилось с Гурджиевым и всей его школой. Там была тренировка ума. Он называл это кристаллизацией, это самое подходящее слово.

Обыкновенный ум – это хаос, свалка. Тренировка Гурджиева делает ваш ум выкристаллизованным и, вместе с тем, центрированным. И он полагал, что чем больше ум становится выкристаллизованным, тем ближе вы подходите к дому. Здесь он был неправ. Выкристаллизованный ум обладает определенными способностями. Например, он в состоянии читать чьи-то мысли, что не может обыкновенный ум – он не может прочесть и своих, как же читать чьи-то еще.

Но кристаллизация – это не просто. Это трудный и долгий процесс – годы труда, работы, которая будет казаться вам абсолютно ненужной, но вы должны ее делать, поскольку так говорит учитель. Например, ученикам Гурджиева говорят выкопать канаву в милю длиной, и все ученики целый день копают. А вечером приходит Гурджиев и говорит: «Забросайте ее. Только тогда получите еду. Чтобы я не видел эту канаву, когда утром выйду на прогулку».

Абсурд...! Вы подумаете, что этот человек сумасшедший. Нет, он не сумасшедший. Он работал очень аккуратно, математически. Ученики начинают забрасывать канаву. Весь день они копали, весь день они думали: «Зачем ее копать?» Теперь они думают: «Зачем ее забрасывать обратно?» И никто не знает – завтра утром он может сказать: «Выкопайте ее снова». Известно, что этот человек так и делал.

Таким способом он пытается сделать вас человеком не обыкновенного, слабого ума, которому нужны различные аргументы, уговоры, чтобы он занялся чем-нибудь... но и тогда ничем не занимающегося. Он пытается научить вас, что не нужно тревожиться вопросом «почему». Думать – это работа учителя; это не ваша работа. Если человек идет этим путем год за годом, то он с удивлением обнаруживает в себе вещи, не случавшиеся с ним ранее. Например, вы проходите рядом с ним, и он читает ваши мысли.

Так случилось... Когда я преподавал в университете, один из моих студентов очень сильно интересовался Гурджиевым. И поэтому он спросил меня: «Я не спрашиваю, прав Гурджиев или нет. Пожалуйста, лишь объясните мне, что за методологию применял Гурджиев и могу ли я воспользоваться ею».

Я сказал: «Если так, я могу объяснить метод. Но я не отвечаю за то, что случится с вами, когда...»

Он сказал: «Конечно, вы не отвечаете».

«...ведь вы не даете мне даже шанса сказать, правильно это или нет; вы просто хотите узнать». Я сказал: «Как профессор, я расскажу вам этот метод. Испробуйте его. Метод прост. Делайте что-нибудь, например, бегайте трусцой... Наступит момент, когда вы почувствуете, что больше не можете бежать; и тогда вам нужно продолжить бег. Внезапно наступит момент, когда вы с удивлением почувствуете, что, продолжая бег, вы вызываете прилив новой энергии... А ведь вы чувствовали, что бежать больше невозможно».

Есть три слоя энергии. Первый: обыкновенная энергия, которую вы используете в повседневной работе: едите, ходите пешком, трудитесь, печатаете, то, другое – это поверхностный слой. Ниже его находится более мощный слой энергии. Если, делая что-то, вы подходите к точке, когда заканчивается тонкий верхний слой, тогда это не означает, что ваша энергия закончилась; закончился только верхний слой. Верхний слой говорит: «Стоп». Но не останавливайтесь, продолжайте. Вскоре откроется, станет доступным второй слой. Вы думали, что больше не можете бежать, а теперь можете бегать часами!

Затем снова подходит момент, когда вы чувствуете: «Если я продолжу бег, я упаду и умру». Это не просто усталость – это почти смерть. Раньше была усталость, теперь это почти как смерть. Это ваш третий слой, он огромен. Если вы продолжите и скажете себе: «Хорошо, если наступает смерть – хорошо. Но я не остановлюсь», – тогда откроется третий слой, и вы увидите такую энергию, которой никогда не видели в себе.

Иногда это происходит случайно. Вы устали. Весь день работали и все... и внезапно дом охватывает огонь! Вы собирались забраться в постель и забыть обо всем на свете... и вот пожар в доме! Вы забываете всю свою усталость. Вдруг вы снова свежи, молоды – так свежи и молоды, как никогда не были. И вы бежите и туда, и сюда и делаете все, что нужно, – может быть, потребуются целая ночь, чтобы погасить огонь. И вы будете гасить его и не почувствуете усталости.

Что произошло? Вот на этом Гурджиев и пытается построить свою методологию. Когда ваш ум осознает эти три слоя, тогда с каждым слоем к вам присоединяются новые силы, с помощью обыкновенного слоя нельзя сделать многого. Ученые говорят, что даже самый талантливый человек использует только пятнадцать процентов своей энергии – самый талантливый, это не относится к каждому... Пятнадцать процентов своей энергии, быть может, использовал Альберт Эйнштейн.

Средний, обыкновенный человек никогда не превосходит семи процентов. Эйнштейн, использующий пятнадцать процентов, начинает осознавать то, что не осознаете вы. Он живет во вселенной, отличной от той, в которой живете вы. Его вселенная настолько обширна, что вы даже не можете ее себе

представить. Говорят, что когда он был жив, в мире было лишь двадцать человек, точно понимавших, что означает теория относительности. Только двадцать человек во всем мире понимали правильно, что он имеет в виду! А если вы познаете тридцать, пятьдесят процентов своей энергии... кто знает, сколько ее хранится в вас?

Так что, этот мой студент... Он был мусульманином, а мусульмане – фанатичные люди, очень упрямые; достойные доверия, но идиотические. Идиоты всегда заслуживают доверия, поскольку они не умеют сомневаться, они не умеют не доверять. Я сказал ему работать, и он начал работать. Он был сыном лесоруба, поэтому я сказал: «Пойдите со своим отцом и рубите лес, столько сколько сможете. И когда почувствуете, что вот-вот упадете, что не можете поднять топора, тогда в этот момент вы должны поднять топор. Тогда самое время начать работу. До этого момента все было лишь поверхностным. Отсюда исходит Гурджиев». Так он и сделал.

Однажды он прибежал ко мне, потрясенный и испуганный. Он сказал: «Что происходит? Я ехал в автобусе... странная мысль, у меня никогда не было таких мыслей раньше. Передо мной, спиной ко мне, сидел человек, и я подумал: "Может ли он лишь от одной моей мысли упасть со своего сиденья на пол автобуса". И этот человек упал!»

Он просто подумал: «Может ли это случиться?» – и это случилось. Он очень испугался, но решил, что это могло быть простым совпадением. Поэтому он испытал на другом человеке. И этот другой человек тоже упал. И водитель сказал: «Что происходит?» Человек упал без всякой причины, не было рывка, не было поворота. Затем падает другой сидящий человек, он не спит; глаза открыты.

Мой студент спросил этих двоих, что случилось. Они сказали: «Не знаем». Но перед тем, как пойти ко мне, он решил, что надо бы испытать еще раз и что лучше всего попробовать на водителе. И он испытал это на водителе и вызвал тем самым аварию автобуса, в которой погибло два человека и многие были травмированы.

Тогда он прибежал ко мне. Он сказал: «Что происходит?»

Теперь, не зная того, он обрел энергию, с помощью которой он мог проецировать свои идеи в головы других, и они выполняли его приказы. Теперь его ум становится выкристаллизованным, становится более внимательным. Это был только второй слой. Я сказал ему: «Хотите ли пройти в третий слой? В третьем слое вы сможете вызывать смерть. Если вы доверяете себе, я могу дать вам метод войти в третий слой. Но тогда, эта сила... способны ли вы использовать ее правильно?»

Он сказал: «Нет. Я могу использовать ее неправильно. И простите меня. Я был неправ с самого начала, когда сказал вам: "Не говорите мне, прав Гурджиев или нет, дайте мне только метод", – ведь я читал его книгу и был под сильным впечатлением от нее. Я не хочу погружаться в это. Это опасно».

Концентрация, тренировка, тренировка йоги, другие методы этих хваленых мантр – они все усиливают ваш ум, делают его сильнее, делают его способным использовать силы, таящиеся в вашем подсознании, в вашей бессознательности, в вашей коллективной бессознательности. И если вы не осознаете, – а вы действительно не осознаете, – то это все равно, что давать меч, обнаженный меч, в руки ребенку. Либо он поранит себя, либо убьет кого-нибудь другого; но что-то нехорошее случится обязательно. Невозможно представить себе, что из этого получится что-то хорошее.

Брамины в Индии на протяжении тысяч лет использовали тренировку ума, чтобы держать всю страну у себя в рабстве. В Индии за пять тысяч лет не случилось ни одной революции. А за эти годы были все возможности к тому, чтобы произошли тысячи революций. Брамины сделали четвертую часть Индии неприкасаемой...

Эти люди не смеют касаться вас. И не только они не смеют касаться вас, они настолько грязны – страдают из-за своей плохой, злой кармы прошлой жизни, – что даже их тени, падающей на вас, достаточно, чтобы потревожить ваше существование. Вам нужно немедленно омыть себя. Видели ли вы такую глупость? Тень человека, павшая на вас, делает вас грязным. Тень не

существует! Тень не может коснуться вас. Тень не может нести никакой грязи.

В Индии на протяжении тысяч лет четвертая часть страны жила в таком рабстве, что эти люди должны были ходить с колокольчиком на шее, как ходят быки или коровы, чтобы по звуку колокольчика становилось известно об их приближении. Колокольчик должен был звонить постоянно, чтобы каждый, заслышав его, мог убежать, убежать даже от тени этих людей. А сзади они должны были прикреплять длинную щетку, наподобие хвоста, - для того, чтобы все время очищать путь, по которому они проходили, ведь туда падала тень и эта тень должна была быть счищена, поскольку позже мог появиться какой-нибудь брамин и пройти по земле, по которой ходил неприкасаемый, ачхут на их языке.

Какой же властью обладали эти брамины? Они не были царями, у них не было армий; они не имели светской власти царей. Но у них был очень тренированный ум, который от поколения к поколению становился все более тренированным. Александр Великий пишет об этом в своих воспоминаниях...

Он пришел в Индию до Иисуса Христа. И это было то, что потрясло его больше всего, - конечно, он столкнулся со многими вещами, произведшими на него впечатление, но это было самым сильным впечатлением.

Он был учеником Аристотеля. Учеником Сократа был Платон, учеником Платона был Аристотель, учеником Аристотеля был Александр Великий. Когда Александр возвращался после вторжения в Индию, он вспомнил, что Аристотель просил его: «Когда вернешься, принеси мне четыре Веды, о которых индусы думают, что это единственные написанные Богом книги. Конечно, это самые древние книги на Земле, поэтому, написаны ли они Богом или нет, но они самое древнее сокровище; принеси мне эти четыре Веды. Я не хочу ничего другого».

Поэтому Александр осведомился: «Могу ли я найти человека, у которого есть все четыре Веды?»

И люди сказали: «Да, в нашей деревне живет великий ученый-брамин, древний, очень старый, ему, может быть, двести лет. У него есть все четыре Веды. Они перешли ему по наследству, так что нет никакого опасения, что они не подлинны. Им две тысячи лет - вы можете получить их у него».

Александр пошел к брамину и попросил Веды у него - он никогда не видел такого старого человека. Он действительно никогда не видел такого человека.

Старик посмотрел в его глаза и сказал: «Хорошо. Завтра утром, когда взойдет солнце, я дам тебе четыре Веды».

Александр был чрезвычайно счастлив. Он сказал: «Чтобы вы ни попросили сделать для вас, вы окажете тем мне великую честь... поскольку мне говорили: "Ни один брамин не даст вам всех Вед". А вы ни о чем не просили».

Старик сказал: «Нет. Ни один брамин ни о чем не просит. Все, что ему нужно, он получает. Те, которые просят, они не брамины. Приходите завтра утром и увидите».

Всю ночь Александр не мог уснуть. Что произойдет завтра утром? Что он за человек? И что же сделал этот старик... У него было четыре сына. Он позвал всех четверых, усадил их вокруг домашнего очага, огонь в котором поддерживался на протяжении тысяч лет, все двадцать четыре часа в сутки, день за днем, год за годом, - они все сели вокруг огня, и отец сказал: «Каждый из вас возьмет по одной Веде. Читайте страницу и бросайте ее в огонь; читайте другую и бросайте в огонь. До утра вы должны покончить со всеми четырьмя Ведами».

Они сделали так, как сказал отец, и когда утром Александр пришел к ним, а пришел он немного раньше, он был озадачен, он не мог понять, что же он видит. Что случилось? Они бросали в огонь последние страницы.

Александр сказал: «Что происходит?»

Старик сказал: «Ничего. Возьмите этих моих четверых сыновей, Они - четыре Веды. Это Риг Веда, это Яджур Веда, это Сама Веда, это Атхарва Веда*. Александр сказал: «Но я просил книги».

Он сказал: «Они помнят каждое слово. Этим мы занимались всю ночь». Александр спросил: «Как может человек запомнить целую книгу за одну ночь?»

Старый брамин сказал: «Вы не знаете браминов. Это наша тренировка. Все наше обучение заключается в том, чтобы настолько заострить память, что, раз прочитав что-нибудь, было бы невозможно забыть это».

Эта история попала в руки другого великого царя, Акбара, мусульманина. Он не мог поверить этому, поскольку Веды – это большие, объемные собрания. Он осведомился у своего двора: «Найдется ли кто-нибудь, кто мог бы повторить этот случай передо мной».

Вызвался один человек, который сказал: «Это ничто. Я знаю брамина из моей деревни, который может в тысячу раз больше. Это ничто». Тот человек был призван ко двору великого Акбара. А среди его окружения были ученые в области санскрита, арабского, персидского, пракрита, пали, других древних языков, ведь он сам был великим ученым и хотел, чтобы его окружали самые лучшие ученые. Было тридцать человек, знавших тридцать разных языков.

И были сделаны соответствующие приготовления; человек, приведенный из деревни, выглядел как деревенский житель, простой брамин... Суть сделанных приготовлений состояла в том, что каждый должен был составить и держать в уме одно высказывание на своем языке. Так что было тридцать высказываний на тридцати языках. А тот человек знал только один язык – санскрит. Поэтому в эти тридцать языков санскрит не был включен.

Этот человек подходит к первому ученому; тот говорит первое слово из своего высказывания, и звучит гонг. Затем он подходит ко второму ученому, который говорит свое первое слово, и снова звучит гонг. Он снова и снова обходит этих тридцать человек: второй круг, второе слово, гонг; третий круг... пока не заканчиваются все высказывания. И после этого он повторяет все тридцать предложений... он так и сделал.

Он был, должно быть, великим компьютером. Но если компьютеры могут делать это, то почему не может ум? Если ум сумел создать компьютеры... и я пока еще не слышал о компьютере, создающем ум. Ум обладает гораздо большей силой. Вы можете тренировать его многие годы, и псевдорелигии разработали эти методы концентрации.

Запомните, концентрация не является медитацией, поскольку концентрация – это тренировка ума, а медитация – это отстранение ума.

На самом деле слово «медитация» – это неправильное слово, поскольку на Западе никогда не было ничего похожего на медитацию. На санскрите соответствующим словом является дхьяна. Такая же проблема была, когда буддийские монахи пришли в Китай; они не могли подобрать правильного слова для перевода слова «дхьяна» на китайский, поэтому они написали «дхьяна», что по-китайски звучит, как «дзана». Отсюда японский дзэн; это превращение слова «дхьяна».

«Медитация» так же дает неправильное представление, как если бы вы медитировали над чем-нибудь – как если бы это была какая-то деятельность, не сильно отличающаяся от концентрации. Вы концентрируетесь на чем-то, размышляете над чем-то, вы медитируете над чем-то, но вы всегда связаны с чем-то. А то, что есть дхьяна, – это отбрасывание всех объектов, отбрасывание всего, на чем можно концентрироваться, над чем можно размышлять, над чем можно медитировать; отбрасывается все, ничего не остается – только тот, кто концентрируется, только тот, кто размышляет.

Чистое осознание – вот что такое дхьяна.

В русском и английском языке нет подходящего слова, поэтому вы должны понимать, что слово «медитация» мы используем для обозначения дхьяны.

Дхьяна означает состояние бытия, в котором нет мысли, нет объекта, нет сновидения, нет желания, нет ничего – только пустота.

В этой пустоте вы познаете себя. Вы открываете истину. Вы открываете свою субъективность.

Это совершенное безмолвие.

Есть методы отстранения ума, как есть и методы тренировки ума. Но на Западе и, более всего, в Америке... поскольку если Запад плох, то Америка еще хуже. Я как-то просматривал американские книги – не сейчас; четыре

года я не прикасался к книгам. Все книги, являющиеся бестселлерами в Америке, так или иначе связаны с тем, как увеличить свою силу воли, как влиять на людей и победить друзей, как увеличить богатство, ум... но все они говорят о тренировке ума. Конечно, если вы тренируете ум, вы будете более конкурентоспособными, вы сможете легче исполнить свои амбиции. Вы сможете легче манипулировать людьми. Вы сможете легче эксплуатировать людей. Вы сможете использовать других людей для достижения своих целей. Фридрих Ницше написал книгу «Воля к власти». В ней – само существо всего западного подхода: воля к власти.

Воля к власти нуждается прежде всего в том, чтобы вы имели силу воли. А сила воли – это другое название для натренированности, выкристаллизованности вашего ума. Нет, эти методы не подходят. Вы должны изучать методы отстранения ума. Сила воли и так уже мощна; не делайте ее более мощной, иначе вы воспитаете своего собственного врага. Она уже выкристаллизовалась. Ваша школа, ваш колледж, ваш университет – все они сделали это.

После девяти лет пребывания профессором в университете я подал в отставку, сказав вице-канцлеру: «Я не могу делать эту работу, поскольку она разрушает людей».

Он сказал: «Что вы имеете в виду под разрушением людей? Студенты любят вас. Они не позволят вам уйти. И я не вижу, на каком основании вы говорите, что не можете продолжать разрушать людей».

Я сказал: «Вы не поймете, поскольку, хотя вы и родились в Индии, но Индии не знаете. Вы получили образование на Западе – он всю свою жизнь провел на Западе. Все эти книги, все эти психологии, которым я должен учить, я преподаю против своей воли. Я знаю, что это все принесет вред людям. Их умы уже в плохой форме, а теперь это только усиливается. Их цепи станут крепче, рабство их ума станет много сильнее».

Псевдорелигии полагаются на тренировку ума.

Первая работа настоящей религии – отстранить ум.

И, так или иначе, это очень просто. Тренировки ума очень сложны. Очень трудно подготовить ум к концентрации, поскольку он все время протестует, он все время возвращается назад к старым привычкам. Вы снова тянете его, а он убегает. Вы снова приводите его к предмету, на котором концентрировались, и вдруг обнаруживаете, что думаете о чем-то другом, что забыли, на чем концентрировались. Это нелегкая работа.

Но отстранить ум – очень просто, совсем не трудно. Все, что вам нужно делать, – это наблюдать.

Что бы ни происходило в вашем уме, не вмешивайтесь, не пытайтесь прекратить это. Не делайте ничего, поскольку, чтобы вы ни делали, это станет тренировкой.

Поэтому совсем ничего не делайте. Просто наблюдайте.

Наблюдение – это не делание. Точно так же, как вы наблюдаете восход солнца, или облака на небе, или людей, проходящих по улице, так же наблюдайте и за движением мыслей и сновидений, ночных кошмаров – относятся они к делу или не относятся, последовательны ли они или нет, – просто наблюдайте все, что проходит. А там всегда суматоха, как в час пик. Вы же просто наблюдаете; отстраненно, безразлично, равнодушно.

Псевдорелигии не позволяют вам оставаться безразличными; вот они говорят, что алчность – это плохо. Когда приходит алчная мысль, вы вскакиваете, чтобы предотвратить ее, иначе вы станете алчными. Гнев – это плохо; если проходит гневная мысль, вы немедленно вскакиваете – вы должны изменить ее, вы должны быть добрыми и сострадательными, вы должны любить своих врагов, как самих себя. Если возникает что-то против вашего соседа... нет, вы должны любить ближнего своего, как самих себя. Все старые религии дали вам понятия о том, что хорошо и что плохо, что правильно и что неправильно, и если проходит плохое, вы, конечно, должны прекратить его. Вы должны вмешаться, вы должны вскочить и устранить это. Вы упускаете самое главное.

Я не говорю вам, что правильно и что неправильно. Все, что я говорю вам, это: наблюдать – правильно, не наблюдать – неправильно.

Я все абсолютно упрощаю: будьте наблюдательными, бдительными.

Это вас не касается – если приходит алчная мысль, дайте ей пройти; если приходит гнев, пусть проходит. Кто вы такой, чтобы вмешиваться? Зачем так отождествлять себя со своим умом? Почему вы сразу же начинаете думать: «Я жадный... Я злой»? Ведь это всего лишь злобная мысль посетила вас. Пусть она пройдет; вы просто наблюдайте.

Есть древняя история... Человек, ушедший из города, возвращается и находит свой дом в огне. А то был один из красивейших домов в городе, и человек очень любил его. Многие были готовы дать за дом двойную цену, но он никогда не согласился бы продать его; а теперь дом просто горит у него на глазах. Собрались тысячи людей, но ничего нельзя было сделать.

Огонь так сильно распространился, что если и попытаться, то спасти уже ничего невозможно. Поэтому он впадает в глубокую печаль. Его сын подбегает к нему и шепчет на ухо:

«Не беспокойся. Я вчера продал дом, и за очень хорошую цену, тройную... Предложение было таким хорошим, что я не мог ждать тебя. Прости меня».

Но отец говорит: «И хорошо, если ты продал дом за цену, в три раза превышающую его стоимость». После этого отец тоже становится наблюдателем, как и другие зеваки. Мгновение до этого он не был сторонним наблюдателем, все происходящее очень сильно касалось его. Тот же дом, тот же пожар, все то же самое, – но теперь это его не касается. Он радуется, как радуются и все остальные.

Затем подбегает второй сын и говорит отцу: «Что вы делаете? Вы смеетесь, – а дом в огне?»

Отец говорит: «Разве ты не знаешь, твой брат продал его».

Сын говорит: «Он лишь договорился о продаже, но ничего еще не оформлено. И тот человек не собирается покупать дом сейчас». Снова все изменилось. Слезы, которые исчезли, снова вернулись; улыбки больше нет, сердце сильно бьется. Сторонний наблюдатель куда-то делся. Снова все происходящее касается его.

А затем приходит третий сын и говорит: «Тот человек – человек слова. Я как раз иду от него. Он сказал: "Не имеет значения, сторел дом. или нет, он мой. Я заплачу цену, на которую согласился. Ни я, ни вы не знали, что в доме будет пожар"». И снова отец становится сторонним наблюдателем. Снова происходящее больше не касается его. На самом деле ничего не изменилось; только лишь мысль «Я владелец, я как-то связан с домом» и создает все различие. В следующий момент он чувствует: «Меня все это не касается. Кто-то другой купил его, я ничего не могу с этим поделать, пусть дом сторит».

Это такая простая методология наблюдения за умом, что вам ничего не нужно делать... Большинство мыслей ума не являются вашими, а лишь мыслями ваших родителей, ваших преподавателей, ваших друзей, книг, кинофильмов, телевидения, газет... Попробуйте подсчитать, много ли мыслей принадлежат лично вам, и вы удивитесь, что вашей ни одной мысли нет. Все они не ваши, все они заимствованы – или навязаны другими людьми, или же вы сами, по глупости, взвалили их сами на себя. Но нет ни одной вашей.

Ум есть, он действует, как компьютер, буквально, как биокomпьютер. Но вам не следует отождествлять себя с этим компьютером. Если компьютер перегревается, то это не вы перегреваетесь. Если компьютер разозлится и начнет выдавать сигналы в виде какого-то неприличного слова, то это не должно вас беспокоить. Вы увидите, что что-то неправильно, что где-то неправильно. Но сами вы остаетесь отстраненными.

Просто небольшая сноровка... я никогда даже не называл отстранение ума методом, поскольку такое название все утяжеляет; я называю это сноровкой. Просто делая, вы однажды сделаете. Много раз вы будете терпеть неудачу; об этом не нужно переживать... ничего не теряется, неудачи естественны. Если вы будете просто делать, то однажды у вас получится.

Когда отстранение получилось, когда хотя бы на единое мгновение вы стали сторонним наблюдателем, тогда вы знаете, как становиться наблюдателем – наблюдателем, сидящим на холме, далеко в стороне. А весь

ум пребывает глубоко внизу, в темной долине, и вам ничего не нужно с ним делать.

Самое странное свойство ума заключается в том, что, когда вы начинаете за ним наблюдать, он начинает исчезать. Как свет рассеивает тьму, так и наблюдение рассеивает ум – со всеми его мыслями, со всеми его приспособлениями.

Итак, медитация – это просто наблюдение, осознание. И то, что открывается при медитации, не имеет ничего общего с измышлением, выдумыванием. Медитация ничего не измышляет; она просто открывает то, что есть.

А что же есть? Вы входите и обнаруживаете бесконечную пустоту, так потрясающе красивую, такую безмолвную, такую полную света, благоухания, словно вы вошли в царство Божье.

Я так и называю это – вы вошли в божественное.

И, раз побывав в этом пространстве, вы выходите оттуда совершенно новым человеком, новой личностью. Теперь вы нашли свое подлинное лицо. Все маски исчезли.

Вы вернетесь в тот же самый мир, но ваша жизнь будет уже другой.

Вы будете жить среди тех же самых людей, но относиться к ним будете иначе, будете иметь к ним другой подход.

Вы будете подобно лотосу: в воде, однако совершенно воды не касаясь.

Религия – это открытие цветка лотоса внутри вас.

БЕСЕДА 20

ПРОСВЕТЛЕНИЕ СФАБРИКОВАТЬ НЕЛЬЗЯ

18 ноября 1984

Бхагаван, являетесь ли Вы учителем мира?

Прежде всего, я даже не школьный учитель, не преподаватель, а вы спрашиваете, являюсь ли я учителем мира.

Но эта глупая идея – быть учителем мира – является очень древней в Индии. Шанкара, Рамануджа, Валлабха, Нимбакара, сотни других людей на протяжении веков провозглашали себя учителями мира. Странно... они никогда не выходили даже за пределы своих маленьких государств, не то чтобы ходить по всей Индии. Они ничего не знали о мире, но провозглашали себя учителями мира.

Мир о них ничего не знает. Мир не признает их. Как они могут быть учителями мира? Но они нашли тому логическое обоснование, и все приняли это обоснование. Таким обоснованием стало следующее: всякого, кто побеждает в споре по теологическим, философским вопросам, в интерпретации так называемых священных текстов, всякого, кто побеждает в таких состязаниях, проигравшая сторона признает своим учителем. И тогда победитель идет по всей стране, вызывая на состязание всякого, кто претендует на звание учителя мира. Победенный, конечно, вынужден признать победителя учителем мира. Победенный должен следовать за победителем в качестве ученика.

Эти люди использовали простые лингвистические, логические дискуссии для решения вопроса о том, кто является учителем мира. Но выиграть в логическом споре – это детская игра. Вам можно не иметь никаких переживаний, вам просто нужно быть хорошим логиком. Вы можете ничего не знать о том, что есть истина, вы просто хорошо умеете спорить. Это совершенно различные свойства.

В Греции такие люди назывались софистами. С течением времени они были осуждены; но вначале они были такими же уважаемыми, как и учителя мира в Индии. Работой софистов было спорить и учить, как спорить. А ведь аргументирование – это просто игра, совсем как шахматы. Она не имеет ничего общего с истиной. Еще никто не достиг истины с помощью

аргументации. Да, вы можете победить кого-то. Вы можете даже победить человека, имевшего переживание. Если вы достаточно ясно выражаетесь и себе в поддержку можете призвать язык и логику, то это нетрудно. В то время, когда Сократ вышел на греческую сцену, софисты там были повсюду. Именно Сократ был тем, кто осудил софистику. Он сказал: «Я могу спорить от лица любой из сторон. Скажите, на какой стороне мне быть: на стороне Бога или против Бога, – я могу спорить от лица любой из сторон и выиграю спор». И он показал это. Он спорил от лица обеих сторон и побеждал на стороне и тех и других. И он первым сказал: «Какой смысл во всей этой аргументации?»

Я все это знаю, поскольку так случилось и со мной. Когда я был студентом университета, я любил только одну игру, и этой игрой был спор. Я ненавидел все другие игры, поскольку все они казались мне очень детскими. Если вы знаете искусство спора, то нет игры, которая могла бы сравниться с ним. Я переезжал из одного университета в другой для участия в дебатах, в состязаниях по ораторскому искусству.

Это случилось в университете Наджпура... Обычно выходили два человека: я и еще один человек; один из нас был за, а другой против того предмета, который выставлялся в качестве объекта спора. В тот раз человек, который должен был выступать против предмета спора, неожиданно заболел. Было уже пора отправляться в университетскую аудиторию, а у него вдруг случилось расстройство желудка. Он сказал: «Невозможно; я не могу справиться с этим, я не могу идти, я не продержусь в аудитории и пяти минут, как вынужден буду бежать в туалет... Как я пробуду там непрерывно три или четыре часа? И никто не знает, когда наступит наша очередь... невозможно».

Поэтому я сказал: «Не беспокойся. Об этом позабочусь я».

Он сказал: «Как ты собираешься позаботиться об этом?»

Я сказал: «Увидишь».

Я должен был выступать за предмет спора. Это было моим постоянным подходом, кто бы ни выступал против меня... Состязание прежде всего проводилось среди колледжей-участников – нужно было победить во всех таких состязаниях, – затем состязание проводилось в рамках университета, нужно было выиграть и его. Потом от каждого университета выбиралось по одному человеку. Они решали, кто из них будет за, а кто против. Это всегда было большой проблемой, поскольку люди, естественно, хотели выступать на более сильной стороне.

Для меня это никогда не было проблемой. Я всегда говорил: «Выбирайте себе сторону, какую хотите, оставшаяся будет моей».

«Но, – говорили они, – так не бывает. Мы должны тянуть жребий, кто за, кто против, или пойдем к вице-канцлеру, чтобы он решил. Тебе все так просто, ты даешь нам возможность выбирать. В чем тут секрет?»

Я говорил: «Секрета нет. Если вы знаете, как спорить, то не имеет значения, о чем спорить. Если вы не умеете спорить, тогда тоже не имеет значения, о чем спорить».

В тот раз я выступал за. Я высказался, и настала очередь моего противника; его имя было Карл. Я встал и прошел на противоположную сторону. Председательствовал вице-канцлер Наджпурского университета. Он сказал: «Что! Вы только что высказались за и теперь выступаете против?»

Я сказал: «Что поделаешь? Человек, которому следовало выступать против, страдает от поноса. Это не моя вина, а выступать снова для меня не проблема».

«Но, – сказал он, – только что вы выступали "за"». Я сказал: «Да, я высказался "за". Теперь послушайте мое выступление "против". Забудьте, что я – один и тот же человек. Зачем беспокоиться о личности выступающего? Нужно выслушивать аргументы. Вас не должно касаться, кто именно спорит, вас должна затрагивать аргументация». Он сказал: «Хорошо».

Я высказался против. И выиграл оба приза. Выступление «против» принесло мне первый приз, выступление «за» – второй. И я сказал вице-канцлеру: «Посмотрим, что вы скажете сейчас? Конечно, когда я спорил вместо другого человека, я старался сделать все, как можно лучше. Когда я

спорил от себя, я прекрасно знал, что стану первым, и нечего было беспокоиться. Но сам я ни "за", ни "против". Я абсолютно нейтрален. Это просто игра, а вы воспринимаете ее так серьезно».

Вот это и сделал Сократ в Греции. И софистика благодаря Сократу... Понимание, переживание, осознанность одного человека осудили все движение софистики, - а это было движение с почти тысячелетней историей. Софисты были очень уважаемыми людьми: цари посылали своих сыновей изучать софистику.

Функцией учителя было научить тому, как спорить за любую из сторон и при этом выигрывать. Его не заботила истина. Его заботой была победа, завоевание. Сократ осудил софистику; он сказал, что подход в споре не должен заключаться в завоевании, в достижении победы. Подход должен заключаться в познании истины. А вы даже имя истины используете для удовлетворения своего эго.

Однако в Индии такая софистика продолжалась вплоть до настоящего времени. Конечно, при этом она не называлась софистикой. Само это слово прекрасно; оно происходит от слова софия, что означает мудрость. Но софистика не была мудростью. То, что происходило под именем мудрости, было просто глупостью, игрой, но не поиском истины.

До Сократа софисты были очень уважаемыми, но после него само это слово стало предосудительным. Сократ доказал это так основательно и окончательно, что после него на Западе игра в софистику полностью прекратилась. Философы продолжали спорить, но их споры были не ради победы, но ради открытия, а это совершенно иная позиция.

В Индии же это продолжалось до настоящего времени. Там все еще есть джагадгуру - джагадгуру означает учитель мира; учитель мира - это прямой перевод слова джагадгуру. И вы удивитесь, как много в Индии учителей мира. Каждый шанкарачарья является учителем мира, поскольку изначальный Шанкарачарья был действительно софистом. Он ходил по стране тысячу лет назад и побеждал всех известных, уважаемых философов и ученых; он победил всех, кто вызывался спорить с ним, от одного конца страны до другого. Его ученики написали книгу Шанкара-Диг-Виджайя - завоевание мира Шанкарой. Но то был их мир. Он победил буддистов, джайнов, атеистов, других толкователей Вед и стал самым знаменитым учителем мира. А мир ничего не знает о нем.

Но как лягушка в маленьком колодце думает, что это целый мир, так и для Шанкары Индия была целым миром. За пределами Индии люди не были настоящими человеческими существами. Приговор, вынесенный Шанкарой, был точно таким же, какой выносила Индия на протяжении десяти тысяч лет: за пределами Индии живут недочеловеки, Индия - избранная страна, избранная раса, арии.

Адольф Гитлер получил идею об арийцах, ариях, из Индии. Из Индии он получил и символ - свастику на флаге. Это индийский символ, один из древнейших символов Индии, и слово «ариец» - индийское. И в основном все европейцы произошли от той же расы, что и индийцы. Это доказывается их языками: немецкий, английский, французский, итальянский, испанский, датский, шведский - все они имеют свои корни в санскрите. От тридцати до семидесяти процентов их слов выводятся от санскритских корней. Это просто означает, что изначально все эти люди произошли от одной расы.

Поэтому немцы являются ариями, арийцами. Но идея о том, что арии - избранный народ, пришла из Индии. Вот почему в Индии к Адольфу Гитлеру была очень большая симпатия - здесь две причины: Индия была против британцев, они ведь поработили ее на три столетия, эксплуатировали ее; а Адольф Гитлер пообещал, что Индия будет родиной ариев. Поэтому один из величайших индийских лидеров, Сабах Чандра, бежал из Индии, добрался до Германии, и Адольф Гитлер никого так не встречал и не приветствовал, как Сабаха. А ведь он был никем - он бежал из британской тюрьмы.

Стоит вспомнить то, что сказал Адольф Гитлер, принимая Сабаха Чандру. Он сказал: «Я лидер небольшой группы ариев. Этот человек, Сабах Чандра, пришел из изначальной родины ариев. Я представляю лишь маленький фрагмент; он представляет целую арийскую расу. Воздадим ему уважение,

которого он заслуживает». Адольф Гитлер послал Сабаха в Японию, чтобы убедить японцев начать атаку с другой стороны.

Идея о том, что вы особенные, нуждается в каком-то доказательстве, и аргументация является весьма изощренным способом доказательства. Меч не является таким уж изощренным способом доказательства вашей правоты, но аргументы в споре таковыми являются. Внешне все выглядит очень культурно, но глубоко внутри игра-то та же самая: то же самое это, то же самое заблуждение. Очень жаль, что в Индии не было Сократа. Я встречался с этими учителями мира, они настолько укрепились в идее, что они - учителя мира, что это звание стало наследственным. Когда умирает один шанкарачарья, он пишет завещание в пользу того, кто будет его преемником. Этот преемник становится учителем мира... не победив в дебатах ни единого человека. Я дискутировал со многими этими учителями мира. Они полностью забыли, что такое спор.

Мне вспомнилось... У меня был конфликт с одним джагадгуру, с одним учителем мира - то был мой первый конфликт с шанкарачарьей - на всемирной религиозной конференции. Он рассказывал простую историю, очень простую историю, которой я до того пользовался много раз. У меня нет ничего против этой истории; история красива и существенна для объяснения одной истины. И вопрос не в истине, а в том, как он говорил, что он учитель мира...

Он рассказывал историю. Может быть, вы слышали: десять слепых людей перебираются через реку, держась за руки. Когда они добрались до другого берега, один из них сказал: «Лучше пересчитаться. Мы слепые. Вдруг кто-нибудь остался в реке, течение сильное. Кого-нибудь могло унести, давайте пересчитаемся».

Поэтому они начали пересчитываться. Попробовал один - получилось девять, он ведь начал считать с человека, стоявшего рядом, исключив себя. Конечно, он дошел до цифры девять. Попытался второй... снова девять. Тогда они очень испугались, один человек потерялся. Попытался третий, снова девять; результат один и тот же. Человек потерялся.

Один человек, сидевший в стороне, наблюдал все это событие. Он рассмеялся над глупостью этих слепых. Он подошел к ним поближе и сказал: «В чем проблема? Почему вы плачете и рыдаете?»

Они сказали: «Мы потеряли одного из наших друзей. Нас было десять, а теперь только девять. Одного унесла река».

Тот человек был, как кажется, очень несерьезным, жизнерадостным. Он сказал: «Давайте сделаем одну вещь. Встаньте в линию и пересчитайтесь так, как я скажу вам. Одного из вас я ударю по голове, и он скажет "один", потом ударю два раза по голове второго, и он скажет "два". Затем я ударю три раза по голове третьего человека, и он должен сказать "три"...»

Они сказали: «Совершенно правильно». И, конечно, их оказалось десять. Они все пали в ноги тому человеку и сказали: «Ты спас нас».

Это древняя история из самого, может быть, древнего собрания историй, из Панча Тантры. На Западе известны басни Эзопа; эти басни - истории из Панча Тантры. Все истории Эзопа очень древние - на самом деле никогда не было такого человека, как Эзоп. Панча Тантре по крайней мере пять тысяч лет. Она включает все басни, которые были у Эзопа, и много, много других.

Будда любил объясняться посредством басен, он брал их из Панча Тантры. Когда на Западе люди начали постепенно узнавать о Будде, первым именем для Будды стало Бодхисат. А где из Бодхисат это имя превратилось в Эзопа, пока не известно. Но это имя Будды, превратившееся в Эзопа. Все басни Эзопа встречаются у Будды.

Этой басни среди басен Эзопа нет. Она одна из самых значительных. На протяжении пяти тысяч лет мудрые люди рассказывали ее: «Запомните, вы должны начинать считать с себя, вы первые, и вы несете самую главную ответственность. Запомните, что у другого человека второй номер. Другой человек никогда не станет первым номером, у него нет такой возможности. И тот другой доступен вашему зору, вашим чувствам. Этот другой человек - объект, стоящий вовне, видимый, осязаемый, а вы - вы внутри, там, куда не

достигают ваши чувства. Поэтому есть все возможности к тому, чтобы забыть себя, не пересчитать себя».

Я сам пользовался этой историей много раз. Но в тот день она была предметом спора, шанкарачарья рассказывал ее с надменным видом; я вынужден был встать и сказать: «Вся эта история абсурдна». Там было, самое меньшее, пять тысяч человек. Это был шок. В то время я был еще совершенно неизвестен в Пенджабе. Это было мое первое посещение Пенджаба. А пенджабцы и сикхи... это опасные люди, и бросить вызов их джагадгуру...

Наступила мертвая тишина. Джагадгуру сказал - он, должно быть, и не думал, что кто-нибудь может доказать абсурдность этой истории; за пять тысяч лет ни у одного человека она не вызвала вопросов - он сказал: «Подойдите к микрофону и докажите, что эта история абсурдна».

Я сказал: «Это так просто, что не требует доказательств. Как эти люди узнали, что их было десять? Они, должно быть, пересчитались до того, как вошли в реку. А если они могли правильно пересчитаться до вхождения в реку, то странно, что после выхода из реки они забыли, как сделать это. Скажите мне, как они узнали, что их было десять».

Теперь был шокирован он. Как они узнали? Если их пересчитал кто-то другой, то и в этом случае они бы знали, как это делается. Теперь они знают - нужно получить от человека удар по голове - теперь они знают, в чем была ошибка: они не считали себя. Если их пересчитывал кто-то другой, то они тоже бы знали, как это делается. Если они знали сами, как считать, то что произошло в этой маленькой речке - их арифметические способности унесло вместе с потоком? Я сказал: «Сначала вы должны ответить на этот вопрос, иначе вся эта история абсурдна».

Он не смог ответить. Он начал трястись. Он был старым человеком, через три месяца он умер. Он так разгневался, что я сказал людям: «Посмотрите, как он разгневан. Вся эта мудрость, этот покой, это молчание - куда они исчезли? Вместе с арифметикой этих десяти слепых? Он одиннадцатый слепой!»

Он пришел в такое неистовство, что если бы остался там на сцене, то мог бы сказать что-нибудь, или сделать что-нибудь, или напасть на меня, поэтому он просто бросился прочь со сцены. Я сказал: «Посмотрите, он бежит. И это ваш джагадгуру, учитель мира. Он не может объяснить простой истории, которую сам рассказал, - что же говорить о других вещах!» Но вот таким именно образом и действует софистика. Она может доказать все, что угодно, как правильное, она может доказать все, что угодно, как неправильное.

В Джабалпуре, где я провел по крайней мере двадцать лет, был один шанкарачарья, джагадгуру, учитель мира, и он жил поблизости от меня. Время от времени я, бывало, изводил его. Всякий раз, когда я видел у него людей, я приходил к нему. Как-то раз, когда я пришел к нему, он сказал: «Сегодняшнее собрание распускается».

Я сказал: «Распускаете вы собрание или нет, меня вы распустить не можете. Я собираюсь остаться и немного поспорить с вами». Я сказал ему: «Никто в мире вас не знает, - а вы все же называете себя учителем мира? Есть ли у вас для этого какие-нибудь основания?»

Он сказал: «У меня нет никаких оснований, но я не поднимаю таких вопросов на публике. Они не поймут».

Я сказал: «Да, они не поймут из-за таких людей, как вы, которые не дают ходу правильным вопросам. Это правильный вопрос. Вы знаете, что мир о вас ничего не знает, что мир не воспринимает вас как учителя». Я сказал ему: «Последуйте моему совету, и я дам вам надежные основания».

Он сказал: «Что это за надежные основания? Я готов следовать вашему совету».

Я сказал: «Просто сделайте одну вещь. У вас есть один ученик, который постоянно служит вам, - тот был почти как слуга - так вот, измените его имя».

Он спросил: «Но как это может помочь?»

Я сказал: «Только послушайте. Назовите его Джагат, мир. Джагат - очень распространенное в Индии имя, вот и назовите его Джагат, а вы, конечно,

являетесь его гуру, учителем; назвав его Джагат, вы локально станете джагадгуру».

Он сказал: «Это правильно. Тогда никто не сможет меня упрекнуть в том, что я называюсь джагадгуру».

Эти дураки... но в начале этого столетия одно из самых ложных религиозных движений в мире принесло на Запад эту идею. Этим движением была теософия. Теософия была мировым движением, и она перевела слово «джагадгуру» как учитель мира. И точно так же, как евреи ожидают мессию, так и буддисты ожидают пришествия Будды. Его имя будет Майтрея, друг. И сейчас то самое время, предсказанное Буддой, «...когда я вернусь». Так что теософское движение воспользовалось благоприятной возможностью. Теософия представляет собой смесь всех религий: христианства, мусульманства, буддизма, джайнизма, индуизма; они собрали из всех религий все то, что представлялось им хорошим, достойным. Но иногда при этом может получиться самая идиотская вещь. Вот красивый нос, отрежьте его. Чьи-то глаза прекрасны, возьмите их. У кого-то красивые руки, отрубите их. Вы собираете все эти конечности от различных людей и складываете их вместе. Вы что думаете, получите самого прекрасного человека в мире? У вас будет просто труп, а не то что живой человек. И нос, который выглядел прекрасно на одном лице, может оказаться совсем не таким красивым в новой комбинации. Глаза, выглядевшие красиво с одними волосами, с волосами одного цвета, у другого человека могут оказаться совсем некрасивыми.

Этот собранный человек мертв, и все части его разобщены; нет нити, которая могла бы связать их. Вот что такое теософия. Она взяла все красивое ото всех возможных мест. Они проделали огромную работу. И когда они натолкнулись на идею о том, что сейчас то самое время, когда должен прийти Будда, они начали – ведь только в этом случае их религия будет иметь твердые основания. В противном случае это всего лишь работа досужего ума: одни ученые потрудились над джайнскими источниками, другие – над буддийскими источниками, еще одни – над индусскими источниками.

А потрудиться даже над одним источником – это большая работа. Так много буддийских книг, так много джайнских книг. Эти источники не так бедны, как христианские – одна только Библия. Они не так бедны, как мусульманские – один только Коран. У этих источников тысячи книг, и комментарии к этим книгам, и потом комментарии к комментариям, и комментарии к комментариям к комментариям. На протяжении столетий... одна книга могла породить серии из тысяч комментариев, один комментарий на другой. Найти наилучшую часть совсем не просто, но теософы потрудились потрясающе.

У них в Адьяре – городе, расположенном в индийском штате Мадрас, – одна из самых ценных библиотек, где они собрали всевозможные источники по вопросам религии. Они нашли и обработали даже те религии, которые давно исчезли и не имеют последователей. Если они были не в состоянии найти подлинные источники, они добывали сведения из других религий соответствующей эпохи, ведь эти религии постоянно спорили между собой. Одна религия могла исчезнуть, но ее аргументация подбиралась какой-нибудь другой религией того времени, которая была еще жива. Они собирали из этих источников, из вторичных источников, и накопили огромную литературу. И они собрали по всему миру огромное число последователей, поскольку люди уже насытились старыми религиями. Было очень привлекательным то, что они взяли самую существенную сердцевину от каждой религии и создали таким образом теософию: тео означает Бог, софия означает мудрость – мудрость о Боге.

Но если бы у них не оказалось основателя, подобного Гаутаме Будде, Иисусу Христу, Кришне, Махавире, Мухаммеду, авторитетного человека, который мог бы исходя из своего собственного переживания сказать, что это так... то они остались бы лишь учеными. Ученые могли сказать: «Это написано в такой-то книге, на такой-то странице». Но у них самих не было переживания. Так что у этой религии не было основания. Поэтому теософы начали искать кого-нибудь, кого можно было бы объявить джагадгуру,

учителем мира. Вот так выражение учитель мира попало в английский язык как перевод слова «джагадгуру».

Они готовили основателя среди маленьких мальчиков. Они искали гениев, и всякий раз, когда находился мальчик, казавшийся очень талантливым, интеллектуальным, имевшим потенциал... они спрашивали себя, можно ли его подготовить и сформировать так, чтобы он стал тем самым. Это был странный эксперимент, никогда не проводившийся ранее. Буддами рождаются, ими не становятся. А вот они впервые пытались сделать Будду. Наш век привык к вещам, готовым для употребления. Поэтому они старались сделать Будду «на заказ». Конечно, они не были уверены, что из этого конкретного человека получится, или не получится, основатель, поэтому они проводили эксперимент по крайней мере с пятью людьми, о которых я знаю. Может быть, они испытывали большее число...

Один из них – Дж. Кришнамурти. Вторым был Нитьянанда, старший брат Дж. Кришнамурти. Третьим был англо-индиец, четвертым – цейлонец, и пятым был также индиец. А шестым был немец! И они пытались их готовить, применяя суровую тренировку и дисциплину. От слишком интенсивной подготовки Нитьянанда умер. Он был хрупким человеком, недостаточно сильным, а они готовили его в соответствии со всеми законами своей религии. Другой бы сошел с ума, он же предпочел умереть. Он умер только лишь от тренировок – ведь нужно было спать только по три часа в сутки, три раза в день нужно было принимать омовения, нужно было есть определенную пищу, а не все подряд; нельзя было общаться с женщинами, касаться женщин или даже разговаривать с ними – все это были различные виды подготовки.

Чтобы убить вас, достаточно и одной религии, а они собрали все религии. И мальчики были маленькими: Кришнамурти было девять лет, когда они взяли его, Нитьянанда – одиннадцать. Они обычно совершали омовения в реке Адьяр недалеко от главного местопребывания теософского движения. Рядом жил их отец, который был бедным человеком; мать их умерла, и отец испытывал большие трудности, потому что должен был целыми днями работать в качестве клерка и после этого заботиться о двух маленьких детях, готовить им еду, отправлять их в школу. И он как раз искал какую-нибудь возможность получить помощь для своих детей.

И помощь пришла от Бога. Лидбистер, человек, который был одним из лидеров теософов и о котором думали, что он способен узнавать будущее... Но это оказалось совершенно не так, потому что все пятеро, которых он выбрал, так или иначе потерпели поражение. Он каждый день видел этих мальчиков и понял, что они могут быть потенциальными жертвами. Он предложил их Анни Безант, которая была президентом мирового теософского движения.

Это было очень похоже на Иоанна Крестителя, который говорил: «Я пришел лишь для того, чтобы подготовить почву для мессии, который придет. Не мое дело передать вам послание. Мое дело подготовить почву для того, чтобы, когда придет мессия, вы смогли узнать его, и понять его, и следовать за ним». И когда Иисус пришел, Иоанн перекрестил его и сказал его людям: «Теперь мессия пришел. Мое дело окончено, теперь он примет его на себя, а я удаляюсь в пустыню». Он, конечно, не смог отправиться в пустыню – он был схвачен римлянами и обезглавлен; брошен в темницу и обезглавлен, поскольку был самым страстным человеком. Его слова всегда были полны огня. Он был в полном смысле слова пророком и к тому же революционером.

Теософы говорили: «Наша функция – подготовить почву. Вскоре придет мессия, Майтрея, друг всех, воплощение Гаутамы Будды, учитель мира, и он преобразует весь мир». Та же самая идея: спасение, избавление, преобразование всего мира; его приход просто необходим. Он уже в пути.

Они не объявили мессией никого, потому что они сами не были уверены, что получится из этих шестерых. Один умер. Если бы они объявили его; а он был гораздо более разумным, чем Дж. Кришнамурти... Если бы им нужно было выбирать из этих двоих, они выбрали бы Нитьянанду, но он вовремя умер, до того, как они смогли заставить его стать учителем мира. Другой, Радж Гопал, еще один индиец, оказался посредственностью. Они сами увидели, что

его нельзя объявлять учителем мира. Самое больше, он мог быть помощником учителя мира, но не самим учителем мира.

Немецкий парень, видя, что они все больше и больше склоняются на сторону Кришнамурти... Кришнамурти после Нитьянанды был, конечно, первым кандидатом. Немецкий парень, видя, что они склоняются к выбору Кришнамурти, немедленно откололся от группы и объявил в Германии новое движение – антропософию. Теософия означает... тео означает Бог, софия означает мудрость. Антропософия означает... антропо означает человек, софия означает мудрость. Он сказал: «Бог и все разговоры о Боге абсурдны, бессмысленны. Мы должны думать о человеке, мы должны открывать мудрость, спрятанную в человеке». Таким образом, немецкое теософское движение превратилось в антропософское.

Лидбистер, о котором думали, что он знает будущее, прежде всего не знал, что Нитьянанда умрет и не стоит зря терять на него время, – а они потратили на него двадцать лет, – не знал, что этот немецкий парень расколел движение, что не стоит тратить зря время, поскольку Радж Гопал окажется посредственностью... Цейлонца забрали обратно его родители.

Даже отец Кришнамурти пытался взять его обратно, и это дело слушалось в высшем суде Мадраса. Поскольку, когда отец услышал, что происходит там, – один мальчик убит... Он отдал своих мальчиков, думая, что они получают хорошее образование, станут кем-то; сам он ничего не мог сделать для них. Теперь один мальчик убит; другой еще там, они убьют и его; это странные люди, что творится у них, не известно никому постороннему...

Кришнамурти было запрещено даже встречаться с отцом, поскольку учитель мира должен быть выше всех привязанностей; у него нет отца, нет матери. Точно так же ведет себя Иисус по отношению к своей матери. Мать приходит повидаться с ним, услышав, что он проповедует в городе и там собралась толпа. Кто-то из толпы говорит: «Иисус, вон стоит твоя мать, она хочет повидаться с тобой». Как неприятно выглядит то, что говорит Иисус: «Скажите этой женщине, что у меня нет матери. У меня только отец – тот, что на небесах».

Тому же они учили и Кришнамурти. В конце концов отцу не оставалось ничего другого, как пойти в суд и сказать: «Мой сын должен быть возвращен». Но в Индии тогда правила британцы – кто стал бы слушать бедного индийского клерка? А Анни Безант была очень влиятельной женщиной – влиятельной в Англии, влиятельной в Индии, влиятельной во всем мире. Джордж Бернанд Шоу хотел жениться на ней. Она отказала; он был ниже ее. Она была президентом Индийского национального Конгресса. Хотя по национальности она была англичанкой, ее так уважали в Индии, что избрали президентом Индийского национального Конгресса, несмотря на то, что Индийский национальный Конгресс боролся против Британии. И она же была президентом мирового теософского движения.

Поэтому, естественно, ему было очень трудно. Дело все длилось и длилось, переходило из одного суда в другой, из высшего суда в верховный. Из верховного суда Анни Безант взяла дело в тайный совет, находившийся в Лондоне. Это было очень ловким шагом. После верховного суда в Индии это была последняя надежда.

Тайный совет находился в Англии; она взяла дело туда, и, поскольку теперь дело должно было слушаться в Англии, она забрала туда и Кришнамурти. Раз он находился вне Индии, индийские законы были неприменимы к нему. И еще у него был британский паспорт, тот самый, который дала ему Анни Безант. Анни Безант сделала его британским гражданином, поэтому законы Индии не распространялись на него.

Кришнамурти собирались объявить учителем мира. Были сделаны большие приготовления. В 1925 году в Голландии была созвана всемирная конференция всех теософов. На это великое событие собрались шесть тысяч представителей со всех стран мира. Кришнамурти собирался объявить себя учителем мира, и немедленно должно было начаться великое преобразование мира.

Но Кришнамурти так устал от этих теософов. Они были отвратительны ему настолько, насколько это только возможно. И то, что они задумали, не было

его желанием – оно было навязано ему насильно. От его имени другими писались книги, а он должен был подписываться под ними; он должен был быть объявлен учителем мира, поэтому предварительно ему нужно было проявить некоторую мудрость. Так что есть книга «У ног Учителя», про которую Кришнамурти не помнит, что он когда-либо писал ее, а между тем это одна из лучших книг, произведенных теософией. Это редкая книга, шедевр; это, должно быть, работа Лидбитера, поскольку он был искусным писателем, искусным оратором, или, может быть, это результат объединенного труда многих людей.

Эта книга сама по себе имеет огромную ценность. Кто ее написал, не имеет значения. Но Кришнамурти даже не помнит. Он говорит, что... три часа сна – и целыми днями он падал от желания спать... они распевали мантры и читали тибетские и китайские священные тексты, объясняли ему их смысл, а его тут как бы и не было вовсе... Он пребывал почти в состоянии зомби. Они получали его подпись везде, где им было нужно.

Он хорошо отомстил им. В первый день конференции он встал и объявил: «Я вовсе не учитель мира, и я распускаю организацию, созданную для меня». Специально для учителя мира была создана особая организация «Звезда Востока», ветвь теософского движения. Она должна была иметь учреждения по всему миру, секретарей, фонды, земли – все, в чем нуждался Кришнамурти, как учитель мира. Ему жертвовались замки, дворцы – и всю эту ветвь из тысяч человек он распустил. Он вернул все замки и все дворцы их владельцам и сказал: «Я покончил с этим». Лидбитер снова потерпел провал.

И почему Кришнамурти так ожесточился против идеи учителя мира? Эти теософы формировали его. То была непрерывная пытка. И вот в первый раз он смог свободно заговорить перед мировой аудиторией; теперь они ничего не сделают ему. Анни Безант разрыдалась. Но что теперь можно было сделать? А ведь он до последнего мгновения говорил: «Да, да», – а в последний момент повернулся на сто восемьдесят градусов и сказал: «Нет, я ничей не учитель».

Теософы, должно быть, по-настоящему мучили его – для его же собственного блага. На нем все еще есть шрамы, они не излечиваются. Кришнамурти все еще не излечен. Он все еще гневается на тех людей, уже давно умерших. Ни одного из них уже нет в живых. Но он все еще несет в себе следы тех лет, что провел с ними... с девяти до двадцати пяти лет, это было слишком много, ведь они пытались впихнуть в него всю мудрость мира. Мудрость таким путем не приходит. Они впихивали в него, заставляли его, старались, чтобы он все запомнил, и он делал все, что они ему говорили, ведь он был в их руках. Все это вместе привело к бунту – шрамы были так глубоки, так глубоки были раны.

Мне жаль его. То, что делали теософы, не имеет сейчас особой важности. Они все умерли, все мертвы уже как минимум сорок лет. Теософское движение исчезло, у него нет почвы. Мне жаль Кришнамурти. Если он не сможет избавиться от этого гнева, от этой ярости, то его раскрытие не будет полным. Он должен выбраться из этой ловушки. Это всего лишь память, но он попался в память, как в ловушку. Без этого он потрясающе разумный человек. Но память окружает его со всех сторон; что-нибудь напомнит ему прошлое, и у него немедленно портится настроение.

Как-то раз случилось так... мои санньясины ходят послушать его. Если у меня отпрашиваются, я говорю: «Конечно, можете идти. Можете идти, куда захотите. Если вы не спрашиваете у меня, какое кино вам посмотреть, то почему спрашиваете, кого пойти слушать? Идите, особенно к Кришнамурти, идите и садитесь впереди». Они не знают, почему я говорю: «Садитесь впереди». Когда в первый раз в Бомбее несколько моих санньясинов отпрашивались у меня, я сказал: «Идите и садитесь впереди». Они сказали: «Но почему?» Я сказал: «Это я скажу вам позже».

Они пошли и сели впереди, заняли весь первый ряд, и в тот момент, когда Кришнамурти увидел красное и оранжевое, цвета санньясинов... он так разгневался и начал выступать против санньясы, против Учителя и учеников. Санньясины были потрясены. Что случилось? Он собирался говорить о чем-то другом; он забыл обо всем и говорил только об этом. И с тех пор такое

случалось повсюду, поскольку теперь мои санньясины есть везде. Куда бы он ни отправился, он находит моих санньясинов и ведет себя, совсем как бык; вы показываете красное, и немедленно, увидев красных санньясинов, он становится подобным слону в посудной лавке. Он теряет над собой контроль. Он забывает, против кого он говорит.

Эти люди ничего не сделали ему. Я ему ничего не сделал. Но люди, о которых он думает, были его учителями, людьми, ради которых, как его учили, он должен самоотречься, по отношению к которым он должен быть учеником, которым он должен подчиняться во всем. Их духи все еще преследуют его. Если он не избавится от этих духов, он не сможет расцвести полностью. Тогда что-то внутри него будет оставаться привязанным к мертвому, к прошлому. А человек, привязанный к прошлому, к мертвому, не может быть полностью живым. Он несет так много мертвого груза, что не может видеть настоящее, он не может видеть ничего другого.

Я – не учитель мира. Я вовсе не учитель, поскольку я ничему не учу.

Обучение означает формирование. Обучать означает давать вам определенную доктрину. Обучение означает слова, идеологии, философии.

Я не даю вам ничего. Все, что я делаю, – это пытаюсь разрушить все, что вы, быть может, собрали где-то. Вы могли взять от меня, ведь вы – все еще собиратели. Как к магниту, вещи все время цепляются к вам, они идут к вам ото всех направлений, а я хочу разрушить это состояние постоянного накопления хлама. Но это трудно.

В тот день, когда я объявил о создании Самбодхи Сансад, Совета Просветленных, я огласил и несколько имен, также в качестве шутки. Но люди так глупы. Я огласил имя Сомендры, сказав, что он просветленный, хотя он и не санньясин больше. И вы знаете, что случилось? В точности то, что я и предполагал, что предсказывал. Он немедленно написал письмо... вдруг я стал «Возлюбленный Бхагаван». «Это случилось, – в письме снова и снова повторялось только одно, – это случилось».

Просветление не приходит таким путем. Это не Восточное стандартное время. Это случается, и даже очень просто: двести пятьдесят долларов и два уикенда – и это случится. Как это случилось Вернеру Эрхарду. Он, должно быть, был индийским гуру, делающим большой бизнес в Калифорнии. И это случилось ему. Посмотрев на его имя, можно подумать, что он немец:

Вернер Эрхард. Но это не так, он еврей. Он изменил свое имя – хороший ход, только евреи могут так. Если вы еврей, кто будет слушать вас? И слышал ли кто-нибудь, чтобы еврей стал просветленным? Он изменил свое имя. Бросил семью, жену, отца, мать, сбежал оттуда. И, конечно, Калифорния – то самое место, чтобы это случилось. И с тех пор это случается с любым и каждым. Когда вы заплатили двести пятьдесят долларов, нельзя сказать, что этого не случилось. Выглядело бы глупо – зачем тогда вы платили двести пятьдесят долларов?

Сомендра поступил точно так же... немедленно письмо:

«Это случилось, это случилось». И как я ожидал... он написал также письмо Тиртхе, спрашивая: «А с тобой это случилось или нет?» Ведь он постоянно состязался с Тиртхой, это состязание беспокоило его. Он вышел из санньясы не по какой-либо иной причине, а из-за состязания с Тиртхой. Он хотел быть каким-нибудь образом выше Тиртхи.

И он пытался добиться этого всеми возможными способами. Но когда он не смог справиться... Поэтому за той же датой отправилось письмо и к Тиртхе: «Случилось ли это с тобой или нет?» А я сознательно не включил Тиртху в Совет Самбодхи. Я ожидал этих двух писем. Удостоверения о просветлении не требуется – кто слышал о таком? Никогда в истории просветление не случалось путем получения удостоверения о просветленности. А дураки поверили немедленно. В конце концов, дураки есть дураки.

И помните, я говорю не только о Сомендре, это обо всех вас, о каждом. Помните, это играет в очень утонченные игры. Игры так тонки, их работа иногда так деликатна. Она почти как нейрохирургия – может быть, еще тоньше. Если при операции на мозге у нейрохирурга дрожит рука, он может оборвать в мозгу тысячи нервных сплетений. Рука должна оставаться абсолютно твердой, и нужно быть абсолютно уверенным, куда идет

инструмент, ведь в маленьком черепе помещаются миллионы нервных клеток. И все эти клетки вносят свой вклад в вашу жизнь. Все управляется этими семью миллионами клеток – ваш секс, ваша любовь, ваша поэзия, ваша математика, ваша боль, ваше удовольствие. Все контролируется этими клетками мозга.

Когда вы ощущаете что-то в своей руке, то на самом деле ощущение возникает не там; ощущение возникает в голове и проектируется на руку. Есть нейрохирурги, которые говорят, что теперь мы умеем вживлять в голову электроды. Одно из самых загадочных явлений мозга – то, что он абсолютно нечувствителен. Когда ваш череп вскрыт, в него можно вводить любой инструмент, и вы не почувствуете его, поскольку внутренние структуры мозга лишены чувствительности. Если что-нибудь оставить там, вы никогда не почувствуете этого.

Во Второй Мировой войне – это случилось три года спустя после войны – одному человеку вскрыли череп по некоторой другой причине. У него был какой-то нарост, который причинял неприятности, головную боль, ухудшение зрения. Вот в связи с этим наростом – узнать, рак это или нет, – и вскрыли его череп. Хирурги были озадачены. Это была пуля, а нарост образовался вокруг нее, закрыл ее – и человек жил три года, не зная, что у него в голове пуля. Пуля попала ему в голову, а в военном госпитале его лечили так, как если бы он был просто ранен навылет. Рану вылечили, пуля осталась.

Теперь, как говорят нейрохирурги, можно вживить электрод... на черепе, в мозгу есть семьсот очень важных точек. Эти семьсот точек контролируют всю вашу жизнь. Они представляют собой в точности семьсот центров акупунктуры для тела. То, что делает акупунктура, делали в Китае на протяжении столетий, – это попытка через тело управлять центрами мозга.

Каждый центр мозга соединен с определенным центром в теле. Поэтому, например, когда вы испытываете сексуальный оргазм, вы думаете, что это происходит в ваших гениталиях? Вы неправы, это происходит в вашей голове. Теперь имеется возможность вживить электрод в сексуальный центр вашего мозга и вручить вам пульт дистанционного управления, который можно носить в кармане. В любое время вы нажимаете на пульт и немедленно испытываете сексуальный оргазм – гораздо более сильный; он зависит от того, как сильно вы нажимаете. Вы можете испытывать столько оргазмов, сколько пожелаете.

Вы удивитесь тому, что когда этот эксперимент был проведен Дельгадо на белых мышах... Странно, почему они сделали это на белых мышах; может быть, они думали, что черная мышь не так разумна или что-то еще. Белой мышши-самцу в его сексуальный центр мозга вживлялся электрод, и ему показывали кнопку, расположенную перед ним. Он должен был нажать ножкой на педаль, чтобы испытать сексуальный оргазм.

Можно ли поверить в это: за один час он испробовал семьсот раз! – и умер! Да! Что еще можно было ожидать? То была такая великая радость, он забыл о еде. Перед ним стояла пища, вода... он даже не взглянул. Прекрасные самки белой мышши... совсем никакого интереса, ведь это кнопка дает то, чего никогда не случалось раньше. И она была под его управлением – он мог нажимать ее все глубже, глубже и глубже и продолжать бесконечно.

Все эти религии до настоящего времени просто работали над этими мозговыми центрами, не зная того, вживляя идеи в определенные центры вашего мозга посредством упражнений, тренировки, закрепления. Йога – это не что иное, как изменение химии вашего тела и создание возможности для вас управлять своими мозговыми центрами. Вот почему йог может оставаться без пищи так долго, как захочет. Это не значит, что он не голоден. Он просто все время подавляет себя с помощью определенной тренировки, которой он обучен, – можно даже не осознавать этого, такая это тренировка. Он знает позу, в которой нужно сидеть и в которой голод не возникает. В этой позе подавляется определенный центр мозга, и вы чувствуете себя так, как будто только что поели.

Йог может оставаться без воды в течение нескольких дней. Он может оставаться без дыхания. Он может выпить любой яд, который убивает

человека, лишь коснувшись языка; он может выпить этого яда столько, сколько вы захотите. Йогов фотографировали, просвечивали рентгеновскими лучами; яд не воздействует на них совсем, он просто проходит через их систему, не взаимодействуя с ней. Они ведь знают, что делать с системой, они таким образом подготовили свое тело – изнурительными, тяжелыми, многолетними процедурами, но они добились этого, испытали это.

Мусульманские факиры подрезают себе язык снизу у основания. Они подрезают его очень постепенно. Приходит время, когда язык больше не держится. Когда он не держится, его можно повернуть вверх и закрыть им нос изнутри. Тогда дышать невозможно: рот закрыт, нос закрыт. Но при определенном положении язык нажимает на нужный центр мозга, который позволяет существовать, оставаться живым, без дыхания.

Все религии делают то, что, может быть, не осознается человеком. На самом деле, наверное, даже сами так называемые учителя не осознают, что делают, но результаты их деятельности налицо. Эти результаты не имеют ничего общего с реализацией, просветлением, осознанием. Они не имеют ничего общего с познанием истины вашего бытия и бытия всей вселенной.

Поэтому помните, когда я говорю что-нибудь... например, я называл имя Сомендры, но я не просто смеялся над Сомендрой. Мои слова не относились к Сомендре. Вы должны посмотреть на себя. Здесь находится Сантош. Знаете, что он написал? Можно было точно предсказать... Я знал, что он напишет: «Бхагаван, на меня не произвело большого впечатления то, что я объявлен просветленным. Но меня очень впечатлило то, что я избран в совет просветленных».

Видите противоречие? Сначала: «На меня не произвело впечатления то, что я объявлен просветленным», – тогда зачем вообще беспокоиться и писать мне? Ведь никто другой не написал ничего! Вы хотите показать мне, что это не произвело на вас впечатления, что вы выше этого. Просветление гораздо ниже вас; оно не впечатлило вас. Но на вас это произвело впечатление – иначе не было бы нужды писать это письмо. Зачем напрасно тратить бумагу? Зачем это напрасное письмо?

Если на вас это не произвело впечатления, хорошо. Я объявлял вас просветленным не для того, чтобы произвести на вас впечатление. И в том же самом предложении он говорит: «Но меня впечатлило то, что я включен в совет просветленных». Почему на вас произвело впечатление то, что вы включены в совет просветленных? Если вас не впечатляет просветление, то что значит для вас этот совет? Он не значит ничего. Если просветление ничего не значит, то быть включенным в совет значит для вас много?

Вы ничего не скроете от меня. Просветление на вас произвело впечатление. Если бы ваше имя не было объявлено, вы были бы в том же положении, что и Сомендра. Он так постоянно, и так безнадежно, желал, чтобы его считали главным учеником. И моя забота заключается в том, чтобы здесь не было главных учеников. Нет учителя, нет обучаемых, тогда какой смысл быть главным? Кто главный ученик? Никто не главный ученик.

И почему на вас должен производить впечатление факт включения в комитет? Это то же самое это, входящее через заднюю дверь. Вы захлопнули перед ним парадную дверь: «На меня это не произвело впечатления», – быть под впечатлением от этого было бы эгоистично. Вы захлопнули перед ним парадную дверь, а оно говорит: «Хорошо, я войду через заднюю дверь». И оно незамедлительно входит в том же самом предложении.

Моя работа здесь может быть названа абсолютно неблагодарной.

Я должен бить вас, я должен ранить вас, я должен удалить из вашего сознания обширную раковую опухоль.

А вы продолжаете подкармливать ее. Я пытаюсь ее удалить, а вы пытаетесь ее возвращать. Это проявляется даже в том, чтобы не проявлять никакого эго.

Теперь Сомендра распространяет по всей Европе новость о том, что он объявлен просветленным. Прямо сейчас он собрал сто пятьдесят человек в Голландии – и среди них много санньясинов, большинство из них санньясины. Он стал просветленным. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы человек стал просветленным с помощью удостоверения? Я что, получил от кого-нибудь

удостоверение? Это не вопрос каких-либо удостоверений, это не вопрос объявления. Просветление – вопрос вашей реализации, и оно может случиться в тот момент, когда вы получаете мое письмо. А теперь, когда Сомендра услышит то, что я говорю сегодня, его просветление исчезнет.

Третье письмо я получил от Гунакара из Германии, который много раз становился просветленным и много раз непросветленным. Всякий раз, когда он приезжает в Германию, он становится просветленным. Затем он возвращался и когда приходил ко мне, я объяснял ему, и в ответ он говорил: «Да, это глупо, но что делать? Такое большое желание...» И он снова становился непросветленным. С тех пор, как я прибыл в Америку, он больше не появлялся. Может быть, из страха... ведь всякий раз, когда он приходил ко мне, он становился непросветленным. Когда он приезжает в Германию... Германия намного лучше. У него есть прекрасный замок и несколько санньясинов, заботящихся о нем, и тогда он становится снова просветленным, и все они признают его просветление.

Я получил его письмо. Он очень разгневан, поскольку у него было великое состязание, такое же, как у Сомендры с Тиртхой. У него было состязание с Сомендрой. Оба были кандидатами на просветление. Теперь, когда этот Сомендра получил его, Гунакар очень разгневался; он написал мне очень сердитое письмо, в котором говорится: «Я хочу отбросить санньясу и забыть все это. Как мог Сомендра стать просветленным?»

Какое вам дело до того, что Сомендра стал просветленным? Пусть становится! Но раньше Гунакара? Это невозможно. А он объявлял себя просветленным много раз, но ему нужно удостоверение; вот о чем было это письмо: «Срочно необходимо удостоверение». Иначе как он сможет сражаться с Сомендрой? Они слали друг другу письма и писали там странные вещи, рассказывающие, что такое есть просветление, – абсурдные вещи, бессмысленные вещи; оба занимались одним и тем же.

Я сказал им обоим: «Не тратьте зря время. Это не способ доказать ваше просветление, и даже если вы убедите Сомендру, что вы просветленный, будете ли вы просветленным? Или если Сомендра убедит вас, что он просветленный, будет ли он просветленным? Тогда все просто, взаимное понимание: вы оба признаете друг друга просветленными, и покончим с этим.. Это проблема только для вас двоих».

Нет, вам трудно понять меня, мои способы, мои инструменты. Вам трудно увидеть, что я делаю, почему я так делаю.

Все, что происходит здесь вокруг, нужно только для одного: чтобы разгрузить вас от всего того, что вас тяготит, сделать вас такими легкими, что если у вас вырастут крылья, то вы полетите.

Единственный правильный комментарий пришел от Майтреи. Он сказал Шиле: «Бхагаван шалит». Это правда.

БЕСЕДА 21

ПРОСВЕТЛЕНИЕ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ

19 ноября 1984

Бхагаван, что такое просветление? Развивались ли переживание и идея просветления с течением времени?

Просветление не есть что-то особенное, это одно из самых простых и естественных явлений. Лишь из-за самой своей простоты и естественности оно стало необыкновенно трудным для человеческого понимания.

Человеческий ум притягивает трудное. В трудном есть вызов, что-то, требующее доказательства, что-то необходимое для того, чтобы почувствовать свой характер. Человек интересуется путешествием на Луну. Это абсолютно бессмысленно. Там совершенно ничего нет; мертвая планета. Но человек готов рисковать своей жизнью, чтобы добраться до мертвой планеты, где он не встретит никого, с кем можно было бы просто поздороваться.

Человеку интересно забраться на Эверест. Вершина, высочайшая вершина мира, так узка, что вы вряд ли устоите на ней. Там ничего нельзя делать, там нечего делать... вечные снега. Но за сто лет сотни искателей

приключений взбирались на Эверест. Большинство из них умерли в пути, но это не отвратило новых искателей приключений, новых восходителей.

Нужно очень ясно понять смысл: трудное притягивает, потому что оно удовлетворяет эго.

Невозможное очень притягательно; оно тянет вас рисковать всем, даже жизнью. Ведь если вы сможете справиться с тем, о чем раньше думали, как о невозможном, то вы удовлетворите свое эго таким способом, которым до вас никто не сумел его удовлетворить. Вы первый человек, подобно Эдмунду Хиллари на Эвересте, первый человек в истории, но какой в этом смысл? Что вы выиграли? Что выиграло человечество? Нет, никто не задается таким вопросом. Глубоко внутри все знают ответ. Поэтому никто и не задает такого вопроса.

Чем труднее, чем невозможнее – тем притягательнее: в самой невозможности – очарование. Для эго неинтересно простое, неинтересно обыкновенное, повседневное, то, что делает каждый. Из-за этого глупого эго религии превратили просветление тоже во что-то трудное, может быть, самое трудное во всем существовании. Так должно быть. Это осознание Бога, это осознание вечности. Это простирается за пределы смерти; это движение к самой загадке существования.

Все религии в мире эксплуатировали ваше эго. А эго очень неравнодушно к тому, что его эксплуатируют; оно просто готово к тому, чтобы его эксплуатировали: покажите ему цель, дайте ему путь, сделайте этот путь трудным, почти невозможным. Я говорю почти невозможным; я не говорю абсолютно невозможным, поскольку, если вы сделаете путь абсолютно невозможным, эго потеряет надежду. Вы должны держать зажженной свечу надежды. Трудно, но возможно – почти невозможно, но все-таки возможно. Возможно только для редких сверхчеловеческих созданий.

Все религии выучили эту простую стратегию, с помощью которой они увлекают человека. И они хотели бы, чтобы этот интерес сохранялся всю его жизнь. Здесь нет того, чего вы достигаете сегодня и с чем кончаете завтра. Религия не имеет дела с товаром, который можно получить сегодня и который кончится завтра. Она имеет дело с товаром, который вы никогда не получаете, вы получаете лишь надежду на него.

И вы все время надеетесь, пока не придет смерть и не уничтожит вас. Само просветление абсолютно просто, но сказать так – значит уничтожить все духовенство. Сказать, что просветление обыкновенно, – значит удалить саму основу всех религий, все их великие священные писания, великих учителей, раввинов, мессий. Какой смысл будет во всех этих людях, если просветление – обыкновенное, простое, человеческое переживание?

Нет, все они будут отрицать, что оно простое и человеческое. Все они будут настаивать на том, что переживание – это сверхчеловеческое, труднодоступное. Индусы говорят, что нужны тысячи жизней, чтобы достичь его. Буддисты говорят, что даже Гаутама Будда, такой сверхчеловек, должен был пройти через миллионы жизней до того, как он сумел добраться до вершины, которая называется просветлением. На самом деле сама идея распространения жизни на миллионы жизней является следствием того, что переживание просветления делают таким трудным, таким невозможным, таким далеким, что одной жизни становится недостаточно.

Как это можно достичь просветления за одну жизнь? Одна жизнь так коротка. Может быть, в этом причина того, что в мусульманстве, иудаизме, христианстве не существует ничего эквивалентного просветлению. Эти три религии родились вне Индии. Эти три религии верят только в одну жизнь. За одну жизнь все, что вы можете сделать, это лишь поверить в спасителя, в мессию: цепляйтесь за его передник, и он примет вас. Нельзя полагаться на свои собственные усилия, какие усилия вы можете предпринять?

Просто взгляните на свою жизнь. Половина жизни тратится понапрасну на сон, умывание, еду, переодевание, бритье. Самые важные годы жизни тратятся на изучение всякого хлама: географии, истории, геометрии. Когда вы выходите из университета, вам почти тридцать. Если вы занимались получением степеней доктора философии или доктора литературы, то вам уже за тридцать. Лучшее время вашей жизни утекло в песок. Теперь вам нужно

жениться, и жена, и дети, и служба, и политика... все ваше время отнято этим.

Если посчитать, то за семьдесят лет не найдется и семи часов, которые были бы абсолютно вашими. Нет, всю жизнь вы постоянно заняты... кинофильмами, телевидением, радио, церковью, синагогой, вещами, которые, быть может, вам совсем не интересны... Богом... Я не могу себе представить, что за человек тот, кто интересуется Богом. И зачем? Что плохого он сделал вам? Вы не знаете даже, существует он или нет, но каждое воскресение слушаете проповеди о Боге. Люди читают одну и ту же Библию, одну и ту же Гиту, каждый день непрерывно, всю свою жизнь.

И как много лет жизни отведено вам? Всего лишь семьдесят. Как-нибудь просто сядьте и задумайтесь над тем, как понапрасну растрачивается ваша жизнь и сколько времени из нее остается именно вам. Вы не найдете и семи часов. Я абсолютно уверен, что невозможно будет найти и семи часов за семьдесят лет жизни. Если иногда у вас и есть время, то тут как тут друзья, пикники, футбольные матчи, Олимпийские игры. Вас зазывают со всех сторон.

Поэтому эти три религии никогда не разрабатывали идею просветления. В русском и английском языках нет эквивалента восточному слову, обозначающему просветление. «Просветление» – очень бедная замена. В западных языках человека, хорошо образованного, культурного, называют просветленным, просвещенным. Целое столетие, ознаменовавшееся началом развития наук, называют веком просвещения (просветления). В западных книгах по истории «очень просвещенным (то есть просветленным) человеком» называют Бертрана Рассела. По каждому вопросу его позиция очень прогрессивна; он ничего не принимает на веру просто потому, что такова традиция, – нет, он раздумывает надо всем.

Если что-то не удовлетворяет его рационально, он в это не верит. Он родился христианином, но написал книгу «Почему я не христианин», поскольку нашел в Библии множество логических противоречий, заблуждений, несообразностей и не смог принять их. И он написал прекрасную книгу, в которой представлены все его аргументы, почему он не может признать Иисуса. Он хотел бы признать его, но не может из-за противоречивости его высказываний. Он не может признать его потому, что у Иисуса нет ни логики, ни доказательства.

Какое доказательство Иисус предложил в обоснование того, что он единственный порожденный сын Божий? Так может сказать любой. Любой сумасшедший может объявить об этом. Было много сумасшедших, объявлявших то же самое. Все, кто объявлял об этом, все они были сумасшедшими. Ни у них, ни у Иисуса не было ни единого доказательства. То, что он говорит, и то, как он себя ведет, противоречит одно другому. Он говорит: «Блаженны смиренные». Но сам он совсем не смиренный человек. Он очень высокомерен, очень раздражителен, очень эгоистичен. О чем еще может объявить это, как не об этом: «Я единственный рожденный сын Божий».

Махавира, по крайней мере, признает двадцать три других тиртханкары. Он лишь двадцать четвертый. Будда признает двадцать четыре своих жизни, которые он прожил перед тем, как стал Буддой; и он признает тот факт, что Буддой могут стать и другие люди. Любой, кто пытается, стремится, способен стать Буддой. Это не его монополия. Но Иисус представляется монополистом, настоящим евреем: единственный рожденный сын Божий. Он закрывает все двери, никто другой не может быть сыном Божиим – никто до него, никто после него. Он несравненно уникален.

У индуизма есть двадцать четыре аватары, и индуизм, джайнизм, буддизм – все эти три религии, рожденные в Индии, верят в циклы. Одно творение – один цикл. И это представляется очень близким к современной физике и ее достижениям. Современная физика узнала, что существуют черные дыры, – это очень странная вещь, черная дыра. И есть белые дыры. Все, что подходит близко к черной дыре, просто втягивается в нее. Например, если рядом с черной дырой пройдет Земля, она будет втянута в нее. Это будет процесс, обратный сотворению Земли. Земля исчезнет, распадется на электроны, протоны, нейтроны, на основные элементы, из которых она состоит. Сейчас

имеются гипотезы о том, что черные дыры – это одна сторона, а белые дыры – другая сторона одного и того же явления. Черная дыра все втягивает и уничтожает, а белая дыра сотворяет все снова. Из белой дыры постоянно изливаются новые Земли, новые звезды, новые Солнца.

Всеми тремя религиями Индии признавалось, что мы живем лишь в одном сотворении. Оно представляет собой цикл, подобный тому, как солнце встает, потом садится, потом снова встает, потом снова садится, образуя цикл. Согласно джайнам, в одном цикле имеются двадцать четыре тиртханкары. Джайны ничего не говорят о всей вселенной и о вечности. Есть миллионы циклов, бесконечное число циклов. Нет начала и нет конца. В каждом цикле будет двадцать четыре тиртханкары. Если подсчитать всех тиртханкар во всех циклах, их будут миллионы и миллионы. Поэтому Махавира не представляет из себя ничего уникального. Он не пытается говорить: «Я единственный; после меня все прекращается».

Что случилось с Богом после Иисуса? Воспринял ли он идею о контроле над рождаемостью? Или Дух Святой больше не интересуется женщинами? Может быть, он стал на самом деле святым? Что случилось с Богом?

В Индии религии сделали просветление очень трудным делом, но стратегия у них при этом иная. Один цикл продолжается миллионы лет. Если вы смогли достичь просветления за один цикл, то вам повезло; в противном случае души переходят из одного цикла в другой – и снова, снова и снова лишь только движутся по одному и тому же порочному кругу.

Один человек, богатый молодой человек, слушая Будду, попросил, чтобы его посвятили в монахи. Будда сказал: «Вам нужно подумать об этом. Не будьте так торопливы», – ведь Будда знал этого человека. Он был хорошо известен в столице: может быть, он был самым богатым человеком после царя. И он жил так роскошно, что даже сам царь завидовал ему, ведь царь должен думать о многих вещах, о целом царстве, а этот человек не нес никакой ответственности.

Он жил так роскошно, как только может жить человек. Поэтому Будда знал его, знал, что он никогда даже не ходил по голой земле; целыми днями он спал, а ночи проводил в музыке, в танцах, с вином, с девушками. Он пьяница. Это чудо, что он пришел таким ранним утром. Может быть, он явился прямо от вина и женщин. Вместо того, чтобы отправиться спать, он, может быть, подумал: «Хотя бы один раз я должен послушать этого человека. Так много людей ходят к нему, говорят о нем, собираются вокруг него».

Его имя, имя этого молодого человека, было Шрони. Шрони означает того, кто умеет слушать, слышать. Так что само это имя имеет значение. Он слышал Будду впервые, и он подошел к нему и сказал: «Посвятите меня».

Будда сказал: «Подумайте над этим. Я знаю вас. Я знаю о вас».

Шрони сказал: «Если я что-то решил, то решил. Я не привык думать о чем-то дважды. Дайте мне посвящение прямо сейчас». Раз он был так решителен. Будда дал ему посвящение. Шрони стал буддийским монахом. Но он был последним из прибывших. Сарай, караван-сарай, где пребывал Будда, был переполнен буддийскими монахами.

Места для сна внутри караван-сарая ему не нашлось, поэтому он вынужден был спать прямо на ступенях. А у Будды была такая идея, что монах может иметь только три куска ткани для одежды. Один кусок он использует в качестве постели – длинный кусок одеяния, – им также он и укрывается, поэтому становится похожим на спальный мешок. Два куска он использует для себя: один для верхней половины тела, второй для нижней. Вот чем разрешено пользоваться буддийским монахам. На каменной ступени с тонким куском одеяния... он не мог спать, было к тому же так много комаров. И всю ночь монахи входили и выходили, входили и выходили, а он лежал как раз на ступенях, поэтому просыпался всякий раз, когда кто-то входил или выходил.

Когда под утро он наконец, усталый, уснул, пришел Будда, разбудил его и сказал: «Еще есть время; возвращайтесь домой. Никто не знает, что вы стали санньясином. Когда люди узнают, вам будет трудно вернуться. Возвращайтесь. Я знаю, всю ночь вы не могли уснуть. Это трудно, кругом комары, и разрешены лишь три одеяния, и места здесь нет. А вы ведь самый

младший монах, всего лишь один день, поэтому вы не можете занять место кого-либо из более старших монахов. Здесь установлено старшинство, а вы самый последний».

Шрони сказал: «Не беспокойте меня. Какую ступеньку я занял, такую и занял. Теперь как бы ни пришлось страдать, я буду страдать. Я не умею оглядываться назад. Вопрос о возвращении назад для меня просто не возникает; я никогда не оглядываюсь назад».

Будда сказал: «Это хорошо, поскольку в прошлой жизни вы уже были монахом и из-за таких же вот трудностей вернулись назад. Поэтому я подумал, что вы и теперь поступите точно так же, ведь люди все время ходят по одному и тому же порочному кругу, действуют по старой привычке. Они продолжают двигаться в колесе привычек. Я пришел спросить вас именно потому, что в прошлой жизни вы вернулись назад. Это хороший знак того, что вы выросли, что вы прекратили возвращаться назад. Но идти вперед не просто; потребуется, может быть, несколько жизней такой определенной настойчивости, как сейчас; если вы будете продолжать, продолжать и продолжать так, то вы сможете достичь нирваны», – вот так буддист определяет просветление.

Бертран Рассел не может быть назван просветленным человеком. Он очень большой интеллект, человек рациональный, очень прогрессивный, способный сбросить пути привычного, традиционного. Но причины, из которых он исходит, все идут от ума. Он обнаруживает, что Иисус противоречив, – это утверждение ума, – что он высокомерен и вместе с тем говорит о смирении. Он говорит людям: «Блаженны нищие», – и после этого обещает им царство Божье. Здесь очевидное противоречие. Если бедность – это блаженство, тогда все святые на небесах должны быть самыми нищими, ведь это блаженство. А люди, живущие в аду, должны быть богатыми, сверхбогатыми, если идти этим логическим путем.

Иисус говорит: «Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый пройдет врата небесные». Хорошо, куда же пойдут богатые люди? Должны же они куда-нибудь пойти. Так что все богатые и сверхбогатые... короче, хотите повстречаться с Фордами, Рокфеллерами и Морганями, нужно отправляться в ад. Они все там со всеми своими богатствами. Ведь если богатые люди не могут попасть на небеса, то как туда попадут их богатства? Кто возьмет их? А может быть, ад будет и есть прямо сейчас самое роскошное место для жизни. Вы найдете здесь весь Голливуд; где же им еще быть? Все актеры и актрисы должны быть в аду.

«Блаженны нищие, ибо их есть царствие Божье». Но что такое царство Божье? Оно бедное или богатое? Если называть его «царство», это значит, что богатое, потрясающе богатое. Вот странная логика: бедность позволяет стать богатыми в ином мире; богатство отправляет прямо в ад.

Это странно. Это против всей математики, ведь эти бедные люди не смогут наслаждаться царством Божиим – они познали только нищету. Только богатые люди подготовлены к тому, как пользоваться богатством. Действительно, это их нужно брать на небеса и в царство Божье. Они подготовлены, они будут наслаждаться богатством. Что собираются делать там бедные люди? И что это за аргумент о том, что нищета делает вас блаженным в глазах Бога?

Бертран Рассел не мог согласиться со всем этим. Поэтому его и называют одним из самых просвещенных людей двадцатого столетия. Но это не соответствует тому значению просвещения, просветления, в котором я использую это слово. Я использую это слово вынужденно. В буддизме есть слово «нирвана». «Нирвана» буквально означает то, что вы сидите со свечой темной ночью и задуваете свечу. Внезапно свет исчезает, и все вокруг – тьма. Со светом исчезают и все объекты, которые были видны благодаря свету. Теперь – бесконечная тьма и молчание.

Нирвана просто означает прекращение света свечи и пребывание в абсолютной тишине. В буддизме слово тьма не предполагает плохого смысла. Тьма спокойна, в ней есть глубина. Свет на поверхности; тьма бесконечно глубока. Свет всегда ограничен, он имеет пределы. Тьма не имеет границ, она беспредельна.

Свет приходит и уходит. Тьма есть всегда. Когда есть свет, вы не можете видеть ее. Когда света нет, вы ее видите. Но она всегда есть; вы не можете найти ей причину. Свет имеет причину. Вы зажигаете огонь, подкладываете дрова. Когда дрова кончатся, свет исчезает. Есть причина – он ее следствие. Но тьма не имеет причины ни в чем, она не является следствием. Это беспричинная вечность.

Нирвана – очень простое явление. Оно просто означает «задуть маленькую свечу своего эго».

И внезапно... Реальность была всегда, но как раз из-за свечи эго вы не могли разглядеть ее. Теперь свечи больше нет, есть реальность. Она была всегда. Вы никогда не теряли ее. Невозможно потерять ее, даже если постараться.

Это сама ваша природа. Как можно потерять ее?

Это вы – само ваше бытие. Да, вы можете забыть свою реальность, но это самое большее.

Теперь обратите внимание. Реальность – это не достижение. Достижение находится в будущем, далеко. Достижение может быть трудным, почти невозможным, может требовать времени, требовать воли и борьбы. Нет, реальность – это не достижение. Вы не теряли ее. Нет способа потерять ее, даже если вы захотите. Куда бы вы ни пошли, она пойдет с вами. Она – это также и вы.

Как можно убежать от себя? Можно попытаться, но вы всегда найдете себя.

Можно спрятаться за деревьями и горами, в пещерах, но когда бы вы ни оглянулись, вы увидите себя. Куда вы уйдете от себя?

Поэтому нирвана в точности подобна тьме. Свет уходит, и остается вся ваша реальность, во всей ее красоте, благословении, блаженстве.

Но в русском и английском языках нет слова для перевода слова «нирвана». Джайны используют слово «мокша». «Мокша» означает абсолютную свободу, предельную свободу, свободу ото всех пут. И величайшие путы представляет ваше эго. Другие путы – лишь части эго: алчность, вождление, амбиция, гнев. Все, что в других религиях считается грехом, в джайнизме рассматривается лишь как путы.

Но корнем, главным корнем всего дерева вашего рабства является эго.

Поэтому отрубите главный корень, и все остальные корни отомрут сами по себе. Не стоит отвлекаться на обрубание маленьких корней, ветвей, листьев, они ведь вырастут снова.

Отрубите главный корень, и все дерево умрет.

И когда спадут все ваши путы, то что останется? Неопутанное сознание, свобода.

Эта свобода не является чем-то политическим или экономическим. Она не имеет ничего общего со словом «свобода» и с тем, что под ним подразумевается. Это просто ничем не связанное существование. Нигде вокруг себя вы не находите ничего, что сдерживало бы вас. Вы больше не привязаны ни к чему. Это состояние непривязанности они называют мокшей. Разницы нет, различна лишь терминология.

Патанджали, основатель системы йоги, дает свое собственное название. Он называет это «кайвалья». «Кайвалья» означает «абсолютная уединенность, абсолютное единство», когда нет нужды ни в ком другом. Обычно вы постоянно нуждаетесь в ком-то другом: отец, мать, брат, жена, дети. Вы постоянно страстно желаете кого-то другого. Вы не можете жить одни. Вы боитесь оставаться одни. Вы никогда не испытывали этого, но все же боитесь. Потому что с самого детства вам ни разу не говорили, что нужно уметь различать два слова: одиночество и уединенность... Все словари продолжают утверждать, что это синонимы. Это не так. Эти два слова так далеки друг от друга, как только могут быть далеки слова.

Одиночество – это там, где вы теряете другого. Уединенность – это там, где вы находите себя.

Уединенность – это обнаружение своего истинного и подлинного бытия.

Одиночество – это просто поиск другого, чтобы занять себя, ведь если другого нет, вы не знаете, что делать с собой. Всякий раз, когда вы одиноки, вы начинаете создавать для себя что-то или кого-то.

На протяжении двадцати лет я непрерывно путешествовал по Индии. И я всегда путешествовал в купе с кондиционированием воздуха. Всегда была, правда небольшая, вероятность того, что в купе будет еще один пассажир, – редко, ведь очень немногие люди ездят в купе с кондиционированием воздуха. Но иногда мне представлялась великая возможность понаблюдать за другими людьми. А путешествие иногда длилось двадцать четыре часа, тридцать шесть часов или даже больше.

Я жил как раз посередине Индии и путешествовал повсюду. Поэтому, если я ехал в Калькутту, это занимало двадцать четыре часа в одном направлении, а если я ехал из Калькутты в Бомбей, это занимало сорок восемь часов. А если я ехал до Гаухати, то на это требовалось шесть дней, и надо было менять так много поездов... Но то был великий эксперимент – находиться с кем-то в одном купе двадцать четыре часа. Я не разговариваю с ним. А он пытается, он говорит: «Далеко ли вы едете?»

А я говорю: «Я еду в Калькутту. Я еду из Джабалпура. Моего отца зовут так-то. Мою мать зовут так-то. Моя профессия...» Как раз, чтобы выбить мусор из человеческих голов. И я отвечаю на все сразу.

Он говорит: «Я не спрашивал вас об этом».

Я говорю: «Я отвечаю сразу на все, поскольку потом, будьте добры, молчите – ни одного вопроса за сорок восемь часов. Если вы хотите спросить что-нибудь еще, спрашивайте прямо сейчас. Пусть все вопросы разрешатся в самом начале. В противном случае вы вскоре спросите: «Где вы живете? Сколько у вас братьев?» Я скажу вам, что у меня одиннадцать братьев и сестер... и все!»

Он говорит: «Вы странный человек. С такими я никогда не встречался... Я только спросил: «Далеко ли вы едете?» – а вы рассказываете мне все: как зовут вашего дедушку, какой работой вы обычно занимаетесь...»

Я сказал: «Я стараюсь покончить со всем этим сразу, чтобы вам ничего не оставалось на потом».

И затем я храню молчание и просто наблюдаю за этим человеком – ему трудно. Он открывает свой чемодан, и он знает – я это знаю, – и он знает, что я знаю о том, что он делает это совершенно бессмысленно. Он закрывает чемодан, кладет его обратно, – но чем заняться? Он открывает окно, и он знает, что глупо открывать окно в купе с кондиционированием воздуха. И он знает, что я здесь, поэтому закрывает окно снова. Он начинает читать ту же самую газету, которую читал утром, снова с самого начала, идет в туалет, возвращается, вызывает проводника, чтобы тот принес чаю. Сорок восемь часов...

И через несколько часов он говорит: «Вы на самом деле не будете разговаривать?» Я храню молчание. Я не отвечаю на его вопрос, поскольку раз решено, значит решено. Потом мало-помалу он забудет обо мне, ведь сколько он обо мне может помнить? Но сейчас он страдает.

В купе с кондиционированием воздуха я видел людей, покрытых испариной, таких нервных, дрожащих. Никого нет; никто не причиняет им вреда. Я абсолютно безвреден. В самом начале я сказал им: «Я абсолютно безвреден, вам не нужно беспокоиться по моему поводу. Можете спать. Можете делать все, что вам угодно, я не буду вмешиваться. Можете танцевать, можете петь, можете гримасничать, можете делать все, что хотите. Я не тот человек, чтобы вмешиваться в чью-то жизнь. Просто не разговаривайте со мной, поскольку это будет вмешательством в мою жизнь».

И на протяжении двадцати четырех часов я наблюдаю горе и страдание без причины. У него прекрасное, комфортабельное купе, с кондиционером, чистое, хорошее питание, всегда к услугам проводник. Но это для него не вопроса Это для него не проблема. Настоящая проблема в том, что он не находит вокруг себя никого, с кем можно было бы заняться. Хотя бы кого-нибудь, пусть даже врага, хотя бы что-нибудь, пусть даже ссору. Тогда он будет занят и сможет забыть себя. Я не позволяю ему забыть себя – вот в

чем неприятность. Он в испарине. Он нервничает, поскольку знает только одно: он в одиночестве. Но он никогда не испытывал уединенности.

И когда он сходит на своей станции, я снова говорю ему: «Вот посмотрите. Запомните одну вещь. Я был в том же самом купе. Я не покрывался потом. Я не нервничал. Я не открывал и не закрывал постоянно свой чемодан. Я без необходимости не вызывал проводника. Я не читал снова и снова одну и ту же газету. Почему вы делали все это? Видите ли вы разницу? Я был уединен, а вы были одиноки. Запомните это. Может быть, когда-нибудь это поможет вам».

Кайвалья означает уединенность. Это слово Патанджали для обозначения просветления. В русском и английском языках нет слова, которое смогло бы передать эти потрясающие проникновения в сущность. Слово просветление было выбрано по той простой причине, что вы становитесь как бы полны света.

Да, это проблеск света, беспричинный – идущий не извне, но от взрыва изнутри. После него внезапно возникает состояние, когда нет проблемы, нет вопроса, нет поиска.

Внезапно вы оказываетесь дома, впервые в непринужденной обстановке, вы никуда не идете, впервые вы в состоянии «здесь и сейчас»...

Просветление – это очень простое и обыкновенное переживание.

Я подчеркиваю это снова и снова, поскольку я не священник, я не раввин, я не мессия. У меня нет желания эксплуатировать никого в мире.

Моя функция совершенно иная. Я хочу разделить с вами то, что переполняет меня.

Мне ничего не нужно взамен. Уже то, что вы разделяете со мной мои переживания, обязывает меня по отношению к вам; я благодарен вам.

Вот почему я говорю, что это первая религия в мире: все те религии заставляли вас быть благодарными мессии, тиртханкаре, Учителю – но почему?

Почему вы должны быть благодарны Иисусу, или Будде, или кому-нибудь еще? Если у Будды имеется чего-то так много и он переотягощен этим, подобно облаку, полному дождя, в огромном желании пролиться на вас, – а так оно и есть: Будда хочет пролиться на вас, – тогда кто должен чувствовать себя обязанным? Он или земля, принимающая дождь, открывающая свое сердце и приветствующая его?

Настоящий Учитель благодарен ученику, приверженцу. Лишь псевдоучитель старается удовлетворить свое эго посредством учеников, толпы учеников, количества учеников.

И поскольку все уже и так есть в вас в силу вашей собственной природы, я не даю вам ничего. Все, что я делаю, это просто помещаю перед вами зеркало, чтобы вы могли взглянуть в него. Зеркало ничего не теряет в вашем изображении, когда вы смотрите в него. Или вы думаете, что оно становится менее зеркалом от того, что вы посмотрелись в него? Вы посмотрелись в него дважды, вы посмотрелись в него трижды – и оно израсходовалось, растратилось?

Нет, на самом деле, чем больше вы смотрите в зеркало, тем больше вы чистите его, ведь вам нужно смотреться в него. Если в него никто не смотрится, на нем собирается пыль. Зеркало благодарно вам за то, что вы смотрите в него и все время чистите его. Но само зеркало не дает вам ничего. Хотя, так или иначе, оно дает вам... оно дает вам вас. Оно отстраняет все ваши неправильные идеи о себе и показывает вам ваше оригинальное лицо.

Вы спросили. Шила: Развивались ли переживание и идея просветления с течением времени?

Переживание остается тем же самым. Оно не может развиваться, поскольку оно – не вещь. Это такое переживание, когда все вещи и мысли отброшены – просто чистое зеркало, пустота. Каким образом пустота может стать еще более пустой? Если она может стать еще более пустой, то, прежде всего, это значит, что она пустотой не является.

Пустота, уединенность, свобода – все эти различные названия могут быть только полными.

Это подобно кругу в геометрии. Нельзя начертить полкруга; или можно? Если это половина, то, значит, не круг. Перед этим вы могли подумать, что можете начертить полкруга, что в этом неправильного? Вы не можете начертить полкруга, потому что, именно потому, что это половина, а не круг. Это лишь дуга. Круг же всегда полный. Он не может быть другим. Поэтому, когда бы ни случилось просветление, десять тысяч лет назад, сейчас или через десять тысяч лет в будущем, это будет то же самое переживание. В том, что касается переживания, оно одно и то же.

Но идея развивается, концепция развивается. Вы должны понимать различие между переживанием и идеей. Переживание имеет место, когда вы абсолютно бездумны, бессловесны, в абсолютной пустоте, без движения, в предельном покое. Когда вы переводите переживание на язык слов, оно становится идеей, оно становится концепцией. Тогда, конечно, как развивается язык, развивается человек, так развивается и идея, развивается концепция.

Например: иудаизм, христианство, мусульманство используют очень сырые и примитивные термины – царство Божье. Это очень примитивный способ указания на просветление. Но Иисус – бедный человек, некультурный, необразованный, сын плотника, рожденный в очень примитивной стране.

Будда родился за пятьсот лет до Иисуса, но то была вершина развития Индии. Индия с тех пор никогда не достигала таких высот, даже теперь, и, может быть, никогда не достигнет. Языки развились до такой точности, до такой научности выражений, до такой прекрасной поэтичности. Ни один язык не может состязаться с санскритом. В мире есть прекрасные языки, потрясающе прекрасные языки. Но ни один язык не может состязаться с санскритом. У него такая длительная история развития, что для переживания, подобного просветлению...

В русском и английском языках потребовалось использовать слово «просветление», и вы должны знать, что в результате может возникнуть неправильное понимание из-за того, что слово просветление-просвещение используется также и в других контекстах. Бертран Рассел просветленный человек. Кант просветленный человек. Гегель просветленный человек. Но ни один из них не является просветленным в том смысле, в котором я использую это слово. Они далеки от просветления – гораздо дальше вас, поскольку они больше вас пребывают в своем разуме, у них гораздо более натренированные умы, поэтому они заключены в свои умы, как в тюрьму. И они даже не слышали... Бертран Рассел прожил сто лет и даже не слышал о просветлении в том смысле, в котором я использую это слово.

Будда говорил на другом языке, языке, который развивался бок о бок с санскритом. Он говорил на пали. Махавира говорил на пракрите, другом языке, может быть, еще более древнем, чем санскрит, может быть, самом древнем из всех языков в мире. Само его название указывает на это. Вам следует понять: «праkrit» означает «природный», а «санскрит» означает «очищенный». Само слово «санскрит» означает «очищенный», «культурный». Праkrit – это язык, не являющийся очищенным, утонченным. Это не язык ученых, образованных людей; это язык масс. Но он пережил, конечно, гораздо больше, чем санскрит, поскольку санскрит – это не что иное, как очищенный праkrit, это как в случае с сырой нефтью: вы очищаете ее, и она становится бензином, вы очищаете ее дальше, и она становится чем-то еще...

Санскрит – это очищенный праkrit. Праkrit похож на необработанный алмаз, только что добытый из шахты, не отшлифованный, не ограненный, еще не получивший своей формы. Но в нем тоже есть своя красота, поскольку в нем есть естественность. Санскрит очень утончен, очень отшлифован. Десять тысяч лет миллионы браминов очищали его, придавали ему такие качества, которых нет ни в одном другом языке.

Очень трудно переводить что-либо с санскрита, поскольку в санскритском алфавите пятьдесят две буквы – охвачены почти все возможности. Вы не сможете произнести больше звуков, чем пятьдесят два. Они покрывают все возможности человека по произнесению звуков. При переводе возникают

проблемы, поскольку у вас нет пятидесяти двух букв. Поэтому отсутствующие буквы приходится как-то воссоздавать. То же относится и к словам.

Поскольку переживание просветления насчитывает тысячи лет, различные люди используют различные языки, используют различные слова – «нирвана», например. «Нирвана» – это санскритское слово. Будда, на самом деле, никогда не использовал этого слова. Пали – язык масс, и поэтому Будда использовал слово «ниббана». Это сырое, грубое слово, ниббана. Санскрит ограничил его, сделал его округлым: нирвана... в этом слове есть музыка.

Но ожидать такой же утонченности от Иисуса нельзя. Иисус в затруднении. Он вынужден пользоваться доступными для него словами Ветхого Завета. И он, должно быть, ощущал эти трудности, в результате которых попал в ненужные неприятности. Если бы он использовал какие-нибудь другие слова, а не «царство Божье», он, быть может, не был бы распят, и христианства не было бы вовсе.

«Царство Божье» породило подозрение у римлян, правивших Иудеей. Они подумали, что этот человек действительно имеет в виду царство, ведь римляне никогда не были настроены по-философски. Они не такие, как греки. Они не породили ни одного Сократа, или Платона, или Аристотеля, или Гераклита, или Диогена, ни одного человека, который мог бы войти в созвездие философов. Римляне были солдатами, великими солдатами. Но жизнь солдата и его работа очень недолговечны. Поэзия же продолжается долго, философия длится долго. Но римляне были лишь солдатами. Они не могли себе представить то, о чем говорит этот человек. Они испугались. Они действительно были испуганы. Царь Ирод, восседавший на иудейском троне, слышал эту еврейскую историю: «Вскоре родится мессия. И когда родится мессия, вы будете спасены от страданий». Естественно, Ирод подумал: «Это означает, что вы будете спасены и от рабства тоже, станете свободными от власти Римской империи». Он приказал своим солдатам: «Найдите всех детей моложе двух лет и убейте их всех. Не оставляйте ни одного ребенка моложе двух лет», – ведь евреи говорили: «Мессия родился, ему уже теперь около двух». И слух об этом распространился очень быстро, как лесной пожар, поскольку все ждали мессию. Они так много страдали, у них не было ничего, кроме надежды. А это был чистый слух. Но Ирод так испугался, что приказал произвести массовое избиение всех детей моложе двух лет.

Иосиф и Мария как раз услышали, что может произойти, что уже началось в столице. Они поскорее отправились в деревню, в маленькую деревню. Вифлеем был очень маленькой деревней, настолько маленькой... Может быть, об этом была какая-то история, я не знаю, ведь говорят, что евреи смеялись над той идеей, что мессия родился в Вифлееме. Они говорили: «Слышанное ли это дело, чтобы мессия родился в Вифлееме?» Может быть, это было что-то похожее на индийский город под названием Хошьяпур. Хошьяпур означает «город мудрых», но слух об этом городе такой, что каждый человек там – идиот. Если вы путешествуете по Пенджабу вблизи тех мест, не спрашивайте никого, откуда он. Если он из Хошьяпура, будут трудности. Тогда последует: «Почему вы задаете этот вопрос? Что вы имеете в виду? Вы что думаете, мы все идиоты?»

Немедленно возникнут неприятности, поскольку житель Хошьяпура не может согласиться с этой мыслью, но слух этот кажется достаточно старым... Даже во времена Акбара, четыреста, пятьсот лет назад, миф о Хошьяпуре уже существовал. И история говорит, что все они объясняли Акбару: «Мы такие же нормальные люди, как все остальные. Но мы не можем произносить название нашего города, когда кто-то спрашивает об этом. Если мы говорим Хошьяпур, люди начинают смеяться и говорят: "Вы, должно быть, шутите". Никто не верит. А если поверят, то думают, что мы идиоты».

Поэтому они попросили Акбара: «Пожалуйста, пришлите следственную комиссию рассмотреть дела Хошьяпура и объявить, идиоты мы или нормальные люди, чтобы просто покончить с этим вопросом». Никто не знает, от кого это пошло. Может быть, само название Хошьяпура подсказало эту мысль: «Город мудрых». Название подсказало мысль, поскольку оно означает город мудрых... ведь так трудно найти хотя бы одного мудрого человека, – а здесь целый город мудрых, скорее всего, там все люди дураки.

Акбар послал комиссию. Одиннадцать весьма образованных людей из двора Акбара прибыли в Хошьяпур, а в Хошьяпуре были сделаны тщательные приготовления, чтобы встретить их и доказать: «Мы не идиоты». Все шло хорошо. Эти одиннадцать человек были удивлены тем, что все эти слухи – абсолютная чепуха, что все эти люди нормальные, лучше чем нормальные. Каждый вел себя наилучшим образом. Все выглядели более чем нормальными. Их ответы были мудры, они ведь готовились несколько месяцев. Когда комиссия собирается прибыть на три дня, а вы должны доказать раз и навсегда... от этой дурной славы нужно было избавиться.

Все шло хорошо, и комиссия была очень счастлива. Глава комиссии сказал: «Я очень счастлив, и я скажу великому Акбару: "Эти люди не только нормальные, они гораздо больше, чем нормальные, они гораздо лучше"». И жители Хошьяпура тоже были чрезвычайно счастливы. Они отправились провожать комиссию и провожали ее на расстояние многих миль. Невозможно было убедить их вернуться назад, так они были счастливы. За всю свою жизнь они не были так счастливы, ведь теперь сам великий Акбар объявит: «Вы превосходите нормальных людей».

Возвращаясь, они начали обсуждать, не совершил ли кто-нибудь какой-нибудь ошибки или чего-нибудь такого? Один человек сказал: «Я совершил ошибку, но я побоялся сказать, ведь вы убьете меня». Он был поваром – лучшим поваром в Хошьяпуре, – он готовил пищу тем одиннадцати членам комиссии.

Они спросили: «Какую ошибку?» В Индии есть небольшая специя, она называется джира, небольшая специя, ничего значительного, но она придает хороший вкус пище... Он сказал: «Я забыл положить джиру в дал».

Они сказали: «Ты испортил все. Что подумают члены комиссии? Они подумают: "Эти люди абсолютные идиоты, они не знают даже о джире, о которой знает любой деревенщина. Даже идиоты знают, для чего существует джира!" Что они подумают? И ты так много дней молчал!»

Они пустили своих лошадей вскачь, остановили комиссию и сказали: «Дайте нам еще один день».

Комиссия спросила: «В чем проблема?»

Они сказали со слезами на глазах: «Еще один день».

Но комиссия сказала: «Нет проблем. Все прошло совершенно прекрасно. Мы подготовили наш отчет, и вы будете объявлены царем превосходящими всех».

Они сказали: «Мы не согласны. Была совершена великая ошибка – и вы знаете это. Вы лишь из благодарности и доброты говорите нам: "Вы превосходите идиотов". Но мы и есть идиоты».

Комиссия спросила: «А что случилось?»

Они сказали: «Что не случилось?» И они вывели к ним повара, уже избитого к тому времени.

И члены комиссии спросили: «Что вы сделали с этим человеком?»

Они сказали: «Его нужно было бы убить. Он забыл положить джиру в ваш дал».

Они сказали: «Джиру? Но мы ни разу не почувствовали этого. И он готовил все так вкусно, кто стал бы думать о джире? Но одно точно, вы – город идиотов. Возвращайтесь». Они выбросили уже написанный отчет и сказали: «Отныне вы идиоты».

Так что кое-что о Вифлееме должно быть правдой. Я не знаю, в чем тут дело, почему евреи настойчиво, снова и снова говорили Иисусу и его апостолам: «Слышанное ли это дело, чтобы мессия родился в Вифлееме?» Это была маленькая деревня, очень маленькая деревушка, почти ничто. Люди Ирода убивали детей сначала в Иерусалиме. Когда они начали убивать детей в Иерусалиме, Иосиф и Мария бросились бежать в Египет. Это было единственное место, которое знали евреи. Они вышли из Египта – то было великой мечтой Моисея; он вывел евреев из Египта.

Теперь, посадив на осла Марию и маленького Иисуса – ему было, наверное, полтора года или около того, – они отправились в Египет. По пути случилась одна красивая история. Они уже отошли подальше от опасных мест, и Мария спросила: «Иосиф, ты уже придумал, какое имя мы дадим нашему маленькому мальчику?»

В тот момент, когда она сказала это, Иосиф ударился о камень и сказал: «Иисус!»

Мария сказала: «Правильно, это красивое имя. Оно подходит ему».

И Иисус был привезен в Египет. Все, что он знал, он лишь слышал от других. Он далеко и много путешествовал, но все же он был некультурным человеком, необразованным. Он не смог разработать концепции, не смог дать очищенной идеи просветления. Этого не случилось, потому что Иисус не способен был дать ее. Дураки, которые следовали за Иисусом – и помните, следуют только дураки: папы, и так называемые христианские святые, и мудрецы... – все они следовали за ним, и все они застряли там, где Иисус оставил их, ведь он был последним словом Бога. Так что развития не случилось, в противном случае они пришли бы к прекрасным концепциям, прекрасным идеям.

Ислам остановился там, где остановился и Мухаммед, а он был даже еще более необразованным, чем Иисус. Но Будда был очень культурным человеком, сыном великого царя. Самые великие ученые учили его тем знаниям, которые были известны в те дни. Махавира тоже был очень культурным. Он также был сыном великого царя. Поэтому они нашли изысканные слова, и процесс развития идеи просветления продолжился. В Индии он никогда не прекращался, поскольку в Индии есть традиция составления комментариев, которой нет ни в одной другой стране.

Люди думают, что того, что сказал Иисус, достаточно. Когда я говорил об евангелии от Фомы, я получил много писем от христиан: «В чем необходимость комментариев? Того, что сказал Фома, достаточно». Конечно, ведь все достаточно ясно, поскольку Фома тоже был необразованным человеком; его идеи не были очень сложными, их не трудно было объяснить. Но если я захочу сделать что-нибудь сложное из чего-нибудь простого, то я смогу это сделать. Мне это не трудно. И когда они слышали от меня о Фоме, они начали писать мне письма: «Мы-никогда не знали, что Фома имеет такое понимание».

Все это не имеет ничего общего с Фомой; это мое понимание. Это мое ружье на плече бедного Фомы. Я использую его, как трамплин; я использовал всех этих людей, как трамплины. Я не утверждаю, что мои слова совпадают с их пониманием. Разве это возможно? Я пришел двадцать пять столетий спустя после Будды; могут ли мои слова совпадать с его пониманием? Двадцать пять столетий не прошли бесследно. Поэтому, когда я говорю о Будде, мои слова не обязаны совпадать с пониманием Будды, они отражают мое понимание. Я использую его слова и вкладываю в них свое понимание. В Индии было так все время, что и привело к существенному развитию многих идей.

Гита Кришны – имеет тысяча комментариев к ней. Тысяча людей, самых разных, использовали свой разум, свои переживания и вложили их в уста Кришны. Конечно, если Кришна вернется, он будет в большом гневе, особенно на меня, поскольку я вложил в его уста много того, с чем он не может согласиться. Но он не придет, так что у меня нет проблем. Я не думаю, что мы с ним встретимся где-нибудь. А если даже и встретимся, я могу просто попросить у него прощения.

БЕСЕДА 22

ТЕОЛОГИЯ – ДЖУНГЛИ ЛЖИ

20 ноября 1984

Бхагаван, Вы говорите, что Бога нет. Объясните, почему человек отважился отправиться в духовное царство в поисках Бога?

Существование само по себе не имеет смысла.

Ничто в нем не имеет смысла. Смысл просто никак не относится к существованию. У существования нет цели, которой оно пытается достичь. Существование никуда не идет.

Оно просто есть.

Смысл связан с целью – с некоторым предназначением, с некоторым достижением... Проблему смысла вносит человеческий ум.

Ум – вот коренная причина всех вопросов, возникающих в вас. Ум не может непринужденно покоиться, оставляя вещи такими, какие они есть. В

этом заключается природа ума. Океаны не тревожатся о Боге. Горы не размышляют о Боге. Деревья не думают о Боге.

Взгляните на это под другим углом. В океане тонет корабль. Морален океан или аморален? Сам этот вопрос неуместен. Океан не уничтожает корабль преднамеренно, у него нет мотивов. Он от этого ничего не выигрывает. Он не стремится делать это. Если бы кораблекрушение не произошло, океан не пришел бы в отчаяние. Если оно произойдет, океан не будет праздновать победу. На самом деле для океана само существование корабля не представляет никакой заботы. Поэтому крушение корабля со стороны океана не является ни моральным, ни аморальным. Океан вне морали.

Мораль – это игра человеческого ума. Существование ничего не знает о ней.

О ней ничего не знают животные. Ее не осознают птицы. Только один человек.

А человек выделяется из всего существования своим умом. Ум дает человеку совершенно новое измерение.

Человек спрашивает: «Почему вообще есть существование? Кто создал его? За всем этим должна быть какая-то цель», – ведь ум не может постичь чего-либо, не имеющего цели. Ум устроен очень по-еврейски, он думает в понятиях бизнеса: а что мне от этого будет? Если от этого ничего не будет, то зачем это делать? Нельзя сказать: «Просто ради самого дела». Тогда вы просто безумны, вы сошли с ума.

Мне вспомнилось: кто-то спросил Пикассо – он рисовал что-то на пляже, вблизи океана. Человек стоял рядом и смотрел. Он не мог понять, что это такое. Действительно, очень трудно постичь картины Пикассо. И гений его проявляется в том, что он довел свои картины до состояния, адекватного существованию. Они неразрывно связаны с существованием. Нельзя спросить об их смысле, об их назначении, о том, что они такое. Но тот человек был совершенно прав. Он спросил: «Я ждал, я наблюдал за вами. Что вы делаете? Что это такое? Что это за картина?»

Пикассо посмотрел на него и сказал: «Я знаю, что вы ждали, вы наблюдали, и меня беспокоило, что вы собираетесь спросить меня. Я не знаю. Я сам не знаю, что это такое, и не стремлюсь узнать. Никто не спрашивает у цветов: "Что вы такое? Почему вы? Почему вы красные, почему вы голубые, почему вы желтые? Почему у вас такая форма, а не другая, и почему вы растете в это время года, а не в другое? И почему у вас такой аромат, а не другой?" Никто не спрашивает у цветов».

«Никто не спрашивает у облаков: "Куда вы плывете? В чем цель всего вашего движения?" Никто не спрашивает у звезд. Все существование в постоянном движении. Все движется, ничто не статично. Никто не спрашивает. Так почему же люди все время мучат бедного художника вопросами? Я просто наслаждаюсь тем, что пишу. Разве этого недостаточно? Я чрезвычайно счастлив тем, что вот так получилось. Я не знаю, что это такое».

Тот человек подумал просто: «Он сумасшедший!»

Но художникам все прощается. Люди вовсе и не ждут от них душевного здоровья. И поэтам все прощается. Вы же знаете, что все они немного не в себе, иначе зачем же заниматься поэзией, рисованием, когда в мире есть так много вещей, которые нужно делать? Зарабатывать горы денег, быть премьер-министрами или президентами, царями и царицами... А эти дураки растрачивают понапрасну свое время, свои жизни. И если спросить их: «Для чего?» – они не смогут ответить.

Человек направился прочь. Он сказал: «Я так и думал, что вы не знаете, что делаете: Ни один сумасшедший не знает, что делает».

Пикассо рассмеялся и сказал: «Это правильно. Я предпочел бы быть сумасшедшим, чем разумным, чем рациональным бизнесменом. Я хочу быть частью этого существования».

Ум – это часть общества. Это не часть существования. Поэтому для своего роста ум нуждается в обществе.

Чем лучше устроено общество, тем более искусным, умелым является мозг.

Вопрос о Боге возник в самом начале, может быть, десять тысяч лет назад, потому что в Риг Веде – древнейшем священном тексте – встречается одно из важнейших высказываний. Это высказывание таково: «Мы не знаем, кто создал мир. Мы не знаем, создал ли его кто-нибудь или нет». Это было, должно быть, в самом начале, когда у человека начались первые шевеления мысли: «Кто создал мир? Мы не знаем».

Да, теолог еще не появился; еще не появился человек с готовым ответом. Он придет очень скоро, он недалеко. Раз вы сказали: «Мы не знаем, кто создал мир», – ловкий человек из ваших рядов придет с готовым ответом. Он скажет: «Вы не знаете – я знаю». И немедленно он станет выше вас. Он станет мудрым человеком, священником, раввином, мессией – он ведь знает, а вы не знаете.

Позднее священники осудили это высказывание из Риг Веды, назвав его Насдиа Сутра, что означает – отрицательная сутра. Это название дано, быть может, теми людьми, которые притворяются, что знают. Но люди, написавшие эти сутры, поднявшие эти вопросы, были более непосредственны. Они просто говорили: «Мы не знаем. И, кажется, нет способа узнать, кто создал все существование, и создавал ли вообще его кто-нибудь. Может быть, оно было всегда. Есть ли необходимость в том, чтобы было начало и был конец?» Да, в человеческой истории есть начало и конец. В кинофильме есть начало и конец.

Но у существования нет начала и нет конца.

Однако ум не может постичь того, что начала нет. Ум может представить себе то, что начало отстоит так далеко, как это только возможно, на миллионы световых лет назад, ум может представить себе любое начало, но он не в состоянии постичь вселенную, у которой начала нет.

Ум ощущает некоторую внутренне присущую ему неспособность постичь безначальное и бесконечное, что и есть истина.

Но ум жаждет ответа на вопрос: «Кто все это начал?» И чтобы удовлетворить ум... иначе, задавая вопросы и не находя ответов, он становится безумным; становится все более и более отчаявшимся от безнадежности. Это становится постоянной мукой. Мы не знаем смысла нашей жизни, поэтому возникают и тысячи других вопросов... почему мы живем? Если мы лишь случайны, лишены какой-либо цели – однажды мы возникли, однажды исчезнем, не оставив за собой и следа, – то ум не в состоянии постичь всего этого. Он хочет творить историю; он хочет оставить после себя свое имя. Он возводит пирамиды, стоящие тысячи лет. Он создает монументы. Даже обыкновенные люди...

В Джабалпуре, где я жил многие годы, находится одно из красивейших мест. Одна из красивейших рек Индии, Нармада, протекает на протяжении почти двух миль между двумя горами из мрамора, чисто белые горы из мрамора тянутся по обеим берегам на протяжении двух миль – горы из мрамора. Можно видеть их отражение в реке, а в полнолуние все вокруг становится просто сказкой. Вы не можете представить себе этого.

Когда я привез туда одного из моих профессоров, доктора С.К.Саксену... потому что я неоднократно говорил ему: «Как-нибудь вы должны съездить туда со мной». Наконец, он сказал: «Я не верю, что где-нибудь может быть так, как в сказочной стране, но если вы настаиваете, я поеду». Он жил за сто двадцать миль от Джабалпура. Ну вот, я взял его с собой в ночь полнолуния в мраморные скалы. И в тот момент, когда мы вышли на реку Нармаду... он оглядывался по всем сторонам. В начале, на протяжении полумили, это была обыкновенная река. Дальше она внезапно входила в мраморный мир.

Он не мог поверить своим глазам. Он сказал мне: «Простите, что я сомневался. Подвезите меня поближе к горам, я хочу коснуться их и посмотреть, есть ли они или это какой-то трюк, фокус. Это действительно похоже на сказку, но я хочу прикоснуться и посмотреть, настоящие ли они, не сон ли это, не привезли ли вы меня в какой-то волшебный мир».

Я вынужден был направить лодку ближе к горам. Он прикоснулся к ним и взял с собой небольшой камень. Я спросил его: «Что вы делаете?»

Он сказал: «Я возьму его как напоминание, что это был не сон. Этот камень будет напоминать мне, что то была реальность. Иначе утром я начну сомневаться. Это правда, в которую невозможно поверить». Но если вы спросите о смысле этой красоты, то этого смысла нет. Если вы спросите о назначении этой красоты, то назначения нет. Это предельная красота, чистая красота. Но задумайтесь об этом, и ум немедленно спросит: «Зачем?»

Ум прежде всего хочет знать: «Почему? Где? Кем? Для какой цели?» Таково первое побуждение ума всех человеческих существ... можете представить себе, с чем они сталкивались... небо, полное звезд, - только представьте себя Адамом и Евой, первыми мужчиной и женщиной на Земле. В вас это не порождает ни единого вопроса, поскольку вы даже не смотрите на звезды; вы привыкли к ним, вы воспринимаете их, как данное. Но первыми проблесками, первыми шевелениями разумного ума... все было сказочной страной. Все было знаком вопроса.

Так много звезд. Почему? Кто создал их?

Так много деревьев, так много цветов - кто все время раскрашивает их? Восход, закат - все было взволнованно, восторженно.

И все вопросы слились в один, и этим вопросом является Бог.

Бог - это не простой вопрос. Все эти вопросы о предназначении, смысле, мотивах, начале, конце... Ловкий священник эксплуатировал ситуацию простого человеческого ума. Он говорил: «Вы не знаете - я знаю». Бог - изобретение этих ловких людей, которые сказали: «Все это создал Бог». И потом они начали измышлять о Боге, поскольку их спрашивали: «Кто этот Бог? Где он живет? Почему он сотворил все это?» Они вынуждены были придумать: «Бог всемогущий, всесильный; он может сделать все».

Как раз на днях я получил письмо. Я получаю много писем от христиан. Этот бедный парень говорит: «Вы не знаете, а чудеса случаются! Я видел чудо; оно случилось со мной. Мой грузовик завяз в грязи, я старался, как мог, но ничего не помогало. Тогда я помолился Богу - и внезапно, о чудо! Грузовик сдвинулся. А вы говорите, что чудес не бывает».

Этот бедный парень думает, что Бог так интересуется им и его грузовиком, застрявшим в грязи, что, когда он помолился, Бог тут же бросился бежать, как если бы он был механизмом. Молитва - как телефонный звонок. Бог немедленно побежал, все устроил, и грузовик выбрался на дорогу. «А вы говорите, что чудес не бывает». И все эти христиане рассказывают о своих переживаниях чудес, в точности подобных этому.

Человеческое эго находит большое удовлетворение в том, что Бог заботится о вас, знает о вас, знает даже о вашем грузовике, застрявшем в грязи. Но человек, написавший то письмо, не осознает, о чем он говорит. То, о чем он написал, не имеет ничего общего с Богом и касается лишь эго. Удовлетворяя ваше эго, ловкий священник сыграл в игру, так отвечая на вопросы, поднятые вашим умом, что одним выстрелом оказались убиты два зайца.

Ответ был удовлетворением для эго и удовлетворением для ума. Если бы он не удовлетворял эго, вы отвергли бы такой ответ. Вы бы засомневались. Вы подняли бы тысячу и один вопрос, - но это весьма удовлетворено ответом. Сомнение означало бы, что ваше эго не удовлетворено. Сомнение лучше отбросить. Это гораздо более правильно; ведь ваше эго удовлетворено. Бог сотворяет мир; он всемогущий, вездесущий, всеведущий. Он знает все: прошлое, настоящее, будущее. Если он не знает всего, то он не узнает и о вас, и о вашем грузовике, застрявшем в грязи в Орегоне. Вы понимаете всю эту идею ума и эго, вы постигаете их игры?

К настоящему времени насчитывают по меньшей мере два миллиона галактик. Наше Солнце, наша Луна, наша Земля, все планеты и все звезды, видимые невооруженным глазом, - это одна галактика. Наше Солнце находится в центре нашей Солнечной системы. Все движется вокруг Солнца. Солнце - центр одной Солнечной системы. Открыто по меньшей мере два миллиона галактик. Их гораздо больше - в этом можно быть твердо уверенными, поскольку мы не добрались до края вселенной и никогда не доберемся. Ум не в состоянии постичь этого. Ум всегда думает, что где-то должен быть край.

Когда Колумб пытался убедить людей... никто ведь не собирался идти с ним; никто не был готов. Одна лишь безумная королева Испании сказала: «Я дам денег. Пытайтесь». Для нее деньги не были проблемой. Кроме того, была известна ее склонность к безумным затеям, а эта идея захватила ее: «Очень хорошо. Если вы потеряетесь, значит потеряетесь; пеняйте на себя. Я оплачу путешествие, но вы найдите людей».

Колумбу были нужны по крайней мере девяносто человек, чтобы управлять кораблем, обеспечивать питание и все остальное. Он оценил, что путешествие займет не менее трех месяцев от момента отплытия до возвращения домой. Чтобы осуществить кругосветное путешествие и вернуться домой, нужно будет по меньшей мере три месяца. Этот подсчет оказался неверным. Но поскольку помогала королева, нашлось некоторое количество смелых людей, отчаянных людей, которые готовы были пойти с ним. И вот он отправился, а вместе с ним девяносто человек.

Папа послал Колумбу последнее предупреждение: «Я говорю вам, не делайте этой глупости. Вы будете раскаиваться, ведь сказано в Библии, что Земля плоская, поэтому однажды, когда вы подойдете к краю Земли, ваш корабль упадет вниз. Куда еще вы попадете с самого края Земли? Вы попадете в вечный ад! Обязательно должен быть край, вы не можете всегда и везде двигаться вперед. Земля плоская, поэтому у нее есть край, и вы упадете, а вместе с вами эти девяносто дураков – и они упадут. Я делаю вам последнее предупреждение: не идите против Бога!»

Но Коперник, Колумб, Галилей – эти люди не легковерны. Это не серая масса, которую может эксплуатировать священник. Колумб сказал: «Я иду. Лучше упасть с края, – но я, по крайней мере, своими глазами увижу край Земли, плоскость Земли. И я увижу, что случится после падения: где мы приземлимся, приземлимся ли мы где-нибудь вообще или будем все время падать. Посмотрим».

Но когда потекли дни... недели, месяцы... девяносто человек, бывших с ним, начали пугаться. Еще три дня – и запасы продовольствия кончатся. Они плыли уже два месяца и двадцать семь дней: «Он обещал, что через три месяца мы будем дома. Но нигде не видно и признака этого...» Все они собрались среди ночи, когда Колумб спал, чтобы убить его и повернуть назад. Ведь живым он назад не повернет, не такой он человек, чтобы поворачивать назад; он предпочтет упасть в вечную пропасть. Он не такой человек, чтобы повернуть назад. Невозможно даже говорить об этом.

Но Колумб подозревал, что эти люди могут испугаться. Он сам был в сомнении: три месяца заканчиваются, но нигде ни единого признака конца пути. Нет ни дома, ни края земли – ничего нет, и кажется, что этот океан будет длиться и длиться вечно. Поэтому, когда он увидел, что эти девяносто человек собрались, – он лишь притворялся спящим, но он не спал, – он подкрался подслушать их. Они закрыли дверь; но он подслушивал. Они говорили: «Бросим его в океан и повернем назад. Это единственный выход. Иначе мы умрем. Он умрет, и мы умрем. Он умрет из-за своего упрямства; а мы – из-за чего нам умирать?»

Колумб постучал в дверь; они испугались. Они открыли дверь, увидели Колумба. Колумб вошел. Он сказал: «Вы совершенно правы. Не нужно устраивать заговоров; можете бросить меня в океан. Но послушайте одно: запасов продовольствия только на три дня. Если пойдете назад, продовольствия нужно будет по меньшей мере на два месяца и двадцать семь дней. Три дня не помогут. Что вы будете делать через три дня?»

«Доберетесь ли вы до дома за три дня? Абсолютно точно нет. Мои вычисления, может быть, и неправильные, но эти вычисления вы можете проделать и сами: мы шли сюда два месяца и двадцать семь дней. Возвращение назад займет такое же время – если не будет безветрия, если вы не собьетесь с пути. Если вы пойдете назад правильным курсом, в чем нет уверенности, тогда вам потребуется много пропитания. У вас столько нет. Хотя у вас и будет на одного человека меньше».

«Вы идиоты! Послушайте меня. Лучше идти вперед: может быть, за три дня мы доберемся – ведь путь вперед открыт. Мы можем добраться, мы можем не добраться, но вероятность добраться есть. И я абсолютно уверен, что мы

доберемся, поскольку сегодня я видел птиц, летающих в небе. Я видел несколько листьев, плавающих в океане. Так что земля где-то рядом. Мы можем не добраться до дома, но мы доберемся куда-нибудь».

Логика была абсолютно ясной. Даже эти идиоты смогли понять, что это было правдой. Идти назад была бы верная смерть. Через три дня начнется голод. И без разума Колумба... Если же идти вперед, то была вероятность успеха, ведь он мог оказаться прав. Еще оставалось три дня. Они переменяли свои намерения. Они попросили прощения. Колумб сказал: «Нет проблем. Я сам много раз сомневался в том, что делаю. Я не беспокоюсь о себе. Я беспокоюсь о вас, это ведь не ваш проект; это мой проект, а вы без нужды оказываетесь его жертвами. Но подождите еще три дня, дайте мне мои три месяца целиком».

И через три дня он достиг Америки.

Он не попал домой. Он не достиг Индии. Это было его второй идеей, если они не доберутся до Испании, то хотя бы на полпути доберутся до Индии - с другой стороны. Ведь в одну сторону движение уже было открыто; между Испанией и Индией, между Англией и Индией путь был открыт. Они предполагали добраться хотя бы до Индии с другой стороны. И он подумал: «Это Индия». Вот почему люди, живущие там, жившие там, люди, которым принадлежит эта страна, называются «красные индейцы». Это не их название, это название, которое дал им Колумб. Они были красного цвета, а он думал, что то была Индия, поэтому и назвал их красными индейцами.

Священник делал разом две вещи. Он удовлетворял ваш ум, как бы погружал его в состояние комы: Бог есть, он знает все, и он сотворил все; и когда есть всезнающий, всеильный, вездесущий Бог, вам не нужно беспокоиться о предназначении, о цели; он позаботится обо всем этом. Он уже позаботился. Он создал человека, как наивысшее творение, призванное править всем миром животных, гор, океанов, деревьев. Он создал человека по своему подобию.

Только подумайте над этим высказыванием: «Бог создал человека по своему подобию».

Священник исполняет две вещи. Он говорит: «Вы созданы Богом по его собственному подобию, вы получаете что-то от Бога... вы Его наследники». Это помогает, утешает, устраняет беспокойство, тревогу, страх. У вас есть кто-то настолько могущественный, настолько всезнающий, настолько вездесущий, что совершенно не нужно беспокоиться о том, что он куда-то уйдет, когда у вас будут какие-нибудь неприятности и вы позовете его. Он присутствует везде. Поэтому вы можете молиться, он слушает вас. И он всемогущ, не сомневайтесь, он сделает то, о чем вы молитесь. Он может сделать все.

Поэтому вы можете просить о чем угодно, если вы просите с полной верой... вы увидите трюк. Эти трюки священник проделывал в течение всей истории человечества: «С полным доверием...» Но доверие никогда не может быть полным; «верование без сомнения...» Верование никогда не может быть без сомнения. Вот какие условия он ставит вам: если ваша молитва не исполняется, знайте, почему она не исполнилась, - не потому, что Бог не слушает вас, не потому, что он глух, не потому, что он больше не заботится о вас, не потому, что он ушел в отставку или умер, нет, - ваша вера была абсолютной. В вас есть сомнение, где-то там, в стороне, за углом. Вы испытываете сомнение, так что виноваты вы.

И когда, в конце концов, грузовик вылезает из грязи, так радостно думать, что из двух миллионов галактик, - а в каждой галактике множество солнечных систем, и в каждой солнечной системе одно солнце и множество планет - ваша крошечная Земля... Это очень крошечная Земля. Солнце в шестьдесят тысяч раз больше Земли, а это весьма среднее солнце; это не самое большое солнце, просто солнце среднего размера. Есть солнца в тысячи раз больше нашего.

Так что это маленькая Земля, и на этой маленькой Земле эта крошечная Америка, этот крошечный Орегон, ранчо «Большая Грязь»... ваш великий грузовик, увязший в грязи, - и он спешит к вам. Это так радостно.

Итак, если вы все время молитесь Богу, то в конце концов обнаружите, что вашу молитву услышали. Это радует. Тогда вы полностью забываете, что еще было сомнение. Нет, когда все так радуется, кто станет беспокоиться о таких неудобных, неприятных истинах. Нет, человек все полностью забывает, он так переполнен радостью в своей вере. Человек удовлетворен еще и тем, что его вера так сильна, что Бог вынужден слушать его.

Теперь эти дураки пишут мне, что молят за меня Бога, чтобы Бог простил меня. Они должны молиться мне, чтобы я простил их Бога, Он ведь достаточно помучил человечество. Он и вся его компания мессий, аватар, тиртханкар, паигамбар, все это великое скопище, все священники всего мира, все они сосали кровь человеческую. Им следовало бы молить меня, чтобы я простил их Бога, и их мессий, и их тиртханкар, и их аватар.

Но они просят, чтобы я был прощен, поскольку я не знаю, что чудеса существуют; поскольку я не знаю, что Иисус – истинный мессия, на самом деле единственный рожденный сын Божий. Они молятся за меня... Не менее дюжины писем в день: «В церкви мы будем молить Иисуса, Бога, чтобы вы были прощены».

Бога нет. Даже если бы я захотел простить его, это было бы бессмысленно. Нет Бога, которого я могу прощать.

И я не могу простить компанию, которая использует имя Бога и до сих пор эксплуатирует все человечество. Я не могу простить и не могу забыть, поскольку эта компания – наихудшая шайка преступников, какая только может быть. Они воспользовались вашей слабостью.

Ум слаб, ему в качестве поддержки нужен смысл. Они дают его – ложную поддержку, обещание, которое не будет выполнено. И они удовлетворяют это, являющееся одним из величайших препятствий на пути познания существования. Таким образом, двумя способами они совершают неисчислимо преступление. С одной стороны, они перекрыли уму дорогу к поиску, поскольку дали ему готовые ответы...

Истинная религия скажет: «Ваш вопрос справедлив, отправляйтесь в поиск. И нет ответа, который вам может дать кто-нибудь. Любой ответ, данный вам кем-то, будет неправильным».

Запомните это. Вопрос не в том, правилен ответ или нет. Если он дан вам кем-то другим, сам этот факт, что он дан вам кем-то другим, а не найден вами самими, означает, что он ложен.

Вы должны найти ответ сами, вы должны рискнуть всем для того, чтобы найти его.

Вопрос справедлив. Ответ неправильный.

Поэтому высказывание Риг Веды: «Мы не знаем, почему есть это существование, кто создал его, есть ли вообще тот, кто его создал», – является единственным подлинным высказыванием во всей Риг Веде, – а священники называют его «Отрицательной Сутрой». Они думают, что какой-то атеист... ведь Риг Веда – книга, написанная не одним человеком, это сборник. Сотни поэтов, провидцев, ученых внесли в нее свой вклад. Она почти как Британская энциклопедия. Четыре Веды содержат все знания тех дней, имевших место десять тысяч лет назад, содержат все, что было известно, все вопросы, которые возникали тогда. Они содержат все, это настоящая энциклопедия. Они должны быть поставлены рядом с энциклопедиями; они – не святыни. Святынь нет вообще.

Это похоже на то, как евреи и христиане сильно беспокоятся по поводу «Песни Песней Соломона» в Ветхом Завете. Они хотели бы, чтобы ее там не было. Но что они могут сделать? Она там есть. И теперь слишком поздно изымать ее оттуда. А они действительно стесняются ее. Ни один раввин ее не комментирует. Ее не комментирует ни один христианский священник. А ведь это единственное прекрасное место во всей Библии. Но поскольку это песнь любви и поет ее Соломон, восхваляющий свою возлюбленную, она оказывается очень чувственной. Я не думаю, что когда-либо хоть какой-нибудь поэт приближался по чувственности к песне Соломона. Ваши Д.Г. Лоуренс, Генри Миллер и другие могут многому поучиться у песни Соломона.

Но евреи продолжают прятать ее, христиане продолжают прятать ее. Если вы просто будете ходить в церковь, вы так никогда и не узнаете, что есть нечто, подобное песне Соломона. Ни один раввин не собирается комментировать ее, ему стыдно. Ведь Соломон представляется настолько подлинным в своих ощущениях, эмоциях, в своей чувственности, что кажется, что он как будто очень хорошо знаком с Зигмундом Фрейдом и что, может быть, Зигмунд Фрейд чему-то научился у Соломона. Впрочем, Соломону нет нужды беспокоиться о Зигмунде Фрейде.

Вы удивитесь тому, что песня Соломона – еврейское и христианское явление, но в Индии Соломона называют «Сулейман», так по-индийски произносится Соломон. В Индии есть пословица: если кто-то пытается быть очень мудрым, то ему говорят: «Не пытайся быть Сулейманом». Это значит: не притворяйся Соломоном, не притворяйся мудрым, как Соломон.

Эта пословица в Индии очень древняя. И Индия прекрасно воспринимает Соломона, поскольку она легко воспринимает Кхаджурахо. Песня Соломона должна быть выгравирована на стенах храмов в Кхаджурахо – только там она будет приличествовать, там, где камень превращен в такую чувственную красоту. Тысячи мужчин и женщин, высеченные в камне, выглядят так реально, что вам хочется обнять их. Вам будет стыдно за то, что вы не так прекрасны, не так пропорционально сложены. Песня Соломона будет самой подходящей книгой для храмов Кхаджурахо, Конарака, Пури. И в Индии это одна из древнейших пословиц: «Не пытайся быть Соломоном». Но евреи и христиане не воспринимают Соломона как действительно мудрого человека. Во всей Библии он представляется единственно иным человеком.

То же самое происходит и с Насдиа Сутрой в Риг Веде. Для меня это единственная подлинная сутра. Кто бы ни написал десять тысяч лет назад: «Мы не знаем. У нас есть только вопросы и нет ответов», – он был, наверное, человеком потрясающей смелости.

И эта смелость нужна для того, чтобы искать, разыскивать и найти, – но найдете вы не Бога; вы найдете себя.

Вы не найдете создателя, но найдете созидательную энергию, которая окружает вас изнутри и извне.

Если вы слушаете других, то тогда Бог – создатель. Если вы ищете в себе, то тогда находите божественность – созидательность.

Когда священник начал отвечать, что Бог есть, а люди начали спрашивать о Боге, они забыли, почему вообще возник вопрос о Боге. Вопрос был: «Кто создал мир?» Священник отвечал: «Бог». И в каждой стране священник мог свободно воображать себе, что такое Бог, как он выглядит.

Китайский Бог похож на китайца. У него не может быть такой бороды, как у меня. Китаец не может позволить себе иметь такую бороду, как у меня, это невозможно. У них лишь жиденькие бородки – волоски можно пересчитать по пальцам. У китайского Бога такая же борода. Когда один мой китайский друг принес мне статую китайского Бога, я сказал ему: «Вы могли бы быть немного более великодушными, хотя бы со своим Богом. Что это за борода... всего двенадцать волосков? И плоский нос, выступающие скулы... это китаец».

Индусский Бог должен быть индусом. Я рассказывал вам о Кхаджурахо. Если вы видели тех женщин, то это индусские женщины, причем не сегодняшние, а тех дней, когда они были высечены в камне. Женщин этих создавали по живым образцам, иначе невозможно было бы выдержать всех пропорций. Таких округлых грудей, как у статуй Кхаджурахо, невозможно найти нигде в мире. Но у индийских женщин такие груди были. Если у женщины не было таких грудей, таких полных, таких округлых, она не считалась красивой. В ней что-то было упущено, она не могла быть настоящей матерью. Хотя, с другой стороны, я понимаю, что у маленьких детей могли быть проблемы с такими большими грудями.

Когда я посещал... а я посещал Кхаджурахо много раз, поскольку Кхаджурахо – одно из изумительнейших явлений, эти тридцать храмов. Я спросил как-то гида, ставшего в конце концов санньясином, – сейчас он санньясин, этот гид из Кхаджурахо, – я спросил его: «Если груди такие округлые, то ребенку будет очень трудно пить молоко из них. Его носик

утонет в груди. Он будет задыхаться. Ротик будет пить, носик будет закрыт, он задохнется».

Он сказал: «Вы странный человек. Я здесь уже тридцать лет, я показывал эти храмы тысячам людей, но никто не был обеспокоен этим вопросом. Даже я сам не подумал... а ведь верно».

Я сказал: «Попробуйте подумать».

Он сказал: «Не нужно и пытаться, это абсолютно верно». При такой округлой груди носик обязательно будет закрыт, и ребенок не сможет дышать. Для детей это должно было быть настоящей проблемой. Я просмотрел все самые древние священные книги Индии; Калидас, Бхавабхути, все великие поэты описывают груди точно такими же.

На Западе грудь исчезает. На Востоке она тоже не осталась такой, какой была. Что-то идет не так. Что-то изменилось. На Западе женщина пытается быть равной мужчине во всем. Ее психология теперь другая. Теперь она хочет носить ту же одежду, что и мужчина. Естественно, ее тело меняет свои формы. Вместе с одеждой, вместе с психологией, вместе с желаниями меняется и тело: ее груди и бедра исчезают. Она становится ровной, как палка, что сверху, что снизу. Это безобразно, но если она не прекратит свое стремление уподобиться мужчине... тело следует за умом. Оно постепенно, постепенно приходит в соответствие с идеей, вынашиваемой умом.

Я гостил у племен, очень древних племен, где женщина сильнее мужчины. Когда вы впервые видите это, вы не можете поверить себе. Во всем мире мужчина выше, сильнее, мускулистее; женщина мельче, не имеет такой мускулатуры. Но у этих племен в центральной Индии выше женщина. У женщины есть мускулатура. Женщина делает всю работу, мужчина ухаживает за детьми. Естественно, он усох, он уже не тот мужчина, поскольку не применяет свою мускулатуру. Он стал женой, жена стала мужем.

Раз психология изменяется... и почему это произошло в центральной Индии? Потому что мужчина нашел, что так легче. Можно жениться на стольких женщинах, сколько захочется, поэтому мужчина начал брать себе в жены много женщин. И он начал посылать их на работы: «Иди на ферму, иди в сад, иди на реку, иди к колодцу за водой». Что бы все эти женщины делали, сидя дома? Он начал отдыхать, а женщины работать. И конечно, когда женщины работают, они оставляют детей с мужем, говоря ему: «Посмотри за детьми, поухаживай за ними».

Постепенно, постепенно женщина стала выше, сильнее. Теперь ситуация такова, что мужчина не может поколотить женщину. В центральной Индии женщина колотит мужчину, и это признается нормальным, тогда как в остальных частях Индии признается нормальным, когда мужчина бьет жену. Ему не надо даже извиняться за это. Это его право. Подобное справедливо и для центральной Индии; жена может колотить мужа, это ее право. Если он плохо заботился о детях, он должен быть наказан.

По всему миру женщина осталась маленькой, поскольку мужчина навязывал ей такую психологию: «Я больше, сильнее. Я твоя опора, твоя защита, залог твоей безопасности». И он делает женщину слабее, ведь чем слабее она, тем больше она будет зависеть от него. Поэтому не надо давать ей образования, не надо позволять ей работать, поэтому она слаба в финансовом отношении, слаба в плане образования. Она должна зависеть от вас. Куда она пойдет? Что она может делать? Как она будет зарабатывать на жизнь? Это невозможно.

Когда Бхавабхути, Калидас и другие поэты и эти безвестные скульпторы, изображавшие женщин... это не было лишь игрой воображения, поскольку так женщина изображалась не в одном только месте. По всей Индии в любом храме вы найдете такие же статуи, статуи такого же рода, с такой же фигурой. Это было обычным явлением. Но оно начало исчезать с приходом в Индию мусульман.

Когда мусульмане ворвались в Индию, они привели женщин, носивших вуаль, которая называлась буркха, черная вуаль, покрывающая все тело. Они редко видят солнечный свет; многие, может быть, вообще не видели солнца за всю свою жизнь. Они редко видят других людей, кроме своих мужей, своих

детей. Их тела бледны – должны быть такими, – слабы, хрупки. У них нет больших округлых грудей; их тела не могут поддерживать таких грудей. Когда мусульманские женщины пришли в Индию... а мусульмане были очень заинтересованы в женщинах других народов, поскольку религия разрешает им иметь четырех жен. В своем собственном обществе они не могли найти столько, поскольку пропорция всегда остается одинаковой – мальчиков и девочек рождается примерно поровну.

Вы удивитесь – у природы есть свой собственный способ подсчета, своя собственная арифметика. На сто девочек рождается сто десять мальчиков, поскольку к тому времени, когда они станут зрелыми, десять мальчиков умрут. Мальчики слабее: их сопротивляемость к болезням ниже, чем у женщин.

Так что сто девочек и сто десять мальчиков – вот естественная пропорция. Мальчиков на десять больше, потому что десять из них умрут до достижения брачного возраста. К тому времени, когда им будет по шестнадцать, количества сравняются.

Таким образом, представляется естественным следующее устройство: один мужчина, одна женщина – так должно быть. Как можно получить трех других женщин, откуда? Поэтому мусульмане захватывали чужих женщин. Вместе с мусульманами в Индию вошла паранджа, гхоонгхат, – индийская женщина также начала прятать себя в свое сари, в сари, ниспадающее через голову, чтобы никто не мог видеть ее лица. И она начала носить одежды, скрывающие ее груди. Раньше она радовалась своему телу. С приходом мусульман в Индию она начала бояться своего тела. Психологически она усохла. Быть женщиной стало грехом, это стало опасным. После мусульманского периода в Индии женщина потеряла свою былую красоту, свои былые пропорции. Она больше не женщина Кхаджурахо.

Я говорил, что в Ветхом Завете Соломон – единственный подлинный, реалистичный, живой человек. Он не священник, он не раввин и не пророк. Он истинный человек, человеческое существо. И он не стыдится быть человеческим существом или иметь человеческие качества.

То же справедливо и по отношению к Насдия Сутре в Риг Веде. Мы не знаем, кто написал ее, но кто бы ни написал ее, человечество многим обязано этому неизвестному человеку. Десять тысяч лет назад, когда все дрожало перед священниками... а то, что делали все священники, было лишь чистым суеверием. Они не позволяли людям читать священные книги, ведь, если люди прочтут священные книги, они узнают, что там написано. Узнают, что все это хлам, – но священник постоянно повторяет все это, а санскрит – такой красивый и поэтический язык, что даже чтение ежедневной газеты на нем будет выглядеть поэзией. Газета будет выглядеть великой поэзией.

Санскрит настолько музыкален, что, слушая его, вы забудете о том, что вам нужно еще и понимать смысл. Вы просто полюбите его и будете наслаждаться его напевностью, его музыкой, его ритмом. И это качество санскрита священник

Использует очень умело. Он не позволяет массам читать священные книги, поэтому они никогда по-настоящему не понимали, что же там написано. Для общения массы вынуждены пользоваться другими языками. Санскрит только для священников, для браминов. И они хранят в тайне от всех, что там написано.

Женщины полностью отрезаны от священных книг, поскольку ни одной из них не разрешается читать священных текстов, не разрешается читать Веды. Полностью запрещено читать их шудрам, составляющим четвертую часть населения страны, поэтому оказывается, что они даже не слышали о священных книгах... что же говорить о чтении их... Если какой-нибудь брамин распевает священные тексты, а шудра, прячась, старается подслушать его – этого достаточно: он может понести самое суровое наказание, смертельное наказание. И даже сам Рама, человек, которому индусы поклоняются, как воплощению Бога, совершил такой негуманный акт, единственный акт, но этого достаточно, чтобы осудить его навсегда.

Один брамин пришел к Рама со своим только что умершим юным сыном и сказал: «Мой сын умер. И это говорит о том, что какой-то шудра, какой-то

неприкасаемый где-то в вашем царстве читает Веды». Какая здесь связь с шудрой, читающим Веды? Сейчас их могут читать все, кто угодно, они есть во всех библиотеках, все шудры читают их, и ни один брамин от этого не умирает. И почему сын именно этого брамина должен был умереть, когда какой-то шудра где-то читал Веды?

Немедленно был организован великий розыск. В итоге нашли, что один шудра не читал, но слышал священные тексты. Кто-то распевал их, а он слушал, поскольку пение было таким прекрасным. В этом не было ничего плохого, но этого оказалось достаточно. Он был приведен ко двору, и Рама приказал залить ему в оба уха расплавленный свинец, чтобы он никогда не мог больше слушать.

И этот человек – воплощение Бога. Так и было сделано – такая жестокость! И это не помогло сыну брамина. Он умер, он не вернулся к жизни. Если бы он вернулся к жизни, тогда в этом был бы какой-то смысл. Сын не вернулся к жизни, а тот человек на всю жизнь стал глухим. И, может быть, оказались разрушенными клетки его мозга, его глаза – кто знает? – ведь в священных книгах не описывается, что стало с тем человеком, умер он или остался жив.

Вы вливаете огонь в оба его уха. А уши соединены с носом, соединены с глазами, соединены с мозгом; вы, может быть, разрушили такую тонкую ткань его мозга, что если он и остался жив, то стал подобен роботу. И в чем был его грех? Он услышал, как какой-то брамин распевает мантру, которую он не в состоянии даже понять, поскольку не знает санскрита.

Священник старался делать так, чтобы люди не знали многого о священных книгах; они не должны спрашивать, они не должны сомневаться: «Их функция – верить, молиться, поклоняться, и они будут вознаграждены в предстоящей жизни после смерти».

Бог – величайшая ложь, которая только может быть выражена словами.

Сейчас я смеюсь, потому что несколько раз бывал в судах. Раз я был в суде, и мне сказали: «Примите присягу именем Бога».

Я сказал: «Не упоминайте имени Бога, поскольку я не могу присягать истине именем величайшей лжи».

Судья не мог поверить своим ушам; он сказал: «О чем вы говорите?»

Я сказал: «Бог – это величайшая ложь. А вы говорите мне принять присягу именем Бога? Если вы этого хотите, я сделаю так, но помните, я принимаю присягу истине именем лжи. Тогда истина ничего не значит, присяга ничего не значит, и вы даете мне абсолютную свободу лгать с самого начала».

Поэтому он сказал: «Ну что же, есть другие альтернативы. Можете принять присягу на любом священном писании, в которое вы верите».

Я сказал: «Я не верю ни в одно священное писание. Я не встречался ни с одним священным писанием».

После чего он сказал: «Тогда есть последняя возможность: примите присягу именем конституции Индии».

Я сказал: «Я не готов принимать присягу именем этих священных писаний, в которых содержатся некоторые красивые высказывания, которые хранят в себе прекрасную поэзию, которые написаны поэтами, провидцами. Некоторые из них, может быть, знали истину; но в целом я не рассматриваю ни одну из этих книг как свякую, поэтому и не принимаю присяги. Вы что же, на самом деле думаете, что я приму присягу именем конституции, написанной политиками третьего сорта, наихудшими людьми страны?»

Тогда он сказал: «Тогда что делать? Присягу необходимо принять».

Я сказал: «Я могу присягнуть своим собственным авторитетом. Это единственный способ. Другого нет. Все другие способы созданы священниками, я не верю в священников».

Священники дали вам величайшую ложь, и затем, чтобы защитить свою ложь, они сотворили еще больше лжи, придумав, что Бог наказывает вас, что он вознаграждает вас, что он посылает вам особых посланников, что где бы ни случились неприятности, где бы ни случилось страдание, он приходит... Странно, что люди продолжают верить в это. Люди живут в страдании и горе,

а он не собирается приходить – разве только для того, чтобы вытащить грузовик! Великое чудо.

И люди умирают... так много войн... так много людей убито. А он не приходит. Как вы думаете, эти миллионы евреев, уничтоженных в газовых камерах в Германии, – многие из них были раввинами, очень знающими людьми, – они что, не молились? Он приходит, чтобы вытащить грузовик у ранчо «Большая Грязь», а что же эти миллионы евреев и сотни раввинов, уничтоженных в газовых камерах, к ним он не приходит вовсе?

Что случилось в России? После революции было убито по меньшей мере десять миллионов людей. И не богатых людей – где в России вы найдете десять миллионов богатых? – бедных людей, для которых и была совершена революция, чьим именем была совершена революция, чьим именем правила коммунистическая партия, и их убивали по ничтожным поводам... этих бедных людей. А Россия была очень бедной, одной из беднейших стран мира, потому что царь и сверхбогачи, окружавшие его, сотни лет так сильно эксплуатировали всю страну, что почти каждый голодал, страдал от болезней, умирал.

Вот человек, у которого две курицы, посмотрите на этого бедняка: у него только две курицы – это все, что у него есть. Он может продавать по два яйца в день и немного зарабатывать на этом, немного подрабатывать и еще где-нибудь, где можно подработать... теперь коммунистическая партия говорит, что все принадлежит государству; теперь эти две курицы – собственность государства. Этот бедный человек не понимает коммунизма или чего-то такого. Он понимает только одно, что у него этих двух куриц отнимают. Он пытается не отдавать их – его расстреливают, поскольку он борется против коммунизма! Он просто борется за своих двух куриц, без которых ему не прожить... такие бедные люди.

Миллионы людей расстреляны, а ведь они все были ортодоксальными, православными христианами. Русская церковь – самая ортодоксальная церковь в мире. Ватикан ничто по сравнению с нею. Она не зависела от Ватикана. Из-за своей ортодоксальности... русская церковь полагала, что Ватикан слишком либерален. Она же была абсолютно ортодоксальна. Все эти люди, молившиеся каждое воскресенье в церкви, – что случилось с ними? Что случилось с Богом? Он что, неожиданно исчез из России? Испугался коммунистической партии? Испугался Сталина? Испугался, что его расстреляют? Что случилось со всей его всеохватной мудростью, состраданием, любовью? Все исчезло, а эти миллионы людей просто умирали, умирали непрерывно.

Поэтому священники вынуждены изобретать чудеса. Они должны изобретать великие вымыслы, истории, в которых Бог творит великие вещи. Он никогда не совершает своих чудес перед вами – ни единого очного свидетельства, все только описано в книгах.

Иисус поднял Лазаря из могилы. И вот человек, воскресивший мертвого, абсолютно бессилён на кресте. Самое время было показать чудо. Он мог бы превратить крест в корону, в золотой трон. Вот это было бы чудо. Но в этот момент он ничего не может сделать. Он молит Бога... А ведь до этого чудеса творил он – сейчас же сам просит Бога о чуде. А Бог полностью глух. Иисус кричит: «Ты покинул меня?» Но с неба ответа нет.

Бога создали священники; потом, для поддержки этой лжи, они нагородили лжи еще больше. И они на протяжении тысяч лет все время громоздили одну ложь на другую. А люди все время пытались найти какую-нибудь истину среди этой лжи. Вы потеряетесь в этой теологической лжи; в джунглях лжи. Нет, это не путь к истине. Путь к истине лежит как раз в обход всякой теологии: христианской, индусской, мусульманской, джайнской, буддийской – в обход всякой теологии.

В обход всего, что измыслили священники.

Оставайтесь неразрывно со своим вопросом, ищите и спрашивайте внутри себя.

Лучше спросить: «Кто я?», чем спрашивать, кто создал мир. Если даже вы узнаете, что вы будете делать с этим? Я говорю: «Мир создал А». Ну и что? Вы спросите: «Кто создал А?»

Настоящий религиозный вопрос совершенно не имеет ничего общего с богом.

Подлинным вопросом является: «Кто есть я?»

И единственный способ узнать ответ – это быть безмолвным, быть бдительным, быть осознанным, наблюдать свои мысли и позволить им исчезнуть.

Однажды вы обнаружите, что все стало безмолвным, ни единого шепота мысли, все остановилось, как если бы остановилось время. И внезапно вы просыпаетесь от долгого, долгого сна, от кошмара. И, раз узнав свое бытие, вы узнаете бытие целого, ведь ваше бытие – не остров. Оно не отделено от целого. Оно – часть целого континента, целого существования.

И раз вы познали свою часть, вы познали вкус существования. Ведь вкус существования везде одинаков. И в тот момент, когда человек познает себя, он познает, что все религии были бизнесом, деловым учреждением, основанным ловкими людьми. Вас обманывали.

В тот момент, когда вы познаете себя, вы познаете такое блаженство, что в этом блаженстве исчезают все сомнения, все вопросы.

Наблюдали ли вы такой простой факт? Когда вы счастливы, вы никогда не спрашиваете себя: «Почему я счастлив?» Но когда вы в горе, вы спрашиваете: «Почему я в горе?» Когда ваша голова здорова, вы не задаетесь вопросом: «Почему я не страдаю от головной боли?» Но когда голова болит, вы непременно спрашиваете: «Откуда эта головная боль?»

Я стараюсь напомнить вам, что когда внутри себя вы полны блаженства, тогда исчезают все вопросы – исчезают без ответа; растворяются, не возникают.

И когда у вас нет вопросов, нет сомнений, нет веры, но вы предельно завершены, предельно удовлетворены, то в этом состоянии и приходит познание.

Человек становится Соломоном.

Беседа 23

НЕ БЫТЬ СОВОЙ – ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ ОБМАНУТЬ МОИ ОЖИДАНИЯ

21 ноября 1984 года

Бхагаван, может быть, мы каким-то образом обманули Ваши ожидания, раз Вы вынуждены заговорить снова?

Невозможно обмануть мои ожидания. Это не в вашей власти. Вы можете обмануть ожидания Моисея, если не будете следовать десяти его заповедям. Я не давал вам никаких заповедей. Вы не можете выступать против меня. Вы очень легко можете обмануть ожидания Иисуса, поскольку все, что он говорит вам, чему учит вас, идет против человеческой природы, а вы – человеческие существа, тщетно пытающиеся быть сверхчеловеческими. Вы обязательно потерпите неудачу.

Я не давал вам никаких сверхчеловеческих идей. Я никогда никаким образом не убеждал вас выходить за пределы обыкновенного. Как вы можете обмануть мои ожидания?

Иисус говорит: «Любите врагов своих, как самих себя». Может быть, вам трудно найти противоречие. Сначала вы воспринимаете кого-то, как своего врага. Само это восприятие означает, что вы возненавидели его. А теперь Иисус говорит: «Любите его». Он говорит: «Любите человека, которого вы ненавидите». В непосредственном переводе его высказывание означает: любите человека, которого ненавидите.

Люди делают и так, правда с прямо противоположной стороны. Они ненавидят человека, которого любят. И в тот момент, когда Иисус говорит: «Любите врагов», – он не осознает того факта, что вы не можете любить даже друга без того, чтобы не ненавидеть его, что любовь и ненависть – две стороны одного и того же явления. Всякого, кого вы любите, вы и ненавидите. Иногда берет верх ненависть, и любовь уходит вниз, а иногда берет верх любовь, и уходит вниз ненависть. И в течение двадцати четырех часов вы можете наблюдать, как точка на колесе любви и ненависти по отношению к одному и тому же человеку идет то вверх, то вниз.

Иисус говорит о любви, но, кажется, он не знает о ней ничего, поскольку первое, что нужно знать, - это то, что любовь и ненависть - не две разные вещи. Их невозможно разделить. Если хотите любить, то должны и ненавидеть. Да, ваша любовь может быть настолько понимающей, что впитает в себя и ненависть, что вы воспримете ненависть, как существенную часть любви, что вы не станете ненавидеть ненависть.

Вы не можете обмануть мои ожидания по той простой причине, что я никогда и ничего не ждал от вас.

Все эти мессии чего-то ждут от вас. Вы должны сделать это, вы должны сделать то. Раз вы не соответствуете идее о том, какими вы должны быть, то тем самым вы обманываете их ожидания. То, что вы будете все время подводить их, абсолютно неизбежно, ведь вы не можете соответствовать чьей-то чужой идее.

У вас есть своя собственная сущность, которая нуждается в самореализации.

Вы не отвечаете передо мной за исполнение моей идеи.

Свою идею реализовал я сам. Теперь дело за вашей идеей, вашим бытием, вашей сущностью, которая должна быть реализована.

Никто другой не может навязать вам свою идею. Но на протяжении веков тысячу и одним способом люди правили людьми. Они правят вами посредством денег. Они правят вами посредством политики; они правят вами посредством осведомленности. Они правят вами, создавая определенный образ социального уважения.

Например, я хотел бы сказать кое-что о Махатме Ганди. В его ашраме каждодневным страхом было то, что ученик мог обмануть его ожидания. Ведь то, что он требовал от этих бедных людей, было так неестественно, настолько лишено всякого здравого смысла, что если они не были абсолютными идиотами, то они обязаны были обманывать его ожидания. Это было единственным способом спасти себя, иначе он их уничтожил бы. В ашраме Махатмы Ганди вы не могли выпить чаю. Этого было достаточно, чтобы расстроить его. Чай - такая невинная вещь. Буддийские монахи пьют его на протяжении тысяч лет, чтобы помочь себе в медитации, ведь он сохраняет бдительность, бодрствование. Когда вы засыпаете, выпейте чашку чая, и он придаст вам немного осознанности.

Есть история о том, как Бодхидхарма решил оставаться без сна двадцать четыре часа. Но тело есть тело, веки устают. А когда они устают, глаза закрываются. Он так разгневался, что отрезал свои веки и бросил их в траву. Тогда его глаза перестали закрываться. Это символический рассказ. Этого не было, этого не могло быть, поскольку я очень хорошо знаю Бодхидхарму. Он последний, кто делает такое. Но история эта очень значительна, хотя это просто история: из этих век выросло растение, которое стало чайным кустом. И поскольку то были веки такого человека, как Бодхидхарма, чай до сих пор несет в себе качества, придающие осознанность. Это значительная история.

В каждом буддийском монастыре чай является первым делом. Но в ашраме Ганди, если кого-то заставляли пьющим чай, это считалось великим грехом. Считалось, что он обманывал учителя. А учитель был садомазохистом. Все приверженцы дисциплины, будьте махатмы, мудрецы, раввины, святые, начальники, учителя, руководители - все приверженцы дисциплины глубоко внутри диктаторы.

Дисциплина - хорошее название для мерзкой вещи - диктаторства.

Но вы не можете бунтовать против приверженца дисциплины. Вы можете бунтовать против диктатора. Вы можете бунтовать против Сталина, вы можете бунтовать против Муссолини, но вы не можете бунтовать против Махатмы Ганди, и в этом опасность.

Почему вы не можете бунтовать против Махатмы Ганди? Потому что перед тем, как наказывать вас, он мучит сам себя. Он садист и мазохист одновременно. Перед тем, как мучить вас, он мучит себя больше, чем вас. Вы не можете бунтовать. Этот человек не просто мучит вас, как Иосиф Сталин. Он измучил себя, он наказал себя гораздо больше, чем вас. Как

против него можно бунтовать? Невозможно найти никакого оправдания для бунта.

У Ганди был один ашрам в Южной Африке в начале его карьеры в качестве махатмы. Он назывался «Ашрам Феникса». Там он так сильно мучил свою жену и своих детей, что я удивляюсь, почему никто не побеспокоился и не подумал об этом. А люди, подобные лорду Аттенборо, делали фильмы о Ганди, в которых совершенно опущено все существенное, все, что должно было быть вынесено на людское обозрение. Может быть, эти люди, подобные Аттенборо, полностью слепы – ослеплены своим Махатмой.

Что он делал со своей женой? Прежде всего она должна была чистить туалет... а вы не знаете индийских туалетов. Нечего сравнивать с западным туалетом. Западный туалет можно чистить, нет проблем. Там нечего чистить, он уже чист. Но индийский туалет по-настоящему грязен. И Кастурба, жена Ганди, не могла сказать «нет», поскольку сам Ганди тоже чистил. Когда муж чистит... она знала, что он махатма. Она знала, что это грязная работа, и ей не нравилось убирать грязь за чужими людьми, выносить ее из дома на задний двор и выбрасывать все это дерьмо в яму – у Ганди ведь была идея, что дерьмо не должно пропадать. Все должно быть использовано.

Он был настоящим скрягой. Дело не в том, что он страдал от запоров – всю свою жизнь он повсюду носил с собой клизму, – то была его психология. Дерьмо должно быть собрано и выброшено в яму позади дома, затем поверх него нужно набросать земли, чтобы оно стало удобрением для урожая следующего года.

Кастурбетак трудно было делать это. Вы не представляете себе, как это делается в Индии. В Индии четвертую часть страны низвели до такого состояния, что этим людям не разрешается делать никакую другую работу. Им доступна только такая работа, они должны выполнять ее. Они родились, чтобы выполнять ее; это их судьба. Так что они собирают дерьмо в ведра и несут его на своих головах, на расстояние в мили. В Индии Кастурба никогда и не подумала бы, что ей придется делать это, поскольку она принадлежала к высшей касте. Она не была шудрой, неприкасаемой.

Но Ганди сам носил, и он был Махатмой. А когда он делает это сам, он приобретает над вами некоторое тонкое, едва уловимое право. Вы должны понимать эту тонкую политику власти в таких маленьких вещах. Ведь он встает в три утра, поэтому и все остальные должны вставать в три утра. И когда старый человек встает в три утра... вы молодые, вы будете чувствовать вину за то, что не встаете вместе с ним. И если вас застанут спящим, то это значит, что вы обманываете ожидания учителя. Что же делать учителю? Он не будет наказывать вас. Он накажет себя, поскольку он вынашивает эгоистическую идею о том, что если он истинно чист, то вокруг него ничто не может идти неправильно, все должно быть исключительно правильно. Если что-то идет неправильно, то это означает, что что-то нечисто в нем, поэтому он должен очистить себя постом.

Поэтому, если кто-то подводит его, он будет мучить себя. Это накладывает на вас еще больший груз. Первое – чувство вины за то, что вы обманули его ожидания. Второе – чувство вины за то, что теперь он страдает из-за вашей глупости, ведь вы могли проснуться в три часа, не такое уж это большое дело. И теперь на несколько дней, никто не знает... поскольку он всегда начинает «пост до смерти». Хотя он никогда и не постился до смерти, но всякий раз начинал смертельный пост.

Тогда всем нужно было начинать уговаривать Ганди; тогда все лидеры страны должны были мчаться в его ашрам и просить: «Из-за ошибки одного человека не наказывайте всю страну». После уговоров через два-три дня он соглашался принимать пищу... А того одного человека обвиняла вся страна. Он уже был наказан больше, чем вы можете себе представить. Куда бы он ни пошел, люди говорили о нем: «Из-за этого человека Ганди держит смертельный пост». А если Ганди умрет, они убьют этого человека, они не оставят его в живых.

Однажды ночью Ганди вышвырнул из дома беременную Кастурбу за то, что она отказалась чистить отхожее место. Беременная женщина, женщина, не знающая никакого другого языка, в чужой стране, абсолютно зависима от

него, а он захлопнул перед ней дверь, выбросил ее на улицу и сказал: «Если ты не почишь отхожее место, то это не твой дом, тогда ты не моя. Если не можешь следовать моим наставлениям, если даже моя жена подводит меня, тогда кто же будет слушать меня?» Кастурба плакала, на дворе холодная зима, и наконец решила, что вынуждена согласиться чистить отхожее место. И только тогда, когда она согласилась, ей было разрешено войти внутрь.

Не представляет труда чем угодно обмануть ожидания такого человека, например, курением сигареты, чашкой чая... чем угодно.

Он не разрешал давать образование своим детям. Он не посылал их в школу. Они хотели ходить в школу, их мать хотела того же. Естественно, она хотела, чтобы они были образованными: «Иначе кто их будет кормить. А у них впереди вся жизнь. Вы сами образованны, вы адвокат, вы зарабатываете на жизнь. И вы махатма – даже если вы не будете зарабатывать на жизнь, у вас есть тысячи приверженцев. Но ваши дети... и вы не посылаете их даже в начальную школу».

А он был против того образования, которое дается в школах, колледжах, университетах. Почему? Потому что оно порождает сомнение, оно разрушает людскую веру. Потому что оно обучает людей науке, технологии, а он выступает против всего этого, против вещей таких простых и нужных; вы не можете представить себе, как в двадцатом веке человек может выступать против телефона!

Телефон никому не причинил никакого вреда. Можно выступать против ядерного оружия, я понимаю, – но против телефона?... железных дорог?... поездов?... самолетов? Он был против всего, за исключением прялки, – вот единственная технология, которую он воспринимал. Кроме этой, все иные технологии были злом, все науки были злом, так зачем же посылать детей учиться этим дьявольским наукам, технологии, логике, философии и разрушать их веру, их веру в Бога? Нет. Он не станет посылать их.

Его старший сын Харидас сбежал. Он понимал: «Этот человек собирается полностью разрушить наши жизни». Он добрался до семейства одних родственников и рассказал им всю историю, все, что случилось, и то, что он хочет в школу. Только взгляните на ситуацию: мальчик вынужден бежать из дома, чтобы пойти в школу. Мальчики бегут из школы, чтобы не ходить туда... а Харидас вынужден был уйти из дома и просить какого-то дядю, дальнего родственника: «Пожалуйста, помогите мне. Я хотел бы ходить в школу. Дальше я посмотрю, но пусть меня хотя бы примут, ведь образование абсолютно необходимо».

Ганди очень разгневался. Пророк ненасилия был в гневе, в яростном гневе. Он сказал: «Отныне этот дом закрыт для Харидаса. Ему запрещается входить в него, и никто из моей семьи не должен встречаться с ним. Даже его мать, его братья, его сестры – никто не должен встречаться и видаться с ним. Если кто-нибудь встретится с ним, то отправится туда же. Он подвел меня». Вы навязываете такие глупые идеи... то, что делал Харидас, было абсолютно правильным. Он вынужден был оказать сопротивление. Другие дети не сбежали, они были слабовольными. У Харидаса был некоторый характер. И позднее он показал, что у него был некоторый характер.

Ганди обычно говорил: «Все религии как одна». То было тоже политической уловкой. «Все религии как одна; индуизм, мусульманин, христианин, джайна, буддист, сикх... все религии как одна». Но основной политикой при этом было захватить всех этих людей и их голоса, удержать Индию от раскола, чтобы партия Ганди правила над всей Индией, а не только над какой-то ее частью.

На их молитвенных собраниях, проходивших каждое утро, цитировался Коран, читалась Библия, воспроизводились также и другие священные книги. Читалось несколько отрывков из Библии, несколько отрывков из Торы, несколько отрывков из Корана... И здесь тоже была великая хитрость, я ведь заглядывал в те отрывки, которые они читали: эти отрывки совпадали по смыслу с Гитой. Из Библии выбирались только те отрывки, которые по смыслу совпадали с Кришной, ведь Ганди называл Гиту своей «матерью». Он никогда не называл Коран «мой отец» или Библию «моя тетя», ну хоть бы...

только Гита была его матерью. Все эти выбираемые им фрагменты вводили в заблуждение. Они представлялись просто разными переводами одного и того же послания, как будто они были одним и тем же посланием. Все, что было против Гиты – или просто отличалось от Гиты, не то, чтобы шло против нее, – все это исключалось.

Поэтому он обманывал мусульман, обманывал христиан, обманывал джайнов, обманывал буддистов, обманывал сикхов, всех. И все они думали, что этот человек сверхмудрец; в этом смысл слова «махатма» – великая душа. Как будто души бывают великими и маленькими, души – это просто души, не великие и не маленькие. Но великая душа... махатма... ведь он так либерален, непредвзят... А он был предвзят целиком и полностью.

Харидас знал это. Поэтому он сделал вот что: он обратил себя в мусульманство. Он поступил хорошо. Я приветствую его. Двери дома Ганди были закрыты для него. Ганди отказался от него, объявив: «Он больше не мой сын. Я больше не его отец. Он совершенно обманул мои ожидания. Если бы он умер, было бы лучше». Какой же грех он совершил? Он отправился в школу! Но он был по-настоящему разумным мальчиком. Как только он оставил школу, он обратился в мусульманство.

И мусульмане обрадовались. Их радовала идея, что старший сын Ганди нашел приют в исламе. Они стали называть его «Махатма Абдулла Ганди».

Они сохранили «Махатма» и «Ганди», чтобы люди помнили, кто он, и изменили «Харидас» на «Абдулла», что буквально и означает «Харидас». «Абд-Аллах»... слуга Бога, точно такое же значение имеет и «Харидас» – слуга Бога. Это арабский перевод слова «Харидас», так что это в точности одно и то же.

Но Ганди был шокирован! Представьте себе, его сын пошел в школу – и этого оказалось достаточно, чтобы отказаться от сына, а теперь сын стал еще и мусульманином! Ганди рыдал. И это человек, который говорит, что все религии одно и то же. Тогда в чем же разница? Является ли он индуистом или мусульманином, какая разница? Ведь даже его имя – не что иное, как арабский перевод санскритского имени – точный перевод.

По случайному совпадению была одна встреча в Бомбее. По случайному совпадению Ганди ехал в том же поезде, из которого выходил Харидас. Кастурба в конце концов была матерью; она хотела хотя бы взглянуть на своего сына. Она знала, что муж не разрешит им поговорить, но Ганди не разрешил ей даже увидеть его. Он сказал: «Помни, ты не должна видеть его. Для нас он умер. Став мусульманином, он нанес мне пощечину». Он забыл про свой синтез всех религий... а тем временем каждый день продолжались все те же молитвы.

Очень легко обмануть ожидания людей такого типа.

Мои ожидания обмануть нельзя, невозможно. Нет возможности обмануть мои ожидания; я ведь не навязываю вам никакой дисциплины, как вы можете подвести меня? Я не даю вам никакой доктрины, против которой вы могли бы пойти. Как вы можете пойти против меня?

Я всего лишь постоянно говорю вам: «Будьте подлинно самими собой».

Единственный способ обмануть мои ожидания – это не быть собой. Можете ли вы сделать это? И очень хорошо, что не можете.

Я начал говорить не потому, что вы не оправдываете моих надежд. То, что я начал говорить, не имеет к вам никакого отношения. Просто я человек, живущий от мгновения к мгновению.

Однажды я почувствовал желание отправиться в мир безмолвия. И я замолчал.

Другой бы на моем месте не отправился бы в безмолвие, поскольку столь многое было не завершено, так много еще нужно было сделать. Но меня это не беспокоит. Ведь однажды я умру, и все останется незавершенным – что же, мне откладывать и смерть?

Я проживаю жизнь так же, как я буду проживать смерть, от мгновения к мгновению.

Если дела не завершены, пусть остаются незавершенными. Может быть, такова их судьба. Может быть, кто-то другой завершит их. Кто я, чтобы беспокоиться?

Поэтому однажды я остановился, я почувствовал желание остановиться. Однажды я сказал, я просто сказал Шиле – и в тот момент она была бедной Шилой, – я сказал ей: «Я собираюсь прекратить говорить». Она была потрясена. Что произойдет со всем движением? Как выживут санныясины? Они привыкли слышать меня каждый день; это стало их пищей, ежедневной пищей.

Но я никогда ничего не предусматриваю, я очень непредусмотрительный человек. Что я чувствую, то и делаю, совершенно не задумываясь о последствиях. Я готов с радостью принять любые последствия.

И снова была бедная Шила. Я сказал ей: «Сегодня я собираюсь заговорить!»

Она попросила меня: «Но нужно сделать приготовления, и то, и другое... Нельзя ли завтра?»

Я сказал: «Нет. Это ваше дело, приготовления и прочее. Я собираюсь говорить сегодня».

Это никак не связано с вами. Это просто мой способ жизни, от мгновения к мгновению, оставаясь спонтанным, оставаясь непредсказуемым. Я не знаю, завтра я могу не заговорить, я могу снова остановиться. Я не могу гарантировать завтра, поскольку завтра не в моих руках, оно открыто, не предрешено. Посмотрим, когда оно придет. Посмотрим, что оно принесет.

И так я жил всю свою жизнь.

Однажды я оставил свою семью. Они все беспокоились обо мне. Они хотели, чтобы я пошел в научный колледж, но я отказался. Я сказал: «Это мне неинтересно. Я буду изучать философию, религию, психологию. Мне интересно это, поскольку я собираюсь бороться – всю свою жизнь – против философов, теологов, священников, психологов».

Мой отец сказал: «Странный интерес – ты собираешься бороться с этими людьми?»

Я сказал: «Да, и поэтому я должен изучать их так глубоко, как это только возможно. С наукой у меня нет конфликта. Науку я собираюсь использовать, но религиозные деятели, философы – со всеми этими людьми я собираюсь бороться».

Отец мой сказал: «Образумишься ли ты когда-нибудь или нет? Я не собираюсь платить ни единого пайса за твое обучение в любом художественном колледже».

Я сказал: «Я не прошу ни единого пайса. Даже если вы дадите деньги, я не приму их». Он не подумал, что я говорил серьезно. Он так сильно любил меня.

Я покинул дом, не взяв ни единого пайса у своих родителей. Я проехал без билета восемьдесят миль до ближайшего университета. Когда отец увидел, что я действительно ушел, он ринулся за мной на станцию. Но когда он добрался туда, поезд уже ушел. Он спрашивал. Люди сказали: «Да, мы видели его; он уехал».

Он поехал за мной на следующем поезде, нашел меня и сказал: «Не воспринимай мои слова так серьезно. Я просто пытался как-то убедить тебя, чтобы ты пошел в научный колледж, стал доктором, стал инженером. Что ты выиграешь от искусства?»

Я сказал: «Смысл совсем не в этом. Я не собираюсь выигрывать. И я не могу представить себя доктором. Я лучше покончу с собой. Строить мосты, дома... Я не представляю себя инженером. Этого нет в моем существе. Я не чувствую в себе ни единого отзвука этого – ни один колокольчик назвонит во мне». При виде доктора я скажу: «Бедный парень. Вся свою жизнь он будет думать о болезнях, заболеваниях, больных людях и полностью забудет, что вся его жизнь, его собственная жизнь, каждое мгновение просто утекает в трубу. Он думает о жизнях других людей, о том, как спасти их, и он полностью забыл, что сам он еще не спасен».

Он сказал: «Прости меня. Иди в художественный колледж. Я буду присылать тебе денег».

Я сказал: «Я не могу принять их. Вы знаете меня. Вы сказали, что не дадите мне ни пайса». Я сказал: «Даже если вы дадите мне деньги, я не приму их». Сейчас вы даете, и я не принимаю».

И я не принял от него денег. По ночам я работал журналистом дневной газеты, редактором, а днем ходил в университет. И отец был действительно очень сильно обеспокоен. Снова и снова, каждый месяц, он приезжал. Так прошло два года. Затем однажды, когда он приехал, я сказал: «Хорошо, я приму». Он не сказал ни единого слова. Я сказал: «Вы ничего не говорите. Если вы скажете хоть одно слово, тогда, как я сказал уже раньше, вы будете давать мне деньги, а я буду отказываться от них. Поэтому договоримся так: и вы не даете мне денег, и я не отказываюсь от них. Вы просто кладете деньги здесь на мой стол, всякий раз, когда чувствуете, что я нуждаюсь в них. Ни вы не даете, ни я не беру».

И так продолжалось шесть лет. Он постоянно клал деньги. Он не говорил мне: «Это для тебя», – поскольку, если бы он сказал это, были бы неприятности. И я не говорил о деньгах; деньги не были предметом обсуждения, поскольку мы договорились о них раньше. Конечно, я не говорю, что если я находил на столе деньги, то не пользовался ими...

Я жил, не думая о прошлом, не думая о будущем.

И я нашел, что это единственный способ жить. В противном случае, вы только притворяетесь, но не живете.

Вы надеетесь жить, но не живете.

Вы помните, что жили, но вы не жили.

Или это воспоминание, или это воображение, но это никогда не реальность.

И я никогда не делал так, чтобы кто-то отвечал передо мной. Постарайтесь понять мой основной подход. Все религии говорят, что вы несете ответственность перед Богом, перед Иисусом, перед Буддой, перед родителями, перед учителями, перед теми и перед этими. Никто из них не сказал, что вы несете ответственность только перед собой.

А я говорю вам, что вы не отвечаете перед Богом, поскольку Бог нигде не существует.

Вы не отвечаете перед Иисусом, поскольку Иисус не отвечает перед вами. С какой стати вы будете нести ответственность перед Иисусом?

Вы не отвечаете перед родителями, поскольку они не спросили вас: «Мы собираемся дать тебе жизнь, готов ли ты прийти в мир или нет?» Вы пришли к ним совершенно случайно.

Я говорю вам, что вы отвечаете только перед собой.

И чудо этого высказывания в том, что, если вы отвечаете перед своим собственным бытием, вы найдете, что многие обязательства исполняются, будучи совсем не предусмотренными.

Я никогда не нес ответственности перед своими родителями, но я не думаю, что кто-то другой мог бы исполнить свою ответственность перед родителями лучше, чем это сделал я. Но я не делал этого. Это было просто следствием моей ответственности перед самим собой. В тот момент, когда я реализовал себя, в тот момент, когда я был благословлен истиной, я, конечно, захотел поделиться этим, и было естественно, что я делился со своим отцом, со своей матерью, со своими братьями, со своими сестрами, которых я знал больше, чем кого бы то ни было. И я делился с ними.

Я никогда не просил их стать санньясинами – никогда. Стать санньясинами было их решением. Если они захотели стать санньясинами, то было их решением. Я не обращаю людей в свою веру. Я думаю об обращении, как об одной из самых грязных вещей, которую кто-то может сделать по отношению к вам. Христианские миссионеры продолжают делать это с людьми, обращают их.

Кто вы, чтобы обращать кого-то? Вы можете открыть людям свое сердце. Если там у вас есть какой-то свет, вы можете делиться им с другими. Если они почувствуют это, они начнут искать в себе. Это не будет обращением; это будет превращением.

Если вы хорошо знаете меня, вы будете стараться хорошо узнать и себя. Это единственный способ.

Хорошо зная меня, вы не можете чувствовать ответственности передо мной. Вы будете чувствовать ответственность, предельную ответственность, перед собой.

Так много жизни вы потратили впустую, и кто знает, сколь мало еще осталось?

Поэтому каждое мгновение нужно проживать интенсивно, полно, объемлюще. Вы можете подвести себя. Вы не можете обмануть моих ожиданий.

Человек, который мог бы подвести меня, мертв. То был я сам, перед тем, как узнал. Вот тот человек, который мог бы обмануть мои надежды. Но вместо того, чтобы подвести меня, он умер. Поскольку моя жизнь была только в его смерти. Только после смерти он дал пространство для роста моей жизни. Поэтому я благодарен тому мертвому человеку, каким я был. И я останусь благодарным навечно.

Вы не можете обмануть мои ожидания, поскольку вы не несете передо мной никакой ответственности. Вы или можете самореализоваться, и тогда будете благодарными, признательными, или можете остаться нереализованными, и тогда вы будете гневаться на меня - как будто я предотвратил ваш рост.

Я не могу ни помочь вашему росту, ни предотвратить его.

Я могу только делиться своим ростом, представлять себя вам в предельной обнаженности, чтобы вы могли видеть, что происходит с тем, кто приходит домой, с тем, кто прибывает.

И этот проблеск может включить процесс преобразования; не обращения, но преобразования.

Бхагаван, в чем разница между христианским способом быть самоотверженным, скромным и смиренным и Вашим способом быть без эго, быть обыкновенным?

Христианский путь быть смиренным, скромным, самоотверженным является неправильным в самой основе. Слова, которые они используют, могут звучать точно так же, как и те, которые использую я, но они не означают того же самого. Когда Иисус говорит: «Будьте смиренными», - что он имеет в виду? Он имеет в виду нечто противоположное эго: эго, стоящее на голове, но все же эго... хотя и вверх ногами. Когда я говорю: «Будьте обыкновенными», - то обыкновенность не идет против эго; обыкновенный человек не является смиренным.

Я не смиренный человек.

Я не эгоист. Я как раз в точности посередине.

Смиренный человек прямо противоположен эгоисту. Мне вспомнилась небольшая история. Было три христианских монастыря, расположенных очень близко друг от друга и принадлежащих трем различным орденам. Однажды по чистой случайности главы всех трех монастырей встретились на утренней прогулке. Они сели немного отдохнуть под деревом.

Один из них сказал: «Ваши монастыри тоже творят дело господина нашего, - он тщательно подбирал слова. - Ваши монастыри тоже творят дело господина нашего, но в том, что касается учености, вы не можете превзойти наш монастырь».

Второй глава сказал: «Я согласен, я совершенно согласен. Ваши монастыри тоже творят дело господина нашего, но в том, что касается служения бедным, больным, престарелым, сиротам, вы не можете даже приблизиться к нам. Вы далеко позади».

Третий монах сказал: «Вы оба правы. Ваши монастыри тоже творят дело господина нашего, это верно. В первом монастыре есть великие ученые. Во втором монастыре есть великие служители людям бедным, больным. Но в том, что касается смирения, мы выше всех».

Смирение - это не что иное, как эго, стоящее вверх ногами. Смиренный человек - это не тот, у кого нет эго; он подавил свое эго, заставил эго стоять на голове. Он старается стать самым смиренным человеком во всем мире.

Но что есть эго? Кто-то старается стать самым богатым человеком в мире - это эго. А кто-то старается стать самым смиренным человеком в мире - это что, не эго? Если президент думает, что он на самой вершине, тогда это эго. А когда праведник начинает говорить, что он выше всех в том, что касается смирения, а все остальные ниже, тогда это что, не эго?

Нужно очень тщательно проанализировать Иисуса. Он говорит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют царство Божье». С одной стороны, быть

кроткими... но зачем быть кроткими? Какой мотив? Мотив дается в другой части высказывания: чтобы наследовать царство Божье – великая кротость! Иисус также говорит: «Если кто-то ударит тебя в одну щеку, – обороти к нему и другую». И эти утверждения выглядят так прекрасно, потому что вы были так сформированы, слушая их снова и снова, а ведь вы полностью забыли, что их нужно анализировать, понять психологически. Требуется великое исследование, исследование в глубину. Утверждения, подобные этому, нуждаются в исследовании.

Когда кто-то ударит вас в одну щеку, Иисус говорит: «Оборотите к нему и другую». Это выглядит так, как будто он учит вас ненасилию, учит вас любви, состраданию. Но то, чему он вас учит... он учит вас быть сверхчеловеком и низводит другого до положения недочеловека. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что если кто-то ударил вас, а вы подставляете ему другую щеку, то что вы делаете этому ударившему? Не говорите ли вы ему: «Посмотри, я праведник». Да, вы не говорите, но эта мысль все равно присутствует. Она звучит очень громко, хотя вы и не произносите: «Посмотрите на мою праведность, на мою смиренность, на мою кротость; вы ударили меня в одну щеку, я подставляю вам другую».

Когда Иисус преподавал это послание своим ученикам, один из них спросил его: «А если он ударит и в другую?» Иисус не подумал о возможности такого вопроса. Да, это возможно, ведь если вы сами предлагаете другую щеку, было бы такой неблагодарностью не принять предложение. И если удар по первой щеке доставил вам такое большое удовольствие, что вы приветствуете удар по второй, то этот удар может оказаться еще более сильным.

Поэтому тот человек спросил: «Тогда что же нам делать?» Иисус сказал: «Вы должны прощать семь раз». Человек сказал: «Хорошо». То, как он сказал «хорошо», ясно показывает, что этот человек знает, что семь раз он может допустить, но если будет восьмой, тогда всего лишь одним ударом... «Я покажу ему: то, что он не смог сделать за семь раз, я смогу сделать за один». Посмотрев на этого человека, видя, как он сказал «хорошо», Иисус говорит: «Нет! Семьдесят семь раз». Но и семьдесят семь раз когда-нибудь кончатся.

Иисус не пытается разрешить проблему, он просто откладывает ее. Сначала он отложил ее на два раза, потом на семь раз. Теперь, видя этого человека и то, что нет никакой разницы... после семи раз он будет делать точно то же, что делал бы после двух раз, после первого раза. Но он снова откладывает, тянет, теперь на семьдесят семь раз. Но я говорю, что и семьдесят семь раз кончатся, тогда... ваше смирение тоже кончится? Тогда что вы будете делать?

Нет, это неправильный путь. Вы не смиренны. Напротив, вы унижаете другого человека. Иисус сказал вам подставить ему другую щеку. Глубоко внутри он говорит: «Унизьте его». Может быть, он сам не осознает, что говорит. Может быть, он думает, что дает вам великое учение. Я не сомневаюсь в его искренности, но вопрос совсем не в его искренности. Вопрос в самом его утверждении, в принципе. Какая основная психология заключена в нем? Кто-то ударяет вас, и вы подставляете ему другую щеку; вы низводите его до положения недочеловека, и глубоко внутри исполняется ваше это – вы так благочестивы.

Но это, исполненное благочестия, гораздо более опасно, чем это, исполненное чего-то плохого, мерзкого, поскольку от мерзкого это можно избавиться, но невозможно избавиться от благочестивого это. Благочестивое это – это сокровище, которое должно быть сбережено, сохранено: тот человек сделал вас праведником. Это именно то, что делал сам Иисус, когда был на кресте. Даже на кресте он унижает людей. Он просит Бога: «Прости этих людей, ибо они не ведают, что творят». Как будто он ведает!

На самом деле эти люди прекрасно знают, что творят. Они знают, что они распинают его за то, что он провозгласил себя мессией, а в священных книгах сказано, что мессия будет распят и случится чудо. Он будет воскрешен Богом – и это будет единственным доказательством, что он истинный мессия, иначе он мессия ложный.

Они прекрасно знали, что делали. Но даже на кресте... благочестивое это все еще берет последнее слово: «Бог, отец, прости этих людей. Они не ведают, что творят». Только он знает, а никто другой не знает. И что же он знает? Всего несколько мгновений назад он сам спрашивал у Бога: «Не покинул ли ты меня?» То было сомнение. Он был шокирован тем, что чудо не происходило, что ничего не происходило, что небо было абсолютно тихим. Нет ответа... в его уме должны подняться все виды сомнения.

На кресте думаешь о себе, а ведь он объявлял себя... и сам верил в это. Я никогда не сомневался в его искренности. Он не дурачил, не обманывал. Он не был мошенником. Он был чистосердечным душевно больным человеком. Он верил, что является мессией, пришедшим спасти все человечество. И он сам пошел на распятие – весьма вероятно существование некоторого странного заговора.

Только Гурджиев говорил об этом, он был первым, кто заговорил об этом. Христиане, конечно, об этом не говорят. А евреев распятие никогда не волновало; они даже никогда не упоминают о том, что этот сын плотника был распят. Они просто проигнорировали его – какой-то сумасшедший парень. В их исторических книгах, в их религиозных книгах нигде не упоминается распятие, о нем говорится только в христианских книгах. В Новом Завете, который был написан триста лет спустя после распятия Иисуса, так называемого распятия.

У Гурджиева было несколько очень значительных идей. Я могу назвать их только идеями, поскольку их подлинность не может быть установлена по каким-то другим источникам; но Гурджиев – человек пронзительного ума. Одна идея заключалась в том, что предание об Иисусе не является историческим. Это драма, театральное представление, которое из года в год разыгрывалось в старые времена, точно так же, как в Индии из года в год на протяжении пяти тысяч лет разыгрывается предание о Рама. Даже сегодня в каждой деревне, в каждом городке и в каждом большом городе, даже в самой маленькой деревушке есть своя собственная группа актеров, разыгрывающих предание о Рама, Рамлилу. Это предание разыгрывается каждый год в одно и то же время. Никогда, вероятно, не было такого человека, как Рама. Это только предание, но оно разыгрывается непрерывно на протяжении пяти тысяч лет и тем самым как бы приобрело историчность.

Гурджиев говорил, что распятие Иисуса и все предание о нем было театральным представлением, которое разыгрывалось каждый год. Так что такого исторического события не было. Я не соглашусь с этим, ведь если бы это было так, то евреи продолжали бы разыгрывать это предание точно так же, как индусы продолжают разыгрывать свое. Почему они остановились? Что случилось? Предание прекрасно; почему евреи перестали разыгрывать его? И ни один еврейский источник не упоминает о нем, даже как о предании. И если оно разыгрывалось на протяжении тысяч лет, то невероятно то, что не нашлось других источников, в которых бы упоминалось о нем. И почему все так внезапно прекратилось две тысячи лет назад? Нет. Это не могло быть просто театральным представлением. И представление не может создать столько волнений в мире. Представление не может породить христианства. Представление не может сотворить всего того, что христиане сделали для человечества. Нет, ни одно представление не обладает такой силой.

Его вторая идея также была очень значительной, и были моменты, когда я думал, что он прав. По первой идее я с ним совершенно не согласен. Вторая идея заключается в том, что Иуда не предавал Иисуса – он был его ближайшим учеником. Сам Иисус уговорил Иуду передать его в руки врагов. И здесь тоже нет никаких источников. Гурджиев был странным человеком, но иногда он наткнулся на определенные фрагменты, на определенные аспекты истины.

Я вижу здесь некоторую вероятность истины, ведь у Иуды не было необходимости предавать. Они никогда не боролись друг против друга. Не было сомнения в том, что он будет его преемником, поскольку Иуда был самым грамотным, самым культурным, самым образованным человеком среди учеников Иисуса. Все остальные были очень обыкновенными людьми,

представителями масс. Он был единственным среди них – он был гораздо лучше образован, гораздо более культурен, чем сам Иисус. Было абсолютно ясно, что он займет его место, когда Иисус уйдет. С ним никто не мог состязаться. И не было конфликта. Не было борьбы, и совершенно невероятно, чтобы он продал своего учителя за тридцать Серебренников. И если он был действительно так сильно настроен против Иисуса, то зачем он покончил с собой после распятия Иисуса?

Христиане не говорят о самоубийстве Иуды, а оно очень значительно. Может быть, Гурджиев прав. Может быть, Иисус уговорил Иуду, приказал ему: «Пойди и передай меня в их руки. И передай им меня так, чтобы они не догадались, что это я послал тебя. Поэтому, если они предложат тебе какую-то плату, бери». Они предложили тридцать серебряников. Он принял с благодарностью и привел их к тому месту, где стоял Иисус. Иисуса схватили, и на следующий день он был распят. Кажется, Гурджиев добирается здесь до смысла, ведь Иисус знает наперед, что завтра он будет распят. Откуда он знает это? Он знает, что Иуда собирается передать его в руки врагов. Откуда он это знает?

Христиане скажут: «Он все знает, он всеведущий, он сын Божий». Но что случилось с сыном Божиим на кресте? Внезапно Бог отказался от сына?... забыл его?... не услышал его молитвы? Нет, вероятно, он сам все знает, ведь это его собственный план: он должен быть передан в руки первосвященника, и сделать это может только Иуда, поскольку он так послушен, на него можно положиться. Остальные были эмоционально привязаны к Иисусу; только Иуда был привязан к Иисусу интеллектуально. Остальные были ненадежны. Они могли сказать: «Нет, мы не можем сделать этого. Как мы можем сделать такое для тебя? О чем ты говоришь?» И даже если бы их удалось послать, они вернулись бы, никому ничего не сказав об Иисусе. Они были простыми людьми.

Только Иуда был цельным человеком. И Иисус говорит ему: «Это единственный способ действовать. Ты передаешь меня в руки первосвященника, и пусть они распинают меня, пусть Бог покажет чудо воскрешения, чтобы нас признали тут же. И мы сможем преобразовать весь мир и спасти каждого от его страдания». И Иуда поверил в это. Он не против Иисуса, и он не предает его; он на самом деле подчиняется ему, подчиняется высшей силе. Только очень послушный ученик может сделать такое. Но он также и верит, что распятие не повлечет никаких неприятностей. Распятие – это только игра. Ведь Иисус – сын Божий.

Вам нужно поставить себя на место Иуды, тогда вы поймете, что он не предавал. Он никогда, ни на одно мгновение, не думал, что это предательство. Он просто исполняет план и подчиняется приказу Учителя. И ведь сказано же в писаниях: «Мессия будет предан своим собственным учеником». Так что все написано в писаниях. Он знает писания, он единственный, кто умеет читать. Эту роль должен сыграть ученик, это всего лишь роль, он совершенно уверен в том, что после воскрешения мир будет спасен. И он делает великую услугу человечеству. Он не предает Иисуса, он исполняет его миссию на земле.

Идея Гурджиева немного диковинная, но заслуживает обсуждения. В любом случае, правильная она или нет, одно ясно совершенно точно: Иисус очень стремился быть распятым, стремился гораздо сильнее, чем первосвященник великого храма евреев. Он рвался в Иерусалим на ежегодный праздник, ведь по всей стране было известно, что если в это время Иисус войдет в храм... Год назад он учинил хаос в храме, он перевернул лавки менял, разбросал их, избил их и объявил: «Так больше не может продолжаться в доме отца моего. Храм – дом отца моего».

Поэтому весь год непрерывно повсюду разносился слух: «В следующий раз, если он придет, священники будут готовы». В прошлом году они не были готовы, все произошло неожиданно, они не смогли ничего сделать. Но на этот раз они приготовятся, и они убедили римского правителя Понтия Пилата: «Этот человек представляет религиозную опасность для нас и политическую для вас».

Иисус знал. Все эти слухи доходили до него через учеников, людей, странников, но он по-прежнему рвался на праздник. Для чего? Он стремился стать мучеником. Это другое название инстинкта самоубийства – хорошее название. Но он верил, безумно верил, что никто не причинит ему вреда. Когда спаситель – Бог, кто может причинить ему вред? Но на кресте его надежды исчезли. Однако все еще остается это, надменность смиренного человека – человека, который всегда прощает, даже если его распинают: «Эти бедные люди должны быть прощены».

И кто были эти бедные люди? Образованные раввины – всю свою жизнь они проводили в изучении Торы, – первосвященник и сотни других раввинов, ведь храм евреев был одним из величайших храмов в мире. Там работали, действовали сотни священников. И конфликт главного священника, первосвященника, с Иисусом был эгоистическим. Если бы у Иисуса не было его эго, конфликт не возник бы.

Было заведено такое правило: каждый год в храме открывалось самое главное место для поклонения, святыня, и единственным человеком, который входил туда, был первосвященник, после чего двери закрывались. Только ему позволялось произносить имя Божье. Вот почему – вы удивитесь – в еврейских книгах не пишут б-о-г. Бог, ведь это было бы произнесением полного имени. Пропускается «о», вместо «о» оставляется пустое место: «б», пустое место для «о» и затем «г». Вы не должны произносить имя Бога, если не являетесь достаточно чистыми.

Только первосвященник был наделен правом произносить имя Бога; остальные не имели права даже слышать его. Поэтому двери в святыню закрывались, плотно закрывались, и там была только одна дверь. После чего он произносил «Бог» и молился об искуплении евреев: «Пошли нам мессию».

А этот человек, Иисус, в прошлом году ворвался в храм, разрушил всю структуру храма, всю систему храма и объявил себя мессией. И не только это – он объявил: «Я единственный рожденный сын Божий. И это дом отца моего, и что за дела вы тут делаете? Я не разрешаю здесь таких дел. Убирайтесь из храма!»

Это был определенный вызов первосвященнику, ведь явился еще более первый священник, явился мессия, молитва услышана. Он послал не только мессию, он послал своего сына. Так вот, с этим сыном нужно как-то покончить, иначе теряется назначение, функция первосвященника и тысяч других священников, всего храма.

Иисус рвался, был схвачен, распят, но даже при распятии его высокомерие остается тем же. Он просил, чтобы те люди были прощены, ведь они не ведали, что творили. Если вы всмотритесь глубже в это высказывание, то будете удивлены, поскольку то, что проявляется на поверхности, не вся реальность. Поэтому, когда христиане говорят о смирении, это означает подавление эго. Но эго входит через заднюю дверь, провозглашая: «Я самый смиренный человек». Когда они говорят о самоотверженности, они предлагают вам быть самоотверженными, быть смиренными.

Как-то раз один христианский монах пришел повидаться со мной. Он путешествовал по всей Индии, и один из моих христианских друзей послал ему письмо с тем, что если он будет проезжать через мой город, то должен повидаться со мной. Мой друг написал письмо и мне: «Брат такой-то и такой-то приезжает на днях, и он самый смиренный человек, с которым вы когда-либо встретитесь, абсолютно самоотверженный. Он точно такой, как вы учите. Поэтому я посоветовал ему повстречаться с вами, и я умоляю вас также встретиться с ним. Это человек, с которым стоит повстречаться».

Брат такой-то и такой-то появился однажды утром. Он носил с собой Библию и был похож на индусского монаха, выглядел очень просто, благородно. Но я не предложил ему сесть.

Он сказал: «Ваш друг послал меня».

Я сказал: «Я получил письмо, но почему вы носите с собой этот хлам?»

Он сказал: «Хлам? Это Святая Библия».

Я сказал: «Это святая чепуха».

Его глаза стали огненными, и он сказал: «Что вы за человек? Мой друг сказал, что я буду хорошо встречен. Вы даже не предложили мне сесть и назвали мою Святую Библию «святой чепухой», хламом. Я не могу больше оставаться здесь».

Я сказал: «Я не хочу, чтобы вы оставались здесь, поскольку вы не тот человек, которого описывал в письме мой друг: брат такой-то и такой-то очень смиренный, самый смиренный человек, с которым вы встретитесь когда-либо. Вы не смиренный человек. Если бы вы были смиренным, то что плохого вы увидели бы в том, что я назвал вашу Библию хламом? Вы должны были рассмеяться. Вы должны были сказать: "Хорошо, это ваше мнение"».

И если я не предложил вам сесть, то я и не запретил. Вот стул. Почему вы ждали, чтобы я предложил вам сесть? Смиренный человек? Вы могли сесть; я не запретил вам. И только подумайте о своем гневе - вы в ярости». Я сказал:

«Теперь я говорю, пожалуйста, садитесь. Положите свою святую Библию сюда на стол».

Он сказал: «Нет. Я не могу оставаться здесь ни единого мгновения. Вы опасный человек. Вы разрушили мое двадцатилетнее смирение».

Я сказал: «Смирение, практиковавшееся в течение двадцати лет и разрушенное в двадцать секунд, не многого стоит».

Вы можете подавить самость, вы можете подавить это, вы можете вести себя так, как ведет смиренный человек. Вы можете натренировать себя, но все это цирк, натаскивание. Глубоко внутри вы остаетесь тем же, всякий, кто знает, как поскрести ваш тонкий слой натасканности, может в секунды выявить вашу реальность.

Когда я говорю быть без этого, я не говорю подавить это, я говорю попытаться понять это.

Я не говорю бороться с ним.

Я говорю осознать его.

И чем больше вы осознаете это, тем его меньше. В тот день, когда вы полностью осознаете это, оно больше не обнаружится.

Когда это не обнаруживается, тогда в вас возникает качество, подобное благоуханию, - оно является смиренностью, оно является тем, что я называю «обыкновенностью», просто чтобы была разница со «смиренностью». Слово «смиренный» так неправильно использовалось религиозными людьми, что я вынужден использовать слово «обыкновенность», поскольку ни одна религия не использует этого слова.

Поэтому я не хочу использовать слова «смиренный», «самоотверженный». Я хотел бы, чтобы вы просто поняли, что я такой же обыкновенный, как и всякий другой. И это понимание приходит путем осознания этого, не путем подавления его.

Одна женщина написала письмо, в котором она говорит: « Вы не джентльмен; и не только это - вы даже не христианин ». Я начал размышлять: «Быть христианином является ли необходимым условием для того, чтобы быть джентльменом? Тогда весь мир, не относящийся к христианам, не является джентльменским. Только христиане - джентльмены».

И мой опыт, и ваш опыт показывают, что это не так. Христиане вследствие эгоистических высказываний Иисуса продолжают плыть в том же эгоистическом потоке - их папа непогрешим.

Я думал, бывало, что повстречался уже со всеми видами идиотов, но, прибыв сюда, в Орегон, понял, что это не так. Орегонский идиот - это особая категория.

Беседа 24

ПСИХОЛОГИЯ ВАШЕГО СУЩЕСТВА - ЗОЛОТОЙ КЛЮЧ

22 ноября 1984 года

Бхагаван, в чем заключается функция ума в религии ?

Ум - самое сложное явление во всем существовании.

Будет немного трудно понять функцию ума в религии. Вам потребуется пройти через три двери.

Во-первых, это позиция по отношению к уму современной западной психологии. Психология говорит, что ум имеет три функции: познание, размышление, чувствование. Через познание мы осознаем весь окружающий нас объективный мир. Все, что мы видим, слышим, ощущаем на вкус, на запах, на ощупь, – все это и есть познание. Мир узнается через познание. Пять чувств – пять путей познания мира.

Но через познание невозможно узнать себя.

Посредством лишь познания вы узнаете только мир вещей, поэтому-то западная психология отбросила идею вашей сущности, вашего внутреннего «я». Это очень странная ситуация, поскольку они говорят, что вы осознаете мир посредством познания, и при этом они отрицают вас. Кто осознает объективный мир? Кто видит восходы и закаты? Конечно, не глаз.

Есть кто-то позади глаза, но сам глаз не может видеть того, кто позади него.

Кто слышит звук, музыку, песню, птиц, поющих поутру? Не ухо. Ухо – всего лишь коридор. Кто-то стоит в конце коридора. Вы распознаете окно, но вы не распознаете человека, стоящего позади окна и смотрящего на небо.

Западная психология находится в очень глупом положении из-за этого отрицания.

Вы распознаете знание.

Вы распознаете познаваемое.

Но вы не распознаете познающего.

Без познающего может ли быть знание? Как может быть что-либо познано? Но странно, ни один западный психолог даже не поднимает этого вопроса.

Познание, конечно, не может помочь пройти внутрь. Все пять чувств – это пути, ведущие вас вовне, прочь от вашего центра. И у них нет способа повернуться к самому центру. Для этого должно быть познано что-то другое.

Мы обсудим это. Коль скоро распознаны эти три функции, давайте сначала обсудим их.

Познание – это познание мира, другого мира, всего мира, не считая себя. Вы приобретаете знание обо всем и остаетесь абсолютно невежественными по отношению к себе. Видите странность ситуации?

Знание все время растет, а познающий уменьшается.

А этот познающий – самое существенное, поскольку это вы.

Второе – размышление, другая функция ума. Размышление производит философию, теологию, науку.

Но размышление не может дать вам истины о вашем бытии, поскольку размышление всегда связано с тем, что составляет вам познание. Оно зависит от познания.

Например, слепой человек не может размышлять о свете. У него нет способа размышлять о свете, поскольку, прежде всего, у него нет глаз. Не произошло познания света. Нет объекта. Он не может сфокусировать свое размышление на чем-то, чего нет. Невозможно, чтобы глухой человек размышлял о музыке. Как он может размышлять о ней? Невозможно выразить ее в понятиях.

Поэтому философия зависит от познания, но она только размышляет, она никогда не идет дальше размышления. Она никогда не ставит экспериментов.

Наука – дальнейший шаг. Она – следствие философии. Когда размышление начинает экспериментировать, начинает искать факты... ведь само по себе размышление остается вымыслом. Мысль – это просто воздух, если вы не докажете ее какими-то фактами. Наука возникает как результат долгой традиции философии, когда философия насыщается, все ходит вокруг, вокруг и вокруг и не может ухватить ничего, что можно назвать фактическим.

Да, философия познает, что есть логическое, но логическое не является обязательно действительным, не является обязательно реальным. Иногда логическое оказывается недействительным.

Иногда действительное оказывается нелогическим. Они не являются синонимами.

Но и философия, и наука оказываются бессильными в том, что касается религии. Да, они могут создать теологию. Теология – это не что иное, как философия о Боге. В этом смысл слова теология. «Тео» означает Бог;

«логия» означает логику – логическое размышление о Боге. Не может быть ничего более абсурдного. Вы не знаете Бога. Познание не предоставляет нам Бога. Вот почему наука постоянно преуспевает, а теология постоянно терпит поражение, ведь наука путем познания имеет некоторое основание для вхождения в объективную реальность.

У теологии же нет путей, ведущих через познание. Поэтому она просто остается размышлением о вымысле. Она размышляет о Боге.

Вы не знаете Бога. Как вы можете размышлять о нем?

Перед тем, как начать размышление, вы должны иметь некоторого рода переживание.

Поэтому теология – это псевдорелигия, притворяющаяся религией, но не религия.

Третьей функцией, признаваемой психологией, является чувствование. Чувствование дает вам целое измерение в виде всех искусств, поэзии, живописи, музыки, танца, литературы, но чувствование не имеет способов связи с фактическим. Оно может дать вам прекрасную поэзию, но оно не может доказать, что это факт. Никто и не просит поэтов доказывать фактическое: это было бы бессмысленно. Поэзия и не предполагает поставлять вам факты, она предполагает давать вам прекрасное, наслаждение прекрасным – что и есть чувствование.

Если нет того, кто чувствует, вы думаете, закат солнца будет прекрасным? Вы ошибаетесь. Закат солнца будет, но он не будет прекрасным. Ничто не будет прекрасным, ничто не будет безобразным, ничто не будет хорошим, ничто не будет плохим. Все это разделение идет лишь через ваше чувствование.

То же является справедливым и по отношению к познанию. Вы удивитесь. Сначала ваш ум откажется верить в это, но это факт, так что с этим ничего не поделаешь. В тот момент, когда вы закрываете глаза, все цвета в комнате исчезают – для вас. Если глаза закроют все, тогда все цвета в комнате исчезнут для всех. Тогда в этой комнате не будет цвета, поскольку для цвета необходима встреча света и глаза. В точке их встречи возникает цвет. Если глаза закрыты, точки встречи нет. Свет будет, но не будет глаза, чтобы вступить с ним в контакт и посредством этого контакта создать цвет.

Каждый луч света состоит из семи цветов радуги. Ваши одежды красные по одной странной причине. Они не красные. Ваши одежды поглощают шесть цветов из луча света – все, за исключением красного. Красный отражается назад. Остальные шесть поглощаются. Поскольку красный отражается, он попадает в глаза других людей, поэтому они видят ваши одежды красными.

Это очень противоречивая ситуация: ваши одежды не красные, вот почему они кажутся красными. Если они кажутся синими, значит они не синие. Если они кажутся зелеными, значит они не зеленые, поскольку, какими бы они ни казались, это означает, что этот цвет не поглощается. Остальные шесть цветов поглощаются, только один остается вовне. И цвет, оставшийся вовне, достигает глаз людей, и, естественно, они связывают этот цвет с вашей одеждой. Он пришел от вашей одежды. Но когда я закрываю свои глаза, ваши одежды немедленно перестают быть красными, поскольку мои глаза не будут создавать цвет.

Итак, даже наука может сказать лишь то, что она имеет дело только с фактами, но не с истиной.

Это факт, что ваша одежда красная, но это не истина.

Найдите различие между фактом и истиной. Факт означает: вот так вещи предстают перед вашими органами чувств. Истина означает: вот такими вещи являются, без всяких ссылок на ваши органы чувств.

Теология не имеет ничего общего с познанием, поэтому она – чистый вымысел. Философия тоже вымысел, но наполовину, поскольку она может повернуть к теологии, тогда она становится более вымыслом; или она может повернуть к науке, тогда она перестает быть вымыслом, она становится фактической.

Но ни один из этих трех предметов – наука, философия, теология – не имеет никаких средств узнать человека, познающего посредством всех этих

трех функций, стоящего за всеми этими тремя функциями: познанием, размышлением, чувствованием. И поскольку посредством этих трех функций человек оказывается недоступным, психология просто отвергает его. Это самая опасная ошибка, совершенная западной психологией.

Вторая дверь, второй возможный способ взглянуть на функции ума в отношении религии – это западный психоанализ. Западный психоанализ снова разделяет ум на три части: сознательный ум, бессознательный ум и коллективный бессознательный ум. Это разделение принадлежит Юнгу, и я использую его, поскольку оно является шагом вперед по сравнению с классификацией Фрейда. Разделение Фрейда таково: сознательный ум, подсознательный ум, бессознательный ум. На самом деле подсознательный ум – это всего лишь граница между сознательным и бессознательным, он не очень важен, поэтому я и не использую классификацию Фрейда.

Разделение Юнга гораздо более важно. Он говорит, что у вас есть сознательный ум, посредством которого вы размышляете, понимаете. Все три функции психологии осуществляются посредством сознательного ума. Как раз под ним, в девять раз больше сознательного, лежит бессознательный ум, обладающий огромными возможностями, приходящий к жизни в ваших снах, в ваших фантазиях. Он обладает такими возможностями, как телепатия, ясновидение, передача мыслей на расстояние. Он может читать в умах других людей, он может проецировать свои мысли в умы других людей, и они будут думать, что это их мысли.

Он обладает определенной способностью, которая известна как «гипноз». Гипноз – это род преднамеренного сна, не естественного сна, а сна особого рода. В обыкновенном сне вы теряете все контакты с внешним миром. В гипнозе... «гипноз», само это слово, означает сон, но я использую его, чтобы отделить от обыкновенного сна. Обыкновенный сон – это когда вы разъединяетесь со всем внешним миром, миром объектов. Гипноз – это когда вы разъединены со всем внешним миром, исключая одного человека, человека, создавшего в вас этот сон и остающегося с вами в контакте. Вы не будете слышать ничего другого. Если заговорит кто-то другой, вы не будете слышать, но если заговорит человек, погрузивший вас в гипноз, вы будете слышать его. Если он приказывает вам, вы подчиняетесь. Если он скажет вам сделать что-то, вы сделаете. И этот бессознательный ум в состоянии гипноза может делать то, что выглядит чудом.

Например, вы можете ходить по огню. Таких людей много по всему миру: мусульманские суфии ходят по огню, буддийские монахи ходят по огню на Цейлоне, в Индии, в Китае, на Яве, на Суматре. Это происходит каждый год, во многих местах, во многих храмах, свидетелями тому тысячи людей. И вы можете ходить по огню. Все, что для этого нужно, это в состоянии гипноза получить приказ от человека, загипнотизировавшего вас, о том, что вы можете ходить и не сгорите.

Бессознательный ум настолько мощен, что он может изменить саму вашу физиологию. Вы можете ходить по огню и не сгореть. Возможно и другое. Вы в гипнотическом сне; в вашу руку кладется холодный камень, и вам говорят, что он раскален докрасна, чистый огонь, – и ваша рука будет обожжена. Нет, не камень обжег вам руку. Что же случилось? Ваш бессознательный ум настолько мощен, что тело слушается его. Религии в полной мере использовали способности бессознательного ума.

В Индии почти в каждой деревне можно увидеть людей, протыкающих себе щеку острогой с одной стороны и вытаскивающих ее с другой. Два отверстия – в обеих щеках – и ни единой капли крови. И часами они могут ходить в таком состоянии, с острогой во рту. А когда острогу вынимают, нет ни капли крови, и раны заживают моментально. Не остается ни единого шрама. Но для этого нужно то же самое средство – гипноз.

Сейчас в России используют гипноз для обучения. Ребенок спит в наушниках, и очень, очень тихим голосом, чтобы не побеспокоить сон, его учат. А утром он помнит, чему его учили. Он помнит гораздо лучше, чем если бы он пытался запомнить это в сознательном состоянии, ведь, когда вы в сознательном состоянии, ваш ум занят еще тысячей и одной вещью. Но

когда вы в гипнотическом сне, ваш ум ничего не делает. Он просто поглощает все, что вливается в него.

Теперь они используют это для внушения, обучения коммунизму. Они применяют это к заключенным, военнопленным. В Китае это использовалось так широко, что когда люди, захваченные в плен во время корейской войны, возвращались в свои страны, они оказывались совершенно другими – они были коммунистами. А ведь они отправились бороться с коммунизмом. Они отправлялись с явной антикоммунистической позицией, – а когда возвращались из лагерей для военнопленных, оказывались коммунистами, абсолютными коммунистами. И никто ничего не говорил им, все делалось во сне. Но такой сон нужно специально устроить, он должен быть гипнотическим, не обыкновенным сном.

И так может быть устроено, собственно, все религии на протяжении столетий так и делали, а вы этого не знали. Например, если вы перед тем, как пойти спать, распеваете мантру, все время распеваете, распеваете, распеваете, распеваете, распеваете, пока не уснете, то это не будет обыкновенный сон. Вы сами в себе создали гипнотический сон. Это самогипноз. И теперь ваш сон будет совершенно иным. И конечно, утром вы почувствуете разницу. Вы будете более свежими, более обновленными, более яркими, чистыми, молодыми, освеженными, ведь в гипнозе ничто не движется, вся активность прекращается. Это был самогипноз, никто не заставлял вас.

Вы можете гипнотизировать себя и внушать самим себе. Например, вы можете постоянно распевать какую-нибудь мантру с мыслью о том, что сегодня ночью вы увидите Кришну, Кришна явится в вашем сне. На фоне этой мысли вы все время распеваете мантру... и Кришна явится вам в вашем сне, такой реальный, как и все остальное, что вы видите. Вы сможете прикоснуться к нему, вы сможете разговаривать с ним, он будет отвечать вам. Нет сомнений в том, что это он. Вот так христиане видят Христа, индусы видят Кришну, буддисты видят Будду, и после таких видений их вера абсолютно лишается всяких сомнений. Теперь поколебать их веру можно, только разрушив созданную ими же самими гипнотическую обусловленность.

Люди, захваченные в плен в Китае, все были религиозными людьми, пришедшими из разных стран. Все они вернулись антирелигиозными людьми. Вся их религия была изъята тем же самым способом, которым она вначале была вложена в них – тем же методом.

Бессознательное имеет потрясающие силы. Оно может передавать мысли. Оно иногда устанавливает мысленную связь, даже если вы не практиковались в этом. Например, когда умирает сын, то может быть так, что мать, находящаяся даже за тысячи миль, почувствует, что происходит что-то неладное, поскольку у нее установлена с сыном определенная связь. Сын – часть ее. Девять месяцев он был неотъемлемой частью ее физиологии, ее психологии, всего. Его фундамент все еще связан с ней.

Случилось так: один из моих друзей – очень хорошо известный поэт профессор Рамешвар Шукла, псевдоним которого «Анчал». Мы ехали с ним вдвоем из Джабалпура в Нагпур в одном автомобиле. Было, наверное, полпервого ночи. Мы были примерно на полпути между Джабалпуром и Нагпуром, как он внезапно что-то услышал. Я не слышал ничего. Он сказал: «Вы слышали что-нибудь?»

Я сказал: «Нет».

Он сказал: «Странно, но я услышал это трижды».

Я спросил его: «Что вы услышали?»

Он сказал: «Я услышал: "Мунна, Мунна, Мунна"».

Я спросил: «Это что-то значит для вас?» Я понятия не имел о том, что Мунна было его детским именем. В Индии это популярное имя, Мунна. До того, как дети получают полное имя, их зовут Мунна, Паппу или вроде этого, каким-нибудь бессмысленным словом. Мунна было его детским прозвищем.

И он сказал: «Меня называл так только мой отец, никто другой», – а в тот момент ему самому было около шестидесяти, он был главой колледжа и хорошо известным поэтом. Кто бы стал называть его Мунной? Только его отец, а отец жил в Аллахабаде.

Я сказал: «Будет лучше, если мы остановимся где-нибудь и вы немедленно позвоните в Аллахабад».

Он сказал: «Чепуха. Зачем?»

Я сказал: «Не говорите, что это чепуха. Ведь если только ваш отец называл вас Мунной и вы слышали это имя три раза, а я ничего не слышал, то это означает, что что-то шевельнулось в вашем подсознании, и это должно быть связано с вашим отцом».

Он сказал: «Вы верите в эти вещи?»

Я сказал: «Это не вопрос веры; для меня все это очень научно».

Мы остановились в Сеони, большом городе между Джабалпуром и Нагпуром, это было единственное место, где мы смогли найти телефон. Мы позвонили. Его отец умер ровно в полпервого и перед смертью позвал три раза: «Мунна, Мунна, Мунна», – поскольку тот был его единственным сыном. И точно в двенадцать тридцать мой друг услышал его. Это, конечно, не имеет ничего общего с сознательным умом. Но подсознание может иметь такую связь.

В примитивных обществах можно найти многих людей, способных устанавливать связь друг с другом на расстоянии в сотни миль, посылая сообщения, принимать сообщения так же точно или, может быть, еще точнее, чем мы это делаем посредством сознательного ума. В письме вы можете допустить ошибку; при передаче сообщения по телефону что-то может произойти. Погода может оказаться неподходящей, вы можете подключиться к неправильному номеру – все возможно. Но когда одно подсознание связывается с другим, ничего неправильного не случается.

Этот бессознательный ум имеет потрясающие неисследованные силы. И поскольку они не исследованы, религия эксплуатирует их. К подсознательному, к его неисследованным возможностям может быть сведено множество религиозных чудес. И однажды все чудеса можно будет объяснить подсознательным умом и его возможностями. Все его возможности еще не раскрыты.

Но бессознательное не может помочь вам познать себя. Это за пределами его возможностей. Это не в его власти.

Третья часть разделения Юнга – это коллективное подсознание, которое глубже и еще фундаментальнее обычного подсознания, поскольку подсознание было индивидуальным, это ваше подсознание, которое в вас с тех пор, как вас зачали в утробе матери. Я не говорю, с тех пор, как вы были рождены. Нет, все началось с того момента, как вас зачали, поскольку с того момента начало расти не только ваше тело, вместе с ним начал расти и ваш ум. Поэтому первый отпечаток на ваш ум наложен вашей матерью. Все, что происходит с психологией вашей матери за эти девять месяцев, обязано наложить отпечаток на всю вашу жизнь.

Поэтому любое образованное общество в мире должно заботиться о психологии матери в эти девять месяцев. Ведь речь идет не только о ее уме – она создает внутри себя другой ум, который будет продолжаться; если она злится, то что-то злобное входит в подсознание ее ребенка. Если она несчастна, что-то несчастное входит в ее ребенка.

Но коллективное подсознание насчитывает миллионы и миллионы лет. Оно несет опыт ваших праотцов и праотцов их праотцов. Оно несет... если человек произошел, согласно Дарвину, от обезьяны, то где-то в коллективном подсознании хранится переживание обезьяны. Но обезьяна – это не начало.

Ученые говорят, что человек вышел из моря. Первая жизнь появилась, должно быть, в море, в виде рыб, возможно. Ваше коллективное подсознание несет все это, все эти переживания. Вы несете в себе всю историю жизни на этой планете, и она воздействует на вас. Вы не знаете о ней, но она манипулирует вами, она заставляет вас делать что-то, думать о чем-то, поступать определенным образом.

Но даже это подсознание, коллективное подсознание, не имеет пути к вашему существу.

Оно может отвести вас назад ко всем тем телам, через которые прошло ваше бытие. Может быть, отсюда и пошла идея перевоплощения. Только подумайте об этом: может быть, это и дало восточным людям идею

перевоплощения, как будто они уже где-то существовали до этой жизни. Будда говорит, что в одной из своих жизней он был слоном. Может быть, он входит в свое коллективное подсознание и вспоминает там не свое индивидуальное, но коллективное переживание. Но когда вы вспоминаете это переживание, оно выглядит индивидуальным.

Тот день, когда вы сможете пройти глубже, нырнуть глубже в коллективное подсознание, будет очень решающим днем... продолжатся ли жизни индивидуально? Одна жизнь рождается в одном теле, потом в другом теле, потом еще в одном – или это просто коллективная эволюция оставляет свои следы в каждом индивидууме, и он вспоминает эти следы. Но когда он вспоминает, он чувствует: «Я был слоном».

Индусы говорят, что первым воплощением Бога была рыба. Странно... только подумайте об этом. Почему они должны были так решить? В мире так много животных, почему первым воплощением Бога должна быть рыба? У индусов есть другое воплощение Бога – получеловек, полуживотное. Никто не побеспокоился обдумать эти факты с психологической точки зрения. Может быть, это воспоминание о чем-то очень глубоком в вашем коллективном подсознании, о том, что вы ощущаете как «рыбу». И это определенно означает, что жизнь воплощается в виде рыбы. Вы можете назвать ее Богом, не имеет значения. Это просто одно и то же. И идея, сама идея, пришедшая к индусам, – а этой идее десять тысяч лет, это не новая идея... О том, к кому пришла эта идея, я могу сказать, что он, должно быть, глубоко нырнул в коллективное подсознание и нашел там жизнь, возникающую как «рыба».

И вторая идея является даже еще более важной. Одним из воплощений Бога является Нарасинга, получеловек, полулев. Конечно, если человек в своем развитии прошел стадию животных, то было время, когда он был полуживотным, получеловеком. Перепрыгнуть невозможно... в десять часов вы обезьяна, а в десять пятнадцать вы человек – такого не может быть. Где-то между десятью и десятью пятнадцатью вы должны быть полуобезьяной и получеловеком, преобразующимся, меняющимся. И скорее всего это верно, коль скоро большинство людей, коснись даже сегодняшнего дня... наполовину люди, наполовину обезьяны. Разделение может проходить двумя способами: или вы разделяете человека на нижнюю половину, обезьяну, и верхнюю половину, человека, или вы разделяете человека на внешнюю половину, обезьяну, и внутреннюю половину, человека, или наоборот.

Представляется, что в человеке так много от животного, что гипотеза Дарвина имеет право на существование. Произошел ли он от обезьяны или нет, смысл не в этом; смысл в том, что человек растет где-то из животного. Но куда девается животное? Куда уходит ваше детство, когда вы становитесь кньюми? Оно становится частью вашего подсознания. Ничто никуда не уходит. Не может уйти. Некуда уходить. Оно просто все время складывается внутри вас. Но то, что случилось в жизни миллионы лет назад, должно быть где-то и в вашей жизни – конечно, на такой глубине, до которой нелегко добраться. Глубина должна быть океанической. Атлантический и Тихий океаны в некоторых точках имеют глубину пять миль. Я думаю, что человеческое подсознание много, много глубже, пяти миль недостаточно, ведь целая жизнь... так много изменений, так много преобразований.

Но, даже измерив всю глубину коллективного подсознания, вы не сможете пройти к себе.

Ваше существо все еще остается тем, кто измеряет, тем, кто пытается познать. Вы не сводимы к объекту. Позвольте мне подчеркнуть это.

Вы не сводимы к объекту. Вы всегда – субъект, всегда и всегда. Что бы вы ни знали, вы – познающий, вы никогда не познаваемое.

Третья дверь, третье измерение идет от восточной психологии, которая признает и «четвертое». Западная психология признает только три функции, западная психология признает только три деления. Восточная психология признает четыре: бодрствующее сознание, грезящее сознание, спящее сознание и четвертое. Четвертое не имеет имени; его называют турийя – четвертое, просто «четвертое». И они хорошо сделали, не дав ему имени, поскольку оно так обширно и неопределенно, что дать ему имя – значит

наложить ограничение. значит придать смысл, значит сделать его объектом. Поэтому они не дали ему имени, они просто называют его четвертым.

Западной психологии и западному психоанализу нужно это четвертое – они испытывают огромную потребность в четвертом. Без четвертого они неполны – неполны, нелогичны, иррациональны, поскольку постоянно остается в стороне самый важный фактор вашего существования, вы сами. Вот Фрейд рассматривает страх, долг, подавление, секс, алчность – его творения велики, его исследования велики, но ни разу он не рассматривает свое собственное существо.

В Индии самым знаменитым фрейдистом-психоаналитиком был доктор Лалджирам Шукла; он был руководителем психологических исследований в Индусском университете в Бенаресе. Так случилось, что один из моих друзей, который учился со мной в Джабалпуре, – после окончания я переехал в университет Саугара, а он в университет Бенареса – влюбился в дочку доктора Лалджирама Шуклы. Доктор Шукла был очень знаменитым человеком. Постепенно он согласился на их брак. Они были из одной и той же касты, так что проблем не было. Этот мальчик был из очень богатой семьи. И он был единственным сыном – все хорошо.

Лалджирам Шукла очень хотел совершить бракосочетание быстро, поэтому он привел мальчика – теперь тот сам уже очень знаменитый историк в университете Джабалпура, глава факультета истории, доктор Байджнатх Шарма, – он привел его из общежития в свой дом и сказал: «Зачем тебе жить там? Ты ведь станешь моим названным сыном. Тебе не нужно жить в общежитии, можешь жить в моем доме, у меня такой большой дом. И во всем этом доме живу только я, моя дочь и моя жена, три человека. Здесь ты можешь иметь все для себя».

Постепенно Байджнатх начал говорить с ним обо мне, поскольку находился под сильным впечатлением от меня – он пробыл со мной четыре года. И разбудил такое большое любопытство в Лалджираме, что тот сказал: «Может быть, ты пригласишь его. Я хотел бы повидаться с этим человеком, который произвел на тебя такое большое впечатление. Я слышал это не только от тебя – все, кто приезжает из этой части страны на мой факультет, начинают произносить это имя. Оно доходит до меня из стольких многих источников, что я не могу больше ждать. Отправь ему телеграмму, чтобы он немедленно приезжал и погостил бы у меня несколько дней, столько дней, сколько у него получится».

Телеграмма пришла ко мне. Я подумал, что это будет хорошей возможностью немного сразиться с великим психологом. Я сражался с религиозными людьми, со всякими людьми, но великий фрейдист – это хорошая возможность!

Я послал телеграмму: «Приезжаю немедленно и буду вашим гостем столько, сколько у вас получится». Даже моя телеграмма испугала его: «столько, сколько у вас получится...» Не собирается ли он здесь поселиться навсегда?

Байджнатх сказал: «Я ничего не могу сказать о нем. Он может остаться здесь жить навсегда, – но ошибка ваша. Вы попросили его: "Можете оставаться здесь столько, сколько у вас получится". Он ответил вам: "Я останусь столько, сколько у вас получится"».

Лалджирам сказал: «Неприятности начались. Я боюсь, что будут неприятности».

Я добрался туда ночью, около двенадцати часов. Он приехал встретить меня. Он был старым человеком. Мы поехали домой. По пути он не сказал мне ни слова. Путь был долгим, поскольку мой поезд доходил только до Мугалсарая, не прямо до Бенареса, и от Мугалсарая я должен был ехать автомобилем до Бенареса. Мугалсарай стоит по одну сторону Ганга, а Бенарес – по другую. Поэтому есть поезда, идущие до Бенареса, и есть поезда, идущие до Мугалсарая, но этот конкретный поезд, первый попавшийся мне... поэтому он приехал подобрать меня в Мугалсарая, – но ни один из нас не сказал ни слова.

Байджнатх чувствовал себя очень неловко. Он сказал: «В чем дело? Вы оба молчите?»

Лалджирам сказал: «Я молчу потому, что если я скажу что-то, а он возразит, то мы не уснем всю ночь. А почему он молчит, я не знаю».

Я сказал: «Я просто молчу, жду утра». Он сказал: «Что вы имеете в виду?» Я сказал: «Вы начали! Подождем до утра. Пожалуйста, не начинайте прямо сейчас. Я устал... длительное путешествие, и сейчас, посреди ночи... подождите до утра!»

Он сказал: «Вы нарушили мой сон. Что вы собираетесь делать утром?»

Я сказал: «Утро значит утро. Я не собираюсь давать вам никакого ключа».

И утром Байджнатх рассказал мне: «Всю ночь он ходил по коридору. Я просил его два или три раза: "Вам нужно пойти спать. О чем вы думаете?" Он ответил: "Я думаю о том, что случится утром". Я возразил: "Что случится? Ничего не случится. Мой друг абсолютно безвреден. Можете идти спать". Но он не мог. Он пытался, - но снова вставал и ходил. Он сказал: "В эту ночь мне не уснуть"».

Утром... это было зимнее утро, поэтому мы сели на солнышке, и из университета пришли все его аспиранты, его доценты, ученые-исследователи, около тридцати пяти человек. Было также несколько профессоров его факультета.

Я сказал: «Теперь мы можем начать. Утро наступило». Он сказал: «Что же, давайте начнем с самого начала. Есть ли Бог или нет?»

Я ответил ему: «Это не с самого начала. Бог не может быть первым. Должно было быть что-то до Бога. У него должны были быть отец и мать, иначе как это он неожиданно возник в существовании? И если он может неожиданно возникать в существовании, тогда зачем беспокоиться вообще о чем-либо. Целое существование - Бог - неожиданно возникает в существовании. Если это будет нашей окончательной позицией, если мы должны будем принять то, что Бог не создан, тогда почему бы нам не принять и такую простую вещь, что и существование не создано?»

Зачем без необходимости вносить вымысел? Это основной принцип науки: использовать наименьший из возможных объем гипотез. Все, что может быть отброшено, должно быть отброшено. Нужно пользоваться минимальным объемом гипотез. Это основа всякого научного исследования.

Бог - бесполезная гипотеза. Он никак не поможет. Вопрос-то остается тем же самым: «Кто создал его?» Вопрос не изменился, поэтому и его постановка бесполезна. После этих слов я сказал: «Спросите о чем-то, относящемся к делу, существенном. Я приехал к вам сюда издали не для того, чтобы обсуждать с вами Бога. И какое дело фрейдисту до Бога? Я приехал к вам, как к психологу. Так будет лучше, в этом случае у вас будет твердая почва под ногами. С такими вещами, как Бог и прочее, у вас будут проблемы. Возвращайтесь на свою почву, я хочу испытать вас на вашей твердой почве».

Итак, я прежде всего сказал этому человеку: «Вся ваша психология упускает самый важный смысл. Вы говорите о сознательном, подсознательном, бессознательном, но вы не говорите о четвертом, турийя, а четвертое стоит за всем остальным».

Я показал вам три двери: разделенные по восточному принципу, это бодрствующее сознание, грезящее сознание, спящее сознание; разделенные по принципу психоанализа, это сознание, подсознание, коллективное подсознание; разделенные по принципу психологии, это познание, размышление, чувствование. Это единственные разделения, которые до настоящего времени создал человек. Но только восточная психология признала четвертое, не дав ему имени. И четвертое - это дверь в религию. Что есть это четвертое?

Вы видите вещи там, во внешнем мире, - это объективный мир, люди, деревья, горы, океаны. Затем вы видите мысли, чувства, эмоции, гнев, алчность - это ваш внутренний мир. Но кто тот смотрящий? Вот два мира: внешний мир и внутренний мир, - но кто смотрящий?

Спросить, кто этот смотрящий, значит поднять основной религиозный вопрос.

Вопрос о Боге - это не религиозный вопрос. Это очень детский вопрос.

Религиозный вопрос таков: кто тот смотрящий, смотрящий на мысли, эмоции, смотрящий на вещи, на людей, на горы, на облака... кто этот смотрящий, спрятанный за всем этим? Наблюдатель на холмах не делает ничего, кроме как просто наблюдает. Ни малейшего действия, чистое зеркало, которое отражает все, что проходит перед ним...

Путь к этому наблюдателю очень прост. Вы отбрасываете объекты наблюдения, поскольку они закрывают наблюдателя – как будто солнце со всех сторон закрыто облаками, и вы не видите его. Легко отбросить внешние объекты; вы просто можете закрыть глаза, и внешних объектов больше нет. Трудности возникают с внутренними объектами. Они лишь тени внешних объектов – преходящие мысли, преходящие грезы, преходящие фантазии. Не боритесь с ними. Если вы боретесь с ними, вы становитесь актером; вы более не наблюдатель. Вы забыли, что должны оставаться просто наблюдателем.

Это простая сноровка. Если раз получилось, дальше не будет никаких трудностей, но в первый раз это определенно трудно. Это все равно, как плавание. Когда вы видите других людей, плавающих в реке или в океане, вы изумляетесь, ведь вы сами не умеете плавать. А они говорят, что это очень просто, здесь нет проблем.

В моей деревне был один очень хороший, старый, добрый человек. Все любили его, он был таким простым и таким невинным, хотя ему было за восемьдесят. А рядом с моей деревней протекала река. Он устроил себе на реке особое место, где он принимал свои омовения. Насколько каждый в деревне мог вспомнить, всегда его видели там, день за днем, год за годом; дождливый ли сезон, лето, зима – не имеет значения; здоров ли он или болен – не имеет значения. Он был там точно в пять часов утра, на своем месте. А это было самое глубокое место на реке, поэтому обычно туда никто не ходил, и оно было довольно далеко.

Люди обычно ходили на реку; она была всего в ста метрах от моего дома, но то место было на расстоянии двух миль. И поскольку наши холмы подходили близко к реке, нужно было преодолеть одну гору, потом другую, потом только вы достигали того места. Но то было прекрасное место. Когда я осознал это, я стал ходить туда. И мы немедленно стали друзьями, поскольку... вы знаете меня, что я за человек. Если он собирался быть там в пять, то я приходил туда в три. Один день, два дня, три дня... Он сказал: «В чем дело? Ты решил победить меня?»

Я сказал: «Нет. В этом нет смысла, но я собираюсь сюда в три – точно так же, как вы решили быть здесь в пять».

Он спросил: «Умеешь ли ты плавать?»

Я сказал: «Не знаю, но вам не нужно беспокоиться. Если кто-то умеет плавать, то и я смогу. Если вы умеете, тогда в чем проблема? Одно точно: плавание доступно человеку, этого достаточно. Самое большее, я могу утонуть – так что же? Однажды умрет каждый. Это не имеет значения».

Он сказал: «Ты опасен. Я научу тебя плавать».

Я ответил: «Нет». Я сказал ему: «Вы просто сидите здесь, а я прыгну. Не пытайтесь спасти меня; даже если я буду звать вас, не слушайте меня».

Он сказал: «Что же ты за ребенок? Ты будешь кричать: "Спасите меня", – а я не спасу тебя?»

Я сказал: «Да. Я не буду кричать. Я просто сделаю все абсолютно уверенно. Может быть, когда я буду тонуть, умирать или задыхаться или когда вода попадет мне в нос или рот, я закричу: "Спасите меня", – но я хочу, чтобы было ясно: я не хочу, чтобы в этом случае меня кто-либо спасал. Или я узнаю, что такое плавание, или я утону, узнав, что плавание не для меня».

И до того, как он смог бы меня остановить, я прыгнул. Конечно, я два или три раза скрывался под водой и поднимался на поверхность. А он стоял там на берегу, ожидая, так что, если бы я позвал его... но я просто махал руками и не собирался его звать. Три или четыре раза я скрывался под водой, поднимался на поверхность, разбрасывал руки наугад, ведь у меня не было понятия, как плавать, – но что делать? Когда вы тонете, вы

используете все способы, какие только возможны. И в течение пяти минут я освоил это дело.

Я вернулся и сказал ему: «Вы предлагали учить меня тому, что я смог освоить в течение пяти минут? Мне просто нужно было рискнуть И дать себе отчет в том, что, самое большее, это может означать смерть».

Плавание – это сноровка, это не искусство, которому нужно учиться. Вас просто нужно бросить в воду. Вы обязательно начнете бултыхаться и двигать руками и ногами, и вскоре вы заметите, что если вы разбрасываете руки и ноги гармонично, синхронно, то вода сама держит вас.

Я сказал этому старому человеку: «Я видел мертвые тела, плывущие по реке. Если мертвый человек может плавать, не хотите ли вы сказать, что я живой и не смогу? Даже мертвые знают, как это делается». В дождливый сезон, во время паводка, много раз так случалось, что целые деревни заливало водой, – многие люди, мертвые тела, мертвые животные проплывали по реке. Поэтому я сказал: «Даже мертвые люди плывут, и быстро. А я живой, поэтому дайте мне шанс выучиться самому, мне кажется, что это всего лишь сноровка. Какое искусство может быть здесь? Это не мастерство или какое-то трудное для понимания искусство. Все, что я вижу, это то, что люди разбрасывают свои руки, – и я могу разбрасывать свои».

Вы должны запомнить: наблюдение – это не какое-то искусство, какое-то умение, нет; это сноровка. Все, что вы должны запомнить, – это не тонуть в реке, которая протекает внутри вас. А как вы тонете в ней? Вы тонете, если так или иначе становитесь активными.

Если вы остаетесь неактивными, не делаете ничего... просто наблюдаете: «Я не предполагаю делать что-либо, приходит гнев, пусть проходит. До свидания». Если приходит какая-то мысль, хорошая или плохая, она вас не беспокоит. Вы просто наблюдаете, ничего не называете по именам, не порицаете, ведь все это действия.

Действие вводит вас в ум. Бездействие выводит вас из ума. Действие – это мост между вами и умом; при бездействии этот мост отбрасывается, и вы стоите совершенно одни.

И в тот момент, когда вы не активны, ни в чем не участвуете, возникает переживание чуда.

Это ваше участие дает жизнь уму – его мыслям, чувствам, эмоциям – это ваше участие дает ему жизнь.

Когда вы не участвуете, они просто рассеиваются, оставляя чистую пустоту: вы одни, в вашей предельной уединенности.

Время остановилось. Когда останавливается ум, останавливается и время. И впервые в жизни вы видите того, кто смотрит, вы наблюдаете наблюдателя.

Вы начинаете осознавать осознанность, и именно об этом и есть вся религия.

Но вы должны помнить четвертое. Трех разделений, сделанных тремя различными группами людей в мире, недостаточно, вам нужно четвертое.

И это четвертое просто – наблюдательность, внимательность, бдительность.

БЕСЕДА 25

Я ПРОТИВ РЕЛИГИЙ, НО Я ЗА РЕЛИГИЮ

23 ноября 1984

Бахаган, если не будет Бога, не будет дьявола, то какой вообще смысл в религии? Нужна ли религия санньясинам?

Религия не имеет ничего общего с Богом, дьяволом, небом и адом.

Нужно понять слово «религия». Слово это значительно: оно означает объединение вместе разрозненных частей таким образом, чтобы эти части больше не были частями, но стали целым. Корень слова религия таков: объединение вместе разрозненных частей таким образом, чтобы часть больше не являлась частью, но стала целым. В этом объединении каждая часть становится целым.

Каждая часть по отдельности мертва; соединенные вместе, они дают новое качество, качество целого. Внести это новое качество в вашу жизнь и есть цель религии.

Религия не имеет ничего общего с Богом или дьяволом. Но то, как религии действовали в мире, привело к изменению ее качества целостности, самой ее ткани, и это вместо того, чтобы сделать ее наукой объединения, стремящейся из человека разрозненного сделать человека цельного. Обычно вас много, толпа. Нужно переплавить эту толпу в одно целое, так чтобы все в вас начало функционировать гармонично, без конфликта, без разделения, без борьбы, когда ничто не выше, ничто не ниже... вы просто одно гармоничное целое.

Религии всего мира помогли человечеству забыть само значение этого слова.

Они против цельного человека, поскольку цельный человек не нуждается в Боге, не нуждается в священнике, не нуждается в церкви.

Цельному человеку достаточно самого себя. Он целый.

И для меня это делает его святым - ведь он целый (holly - святой, whole - целый).

Он настолько исполнен, настолько завершен, настолько удовлетворен, что нет никакой психологической потребности в фигуре отца, Бога, который где-то на небесах заботится о вас.

Он настолько блажен в данном мгновении, что не удастся заставить его бояться завтрашнего дня. Завтра не существует для цельного человека. Все лишь в этом мгновении - нет ничего ни вчера, ни завтра.

Цельным человеком нельзя манипулировать с помощью таких по-детски глупых стратегий: если ты сделаешь это, достигнешь небес и всех удовольствий там; если ты сделаешь то, попадешь в ад и будешь страдать вечно.

Цельный человек просто посмеется над всей этой чепухой.

У него нет страха перед будущим, для него ад невозможен; у него нет алчности по отношению к будущему, для него рай невозможен. Ему не нужна защита, никто не наставляет его, никто не ведет его куда-то. У него нет цели, нет мотивации.

Каждое мгновение настолько законченно, что оно не ждет своего завершения другим мгновением, которое наступает иногда в этой жизни, а иногда, может быть, и в следующей жизни...

Каждое мгновение полно, переполнено, заполнено до отказа, и он знает только одно - огромную признательность этому прекрасному существованию.

Но и это он не высказывает в словах, ведь существование не понимает языка. Эта признательность в самом его существе.

Поэтому, что бы он ни делал, в этом есть признательность. Он ничего не делает, просто сидит в молчании, и в этом уже есть признательность. Это не то, как... мусульмане пять раз в день благодарят Бога. А что делается между этими пятью молениями? Между этими пятью молениями никакой благодарности нет. Такая благодарность - всего лишь ритуал. Она - не ваша жизнь.

Шила только что принесла брошюру от одного христианского общества, которое «празднует неделю прощения во всем мире». Любой город может стать членом этого общества, но только город. Тогда этот город появляется на мировой карте Общества Прощения. И люди, занимающиеся этим делом, на самом деле выглядят серьезными, но то, что они делают, выглядит так по-детски, является таким идиотским. В понедельник вы прощаете себя - так это происходит, - во вторник вы прощаете своих соседей, в среду вы прощаете своих врагов, затем вы прощаете свою нацию, затем вы прощаете все нации... целая программа на семь дней.

В сопроводительном письме говорится: «Если вы прощаете себя, нацию, нации, весь мир, вы достигнете огромного счастья. Чувство обиды - это плохо, чувство покаяния, сожаления - это хорошо». Эти люди посылают вместе со своим письмом карту мира, на которой отмечены многочисленные города, так что эта ассоциация работает, должно быть, многие годы. Наш город новый, поэтому они приглашают нас принять участие в их глупой игре.

Раз в году на протяжении семи дней вы прощаете... тогда чем вы занимаетесь целый год? А если вы прощаете непрерывно на протяжении целого года, тогда на следующий год ваше участие заканчивается, поскольку на следующий год у вас не будет недели для прощения – не останется никого, кого надо прощать, вы уже простили всех. Но эти люди занимаются подобным годами, ежегодно – как видно, прощение не преобразует вас.

В сопроводительном письме говорится: «Всегда прощайте первыми». Не упускайте шанса простить первыми, быть лидерами, быть хозяевами прощения. Видите смысл? Даже в прощении находится состязание, находится игра это... «Будьте первыми». Но если каждый старается быть первым, тогда кто же станет первым? Кто-то вынужден быть вторым: он уже проиграл игру; он больше не хозяин своей судьбы, своего предназначения. Так что торопитесь! Простите другого до того, как он простит вас, тогда вы останетесь хозяевами своей судьбы, лидерами, первыми – и награда ваша будет велика.

Но для того, чтобы простить кого-нибудь, сначала нужно стать разгневанным, взбешенным, настроенным против, ненавидящим, обиженным, может быть, даже мечтающим уничтожить другого. Если всего этого нет, то как прощать? Нужно целый год носить в себе рану, дожидаясь этих семи дней прощения. В каждом феврале наступают эти семь дней, и в это время нужно делать все возможное, чтобы быть первым. И конечно, человек, простивший больше других, будет больше и вознагражден. Но может ли много прощать человек, если в нем совсем нет никакой обиды? Как прощать? За что прощать?

Например, я не могу прощать никого в мире. Я не вижу ни одной причины, по которой я должен прощать кого-либо; во мне нет ни единой раны, ни единой обиды. Когда Шила читала мне этот памфлет, я пытался себе представить, что если бы я должен был прощать, то кого. Я был абсолютно пуст, ни одного ответа, не возникло ни одного имени человека, которого мне следовало бы простить... И прежде всего потому, что я никогда не был в положении обиженного. У меня нет ни одного врага в мире. Есть миллионы людей в мире, которые думают, что они – мои враги, но что касается меня, то я думаю, что нет никого, кто был бы моим врагом. Поэтому, если я попытаюсь прощать, то кого мне прощать?

Было настоящим удовольствием наблюдать это общество, – а это всемирное общество, и членами его являются сотни городов. И они, должно быть, думают, что делают что-то чрезвычайно значительное. Но глубоко внутри они сеют в вас семена эго: «Будьте первыми...»

Религия так много сделала против человечества, причем с добрыми намерениями. У этих людей не было дурных намерений, но они были определенно идиотами, не знающими точно, что они делают и как функционирует психология человечества.

Они эксплуатировали человека. Возьмем, например... Иисус говорит: «Не хлебом единым жив человек». Верно, абсолютно верно – ведь ему для жизни нужно еще много вымыслов, просто хлеба недостаточно. Ему нужен Бог, ему нужен дьявол, ему нужно небо, ему нужен ад, и папы, и церковь, и молитва, и прощение... «Не хлебом единым жив человек», – говорит Иисус – совершенно верно. Отбросьте все эти вымыслы, и неожиданно возникнет вопрос: если нет Бога, если нет дьявола, то что есть вся религия?

Все эти религии дали вам свои вымыслы потому, что ваша психология испытывает в них определенную потребность. Или вы выходите за пределы, положенные умом, – это и есть настоящая религия, – или вы создаете вымыслы, чтобы гваш ум не чувствовал пустоты, бессмысленности, одиночества, ощущения щепки, плывущей по течению, без цели впереди, без истока позади.

Одна из величайших потребностей человеческого ума – быть нужным.

Существование кажется абсолютно индифферентным к вам. Можете ли вы сказать, что оно испытывает потребность в вас? Без вас все идет совершенно прекрасно. Были восходы, были закаты, цвели цветы, приходили и уходили времена года. Когда вас не было, все было точно так же. Однажды вас снова не станет, и все будет точно так же. Существование просто продолжается и продолжается. Оно не дает вам удовлетворения в вашей

величайшей потребности – быть нужными. Напротив, оно дает вам ощущение того, что вы его не волнуете. Может быть, оно даже не знает, что вы существуете.

Мне вспоминается одна из историй Панча Тантры. Эти истории потрясающе психологичны. По мосту через реку идет слон, а на слоне сидит комар. Слон так тяжел, а мост – просто временный мосток. Бедные деревенские жители наводят мостки, когда проходят дожди, спадает вода и река становится маленькой. Они делают временные деревянные мостки для себя. На восемь месяцев такого мостка прекрасно хватает. Но он построен не для слона, поскольку в бедной деревне никто не может содержать слона. На мосток же взошел и проходил по нему дикий слон. Комар, сидевший на голове слона, сказал: «Дядюшка, кажется, что мой вес и твой вес – это слишком для такого мостка».

Слон сказал: «А я и не знал, что ты сидишь у меня на голове. Что ты там делаешь?» Вот в этой маленькой истории слон даже не осознает комара, – но комар думает: «Я и ты, мы вместе, – это так много для этого бедного мостка».

Каждый человек гораздо меньше по сравнению с этой огромной вселенной, чем комар по сравнению со слонем. Разница между комаром и слонем не велика, но между человеком и существованием... разница неизмерима.

Но помните, человек делает то же самое, что и комар. Если вы собираетесь жениться, вы идете к астрологу и спрашиваете: «Благоприятствуют ли звезды?» То же самое говорил и бедный комар: «Дядюшка...», – пытаюсь связать себя со слонем. Вы пытаетесь связывать себя со звездами: благоприятствуют ли они вашей женитьбе? И конечно, астролог эксплуатирует вас.

Несколько месяцев я провел в Раджпуре в качестве профессора. Я проехал всю Индию, но Раджпур показался мне странным местом. Вам удастся пройти каких-нибудь два или три дома, и вы наткнетесь на большую вывеску, объявляющую: «Здесь живет великий астролог». Вы прошли всего два, три дома, и вот есть кто-то, кто знает, как избавиться вас от духов, как вывести из вас демонов. Человека такого рода в Раджпуре называют оджа, тот, кто изгоняет демонов, духов из человеческого ума.

И в те дни я проходил каждый день, самое меньшее, по восемь миль, поэтому я заглянул почти во все уголки Раджпура, и везде на стенах были объявления, рекламы. Там, должно быть, были люди, страдающие от духов и демонов, иначе как могло так много народу заниматься этим бизнесом – и заниматься успешно? Они казались самыми уважаемыми людьми.

Как раз перед моим домом жил один очень знаменитый астролог. Из самых отдаленных мест к нему приходили люди по самым разным вопросам, не только по поводу женитьбы. В Индии, если вы начинаете какое-нибудь дело, вы идете к астрологу: «В какой день, в какое время звезды будут благоприятствовать мне?» Вот подходящее время для церемонии открытия вашего магазина. Если вы собираетесь в путешествие, первое, что вы делаете, вы идете к астрологу: «В какое время? Я еду на юг; благоприятствуют ли звезды тому, что я поеду на юг в такой-то день? Или мне лучше подождать?» И астролог назначает вам дату и время.

И я видел, что этот человек занимается подобным целый день. Иногда бывало так, что поезд отходит в полночь, а вы должны выходить из дома в то время, которое назначил астролог. Поэтому вы выходите из дома в полдень, так как именно в этот момент звезды благоприятствуют вам. Вы выходите из дому в полдень и потом двенадцать часов стоите на станции и ждете поезда; но из дома вы должны выйти в тот момент, когда звезды благоприятствуют вам.

Один из моих друзей... он тоже был профессором, но профессором по санскриту. Он был великим верующим во всю эту чепуху. Всякий раз, когда он отправлялся повидаться со своей семьей, он консультировался у астролога. И иногда у него возникали большие трудности, поскольку астролог говорил: «В этом месяце вам не следует выезжать. Этот месяц совершенно не благоприятствует вам».

Мой друг приходил ко мне и говорил: «Очень тяжело; в этом месяце я точно должен был поехать. А вот астролог говорит, что мне не следует ехать в этом месяце».

Я сказал ему: «Подождите. Позвольте узнать, что за астролог. Я же знаю его очень хорошо; он живет как раз напротив моего дома. Есть же способы. Вы дадите астрологу рупию, и потом он спросит вас: «Какой день, какое время?» А я заранее дам ему рупию и скажу: "Придет этот несчастный парень; пожалуйста, назовите этот день и это время", - тогда вы сможете попасть на поезд и добраться до дома».

Я устроил таким образом множество браков. Ему нужно было дать всего одну рупию. Однажды он сказал: «Но вы странный парень. Вы постоянно даете рупии за других, ради их поездок, их дел, их браков».

Я сказал: «Я наслаждаюсь игрой. Я вижу их глупость и вижу вашу хитрость. Всего за одну рупию посмотреть такую игру - это не дорого. И ведь это не только вы, этим занимались все ваши предки. Вы распоряжаетесь браками людей, а ваша жена каждый день пилит и бьет вас. Что случилось с вашей астрологией? Хотя бы для себя вы могли бы выбрать подходящую женщину. А эти дураки продолжают ходить к вам, прекрасно зная, что трудно найти мужа, находящегося больше под каблуком жены, чем вы. Но они все еще продолжают спрашивать: "Я собираюсь жениться; окажется ли этот брак успешным, спокойным?" - и спрашивают они у вас! И пока они сидят здесь, входит ваша жена и начинает кричать на вас, оскорблять вас, неужели эти дураки не видят всего этого? И что вы знаете о звездах?»

Но трюк в том, что астрологическая книга индусов везде одна и та же. Если вы спросите у одного астролога, он вам даст ответ. Поезжайте в Бенарес и спросите у другого астролога, он даст вам точно такой же ответ, ведь они оба полагаются на одну и ту же астрологическую книгу. Поезжайте в Калькутту, и вы получите такой же ответ. Это убеждает вас в том, что эти астрологи, должно быть, знают, ведь три человека из разных городов не могут стовориться против вас. А они и не знают друг друга, не имеют понятия о том, что вы консультируетесь с другими людьми. Вы можете консультироваться по всей Индии и получите тот же самый ответ, ведь книга-то везде одна и та же. Они консультируют по одной и той же книге; звезды никого не волнуют, никто ничего не знает о звездах, только то, что говорит эта книга.

Как я сказал вам, величайшая потребность человека - быть нужным. Иначе он чувствует себя шокированным. Деревья, облака, Солнце, Луна, звезды, горы... кажется, ничто не замечает вас.

Все существование кажется индифферентным; есть вы или вас нет, это никого не волнует. Это обстоятельство очень сильно поражает ум. И тогда входит религия, так называемая религия...

Настоящая религия всеми способами пытается помочь вам отбросить эту потребность, чтобы вы смогли увидеть то, что и ни у кого другого нет никакой потребности в вас, что, испрашивая внимания к себе, вы просите о вымысле.

Но так называемые религии, существующие на Земле в столь многих формах... индуизм, иудаизм, христианство, мусульманство, буддизм, джайнизм и многие другие «измы». На Земле имеется три сотни религий, но все они делают в точности одно и то же. Они все делают одинаковую работу; они дают вам одно и то же удовлетворение.

Они говорят, что есть Бог, который заботится о вас, который смотрит за вами, который следит за тем, чтобы у вас все было хорошо, - заботится о вас настолько хорошо, что посылает вам святую книгу для руководства вашей жизнью, посылает своего рожденного сына помочь вам выйти на правильный путь. Он посылает мессий и пророков, чтобы вы не блуждали в потемках, - здесь они эксплуатируют вторую вашу слабость: страх дьявола, пытающегося всеми возможными способами подтолкнуть вас на неверный путь.

В индуизме есть одна история. Гаутама Будда, пока жил, стал очень влиятельным человеком. Он был человеком потрясающего обаяния, и он был очень логическим, рациональным человеком, настроенным против всех суеверий. Брамины очень испугались, как бы этот человек не уничтожил всю

их профессию. Брамины на протяжении тысяч лет жили только за счет психологической эксплуатации. Вся их функция заключается в эксплуатации ваших психологических потребностей. Папа, епископ, священник – все они делают то же самое. У вас есть определенная психологическая потребность, и они знают, что эту потребность можно эксплуатировать.

Кроме того, вы испытываете также некоторый обязательный страх. Он возникает в тот момент, когда вы выходите из утробы матери – при самом этом разделении. До этого разделения страха в вас не было, ведь вы не были одиноки. Материнская утроба – самое удобное место... вы просто плавали в ней. Все ваши нужды исполнялись без всякого труда с вашей стороны. Не было тревог, не было проблем, не было голода, не было безработицы, не было войны, не было смерти. Вы были полностью изолированы, защищены, и все ваши потребности удовлетворялись.

Ребенок в материнской утробе не испытывает страха, там нет причины для него. Но раз он вышел из утробы матери, великий страх пробегает по всему его существу. Его берут... как вырывают дерево из земли, с корнем. Целое дерево потрясено и дрожит; вырваны его корни, разрушено само его основание. Оно не знает другого способа пропитания, оно не знает другого способа существования. О нем заботилась земля, а его вырвали с корнем.

И я говорю не о поэтических образах. Сейчас существуют научные приборы, которые могут определить, чувствует ли дерево страх или нет, что-то вроде кардиограммы. Они немедленно показывают... Вы укрепляете прибор на дереве, укорененном в земле, цветущем, играющем с ветром, танцующем в солнечных лучах. И график на кардиограмме очень гармоничен, одинаков, нет изменений... потрясающее спокойствие в существе дерева. Потом вы вырываете его – и внезапно график дрожит. Линии начинают метаться вверх и вниз. Гармония потеряна. И по мере того, как вы вытягиваете его, на графике возникает хаос. Дерево проходит через величайшую муку.

И вы удивитесь, узнав, что когда вы проделываете это с одним деревом, то другие деревья, стоящие рядом... их графики тоже начинают показывать страх. То, что происходит с одним деревом, может случиться и с ними. Это не так далеко: «Если этот человек поступает так с этим деревом, то он может поступить так и со мной». Все деревья вокруг – все их графики начинают показывать, что они боятся; возникает тревога.

Когда ребенок выходит из утробы, это величайшее потрясение в его жизни. Даже смерть не будет таким большим потрясением, ведь смерть придет без предупреждения. Самое вероятное, смерть придет, когда человек будет без сознания. Но когда он выходит из утробы матери, он в сознании. На самом деле, он впервые приходит в сознание. Его девятимесячный сон, спокойный сон, нарушается – и вот обрезается нить, связывавшая его с матерью.

В тот момент, когда обрезается нить, связывавшая его с матерью, возникает исполненный страха индивидуум.

Это неправильный способ; но вот так все и происходит до сих пор. Неосознанно такой способ рождения помогает священникам и так называемым религиям эксплуатировать человека. Ребенка следует извлекать из материнской утробы медленнее, постепеннее. Не следует причинять ему такого потрясения – и ведь так можно сделать. Можно обустроить все по-научному. В помещении не должно быть яркого света, ведь девять месяцев ребенок жил в абсолютной темноте и у него очень хрупкие глаза, которые никогда не видели света. А во всех ваших больницах яркие лампы, и ребенок внезапно сталкивается со светом... Из-за этого большинство людей страдают слабыми глазами; позднее они вынуждены пользоваться очками. Ни одному животному не нужны очки. Видели ли вы когда-нибудь животных в очках, читающих газету? Их глаза совершенно здоровы всю их жизнь, до самой смерти. Только человек... И все начинается в самом начале. Нет, ребенок должен рождаться в темноте или при очень мягком свете, может быть, при свечах. Лучше всего была бы темнота, но если нужен свет, будет достаточно свечей.

А что доктора делают до настоящего времени? Они не дают даже небольшого времени ребенку освоиться с новой реальностью. Тот способ, которым они встречают ребенка, безобразен. Они держат ребенка за ножки вниз головой и шлепают его по задку. Идея этого глупого ритуала в том, чтобы помочь ребенку дышать. Поскольку в утробе матери он сам не дышал; для него мать и дышала, и ела, и делала все остальное.

Но такая встреча с миром, когда вас подвешивают вниз головой и шлепают по задку, – это не очень хорошее начало.

Однако доктор торопится. Иначе ребенок начнет дышать сам; ребенка нужно бы оставить лежащим на животе матери, поверх ее живота. До перерезания связывающей нити его следует оставить на животе матери. Он был там внутри живота, внизу; теперь он снаружи. Это не большое изменение. Мать рядом, он может касаться ее, чувствовать ее. Он узнает ее вибрацию. Он прекрасно осознает, что это его дом. Он вышел, но это его дом. Пусть он побудет с матерью еще немного, чтобы освоиться с матерью снаружи; изнутри он уже знает ее. И не обрезайте нить, соединяющую его, пока он не начнет дышать сам.

Что же делается сейчас? Мы обрезаем нить и шлепаем ребенка, чтобы он дышал. Но это насилие над ним, это абсолютно ненаучно и неестественно.

Пусть сначала он начнет дышать сам. Это займет несколько минут. Не спешите так. Это вопрос всей человеческой жизни. Можете выкурить свою сигарету двумя-тремя минутами позже; можете прошептать милые глупости своей подружке несколькими минутами позже. Это никому не причинит вреда. Зачем эта гонка? Вы не можете дать ему нескольких минут? Ребенку больше не нужно. Просто предоставьте его самому себе, в пределах трех минут он начнет дышать. Когда он начнет дышать, он уверится, что может жить сам. Тогда можно обрезать нить, теперь она не нужна; так вы не заставите ребенка испытать потрясение.

Потом самым важным является следующее: не кладите его в одеяла и в кровать. Нет, девять месяцев он был без одеял, обнаженным, без подушек, без простыней, без кровати – не вносите так быстро столько изменений. Ему нужна небольшая ванна с тем же водным раствором, что был в утробе матери, – это в точности океанская вода: то же количество солей, тот же состав химических веществ, все в точности так же.

Это еще одно доказательство того, что жизнь впервые возникла в океане. Она возникла в океанской воде.

Вот почему беременная женщина начинает есть соленое, ведь матка постоянно поглощает соль – ребенку нужна в точности такая же соленая вода, как в океане. Так что приготовьте соленую воду в маленькой ванне, и пусть ребенок лежит в ней, он будет чувствовать, что ему рады. Это состояние, к которому он привык.

В Японии один дзэнский монах провел удивительный эксперимент: трехмесячный ребенок может плавать. Он начал постепенно. Сначала он попробовал с девятимесячным ребенком, затем с шестимесячным и, наконец, с трехмесячным. И я сказал ему, что он может продолжать еще. Даже только что родившийся ребенок может плавать, ведь он плавал в материнской утробе.

Так что дайте ребенку шанс побыть в условиях, подобных материнской утробе. Он будет более уверенным в себе, и ни один священник не сможет так легко эксплуатировать его, рассказывая об адском огне и прочей чепухе.

Но вот что стало обыкновением в жизни человечества: с одной стороны, человеку нужен Бог, покровитель, наставник, опора, а с другой стороны – ад. Так человек и живет в постоянном страхе перед всем, что священник считает плохим.

А что является плохим и что – хорошим? В каждом обществе эти понятия свои. Плохое и хорошее определяются конкретным обществом; плохое и хорошее не обладают неизменной ценностью.

Да, есть состояние осознанности, когда вы выходите за пределы ума и можете видеть все непосредственно без всякого предубеждения, без всякой идеологии, закрывающей ваши глаза. Когда вы видите непосредственно, вы

тут же узнаете, что хорошо и что плохо. Не нужно ничего никому говорить. Не нужно никому давать никаких заповедей.

А каждое общество все время декларирует: это хорошо, это плохо. Но как предохранить вас от совершения того, что они называют плохим? Проблема в том, что то, что они называют плохим, по большей части является естественным – и поэтому привлекает вас. Это плохо, но это естественно – естественное же обладает глубокой привлекательностью. Им нужно создать много страха, чтобы он стал сильнее естественной привлекательности. Поэтому и должен был быть изобретен ад.

Есть религии, которые не удовлетворяются одним адом. И я понимаю, почему им не хватает одного ада. Христианство удовлетворяется одним адом по той простой причине, что христианский ад вечен, расположен в длину. Но у индусов, джайнов, буддистов вечного ада нет, поэтому они вынуждены идти по вертикали – у них семь адов! И каждый следующий ад становится все более и более мучительным, более и более нечеловеческим.

И я удивляюсь... Эти люди, описавшие ад во всех кровавых подробностях, назывались праведниками... Эти люди, если бы у них только был шанс, очень легко стали бы Адольфами Гитлерами, Иосифами Сталиными, Мао Цзе-дунами. У них были все соответствующие идеи; чего у них не было, так это только власти. Но в тонких вещах они обладали и властью, правда, не до настоящего времени. Их власть заключалась в том, что они были первосвященниками, папами, шанкарачарьями, и эта власть помогала им бросать вас в ад когда-то в будущем, после смерти.

Смерть сама по себе – это очень страшно. Но для них этого недостаточно, а ведь естественные инстинкты на самом деле очень сильны.

Почему же они против естественных инстинктов. Потому что эти естественные инстинкты идут против их коренных интересов.

Позвольте мне объяснить вам. В Индии Кришна имел шестнадцать тысяч жен. Что сказать о пятнадцати тысячах девятистах девяноста девяти мужчинах, потерявших своих жен? Эти жены были украдены, уведены силой. Они были матерями, женами. Некоторые были не замужем, большинство были замужними. Если женщина была красива, этого было достаточно, чтобы Кришна забрал ее в концентрационный лагерь своих жен. Это был, наверное, почти город – шестнадцать тысяч жен! Как теперь воспрепятствовать этим пятнадцати тысячам девятистам девяноста девяти мужчинам... если они соберутся вместе, они могут убить его и забрать своих жен. Им нужно воспрепятствовать.

Священник должен придумать способы, ведь он находится под защитой Кришны. Кришна обладает властью, светской властью, в его руках армия, суд, закон, он защищает священника. Индусский закон говорит, что если вы убьете шудра, неприкасаемого, то достаточным наказанием будет десять лет тюрьмы, но если вы убьете брамина, то наказание будет смертельным. И не только в одной жизни, но в предстоящих семи жизнях вас будут снова и снова убивать; только тогда наказание будет исполнено.

Светская власть защищает священника, священник защищает светскую власть.

Священник говорит: «Кришна – не обыкновенный человек, он – совершенное воплощение Бога, и вы должны быть счастливы, что он выбрал вашу жену себе в супруги. Вы должны радоваться, должны быть счастливыми, должны блаженствовать. К вам придут великие радости в раю. Поэтому не обижайтесь, не гневайтесь, не бунтуйте. Лучше примите это легко, счастливо, радостно, с благодарностью – он выбрал вашу жену, а не чью-то другую».

Теперь естественный инстинкт этого человека должен бы бороться с ним самим. У него забрали мать его детей, у него забрали жену – и против ее воли. И что же это за общество? Но нет, его естественный инстинкт уничтожают, уничтожают двойным способом. Первое, если вы принимаете это охотно, вы будете вознаграждены – огромные удовольствия, много красивых женщин, тысячи радостей – на небесах. Второе, если вы обижаетесь, гневаетесь, собираетесь совершить что-то насильственное против Кришны,

воплощения Бога, то вы будете страдать в седьмом аду. Поэтому, выбирайте...

Все, что было против коренных интересов... например, нищета: все религии учат: «Блаженны нищие». Так говорит не только Иисус. Иисус говорит это очень точно, полно, в одном высказывании, в одной сентенции: «Блаженны нищие, ибо их есть царствие Божие». Но это учение всех религий: вы должны принимать свою нищету, как блаженство, как дар Божий. Это ведь испытание вашей веры. Если вы сможете пройти через это огненное испытание нищетой без ропота, не думая, что оно каким-то образом несправедливо, если вы сможете пройти через это, как будто это дар Божий, тогда царство Божье ваше.

Великим утешением для Лазаря являются слова Иисуса, обращенные к нему... Случилось так: Лазарь был очень беден, а один самый богатый человек в деревне устраивал пир в честь своего дня рождения. Лазарь был голоден, испытывал жажду и, проходя по деревне, попросил немного воды. А слуги вышвырнули его. Они сказали: «Разве не видишь, что наш хозяин дает пир и собрались великие гости? А ты просто нищий. И как это у тебя хватило наглости войти в дом и просить воды. Отправляйся в ад! Убирайся отсюда как можно скорее». Иисус сказал Лазарю: «Не беспокойся. Увидишь. В раю ты будешь наслаждаться всеми удовольствиями, а этот человек будет страдать в адском огне и будет просить: "Лазарь, подай мне немного воды"».

Великое утешение! – но и великая стратегия защиты богатых от бедных. Богатых немного, бедных много. Если они проникнутся идеей о том, что бедность – это не блаженство, а проклятье, они убьют всех богатых.

Стратегия хорошо работает дважды: утешение для бедных в том, что нищета – это блаженство; защита для богатых, чтобы бедные не бунтовали.

Религии были причиной того, что бедность все еще продолжает существовать в мире, иначе для нее совсем нет причины – особенно сейчас, когда наука и технология могут всю землю превратить в рай.

Религиозные люди не хотели бы превращения земли в рай, ведь что тогда случится с их раем?

Они хотели бы, чтобы земля оставалась такой же бедной, такой же голодной, такой же большой, как она есть, поскольку от этого зависит весь их бизнес. Богатые жертвуют церкви, поскольку она защищает их. Жертвуют и бедные, которым не хватает даже на пропитание. Они жертвуют церкви, поскольку она дает им руководство. И эта жизнь так мала. Этой жизни осталось так немного; большая ее часть прошла, осталось немного – и это пройдет. Потом будет вечная жизнь, вечная радость. Церковь указывает путь. Иисус указывает путь.

Естественные инстинкты, такие, как секс, голод... Эти религиозные люди учат вас поститься. И это против природы. Поститься так же плохо, как и переедать. Это значит, что что-то не в порядке с вами психологически. Может быть, вы чувствуете такую пустоту, что постоянно набиваете себя всем, что попадается под руку, пытаетесь заполнить эту психологическую пустоту.

Вот постящийся человек – он поедает сам себя; пост – это медленное самоубийство.

Очень странно... Джайны в Индии против поедания мяса, против невегетарианской пищи. Я был на одной из их конференций, всеиндийской конференции джайнов, и там присутствовали все их секты, все их великие ачарьи, их великие учителя. Я спросил простую вещь, Я спросил у них: «Вы продолжаете проповедовать посты, – джайны постятся больше всех в мире, – но рассматривали ли вы такой простой факт, что, когда вы поститесь, вы поедаете собственное мясо? Поскольку каждый день в начале поста исчезает около килограмма вашего веса. Куда он уходит? Позже будет исчезать по полкилограмма, вы не сможете позволить себе килограмм – ваши запасы становятся все меньше и меньше».

«Очень здоровый человек может жить без пищи три месяца. Так много питания накапливается в его теле; но никто не является настолько здоровым. Чтобы быть таким здоровым, нужно снова стать лесным охотником.

Другого способа нет. Эти охотники иногда вынуждены поститься по многу дней, поскольку охота – это вам не холодильник, к которому вы подходите, открываете – и там все есть. Сегодня вы можете что-то найти, а неделю, две, вы найти ничего не можете, никакой пищи. Охотнику нужен запас питания на те дни, когда он не может добыть пищи. Когда он добывает пищу, он съедает ее много. Когда он не может добыть, он постится».

Но джайны – не охотники. Они даже не земледельцы. Они просто бизнесмены. Учить поститься этих людей... Каждый год на протяжении десяти дней у них бывают святые дни, во время которых многие постятся, причем все десять дней непрерывно. И я знаю многих моих друзей, которые в эти десять дней думают только о еде и ни о чем другом. Они не могут думать ни о чем другом. Вы рассказываете о прекрасном кинофильме; они говорят: «Не сейчас...» Вы кладете перед ними журнал «Плейбой»; они не интересуются им. Как вы думаете, будет ли мужчина, постящийся семь дней, интересоваться журналом «Плейбой»? Он даже не поднимет его. Я сажал их к себе в автомобиль, чтобы посмотреть, что случится с ними. В Индии во многих городах все кондитерские и рестораны сосредоточены на одной улице. Поэтому я привозил их на эту улицу понаблюдать их реакцию.

Психологи поняли такой факт, что если вам дать посмотреть десять фотографий с обнаженными девушками... а вы можете и не знать, что при этом делает психолог: он следит за вашими глазами. Девушка вам понравилась... немедленно ваши глаза расширяются, расширяются зрачки. Зрачок глаза немедленно становится более открытым. Психолог может рассказать, какая девушка из десяти вам понравилась, не спрашивая вас об этом. И вы удивитесь, как будто он делает какой-то фокус или что-то в этом роде... «Как он смог прочесть мои мысли?» Не нужно читать ваши мысли, надо просто следить за вашими глазами. Если зрачок неожиданно расширяется, это означает, что он хочет съесть ее, поглотить ее.

Я видел, как то же самое происходило с этими джайнами. Когда они видели сладости, я замедлял ход автомобиля и следил за их глазами. Их зрачки становились огромными! Обнаженная женщина не производила никаких изменений в их глазах. Восемь дней, девять дней, десять дней они ничего не ели – кто станет пожирать глазами девушку? У кого хватит на это энергии? Но смотреть на кондитерский магазин... можно было видеть, как неожиданно их лица оживлялись, зрачки расширялись. Они постоянно думают... даже ночью им снится еда. В течение десяти дней они ничего не делают, кроме как фантазируют о еде.

Вот и это против их религии. Их священники говорят им: «Во время поста вы не должны думать о еде». Во-первых, поститься неестественно; во-вторых, когда вы поститесь, то думать о еде естественно. Но и это запрещено: думать о еде нельзя. Поэтому во время поста джайны ходят в храм. Целыми днями они слушают, много монахов проводят церемонии; они все время слушают эти их церемонии. Читаются священные книги, и они все время слушают священные книги.

Я бывал в этих местах, и, увидев кого-то знакомого, я подходил к нему, тряс его за плечо и говорил: «Вы на самом деле слушаете того человека или вы думаете о какой-нибудь еде?»

Он отвечал: «Как вы узнали? Действительно, этот человек напомнил мне моего повара. И я чувствовал себя очень плохо, ведь это плохо думать о великом мудреце, как о поваре. Это... но как вы догадались спросить меня об этом?»

Я говорил: «Я просто проходил мимо. Я постоянно все исследую. Меня интересует, например, что вы делаете в этом храме? Зачем вы здесь?» Единственной целью было забыть в храме о еде. Но как храм может заставить кого-либо забыть о еде, когда тело голодает и каждая клеточка его просит пищи?

Почему религии наставляют вас против ваших естественных инстинктов? По простой причине – чтобы привить вам чувство вины.

Позвольте мне повторить это слово «вина».

В этом слове весь фокус того, как они уничтожают вас, эксплуатируют вас, формируют вас по своему шаблону, оскорбляют вас, создают в вас неуважение к самим себе.

Когда возникает чувство вины, когда вы начинаете чувствовать: «Я виновен, я грешник», – их работа сделана. Тогда кто может спасти вас? Тогда нужен спаситель. Но прежде всего нужно создать болезнь.

Я слышал о двух молодых людях. У них был такой бизнес: один молодой человек входил в городок ночью и бросал угольным дегтем в двери, окна, после чего уходил из городка. Утром все озадачены. Их двери и окна испорчены. Как теперь их отчистить? И тогда неожиданно появляется второй человек – они партнеры в этом бизнесе – и объявляет: «Отчищаю угольный деготь». Поэтому все кидаются к нему: «Пожалуйста, приходите в мой дом и отчистите окна». А первый тем временем совершает то же самое в другом городке. К тому времени, когда второй заканчивает чистку одного городка, первый уже подготовил ему для чистки второй городок. Один грязнит дома, другой очищает их. Они партнеры – они участвуют в этой игре на равных.

Священник сначала возбуждает чувство вины – это он бросает вам в лицо угольный деготь. Теперь нужен кто-то, кто очистит его. И это не обычное видимое лицо; постоянно забрасывают угольным дегтем вашу невидимую реальность. Вы сами не можете найти способа очистить ее, ведь вы не знаете, что есть эта реальность.

Все, что вы знаете, это то, что священник убедил вас в вашей виновности.

И у него есть для этого абсолютное объяснение: вы думаете о сексе, вы думаете о еде во время поста, среди ночи вам нельзя пить воду – ночью ничто не должно касаться рта. Но летом в Индии трудно не пить воды. Родители не разрешают пить даже своим маленьким детям. Даже маленькие дети вынуждены ночью пить украдкой. С самого начала их делают воришками, им прививают чувство вины, поскольку они знают, что делают что-то плохое.

В моем доме, пока была жива бабушка, были запрещены помидоры, поскольку, как она считала, краснота помидора напоминает мясо. И я много раз спрашивал ее: «Видели ли вы когда-нибудь мясо?»

Она никогда не видела мяса, но отвечала: «Я знаю, что мясо похоже на помидоры. Не приносите помидоров в дом». Я не ел помидоров до семнадцати лет. Я не ел лука до двадцати одного года, поскольку он не был разрешен в доме. Есть лук, картофель было великим грехом... видели ли вы более невинный овощ, чем картофель?

Но джайнизм против всего, что растет под землей. Все, что растет под землей, запрещено есть джайнам. Поскольку лучи солнца не добираются туда, растущее под землей оказывается тяжелым. Эту тяжесть джайны превращают в своего рода духовность. Если вы будете есть то, что растет под землей, то пойдете вниз, станете тяжелыми, а вам нужен свет. Чтобы иметь крылья, вам нужно быть светом, поэтому все, что растет под землей, есть нельзя. Станный аргумент... но его повторяют тысячи лет, и люди верят этому. Они все еще верят. И если вы съели, вы чувствуете вину, поскольку это было против вашей совести.

Совість формируется обществом.

Вы спрашиваете меня: «Если нет Бога, нет дьявола, нужна ли религия?» Только тогда и нужна религия. Когда есть Бог и есть дьявол, для религии не остается места. Этим двоим достаточно, чтобы занять все пространство. Эти двое настолько большие вымыслы, что для религии не остается пространства.

Прежде всего, вы должны убить Бога и дьявола, обоих, полностью, чтобы освободить пространство для религии.

Тогда религия не будет эксплуатировать ваши психологические потребности, она будет преобразовать ваше бытие, чтобы вы могли идти выше ваших психологических потребностей и увидеть, что эти потребности не являются истинными.

Например, если вы чувствуете свои психологические потребности, то вы одиноки. Если вы вышли за пределы своих психологических потребностей, то чувствуете себя уединенными. В уединенности есть сила; в одиночестве –

слабость. Одиночество – это значит всегда спрашивать другого, всегда полагаться на другого. Отсюда власть другого над вами, ваша власть над другим. Какую власть имеет муж над женой? Какую власть жена имеет над мужем? Просто такую: без другого вы чувствуете себя одинокими, а когда вы чувствуете себя одинокими, возникает страх. Странно, два труса, два человека, полные страха, вместе начинают чувствовать великое.

Их одиночества удваиваются. Они должны теперь чувствовать себя еще более одинокими, и на самом деле это случается, рано или поздно, после медового месяца. Вы не найдете жены и мужа... они могут сидеть рядом, но они не вместе – они оба одиноки. И тогда они оба злятся, поскольку другой не удовлетворяет их потребности. Поэтому для дрызг достаточно любого повода. По крайней мере, в дрызгах они забывают свое одиночество; дрызги выполняют свое назначение. Но когда вы становитесь выше своей психологии...

Как раз на днях я рассказывал вам, как вы можете стать выше своей психологии, своего ума, этих трех разделений – как вы можете достичь четвертого, турийи. И когда вы достигли четвертого, неожиданно вы видите, что преобразились. Это не одиночество, это просто уединенность, и это истина.

И так прекрасно быть уединенным, никто не забирает у вас никакого пространства, не закрывает никакого пространства в вас. Нет потребности в ком-либо, не нужно, чтобы кто-либо испытывал потребность в вас, – это такая великая сила, что впервые вы чувствуете, что родились.

Религия – это способ выйти из ума, ведь ум фрагментарен, разделен, он как толпа, его много. А когда вы идете поверх него, есть одно сознание, неразделенное, неразделимое, индивидуальное.

И знать это неразделимое сознание – это знать все. Ничего больше не нужно.

Вы спрашиваете меня: «Нужна ли религия Вашим санньясинам?»

Не религия, как вы ее знаете, но религиозность, о которой я говорю. А в действительности я не могу сказать, что и религиозность нужна санньясинам.

Быть санньясином – это быть религиозным. Если вы не религиозны, как вы можете быть санньясином? Но религия, запомните еще раз, в моем смысле этого слова...

Санньясин знает, что он уединен, знает, что нет Бога, нет дьявола, нет ада, нет рая. Он знает свою гармонию и творит ее; и он знает свою дисгармонию и не творит ее.

Он знает, что приносит ему блаженство, – он творит это; и он знает, что создает ненужные страдания, – он не творит этого. Здесь нет вопроса о прекращении, о надеянии; он просто отбрасывает это. Когда вы видите, что в вашей руке скорпион, нужно ли, чтобы вам рассказывали: «Пожалуйста, отбросьте это». До того, как кто-то скажет: «Отбросьте это!», – вы уже отбросите. Все, что вам нужно, это знать, что у вас в руке скорпион.

Сознание делает вас осознающими, просто осознающими, что хорошо, что плохо. И хорошее начинает случаться, а плохое начинает исчезать.

БЕСЕДА 26

МЕНЯ НЕ ИНТЕРЕСУЮТ ВАШИ ДЕЙСТВИЯ – МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ ВАШЕ СОЗНАНИЕ

24 ноября 1984

Бхагаван, есть ли в Вашей религии, такая вещь, как грех?

Грех – это метод, псевдорелигии.

Истинная религия совершенно не нуждается в концепции греха.

Псевдорелигия не может жить без концепции греха, ведь грех – это метод возбуждения чувства вины в людях.

Вам нужно будет понять целую стратегию греха и вины. Если не возбудить в человеке чувства вины, его невозможно поработить психологически.

Невозможно заключить его в тюрьму определенной идеологии, определенной системы веры.

Но когда в уме человека создано чувство вины, тем самым у него забирается вся смелость. В нем уничтожается все рискованное. В нем подавляется всякая возможность быть когда-либо индивидуальным по-своему.

С понятием вины в нем почти убивается человеческий потенциал. Он никогда не сможет стать независимым. Чувство вины будет держать его в зависимости от мессии, от религиозного учения, от Бога, от концепции ада и рая и от многого другого.

И чтобы возбудить чувство вины, нужна всего лишь одна простая вещь: нужно начать называть ошибки, заблуждения – грехами.

Это просто человеческие ошибки. Если кто-то допускает ошибку в математике – дважды два, а у него получается пять, – не говорят же, что он совершил грех. Он невнимателен, он не смотрит на то, что делает. Он не подготовился, он не выполнил домашнего задания. Он, конечно, делает ошибку, но ошибка – это не грех. Она может быть исправлена. Ошибка не возбуждает в нем чувства вины. Самое большее, она заставит его почувствовать свою глупость.

То, что делали псевдорелигии, – а все религии в мире до настоящего времени являются псевдорелигиями, – это то, что они эксплуатировали ошибки, заблуждения, совершенно человеческие, и порицали их как грех.

Грех означает, что это не просто ошибка, – вы пошли против Бога, вот значение слова грех. Адам и Ева совершили изначальный грех: они ослушались Бога. Всякий раз, когда кто-то обвиняет вас в совершении греха, он так или иначе говорит, что вы ослушались Бога.

Никто не знает, кто есть этот Бог, что за него и что против него. На Земле имеются триста псевдорелигий. Только подумайте о трех сотнях наук, о трех сотнях школ физики, которые обвиняют друг друга, отыскивают друг у друга ошибки, провозглашают: «Только наша школа истинная, а все остальные уводят человечество в сторону».

Какая будет ситуация на Земле, если будет три сотни школ физики, три сотни школ химии, три сотни школ медицины, три сотни школ математики, – что это будет за ситуация? Вся Земля сойдет с ума. А в том, что касается религии, именно так и случилось.

И когда я говорю три сотни, я не считаю сект внутри религий. Например, я считаю христианство как одну религию, не разделяя ее на католичество, протестантство, православие. А на самом деле это три религии. И потом есть еще подсекты. Если сосчитать их всех, тогда триста будет слишком маленьким числом; может быть, их будет три тысячи. И каждая вам несет слово Божье. И все их высказывания противоречивы.

Если вы послушаете все религии, то не сможете даже вздохнуть, поскольку все, что вы делаете, – грех. По счастью, вы обусловлены только одной псевдорелигией, поэтому вы не осознаете, что есть и другие идиоты – вы не одни, – делающие то же самое. У них другие правила, но они играют в ту же самую игру.

Например, джайнский монах... сейчас джайнизм – очень небольшая религия, всего лишь триста тысяч человек. У нас больше санньясинов, чем всех последователей джайнизма. Но и у них есть две главные секты, подобные католикам и протестантам. И потом есть по меньшей мере тридцать подсект и каждая секта верит, что именно она представляет истинный джайнизм, а двадцать девять остальных или дурачат себя, или обманывают других.

Одной из таких сект является Терапант. Слово «Терапант» означает «Твой путь», путь Бога. Монах этой секты постоянно держит свой нос закрытым – двадцать четыре часа в сутки, днем и ночью, даже когда спит, – закрытым одеждой, поскольку дышать прямо – это грех. Вы все совершаете грех и уже натворили его так много, что никакой надежды нет. Вся свою жизнь вы совершали грех. За исключением этих немногих семисот человек – в этой секте всего семисот монахов, – за исключением этих семисот человек, весь мир полон грешников.

Лишь этого достаточно, чтобы бросить вас в седьмой ад, поскольку с каждым вздохом вы убиваете миллионы зародышей. А согласно джайнизму, мельчайший зародыш, которого вы даже не видите своим невооруженным глазом

- чтобы увидеть его, вам нужен микроскоп, вам нужно увеличение хотя бы в тысячу раз, - эти мельчайшие зародыши имеют такую же душу, как и вы. Нет качественной разницы. Убьете ли вы человека или зародыш, это все равно по отношению к Богу. В его глазах и вы, и он заслуживаете одинаковое обращение.

В тот момент, когда вы выдыхаете, вы выбрасываете горячий воздух. Этого горячего воздуха достаточно, чтобы убить миллионы зародышей вокруг вас. Когда вы вдыхаете, вы со вдохом поглощаете миллионы зародышей, которые будут убиты внутри вас. Поэтому с каждым вдохом и выдохом вы делаете такое, по сравнению с чем кажется ничтожным сделанное Адольфом Гитлером, Иосифом Сталиным и Мао Цзе-дуном за всю их жизнь, - а вы делаете это простым дыханием.

Даже ночью им нельзя снимать одежду. С этими людьми трудно разговаривать, поскольку одежда закрывает их рот и нос. Ведь когда вы говорите, воздух выходит из вашего рта, поэтому и говорить они не могут с открытым ртом. Таким образом исключается прямой удар. Но разговаривать с этими людьми очень трудно; очень трудно даже понимать, что они говорят. Они просто бормочут с закрытым ртом, с закрытым носом...

И люди, верящие в Терапант, не ставшие монахами, постоянно чувствуют свою вину за то, что они дышат. Я, бывало, останавливался у немногих своих терапантских друзей в Бомбее, и тяжелым грузом на их душах лежало то, что они еще не сумели отречься от мира и стать монахами, - ведь если не отречься от мира и не стать монахом, невозможно избежать греха. Если даже дыхание - грех, то можно подумать, что все - грех.

Моим другом был один из старейших сенаторов Индии.

Он был известен как отец индийского парламента. Он очень долго был членом парламента, с 1916 по 1978 год. С ним состязался в этом только один человек в мировой истории, Уинстон Черчилль. Всех остальных он победил - так долго и непрерывно он избирался. Но он был очень посредственным человеком. Может быть, это и было причиной того, что люди снова и снова избирали его. Он не был хитрым; он в действительности не мог быть политиком. Иначе, человек, остававшийся более полувека членом парламента, стал бы премьер-министром, президентом. Но он не смог стать даже министром или губернатором штата. Он был прост - лучше сказать, он был простаком.

Ко мне его привела смерть сына. Его сын тоже был политиком, причем многообещающим. Он уже был заместителем министра и на следующих выборах должен был стать министром. И его отец, его имя было Сетх Говиндадас, возложил на сына все свои амбиции. Он сам не смог стать премьер-министром Индии, но его сын должен был стать. И сын Яыл очень молод, поэтому у него были все возможности к пятидесяти-шестидесяти годам стать премьер-министром.

Но внезапно он умер в возрасте тридцати шести лет. Его смерть явилась огромным потрясением для отца. Отец был очень богатым человеком. Отцу Сетха Говиндадаса Британское правительство в свое время дало титул раджи, титул царя, хотя он и не был царем. У него было так много богатств, так много земель, и он так хорошо служил Британскому правительству, что правительство признало его заслуги и дало ему титул раджи.

Сетх Говиндадас, сын Раджи Гокулдаса, основал весь свой престиж на том, что стал бунтовать против Британского правительства и бороться за свободу. Благодаря этому люди и избирали его все время в парламент. Бедным людям этого было достаточно: он так богат и, несмотря на то, что правительство так уважало его отца, взбунтовался против отца, взбунтовался против правительства, и отец отрекся от него - вот что стало основной характеристикой Сетха Говиндадаса. Кроме этого, он не обладал никакими особыми качествами, разумностью или чем-то подобным. Благодаря ему и его сын пошел по той же стезе. Сын был хитер и разумен, хорошо образован.

Смерть сына была огромным ударом для Сетха Говиндадаса. Он начал ходить по праведникам и спрашивать: «Почему так случилось?» И куда бы он не пршел - простой ответ у всех псевдорелигий одинаков, - все говорили:

«Вы, должно быть, совершили грех в своей прошлой жизни. Это вам наказание».

Я хотел бы подчеркнуть то, что он ходил к различным религиозным праведникам, но ответ был везде одинаковым.

Была одинаковой стратегия: «Вы совершили какой-то грех, это его результат. Теперь кайтесь! Теперь совершайте что-нибудь хорошее, будьте добродетельны». Конечно, добродетели, предписываемые всеми этими праведниками, были различны. Один индусский монах предложил: «Отныне и навсегда прекратите есть соль». Он спросил: «Но как это поможет?»

Монах сказал: «Это поможет потому, что, когда вы не едите соль, вся пища становится безвкусной, – без соли особенно безвкусной становится индийская пища. А есть не ради вкуса – это добродетель; есть ради вкуса – грех. Есть ради вкуса – следовать за телом, тогда тело манипулирует вашей душой, порабощает ее. Вот в чем грех, тело берет верх над душой; тело является хозяином, а душа действует, как раба, куда тело ведет ее, туда она и идет».

Монах сказал: «Поворачивайте ваше тело в другую сторону: что бы оно ни говорило вам, не делайте этого. Ваше тело будет просить соли – не ешьте соль. Постепенно прекращайте есть сахар. Постепенно сделайте всю пищу абсолютно безвкусной, чтобы есть лишь ради поддержания жизни, данной вам Богом. Когда вы не интересуетесь этой жизнью, вы готовитесь к жизни будущей». Соль – это потребность тела. Вашему телу нужно определенное количество соли, иначе вы ослабнете. Все, что запрашивает ваше тело, не является плохим. Тело запрашивает что-то, потому что это является его потребностью.

Эти люди превращают вашу физическую потребность в грех.

Естественно, ваше тело будет постоянно просить соли. Вы будете заставлять себя не есть соль, а ваше тело будет непрерывно просить соли и стремиться к ней. Это создаст проблему: или вы мучите свое тело, или вы начинаете есть соль и совершаете грех. Оба пути, всего лишь из-за простой соли, приводят вас к тому, что вы становитесь больным человеком. Ваша психика более не является здоровой.

Встречаясь со многими этими людьми ... а Сетх Говиндадас был известным человеком, поэтому каждый праведник был рад встретиться с ним, счастлив встретиться с ним и всегда был готов предложить ему какие-нибудь идеи. Я жил в его городе двадцать лет. У него ни разу не возникло мысли прийти ко мне. На самом деле любой политик в Индии боится встретиться со мной, боится, что его увидят со мной или узнают, что он приходил ко мне. Массы отвернутся от такого политика – даже если это политик не маленький. Этот человек был очень уважаемым на протяжении пятидесяти лет, более пятидесяти лет он был членом парламента. Тогда чего ему было бояться? Но он никогда не приходил ко мне.

Он слышал обо мне. Люди говорили, даже премьер-министр. Пока он был в парламенте, сменилось много премьер-министров. Один премьер-министр, Лалбахадур Шастри, справился обо мне. Сетх Говиндадас сказал: «Я слышал это имя, но я не знаком с ним лично». Лалбахадур сказал мне: «Это странно. Этот человек – член парламента от вашего избирательного округа, и он не знает вас».

Я сказал: «Вы должны понять его позицию. Если он придет повидаться со мной... я, конечно, не пойду к нему, у меня нет причин встречаться с ним. Я никогда ни за кого не голосовал, потому что все эти идиоты одинаковы. Разные только ярлыки, поэтому смысла голосовать нет. Я никогда не голосовал. И зачем мне идти...? Так что здесь нет вопроса. А он... вы должны понять, вы политик. Хватит ли у вас смелости прийти ко мне домой?»

Он был очень приятным человеком. Он рассмеялся и сказал: «Вы правы, теперь я понимаю. Всякий, кто придет в ваш дом, столкнется с трудностями. Этот человек может потерять свое кресло».

Индира постоянно спрашивала его обо мне, что я делаю, чем занимаюсь. Она хотела встретиться со мной; дата встречи назначалась, по крайней мере, пять раз, и в последний момент она находила какие-то оправдания и так и не смогла повидаться со мной... Ее коллеги говорили ей: «Ведь это

опасно. То, что вы пойдете повидаться с ним, будет очень опасно для вашей политической карьеры. Оппозиционная партия воспользуется этим, как важнейшим фактором против вас». Поэтому каждый раз она откладывала.

Но когда сын умер, этот старик – может быть, в глубокой печали – забыл о своей политике и парламенте и пришел ко мне. И он сказал: «Куда бы я не пошел, они все говорят, что я, должно быть совершил какой-то грех и поэтому страдаю от потери моего юного сына. И они предлагают меры к тому, чтобы я не страдал в будущей жизни».

Я ответил: «Они дали вам достаточно, чтобы вы страдали прямо сейчас, в этой жизни. И вам нужно было бы спросить, какой грех вы совершили в своих прошлых жизнях. Они все должны ответить разное; они не могут знать, какой грех вы совершили в прошлых жизнях, они все должны строить разные догадки. И глупо... вы что, думаете, что, просто прекратив есть соль и сахар, вы станете добродетельным? Вы станете только виноватым».

Он сказал: «Вы правы. Я таким и стал. Я следовал за всеми этими людьми, я думал, что они мудрые люди, а они лишь запутали меня. Все, что я делаю, плохо. А все, что они предлагают мне делать, выглядит неестественным, насильственным. Я терплю неудачи, даже если стараюсь».

Грех – это стратегия вашего уничтожения, вашего разрушения, убийства вас, как индивидуальности.

И тогда вы в руках священника.

Тогда вы делаете все, что он скажет. Вы не можете спорить, потому что это написано в священных книгах. А спорить со священными книгами – снова грех. Священная книга должна рассматриваться как личность.

Я находился в Джабалпуре в Пенджабе. По утрам, когда я отправлялся на прогулку, я проходил через помещение, где сикхи содержали маленький храм, – они были из тех людей, что могли себе это позволить; то был дом очень богатого человека. Это был красивый мраморный храм, маленький храм, в котором они хранили Гуру Грантх Сахиб, их святую книгу. Все было в порядке. Там была святая книга, но рядом с книгой находилась зубная паста, щетка и кувшин, полный горячей воды, поскольку была зима.

Я спросил моего хозяина: «В чем дело? Я могу понять храм. Я могу понять Гуру Грантх Сахиб... На самом деле использовать слово «сахиб» – это значит делать книгу человеком. Слово «сахиб» не применяется к вещам, это слово употребляется, когда вы платите дань уважения кому-либо. Оно пришло в Индию с британцами. Они были хозяевами, и индийцы начали называть их сахибами. Это очень старое слово, сахиб означает «очень уважаемый человек». Но книгу никто не называет сахиб. А вот сикхи называли свою книгу Гуру Грантх Сахиб – гуру означает Учитель.

Десятый гуру сикхов провозгласил: «Я – последний гуру, отныне и навсегда Учителем у нас будет книга, – в этой книге собраны высказывания всех десяти Учителей, включая его, последнего. – Отныне и навсегда не будет Учителя, только книга». Итак, «гуру» означает Учитель, «грантх» означает собрание, поскольку это не книга, написанная одним человеком, но собрание высказываний десяти человек. И, наконец, «сахиб» означает «достойный, уважаемый человек».

Я сказал: «Я понимаю, что вы платите дань уважения высказываниям своих Учителей, но что это за глупость? Зачем вы держите здесь эту воду, зубную пасту, зубную щетку?»

Он сказал: «Вы не знаете наших обычаев. Учителю по утрам нужно омыwać рот, чистить зубы – книга...»

И я сказал: «Хорошо, но знали ли ваши десять Учителей зубную щетку, зубную пасту? В те времена не было зубной пасты».

Он сказал: «Верно. Это очень современно». Пятьсот лет назад, конечно, зубная паста «Бинака»...? И сделано в Швейцарии – гуру нужно давать что-то импортное. Эта же зубная паста «Бинака» изготавливается той же компанией в Индии, но гуру нужно предлагать импортную зубную пасту. Если вы так не делаете, то испытываете чувство вины, ведь все сикхи так делают. По утрам вы приносите завтрак – а ведь вы знаете, что это книга... Вы знаете это, вы же не слепые. В обеденное время – обед, и

каждый раз все уносится обратно. Книга ничего не ест, но это уже не имеет значения.

Если ваше общество сформировало вас на какую-либо глупость, а вы не хотите ее делать, то ваше сознание будет терзать вас.

Вы должны понимать эти два слова: сознание и совесть. Сознание – это ваше.

Совесть дается вам обществом. Это то, что налагается поверх вашего сознания.

Различными обществами на ваше сознание налагаются различные идеи, но каждое из обществ то или иное всегда взваливает на вас. А раз что-то взвалено поверх вашего сознания, вы уже не слышите свое сознание, оно далеко от вас. Между вашим сознанием и вами стоит толстая стена совести, которую общество навязало вам с самого вашего детства, – и эта стена работает.

До шестнадцатилетнего возраста я ничего не ел по ночам. В джайнском доме это невозможно. Невозможно найти, чего бы поесть, поскольку с заходом солнца всякая еда заканчивается.

Если что-то остается, то раздается нищим; в доме нельзя найти ничего съедобного. Поэтому невозможно украсть или отправиться на кухню, когда родители уснули. Ничего нет, ничего невозможно найти.

В маленькой деревне невозможно выйти из дома – все знают друг друга. Невозможно пойти в ресторан, потому что они немедленно скажут: «Что...!» Они сами могут и не быть джайнами, но они знают, что вы джайн. Они скажут: «Хорошо! Завтра пусть только твой отец пройдет мимо... Так ты начал есть по ночам?» Поэтому даже если вы чувствуете голод, утолить его нет возможности. До шестнадцатилетнего возраста я никогда не ел по ночам.

Когда мне было шестнадцать, вся школа отправилась на пикник в соседний замок – это была очень красивая гора, покрытая джунглями, – и я отправился вместе со всеми. Все школьники из моего класса, исключая меня, были индусами или мусульманами. Я был единственным джайном. Они не позаботились... День был так прекрасен, было так много интересного, на что можно было посмотреть и чем повосхищаться, и поэтому они не позаботились приготовить еду днем.

Они сказали: «Есть будем ночью». Наступала ночь полнолуния, прекрасная река была рядом с замком, и поэтому решили: «Мы будем есть ночью». Ради меня они не собирались готовить днем, а я не мог сказать им: «Я не могу есть ночью». Я подумал, что лучше поголодать, чем становиться посмешищем, они ведь рассмеялись бы и сказали: «Тогда займись приготовлением еды». А я сам никогда ничего не готовил, даже чашки чая.

Даже сейчас я не смогу приготовить чашки чая. На самом деле, я не знаю, где кухня. Я не найду ее, если только кто-нибудь не проводит меня. Я не знаю, где кухня в этом доме. А в своем собственном доме меня вообще не пускали ни на какую кухню. Вот почему я не могу приготовить даже чашки чая. Меня не пускали на кухню, потому что я общался с мусульманами, и индусами, и неприкасаемыми. Мне говорили: «Если ты не изменишь свои привычки...»

Весь дом обычно ел на кухне, а я ел вне кухни; я был изгнанником, поскольку они не могли полагаться на меня, мало ли откуда я мог прийти. С кем я разговаривал, к кому прикасался, они не имели понятия: «Или сейчас же принимай ванну и тогда сможешь войти...» Ну и сколько же раз я должен был принимать ванну? Поэтому я решил так, я сказал: «Хорошо, не будем спорить каждый день. Я буду есть в другом месте и буду там совершенно счастлив».

Те мальчишки на пикнике приготовили по-настоящему прекрасную еду, и она была еще прекраснее, потому что я был так голоден... и запахи... и они начали уговаривать меня: «Никто не расскажет твоим родителям, обещаем, что никто ничего не будет рассказывать». Я был голоден, а с другой стороны, их еда и то, как они готовили ее, все было по-настоящему восхитительно. Они уговаривали и обещали, и я подумал: «Если все эти люди отправятся в ад, то о чем беспокоиться? Я тоже могу отправиться в ад. Действительно, что без своих друзей я буду делать в раю? Эти джайнские

монахи не составят хорошей компании. Они не нравятся мне, и я не очень-то нравлюсь им. Вот эти люди мне нравятся, и все они точно отправятся в ад». Так мне было сказано с самого начала: есть ночью – величайший грех.

Сейчас это выглядит странно... но во времена Махавиры в этом, может быть, был некоторый смысл, ведь в большинстве домов не было света. Люди были так бедны, что ели, бывало, в темноте и могли съесть какое-нибудь насекомое или что-то еще. Махавира беспокоился не о ночи, он беспокоился о том, что люди могли съесть насекомых, муравьев, что-либо живое. В этом была его проблема: если съесть живое, то будет совершен грех. Поэтому, чтобы окончательно закрыть эту проблему, он объявил: «Есть ночью – это грех». Сейчас же по ночам света больше, чем днем, теперь это не проблема. Но священные книги написаны двадцать пять столетий назад, и Махавира захлопнул двери. Ничего нельзя добавить, ничего нельзя отнять. Там окончательное слово.

Поэтому я подумал, что самое большее – это я отправлюсь в ад, но все мои друзья будут там, и они прекрасные повара – так что это стоит того. Поэтому я сказал: «Хорошо». Но до этого момента я не осознавал явления совести. Я поел с ними. Еда была восхитительна, а я был голоден. Целый день лазанья по горе сделал меня более, чем голодным. Но где-то глубоко внутри поднялся бунт. Я почувствовал тошноту, и когда я кончил есть, меня вырвало. С пищей было все в порядке, потому что ни у кого другого не было тошноты, не было рвоты; пища не была недоброкачественной. Пока я не выбросил из себя все, я не мог уснуть. Почти полночи ушло у меня на то, чтобы очиститься от этой пищи, и только тогда я смог уснуть.

В тот день я открыл, что тошнота была не из-за пищи, а из-за шестнадцатилетнего вдалбливания идеи о том, что есть ночью – грех. Это было чисто психологическое отравление, не пищевое. И оно было сделано священником, монахами, моими родителями, моим обществом.

Совесть – это полицейский, поставленный внутри вас обществом.

Общество старается контролировать вас и ваше поведение двумя способами: полицейский снаружи, суд снаружи, судья снаружи, тюрьма снаружи – и полицейский внутри, страх наказания, страх ада, Бог – судья, его суд... перед ним ничего нельзя спрятать. Вы будете стоять обнаженными, и все ваши грехи будут написаны на вас. Их невозможно спрятать.

Так что до настоящего времени общество использовало очень тонкую технологию: создать в вас совесть постоянным повторением, что определенные вещи – это грех, а определенные вещи – это добродетель.

Добродетель будет вознаграждена тысячекратно. Здесь вы жертвуете одну рупию, а на небесах получаете вознаграждение в тысячу рупий.

Так они играют на вашей алчности. Это хороший бизнес.

Это почти лотерея – беспроигрышная. Не важно, выпадет или нет ваш номер. Вы даете одну рупию здесь брамину – запомните, не сделайте ошибки. «Брамину, – говорит священная книга. – Отдайте ее брамину, а не кому-нибудь другому», – брамины же и едят священные книги! Отдайте ее брамину, и все, что вы дадите, в тысячекратном размере получите от Бога на небесах. Так обещает Бог. И брамин будет свидетельствовать перед ним в вашу пользу.

В книгах браминов говорится: «Когда вы жертвуете брамину, смотрите, никогда не давайте старой коровы, которая уже не дает молока». Великолепно! Ведь так и поступают люди в Индии. Когда корова становится очень старой, что с ней делать? Она больше не дает молока. Она больше не приносит телят, из которых можно выращивать коров и быков. Она слишком стара и лежит на вас ненужным грузом. Или отдать ее мяснику... это означало бы, что вы становитесь партнером в убийстве коровы. На самом деле вы главный партнер: если вы не отдадите ее мяснику, он не сможет убить ее. Вы отдали ее мяснику; вы должны будете отвечать за это своим страданием.

Знаете ли вы, что говорят священные книги браминов? Убить корову – почти равносильно убийству десяти браминов.

Убить одного брамина – равносильно убийству десяти человек. Кто же захочет продавать корову мяснику? И с мясника не получишь много денег. Лучший способ – пожертвовать ее брамину. Поэтому люди так и делают.

Браminy знали, что так все и делается. Браminy были в затруднении: они не могут отказываться от жертвы; жертва должна приниматься с благодарностью. Но что же делать с этой старой коровой? Брамин не может продать ее мяснику. Брамин и сам беден. И эти старые коровы со всей деревни начинают скапливаться вокруг него. Поэтому он вынужден был написать в своей священной книге – ясно, что это не слово Божье, зачем Богу беспокоиться о коровах, – что не следует жертвовать брамину именно старых коров. Брамину нужно жертвовать молодую корову, которая дает достаточно молока, тогда вы будете вознаграждены.

Так что эти люди, действующие как посредники между вами и Богом, между вами и небом, на самом деле являются самыми хитрыми людьми.

Они уничтожили самое ценное в вас, ваше сознание. Они перекрыли его слой за слоем. Ваше сознание ушло глубоко вниз; поверх него – слой обусловленности.

Вы спрашиваете: есть ли в моей религии место для греха? Нет.

Грех – это изобретение священника, а я не священник.

Грех – это метод псевдорелигии, а я не мессия, не аватара, не паигамбара. Я не создаю псевдорелигию.

Псевдорелигия абсолютно нуждается в концепции греха, ведь через грех она возбуждает в вас чувство вины. Через чувство вины она заставляет вас дрожать внутри.

Теперь вам как-то надо очиститься от вины.

Священные книги браминов говорят: «Не бойтесь. Пожертвуйте брамину, и ваша вина будет прощена». Но жертвуйте брамину – и в соответствии с размером вины, конечно. Если ваша вина велика, велик ваш грех, вы должны жертвовать больше. Тогда стройте храмы...

Бирла был крупнейшим монополистом и сверхбогачом в Индии. Он построил сотни храмов по всей стране. Страна полна храмов. Людям нужны дома; они не получают их. Богу не нужны дома, а в Индии вы найдете миллионы храмов. В таком городе, как Варанаси, из четырех домов – три храма. Кто живет в них? Люди живут на улицах, – а миллионы храмов пустуют, миллионы церквей пустуют, миллионы мечетей пустуют.

Бирла везде, где сумел, построил прекрасные храмы, великие храмы. Я встречался с ним. Тот старый человек, о котором я говорил, Сетх Говиндадас, был другом Джугала Кисоре Бирлы, главы семейства Бирла. Когда Говиндадас начал все больше и больше интересоваться мной, он начал говорить обо мне с другими людьми. Он разговаривал и с Джугалом Кисоре Бирлой и сказал ему: «Вам разок нужно повстречаться с ним, когда он будет в Дели».

В очередной приезд в Дели я остановился у Говиндадаса. Он сказал мне: «Джугал Кисоре очень интересуется вами, и он старый человек. Будет выглядеть не очень любезно, если мы скажем ему прийти сюда, он, кроме того, болен. От вашего имени я обещал, что приведу вас в его дом».

Я сказал: «Раз вы обещали, тогда все в порядке. Но какова цель? Для меня все, что он делает, является идиотизмом. Он выбрасывает на ветер огромные суммы денег, строя мраморные храмы по всей стране, и думает, что так зарабатывает добродетель для рая. Ведь так говорится в священных книгах: постройте храм – и в рай вам будет дан дворец, мраморный дворец. Он рассчитывает – он бизнесмен, – он рассчитывает, сколько мраморных дворцов получит на небесах. Он и там должен быть самым богатым, если сможет, – а то все эти деньги останутся здесь, когда он умрет».

Он никогда не верил своим сыновьям: они промотают его деньги, и все улетит в трубу. Пока этого не случилось, почему бы не перевести все свои деньги в рай? То, что он делает, – это простой банковский перевод.

Я сказал: «Он идиот, но если вы обещали, я пойду».

Я пришел к нему. Он проявил большое уважение. Он приветствовал меня и сказал – немедленно, в тот момент, когда я сел, – он сказал: «Я хотел бы, чтобы вы сделали две вещи. Я слышал о вас от многих людей. Говиндадас –

единственный, на кого я полагаюсь, – они принадлежали к одной и той же касте и как-то были связаны друг с другом. – Я не согласился бы на встречу с вами, кроме как при посредничестве Говиндадаса, он сумеет сохранить все это в тайне. Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь знал о том, что мы встретились».

Я сказал: «Вас беспокоит встреча со мной? Я думал, что это я беспокоюсь. Я и пришел потому, что Говиндадас обещал вам, иначе бы я не пришел. Если бы вы просто пригласили меня, я отказался бы».

И я сказал Говиндадасу: «Посмотрите. Вы убеждали меня, что он старый и больной, поэтому я и пришел сюда. А он говорит, что хочет держать это в секрете. Какой смысл встречаться с таким трусливым человеком? И что он может сделать? И что он может понять от меня?» Тем не менее я сказал: «Да, я пришел, скажите, что вы хотите, ведь это вы пригласили меня. Так скажите же».

Он сказал: «Я слышал о вас и знаю о вас. Если вы можете сделать две вещи, я готов оказать всяческую финансовую поддержку, какую вы захотите. Я дам вам открытый чек».

Я сказал: «Расскажите мне, что это за две вещи. Открытый чек меня не очень интересует; хотелось бы узнать об этих двух вещах, они, должно быть, какие-нибудь идиотские».

И точно, они оказались идиотскими. Одна была такой:

«Вы отправляетесь распространять индуизм по всему миру, а я оказываю вам всяческую финансовую поддержку. Обратите в индуизм столько людей, сколько сможете. И второе: организуйте в стране движение за то, чтобы правительство распорядилось прекратить убийство коров. Если можете сделать эти две вещи, о финансах не беспокойтесь».

Я сказал: «Я вовсе не беспокоюсь о финансах. Можете оставить ваш открытый чек при себе. Он мне никогда не потребуется. Я не настолько глуп, чтобы понапрасну тратить свое время, превращая христианина в индуиста, вытаскивая его из одного колодца и бросая в другой. Я понапрасну тратил бы свое время. Он совершенно утонул в одном колодце, счастливо утонул, теперь без нужды вытаскивать его... и, чтобы вытащить его, потребуется столько усилий, ведь остальные, находящиеся в том же колодце будут тянуть его обратно. Они не позволят ему выбраться из дыры, поскольку никто не хочет, чтобы кто-то выбрался из его дыры, ушел из-под его власти. И если мне как-то удастся вытащить его, я должен бросить его в другой колодец. Какой во всем этом смысл? Ради вашего чистого чека? А моя жизнь будет растрачиваться впустую».

«Он останется в той же игре. Может быть, лишь жаргон станет другим. Теперь вместо Библии он будет носить Гиту, но он будет носить книгу, поклоняться книге. Теперь вместо Христа он будет говорить о Кришне». И вы удивитесь тому, что лингвисты обнаружили, что слово «Христос» – нечто иное, как форма слова «Кришна». Перейдя из санскрита в бенгали, оно стало «христо»; из «Кришна» оно стало «христо». Из бенгали... Теперь легко видно, как «христо» стало «Христос». Греческое слово «Христос» – не что иное, как транслитерация, передача буквами другого алфавита слова «Кришна».

Поэтому я сказал ему: «На самом деле между Христом и Кришной нет никакой разницы; они оба – одно и то же слово. И я совершенно не интересуюсь такой абсолютно ненужной работой. Если хотите, я могу вытащить людей из их колодцев, христианский ли это колодец, индусский, иудейский или мусульманский, – но при одном условии: я оставлю их свободными и дам им знать следующее: «Теперь не падайте в другой колодец». Если хотите, я могу сделать это. Но я буду вытаскивать и индуса тоже, поскольку для меня нет разницы. Я должен вытягивать всякого, кто упадет в колодец, индус ли это, христианин или мусульманин. А в том, что касается вашего второго предложения...»

Человечество умирает.

Может быть, еще двадцать-тридцать лет – и эта Земля умрет, ведь человек так плохо поступал по отношению к самому себе, к другим, к природе, к окружающей среде.

И за всю свою историю человек только и готовился к окончательной войне – одно только приготовление, одна лишь цель.

И сейчас он подошел очень близко к этой цели; у него есть все для того, чтобы уничтожить всю эту Землю. На самом деле у нас есть в семьсот раз больше ядерной энергии, чем нужно для уничтожения этой маленькой Земли. Мы можем разрушить семьсот таких планет, как эта, – так много энергии уже накоплено. И мы каждый день увеличиваем запасы, никто не знает, для чего... Поэтому я сказал: «А вы хотите, чтобы я побеспокоился, чтобы больше не убивали коров? Если на Земле не будет человека, вы думаете, будут коровы... или вороны? С человеком исчезнет вся жизнь. Поэтому, если вас действительно интересует жизнь, то самое важное, что нужно делать прямо сейчас, – это спасти человека от самого себя».

Тогда Бирла сказал: «Я знал наперед, я говорил Говиндадасу, что все, что я слышал об этом человеке, опасно. Нам работать вместе невозможно».

Я ответил: «Вы говорите "работать вместе" – я всю свою жизнь буду работать против вас, и мне не нужен ваш открытый чек. Хотя, если у вас есть смелость и хоть какой-то характер, дайте мне ваш открытый чек. И я буду бороться против вас»

Он повернулся к Говиндадасу и сказал: «Уберите прочь от меня этого человека. Я очень болен, стар, он доведет меня до сердечного приступа».

Я сказал ему: «Сердечный приступ будет для вас самым лучшим выходом. По крайней мере, вы прекратите строить эти храмы по всей стране. Вы прекрасно знаете, что у миллионов людей нет домов».

А в Индии люди, имеющие дома... вы не можете представить себе, что это за дома. У кого их нет, их позиция так или иначе ясна. Но те, кто имеет дома, – их вообще нельзя назвать домами. Я путешествовал по деревням... ни в одном доме нет ванной комнаты, ни в одном доме нет туалета. Нет, вы должны ходить на берег реки или водоема или туда, где есть вода. И люди все делают там. И пьют эту же воду. Я вынужден был перестать ездить по деревням, это все так мерзко, так не по-человечески.

И что такое дом в Индии? Просто навес, который вы не построили бы и для коровы. И они живут в том же доме вместе со своими коровами, своими быками и другими животными. Семьи разрастаются. Поэтому в одном доме можно увидеть тридцать человек, сорок человек, со всеми животными. Каждый дом – как Ноев ковчег. Все виды... и такой запах! Такая вонь, что только подумаю, начинаю испытывать глубокую жалость к этим людям.

Но так происходит не только в Индии, а по всему третьему миру. В Африке, в Китае – по всему третьему миру. Вы строите храмы Богу. А Богу очень легко живется в открытом небе; у него нет проблем. Он всемогущ. Холод не вызовет у него ни воспаления легких, ни двустороннего воспаления легких. Дожди не промочат его. Он не обгорит на жарком солнце. Зачем нужно строить дома для Бога?

Но проблема в алчности. Индуизм говорил индусу: «Строй дома для Бога – тогда будешь вознагражден». Христианам говорят: «Стройте дома для бедных, больницы для бедных, школы для бедных – сирот, стариков, больных, – и тогда будете вознаграждены». Но у обоих желание быть вознагражденными. Во всех религиях доминирует лишь один мотив.

На мой взгляд, истинно религиозный человек может нести идею ошибки, заблуждения, но у него не может быть идеи греха.

Истинно религиозный человек не может наносить другому человеку ран, создавая в нем чувство вины.

А ведь причина проста: если вы хотите быть мессией, вы должны создать грех, должны создать чувство вины.

Человек, посвятивший Иисуса в ученичество, Иоанн Креститель, всю свою жизнь нес единственное послание:

«Кайтесь, кайтесь, кайтесь, ибо мессия грядет. Готовьтесь. Кайтесь в своих грехах и готовьтесь». Но как каяться? Сначала нужно иметь чувство вины. Поэтому испытывайте чувство вины, кайтесь, и мессия придет спасти вас.

Мне вспоминается маленькая воскресная школа в одной деревне. Все дети ходят в воскресную школу, и священник учит их и спрашивает их, после

своей длительной проповеди, о красоте, радости, славе небесной, которые получают христиане... и все дети волнуются, по-настоящему стремятся поскорее вскочить в автобус и ехать на небеса. Зачем попусту тратить время здесь?

И затем под конец он спрашивает: «Теперь скажите мне, что абсолютно необходимо, чтобы попасть на небеса?»

Один мальш поднял руку. Священник сказал: «Да, встань и скажи, что необходимо».

Он сказал: «Совершить грех».

Священник возмутился: «Что! Я говорил вам не совершать грехов, а ты отвечаешь, что нужно совершить грех, чтобы попасть на небеса!»

Мальш сказал: «Да. Так получается по вашей проповеди, что если не совершить греха, то не будет чувства вины. А если нет вины, то как каяться? А если не каяться, то пути на небеса не будет. Сначала нужно совершить грех. Почувствовать вину, покаяться, и тогда придет мессия и возьмет на небеса».

Я думаю, что этот ребенок был абсолютно математичен и логичен. То, что он сказал, было абсолютно правильным. Вот так все устроили религии: совершайте грех. Если вы не грешите, то они вам покажут, что вы все-таки, не зная того, грешите. Должны же вы просто что-то делать – этого и достаточно! Из этого что-нибудь можно будет извлечь. Если вы вовсе ничего не делаете, то и этого будет достаточно.

Я разговаривал с одним епископом и сказал ему: «Если человек просто сидит тихо, ничего не делает, тогда он, по крайней мере, не совершает греха. Допускаете ли вы это?»

Он ответил: «Нет. Бог послал вас сюда что-то делать, служить, исполнять долг, а вы сидите и ничего не делаете. Это великий грех».

Я сказал: «Тогда все буддийские монахи отправятся в ад, ведь они учат: сиди тихо, ничего не делай. Только таким путем станешь сознательным».

А когда вы становитесь сознательными, совесть просто распадается на части, поскольку она – артефакт, искусственное изобретение, выдуманное обществом.

Она может быть иудейской, она может быть католической, она может быть протестантской и так далее; коммунистической, социалистической, фашистской и так далее.

Ваше сознание возникает в тишине, оно возникает только в тишине, когда вся ваша энергия никуда не идет, не вовлечена ни в какое действие. Когда вся энергия не вовлечена ни в какое действие, куда же ей идти? Она начинает собираться в самом центре вашего существа, подобно столбу, плотному столбу энергии, который отбрасывает совесть и все идеи о грехе, все идеи о вине. Но помните, вместе со всем этим уходят также и мессия, раввин, священник. Со всем этим уходит Бог, дьявол, рай, ад – вся чепуха, о которой до сих пор думают, что она и есть религия. Это не религия.

Я совершенно не нуждаюсь в концепции греха.

В моей коммуне вы не сможете совершить греха.

Вы здесь уже три-четыре года; совершил ли кто-нибудь какой-нибудь грех? Четыре тысячи человек живут здесь четыре года, и не совершен ни один грех; как вы думаете, может ли такое случиться в католическом монастыре? Четыре тысячи человек, живущих в католическом монастыре, двадцать четыре часа в сутки... грех, и грех, и грех, и ничего другого не будет.

Потому что все, что вы делаете... закурите сигарету – и вы совершили грех. Влюбитесь в женщину – и вы совершили грех. Предались наслаждению поспать разок подольше – и вы совершили грех. Вам понравилась книга, занесенная Ватиканом в черный список...

Мои книги в черном списке. Даже книги, в которых я говорил об Иисусе, и говорил очень деликатно, тактично, чтобы никого не обидеть, – даже эти книги.

По ошибке одно христианское издательство в Англии, издательство Шелдон, принадлежащее христианской ассоциации, опубликовало мои книги. Сначала они опубликовали «Горчичное зерно», а потом заинтересовались

мною. После этого они опубликовали другие книги, и сотрудники издательства Шелдон увлеклись мною. Они забыли, что являются частью христианской ассоциации, что они принадлежат ей и при этом публикуют книги, внесенные Ватиканом в черный список! Они опубликовали восемь книг. Тогда им стало ясно, что совершена ошибка. Теперь они отставили все восемь книг. Они вернули все авторские права.

Каждый год Ватикан составляет черный список, какие книги следует читать, какие книги читать не следует. Сейчас они не могут делать того, что проделывали в прошлом. В прошлом они, бывало, сжигали книги. В основании Ватикана, в основании собора Святого Петра имеется огромная библиотека всех книг, сожженных в прошлом. Один экземпляр они сохраняли, но тысячи... это означает, что они сожгли тысячи книг, полностью стерли их с лица земли. Где бы ни обнаруживались эти книги, их повсюду сжигали. А того, кто сопротивлялся, убивали или сжигали вместе с книгами.

В библиотеку Ватикана не допущен никто. Эту библиотеку должна забрать ООН, немедленно. Она не принадлежит Ватикану. Эта библиотека может открыть тысячи истин, изобретений, открытий, которым папы на протяжении веков не давали ходу, сжигая книги. Сейчас они так не могут делать, но одно они все же делают: они публикуют, секретно, черный список. И в этот черный список они могут поместить любую книгу. И тогда ни одному католику не разрешается читать ее. Если вы читаете, вы совершаете грех, великий грех – неподчинение непогрешимому папе.

Я не вижу никакой необходимости в грехе. Да, вы – человеческие существа и будете жить, как человеческие существа, и иногда вы будете совершать ошибки. Например, если вы курите сигарету, это может быть ошибкой, это может быть неправильным. Но вы наносите этим вред себе, вред достаточный, вас не нужно наказывать за это в аду. Вы достаточно наказываете сами себя. Эта сигарета может вызвать у вас туберкулез, или рак, или, как минимум, сократит вашу жизнь на несколько лет. Сигарета сделает это сама, не нужно приходить никакому дьяволу и забирать вас в ад и сжигать вас там. Вы делаете это сами и расплачиваетесь за это. Это не касается никого; вы сами расплачиваетесь, сами сжигаете себя – лучше не придумайтесь.

Но если вы становитесь сознательными, сигареты исчезают. Поэтому я не говорю вам не курить – это было бы чем-то вроде заповеди. Я говорю становиться более сознательными. И если в вашей сознательности сигарета исчезает... Она обязательно исчезнет, потому что сознательный человек не может быть настолько глуп, чтобы впускать в себя дым... и потом выпускать его, и снова впускать, и снова выпускать... отравляя себя, отравляя атмосферу – и расплачиваясь за все это.

Меня не интересуют ваши действия; меня интересует ваше сознание.

Если ваше сознание разрешает вам что-то делать, это правильно – делайте это. И не беспокойтесь ни о каких священных писаниях, ни о каких пророках. А если ваше сознание не разрешает, не делайте этого. Даже если Бог говорит вам: «Делай!» – это не имеет никакого значения, не делайте этого. Поэтому и не стоит вопрос о ваших действиях. Я не выношу решений по поводу ваших действий.

Я даю вам главный ключ, но вовсе не принимаю решений по поводу каждого простого, единичного действия, не решаю, является оно хорошим или плохим, – это невозможное дело.

Я говорил вам, что у буддийских монахов тридцать три тысячи правил. Вот так они и поступают, поскольку по каждому единичному поводу им нужно идти к Будде и спрашивать у него, хорошо это или плохо. И он должен устанавливать правило, что это хорошо, а то плохо. Один человек создал тридцать три тысячи правил! Хорошо, что это не продолжалось все двадцать пять столетий, иначе... вы делаете миллионы вещей. Я не собираюсь беспокоиться по поводу каждой отдельной маленькой вещи, которую вы делаете.

Меня заботит самое фундаментальное, самое главное: ваше сознание.

Меня не касается то, что вы делаете, меня касается ваш делатель. И когда этот делатель осознан, невозможно делать ничего плохого. Тогда все, что вы делаете, хорошо.

Поэтому, если вы спросите меня, что хорошо, что плохо, я скажу: все, что вы делаете сознательно, - хорошо, все, что вы делаете бессознательно, - плохо.

Но я совершенно не использую слово грех. Даже если вы делаете что-то плохое, это обыкновенная человеческая ошибка, ради которой не нужно изобретать ада, не нужно изобретать небес, не нужно кому-то приходиться и спасать вас, искупать ваши грехи, освобождать вас. Вы сами - тот единственный, кто позволяет другим накладывать на себя оковы.

Пожалуйста, запомните одно: другие могут наложить на вас оковы, но никто не сможет спасти вас.

Только вы сами можете спасти себя - и только лишь одним путем: запретив другим сковывать вас, налагать на вас все более и более тяжелые цепи, воздвигать вокруг вас все более и более высокие стены.

Вы - мессии для самих себя, вы сами - свое спасение

Беседа 27

РЕЛИГИЯ -ПОСЛЕДНЯЯ РОСКОШЬ

27 ноября 1984

Бхагаван, Вы против всех религий? Разве не является религия чем-то существенно необходимым человеку?

Да, я против всех религий, поскольку я за религию.

Уже того, что так много религий, достаточно для доказательства, что что-то не так в самой основе, что мы оказались неспособными открыть истину о религии, ведь истина может быть только одна - счет на сотни может идти только в отношении лжи. Вымыслов вы можете создать столько, сколько захотите, это ваша фантазия. Но истина - это не ваша фантазия.

Истина - это откровение. Она уже есть. Вам не нужно выдумывать ее; ее нужно открывать.

Я против всех религий, поскольку все эти религии - не религии. Если бы они были религиями, во всем мире была бы одна религия. Невозможно одновременно существовать даже двум религиям, что говорить о трехстах религиях - это абсолютный абсурд.

Странно, что человек продолжает мириться с этим. Все эти религии - вымыслы, созданные различными людьми, различными обществами, в различных географических условиях. Они не имеют ничего общего с религией как таковой, ведь религия - это не география, не история. Религия - не расовая, не национальная категория. Все эти категории не имеют отношения к религии.

Думаете ли вы когда-нибудь о науке в терминах наций, рас, стран, исторических периодов, географических условий? Если вода кипит при ста градусах здесь, сегодня, то она кипела при ста градусах всегда, везде, в прошлом, она будет кипеть при ста градусах и в будущем. Не будет никакой разницы, кипятит ли воду иудей, или индус, или христианин, или коммунист; верит ли он в Бога или нет; грешник он или праведник. Не будет никакой разницы; вода будет все равно кипеть при ста градусах. Это истина, и не нужно создавать о ней никаких вымыслов.

Религиозное переживание - это истина. Когда вы открываете его, вы не обнаруживаете, что оно христианское, или индусское, или мусульманское, или буддийское. Оно не имеет ничего общего со всеми этими словами.

В тот момент, когда вы открываете религиозную истину, все пространство, все время становятся несущественными. Эта истина находится вне времени и пространства. Она нематериальна. Пять тысяч лет назад, пять тысяч лет вперед - она точно такая же.

Вселенная всегда остается подлинно сама собой.

Она не надевает ложных масок и не меняет их так, что когда подходит одна маска, то она делает одно, а когда подходит другая, делает другое. У вселенной нет масок - она предельно обнажена. Она - не такая, как вы; у нее нет индивидуальности.

У истины нет индивидуальности.

У вас есть не только индивидуальность, у вас много индивидуальностей, поскольку вам нужны разные лица в различных ситуациях, с различными людьми. Когда вы разговариваете с женой, вам нужна одна индивидуальность, индивидуальность мужа. Когда вы разговариваете со своей подружкой, вы делаете это иначе; вы используете индивидуальность любовника. Когда вы разговариваете со священником, вы, конечно, ведете себя по-другому.

А когда вы разговариваете со слугой, ведете ли вы себя так же, как с раввином, папой, махатмой? Нет, когда слуга проходит через вашу комнату, вы даже не замечаете, что мимо вас проходит человек. Слуга – это не человек. Вы не говорите ему здравствуй, он и не ожидает от вас никакого приветствия. Он приходит и уходит, делает свою работу – он робот, за это ему платят. Вы продолжаете читать свою газету, вы не бросите ни единого взгляда на этого человека. Вы не спросите у него ничего, даже: «Как дела?». Нет, ничего такого не предполагается; вы хозяин.

Но когда вы приходите в учреждение и становитесь перед своим боссом, тогда ситуация меняется на противоположную – теперь вы слуга. И вот вы стоите, а босс продолжает листать свои бумаги, как будто вас здесь нет, как будто никого здесь нет. Он, может быть, ничего и не ищет в этих бумагах. Он, может быть, переворачивает их просто для того, чтобы показать вам, где ваше место, ему совершенно не нужно обращать на вас никакого внимания.

Если вы понаблюдаете за собой, то увидите, сколько раз за двадцать четыре часа вы изменяете свою индивидуальность. И это становится таким автоматическим процессом, что вам не нужно прикладывать для этого никаких усилий; изменение становится автоматическим. Вы видите, что приходит жена, – индивидуальность автоматически изменяется. Вы видите, что приходит босс, – индивидуальность автоматически изменяется. Это так давно вошло у вас в привычку, что теперь...

О человеке нужно понять одну вещь: в человеческом уме есть нечто от робота.

Когда вы учитесь что-то, вы должны быть наблюдательными. Например, когда вы учитесь вождению автомобиля, вы должны быть наблюдательными, бдительными по отношению ко многим вещам: дорога, люди, другие машины. Вы должны осознавать руль, вы должны осознавать тормоза, вы должны осознавать коробку передач. И когда человек начинает учиться, он находит, что очень трудно одновременно следить за столь многими вещами. А когда вы выучились, что происходит? Тогда вы можете вести автомобиль и петь, вести и разговаривать, вести и слушать радио. Ваш ум отложил «вождение автомобиля» в другой раздел, и этот раздел – раздел робота в вашем уме. Теперь обо всем, о чем вы заботились раньше сами, заботится робот.

То же случается и с вашими индивидуальностями. Поэтому вы даже не осознаете, как быстро они меняются – без звука, без видимого изменения, – но если вы понаблюдаете, то увидите, что все изменилось.

Я путешествовал в поезде из Дели в Амритсар. В моем купе находилась женщина, молодая, очень красивая. И на каждой станции мужчина, который путешествовал вместе с ней, – у него не было места в этом купе, поскольку купе было на двух человек, и он вынужден был ехать в другом, – но на каждой станции он прибежал, иногда приносил сладости, иногда приносил фрукты, иногда то, иногда другое.

Я спросил у этого мужчины: «Вы женаты на этой женщине?»

Он сказал: «Да. Мы женаты семь лет».

Я сказал: «Не надо мне врать. Вы не женаты и семи дней».

Он выглядел шокированным, но спросил: «Как вы догадались?»

Я сказал: «Свидетельств достаточно. Ни один муж не будет прибегать на каждой станции со сладостями, фруктами и спрашивать: "Нужно ли тебе что-нибудь?" – и обнимать, и целовать. – Ни один муж... тем более женатый семь лет. Невозможно! Вы вовсе не женаты на ней».

Он сказал: «Это правда. Она жена другого человека. Я также женат, и женат семь лет, но на другой женщине. И с женой я веду себя действительно так, как вы говорите. Даже если я могу взять место в том же купе, я не

беру. Я еду в другом купе, нахожу любое оправдание. И раз оставив ее в купе, я только на конечной станции захожу к ней снова». И он снова спросил: «Но как вам удалось узнать?»

Я сказал: «Ничего трудного в этом нет, это так просто. Даже через семь дней супружества, то глупое поведение, которое вы настойчиво демонстрировали на каждой станции, отбрасывается, просто исчезает, поскольку это поведение до игры, а не после».

Он спросил: «Что вы имеете в виду под этими "до игры" и "после игры"?»

Я сказал: «В точности эти слова: до игры... Перед тем, как вы овладеете женщиной, - это до игры; вы уговариваете ее. А то, что вы делаете со своей женой, - это после игры. Тогда вы надеетесь, что этот вагон как-нибудь упадет в реку, сойдет с рельсов... произойдет какое-то чудо, и вы уже не встретите эту женщину на станции, до которой едете. Вы фантазируете себе тысячу и одну ситуацию, представляете что-нибудь вроде: «Случаются же чудеса. Она может потеряться. Кто-нибудь украдет ее, или, может быть, кто-нибудь убьет ее; все возможно в этом большом мире, каждый день случается так много». Но ничего не случается. Вы находите свою жену и снова стоите с ней, говорите ей милые глупости: «Как бы я хотел быть с тобой, как я скучал по тебе, как постоянно вспоминал о тебе». Да, вы вспоминали, но совершенно по другой причине!»

Существование не имеет индивидуальности. В нем нет вопроса об индивидуальности, оно просто есть, чем бы оно ни было.

И чтобы переживать существование таким, как оно есть, необходимо познать истину.

И самый ближний путь - двинуться к существованию из вашего собственного центра, поскольку именно там вы соединяетесь с существованием. Ваши руки могут коснуться цветка; ваши глаза могут видеть цвет облаков, неба, солнечного заката. Ваши уши могут слышать музыку птиц, шум журчащей воды, или ветерок, пробегающий сквозь деревья, или лист, тихо падающий в листопад, но все же что-то шепчущий...

Но между вами и облаком есть промежуток, есть промежуток между вами и падающим листом, между вами и звездами. Как бы близко вы ни подошли, промежуток есть. Само слово «близость» означает двух человек, две сущности, не одну. Промежуток есть, как бы ни был он мал. В любви вы можете подойти к человеку на самое близкое расстояние, но, может быть, на несколько мгновений - я не говорю на несколько часов, несколько дней, - может быть, лишь на несколько мгновений вы подойдете очень близко к человеку, но все же... промежуток есть. Вы можете кричать, но ваш звук не долетит. Вы можете простирать руки, но они не коснутся. Промежуток, может быть, и маленький, достаточен, чтобы сохранить вас, как две отдельные сущности.

Вы хотели бы стать, как одно, и в этом горе всех возлюбленных и причина неудачи всякой любви. Любовь обязательно терпит неудачу, поскольку стремится сделать невозможное.

Здесь нет ничьей вины. Они, подходя близко... момент близости так прекрасен, что они хотели бы стать еще ближе, но наступает предел. Где это ограничение? Другой есть другой, и нет возможности вам двоим стать, как одно.

Жан Поль Сартр говорит: «Другой - это ад». Этот человек не психоаналитик, но так часто случается, что художники, поэты, романисты, драматурги, артисты открывают что-то такое, что так называемые эксперты, которые должны были бы открывать, стараются, стараются, но не находят. Вот и Фрейд не смог обнаружить, что другой - это ад, не сделали этого ни Юнг, ни Адлер, ни вся компания, следовавшая за ними. Жан Поль Сартр в маленьком предложении говорит нечто потрясающе глубокое и основательное, что является откровением: другой - ад. Почему?

Потому что вы хотите слиться, сплавиться, чтобы разделение между вами исчезло и вы стали бы одним, объединенным... чтобы вы могли смотреть глазами своей возлюбленной, и ощущать запах, и ощущать вкус, и слышать не как отдельные существа, но как единое целое с человеком, которого любите... чтобы оба ваши центра вошли друг в друга и стали одним центром.

Вот куда проникает мудрый взгляд Сартра. Он сказал: «Другой – ад». Ясно почему.

Другой – это другой и все время остается другим.

Что бы вы ни делали, все терпит неудачу. И в этом нет вины другого.

Другой тоже старается делать все возможное, но вы остаетесь другим. Оба стараются, но оба терпят неудачу, потому что то, к чему они стремятся, невозможно.

Уединенность каждого – самое его существо. Никакое посягательство на него невозможно, вы не можете посягнуть на существо другого человека. И это хорошо, потому что если люди могли бы посягать на существо других людей, то для человечества не осталось бы надежды. Тогда не было бы никакой надежды на настоящую свободу. Ведь почему только один человек должен посягать – многие могут посягать на вас. Ваша чистота, ваша праведность, ваша индивидуальность потеряют все свое значение.

Сартр прав. Он понял смысл, он понял то, что другой продолжает оставаться другим, а любящее сердце хочет слиться с возлюбленным в одно целое. Это всегда обречено на неудачу. В этом горе возлюбленных.

Поэтому, когда он говорит, что другой – это ад, он говорит многое. Он говорит, что другого ада нет, только одно это переживание, когда вы подходите так близко, что чувствуете, еще один шаг – и рай ваш, но этот один шаг не может быть преодолен.

Цель перед вами. Вы стоите в дверях, но почему-то не можете даже постучать в дверь. Она здесь, ждет, не просто ждет – приветствует, но вы как-то парализованы. Вокруг другого человека какой-то невидимый круг, который вы не можете преодолеть, и в этот момент вы начинаете осознавать, что такой же круг есть и вокруг вас. Круги, когда они подходят близко, касаются друг друга, но только окружности кругов, большее невозможно.

Отвернуться от двери рая – вот что такое ад, другого ада нет.

Упрямая реальность другого, который остается «другим», становится вашим поражением, становится поражением и того другого человека тоже. Вам нельзя оставаться застрявшими в этой точке. Попробуйте понять: в существовании, в жизни, ничто не остается статичным; или вы идете вперед, или удаляетесь прочь. Вперед вы не можете двигаться – ваша голова ударяется о невидимую стену, и нет пути, но ничто не остается статичным, вы начинаете удаляться прочь... и болезненная память о поражении, болезненная память о достижении такой близости и все же потере...

Самое близкое, где вы можете подойти друг к другу, это в любви, но любовь становится мукой; в конце концов любовь становится мукой.

Поэтому блаженны те, кто никогда не любил: они никогда не узнают, что другой – это ад. Защитить вас от этого переживания стараются все общества, так или иначе они стараются, чтобы любви не было; супружество – вот это хорошо. И, конечно, прожив с кем-то годы, вы начинаете испытывать определенное чувство компании, определенную потребность в другом. Другой становится привычкой.

Если жена уходит из дома на несколько дней, вы чувствуете себя потерянными. Вы хотели, чтобы она ушла хоть на несколько дней, но когда она уходит, вы чувствуете себя потерянными. Вы не можете найти ничего в своем собственном доме. Внезапно вам начинает не хватать жены – и вы думаете, что это из-за любви? Нет, она стала вашей привычкой, она взяла в свои руки всю заботу о вас; без нее вы не знаете, что делать. Даже ругаться с ней стало рутинной частью вашей жизни. Теперь не с кем ругаться в доме. Вы ходите из одной комнаты в другую – скучаете даже по ругани. Вы приходите домой поздно, никто не выговаривает вам... вы просто отправляетесь в постель. А выговоры каждую ночь стали такой рутинной частью вашей жизни, что без них вы не можете уснуть. Это все равно как игрушка для ребенка.

Я сплю на трех подушках: по одной с каждой стороны и третья под головой. И когда я путешествовал по Индии, я вынужден был возить все три подушки с собой, а я пользуюсь очень большими подушками, может быть, самого большого размера. Я иногда останавливался у кого-нибудь, он открывал мои чемоданы и в одном из них – в большом чемодане, в самом

большом из имеющихся, - находил только три подушки! Он спрашивал меня: «Что! В этом большом чемодане вы возите только три этих подушки...?»

Я говорил: «Без этих двух я не могу спать. Эти две являются неотъемлемой принадлежностью моего сна. Если кто-то берет одну из моих подушек, мне становится трудно спать. Мне не хватает ее всю ночь».

Жена хотела отправиться отдохнуть на несколько дней. Она выжата - я думаю, это точное слово, выжата - своими детьми, своим мужем. Наступает время, когда все становится уже слишком. Но когда она отправляется на отдых, она начинает скучать по детям, по их шуму, по их возне. Она начинает скучать по мужу. На кого ворчать?

Ворчание - это такое испытание власти, такая радость. И бедный парень ничего не может сделать, так много власти у его жены. И она знает, что на стороне ее мужчина - лев. Это придает еще больше радости ворчанию, придиркам, обращению с ним, как с мышкой, - никак иначе. Может быть, на стороне ты и лев, но когда приходишь домой, подожми хвост и помни, что здесь ты не босс.

Она начинает скучать... с кем ругаться? Она начинает скучать по всей той заботе, которой она окружила мужа; теперь некому о нем позаботиться. Ей на память приходят всякие мелочи: по утрам она приносит мужу газету. Ей это никогда не нравилось; сама идея о том, что муж сидит перед ней, спрятавшись за газетой... она знает, почему он читает газету - просто для того, чтобы не видеть ее, не общаться с ней. Но теперь, далеко от дома, она начинает думать о том, подаст ли кто-нибудь ему газету или нет. И как он найдет свои ботинки... и одежду? И он обязательно сделает какую-нибудь глупость на кухне. В доме может возникнуть пожар - все возможно... «Что я сделала? Зачем я приехала сюда? И здесь ничто не радует...» Все эти мечты, бывшие у нее дома, уплывают прочь. Теперь она жаждет как можно скорее вернуться.

Они стали друг для друга привычкой. Это не любовь.

Все общества испытали эту простую формулу защиты вас от переживания - которое так или иначе ужасно, но может стать и преобразованием.

Оно никогда не стало преобразованием для Жана Поля Сартра. Мне жаль этого человека. Он подошел очень близко, когда сказал, что другой - это ад. Но, даже подойдя так близко, в этом своем понимании он все же упускает что-то более значительное. Его ударение все еще падает на то, что другой несет ответственность за ад, которым является. Нет, другой не отвечает за это. Сартр все же не видит еще одной части, еще одной половины: вы, со своей стороны, тоже являетесь другим. Создаете ли вы ад для другого человека? Не создаете. Будьте немного более понимающими. Тогда ведь и другой тоже не создает ада. Не взваливайте все на другого.

Это лишь естественное явление, что в переживании любви вы можете подойти на самое ближнее расстояние, но лишь на расстояние. Вы не можете сплавиться в одно существо.

Впервые ваша уединенность становится кристально ясной.

Вы уединены, не имеет значения как.

И все эти вымыслы, что, может быть, существует кто-то, просто созданный для вас, что, может быть, есть кто-то, кто заполнит этот промежуток, эту пустоту в вас... никто не может сделать этого. Не потому, что никто не хочет, нет, каждый хотел бы, но это невозможно по самой природе вещей. И это хорошо, я повторяю, что это невозможно по самой природе вещей, поскольку если бы это было возможно, то не было бы необходимости в религии - не было бы потребности в религии.

Вы спрашиваете меня: «Есть ли для человека какая-нибудь существенная потребность в религии?» Да, но она возникает только после того, как вы испытаете переживание, что ваша уединенность абсолютна.

Вы не обманете себя дружбой, любовью, деньгами, властью. Вы не сможете обманывать себя долго. Придет момент, когда вы увидите, что все ваши усилия потерпели неудачу.

Вы все так же уединены, как и были.

Это момент, когда входит религия. Религия - это не что иное, как поворот на сто восемьдесят градусов - от другого к себе.

Вы испытали другого; это не работает. Другой не виноват. Не он создал этот универсальный закон. Другой – такая же часть этого универсального закона, как и вы. Если ваше понимание пройдет немного глубже... Сартр был как раз на краю, где он мог бы повернуться к себе. Но он остановился там: другой – ад. Он обвинил другого, но он не повернулся, чтобы дать шанс себе.

Вы в своей жизни пытались сблизиться со многими людьми, добивались до самого отдаленного человека и пытались приблизить его к себе. Вы преуспевали в этом, вы подходили к нему очень близко, и в последний момент, когда казалось, что еще всего лишь один шаг... и неудача. Человеческий ум говорит вам: «Может быть, это не тот человек. Поищи другого. Продолжай искать другого». Ум все время подает вам надежду: «Если не получилось с этой женщиной, этим мужчиной, может получиться с кем-то другим. Может быть, ты пытался не с тем человеком».

Ум все время находит утешения, оправдания, объяснения, но все это тщетно.

Эти объяснения, оправдания, утешения будут удерживать вас в стороне от религии.

Сартр мог бы стать одним из религиозных людей, но это очень редко: это обыкновенное явление, но очень редкое, поскольку никто не хочет обыкновенного; все стремятся к необыкновенному.

Религия наступает тогда, когда терпит неудачу любовь.

Я за любовь. Всю свою жизнь я учил в пользу любви. Причина здесь странная. Но я эксцентричный человек.

Я учил вас выступать за любовь, потому что знаю: если вы не пройдете той критической точки, когда другой становится адом, вы никогда не станете религиозным человеком.

Я не за любовь. Все мои усилия за религию.

Псевдорелигии дают вам готовые к применению формулы, а я хочу дать вам настоящее переживание, но не могу дать вам его. Я могу только показать вам путь, могу объяснить, как это случается, и после этого оставить вас свободно экспериментировать, если хотите.

Если любовь еще не потерпела неудачу, тогда вы еще недостаточно взрослые для религии. Вы еще не достигли нужного возраста. Не имеет значения, сколько вам лет; может быть шестьдесят, может быть семьдесят, не имеет значения.

Если вы все еще надеетесь, что любовь может преуспеть, тогда вы еще не достигли нужного возраста.

Но если вы уже полностью осознали, что это против природы вещей, что существование так не работает... Вы – это вы, другой – это другой.

Если вы хотите вкусить переживание существования, оно не идет через другого, оно проходит непосредственно через вас. Оно проходит через вас, посредством вас.

И только любовь и ее неудача могут бросить вас внутрь себя. Ничто другое не может вас бросить внутрь, поскольку все остальное много ниже любви.

Деньги – вы можете иметь их достаточно, вы можете пресытиться ими, но это не значит, что вы подвинетесь в сторону религии. Есть так много других вещей. Вы можете начать думать, что деньги бесполезны, но деньги дают вам власть. Они могут сделать вас президентом страны. Может быть, это то, что вы ищете. Вы можете стать президентом или премьер-министром страны. А жизнь коротка; большую ее часть вы потратили, зарабатывая деньги, и теперь будете тратить ее, добывая власть. Это как лестница; ранг за рангом, вы должны карабкаться по лестнице. И всегда есть ранг выше вашего, подающий вам сигнал: «Забирайся выше, здесь то, что тебе нужно».

И когда вы достигаете того ранга, оказывается, есть ранг еще выше. И рано или поздно какой-нибудь упрямый идиот преуспевает в достижении последнего ранга, откуда больше некуда идти, поскольку выше ранга нет – лестница кончилась. А когда вы затратили так много усилий, чтобы достичь этого, можете ли вы сказать тем, кто сражается внизу: «Не рвитесь. Я

ничего не нашел здесь. Я потратил всю свою жизнь и теперь стою на высшей ступеньке лестницы, и все, что я могу сделать, это спрыгнуть вниз и покончить с собой. Ничего другого здесь нет». Теперь это будет означать, что вы признали свою глупость. Нет, человек, так тяжело работавший, чтобы добраться до верха... к тому времени, когда он добирается, он почти рядом с могилой. Теперь ему лучше продолжать, продолжать улыбаться – улыбкой Джимми Картера.

Мне действительно жаль Джимми Картера. Он по-настоящему несчастный человек. Он вынужден был спуститься с наивысшего ранга – обратно на землю. Теперь вся его улыбка исчезла. Я видел его фотографии после того, как он проиграл выборы, постоянно следил за его фотографиями: ни одной фотографии с той большой улыбкой, которая, может быть, была самой большой в мире. Что случилось с той улыбкой? Та улыбка была фальшивой. Даже когда он был на последней ступени, она была фальшивой. Но когда вы были в такой фальшивой игре, в игре политики, вы настолько привыкли к ней, что потерять ее подобно самоубийству...

Американцы – очень мудрый народ. Они покончили с двадцатью процентами своих президентов. Это большая мудрость. Они спасли двадцать процентов своих президентов от той ситуации, в которую попал Джимми Картер. Если бы кто-нибудь застрелил его, пока он улыбался, он, по крайней мере, кончил бы свою жизнь с улыбкой. Смерть все равно придет. Она придет, но улыбки не будет.

Всякий, становящийся президентом страны, старается остаться президентом до смерти. Каждый хочет умереть президентом, премьер-министром, каким бы ни был наивысший пост. Он ведь всю свою жизнь посвятил росту своей фальшивой индивидуальности, так позвольте ему теперь иметь честь умереть президентом или премьер-министром страны. Да, он заслужил это; он тяжело трудился для этого. И по большей части так и происходит: или его убивают, или он умирает от сердечного приступа.

Со времени обретения независимости в Индии было шесть премьер-министров. Первым премьер-министром был Джавахарлал Неру, наилучший политик из всех политических лидеров в мире, и прежде всего потому, что он не был политиком. Он был втянут в борьбу за свободу Индии и не думал о власти. Он не предполагал быть политиком. У него была такая чувствительная душа, что он мог бы стать великим поэтом, художником, музыкантом, кем угодно, но не политиком.

Я несколько раз встречался с ним. Он был в абсолютной согласии с моими идеями, но сказал со слезами на глазах: «Все, что вы говорите, может преобразовать все будущее Индии, но вы не имеете ни малейшего представления о коллективном уме масс. Они не поймут, что вы говорите; они будут против вас. Вы не преуспеете в преобразовании их ума, вы можете преуспеть только в том, чтобы быть распятым ими».

Он был потрясен китайским вторжением в Индию. Он слег и уже никогда не смог оправиться от этого потрясения. Он умер премьер-министром Индии. Он был великим проповедником мира, братства, любви, он создал блок стран третьего мира против Советского Союза и Америки, так что теперь эти два лагеря не единственные в мире, есть еще один лагерь, нейтральный. И он преуспел в создании нейтрального третьего лагеря.

Китай был частью этого лагеря, Китай был самой большой частью его, самой важной частью, и Китай атаковал Индию. На гималайских границах очень трудно победить китайцев. Индийцы живут не в Гималаях, а на равнинах. Одна сторона Гималаев индийская, другая сторона китайская. На другой стороне живут миллионы китайцев, они привычны к вечным снегам Гималаев. Они умеют сражаться. Вы не выжили бы в их условиях. В Гималаях, если идет сражение, никто не может их победить.

То же самое случалось и с Германией... Так было в первую мировую войну; так было, когда Наполеон напал на Россию; так было в первую мировую войну, когда Германия напала на Россию. Во вторую мировую войну Гитлер совершил ту же ошибку: он напал на Россию. Так случилось потому, что Россия огромна, одна шестая часть суши на всей Земле, и от шести до девяти месяцев она покрыта снегом, так что сражаться можно лишь на

протяжении трех месяцев. С того момента, когда начинает падать снег, никто не может сражаться с русскими. Они привычны к снегу; их психология за миллионы лет привыкла к нему. Это их дом. Но для всякого другого – это смерть.

Там кончился Наполеон. Там кончилась первая мировая война, там же кончился и Адольф Гитлер. То, что он напал на Россию, на самом деле было вызовом. Поскольку там был разбит Наполеон, там была разбита Германия, Адольфу Гитлеру хотелось доказать, что Россия не является непобедимой. Но все разрешилось по чисто природным обстоятельствам. Когда начинает падать снег, никто не может победить Россию; невозможно сражаться с русскими.

То же самое относится и к китайцам. В Китае живет одна четвертая часть населения Земли – это величайшая из всех стран мира. И когда Китай напал на Индию, он занял тысячи миль в Гималаях, и Индия ничего не смогла с этим сделать. Это было таким серьезным потрясением для Джавахарлала, который до этого был очень здоровым, что он вдруг начал усыхать, умирать. Насколько я понимаю, он умер психологической смертью. Чтобы быть более точным, он совершил психологическое самоубийство. Он потерял все надежды на мир, на отсутствие войн в мире, ведь Китай был ближайшим другом Индии... если нельзя доверять ближайшему другу, то кому доверять? Он просто потерял всю радость. Он вдруг стал старым.

Вторым премьер-министром был Лалбахадур Шастри. Он очень сильно интересовался мной и обещал, хотя его партия и коллеги были против, что постарается реализовать мои идеи. Он умер от сердечного приступа в СССР. Его секретарь сообщил мне, что на протяжении всего пути он читал мою книгу «Семена революции». А в ночь его сердечного приступа в его руках была другая моя книга «Совершенный Путь».

Третий премьер-министр Индии убита только что. Она была самой смелой, и она была готова делать даже то, что шло против ума масс. Я предложил ей вывести из кабинета таких людей, как Морари Десаи. Она сказала: «Он один из наиболее упрямых фанатиков и верит, что он всегда прав...» Он был заместителем премьер-министра, вторым человеком после Индиры Ганди, но она сказала, что постарается выкинуть его, и сделала это.

Четвертым премьер-министром был Морари Десаи. Никто не считал, что на него стоит покушаться, поэтому он все еще жив и теперь пытается стать святым мудрецом – снова та же игра эго. Чаран Сингха, пятого премьер-министра, не стоит даже упоминать. А Раджив, мы еще должны посмотреть, достоин ли он своего деда и своей матери или нет. У меня есть внутренняя убежденность в том, что он не разочарует страну.

Джимми Картер внезапно постарел на десять лет после того, как проиграл выборы; в один день пронесли десять лет. Когда люди у власти, они могут сохранять свое лицо. Может быть, они красятся, но выглядят все еще молодо, оживленно, сильно и на самом деле являются такими, поскольку с ними успех. Хотя в последней точке успеха они находят, что все тщетно, но стоит ли говорить об этом? Весь мир будет смеяться. Об этом лучше помолчать и продолжать улыбаться. Так что вы можете двигаться от денег к власти или от власти к деньгам. Есть много путей.

Я слышал об одном богатом американце, который пресытился всеми теми деньгами, которые заработал... он напрасно растратил всю свою жизнь. Кто-то предложил: «Почему бы вам не отправиться на Восток и не поискать там какого-нибудь махатму, какого-нибудь мудреца, который смог бы научить вас, как быть спокойным, тихим и благословенным?» Поэтому он ринулся в Индию, отправился в Гималаи и спросил, кто тут величайший праведник – как будто есть маленькие праведники и большие праведники.

Но он был человеком, знавшим, что такое деньги, и знавшим, что, если у вас мало денег, вы маленький человек, если у вас побольше денег, вы человек побольше, а если у вас денег еще больше, то вы самый большой человек. То же должно быть верно и для духовности – сколько ее у вас? Он всю свою жизнь прожил среди количества. Деньги – это количество. Духовность – это количество. Духовность не передается, но в Индии, как и везде, люди думают одинаково. Они сказали: «Да, есть один, величайший

мудрец, величайший махатма, добраться до него очень трудно. Многие искали его и умерли или навечно затерялись в снегах».

Но богач сказал: «Мне нечего терять, я уже видел все удовольствия мира, и больше ничто не интересует меня. Этот вызов, что его еще никто не нашел, волнует меня. Я попробую». Снова в нем потекли соки, как тогда, когда он пустился в погоню за деньгами, – все то же это. «Никто не нашел его; я найду. Опишите мне лицо этого человека, скажите, на какой вершине он живет, и я пойду». Они все подробно описали ему, и он пошел.

Это было действительно мучительное путешествие, но он знал, как мучительно ему было, когда он зарабатывал деньги. Если он смог добраться до вершины в том, что касалось денег, он справится и с этим путешествием. И он справился: в лохмотьях, почти умирающий, он, наконец, добрался и увидел человека, сидящего на вершине. Од упал, не в знак благодарности, а от усталости. Американцы ведь не знают, как падать в ноги при встрече с Учителем, – он просто упал. Он терял надежду, он был почти на краю, думая: «Надеяться не на что». И в этот момент тот человек, тот старый мудрец оказался перед ним. Он падает, и поскольку еще не умер, умудряется говорить, он простирает свои руки, хватая за ноги мудреца и говорит: «Вы великий мудрец, а я прибыл из Америки, за многие тысячи миль. Но это ничего. Это гималайское паломничество, пешком, на ногах... но я счастлив, что добрался. Теперь скажите мне, пожалуйста, что мне следует делать».

Махатма сказал: «Сначала окажите мне любезность. Нет ли у вас сигареты – американской?»

Этот человек был чрезвычайно потрясен. Но он слышал, что мудрецы – странные люди; может быть, в этом есть какой-то трюк. Он вытащил сигареты и зажигалку, дал одну мудрецу и сказал: «Теперь, что вы скажете мне?»

И мудрец сказал: «Пожалуйста, возвращайтесь тем путем, которым пришли. Но запомните: если вы придете снова, не забудьте принести сигарет; они, доставляют такой покой, такое блаженство. Я по-настоящему люблю их».

Вы можете переходить от одной глупости к другой, но если потерпите неудачу в любви... а неудача в любви не означает того, что вы обыкновенно имеете в виду: что возлюбленная или возлюбленный изменяет вам. Нет, это не неудача; на самом деле это возможность избежать неудачи. Если ваша возлюбленная изменит вам до неудачи, неудачи в моем смысле, она спасет вас, она снова даст вам надежду. Вы устремитесь за другой женщиной.

Неудача, которую я имею в виду, наступает тогда, когда вы достигаете точки, где хотели бы слиться с другим, и внезапно обнаруживаете универсальный закон, препятствующий такому слиянию.

Тела могут встречаться; существа не могут.

В такой момент вы можете начинать озлобляться против любви – вот так и все религии стали озлобленными против любви, но это псевдорелигии. Нет, я не вижу, что вы должны озлобиться. На самом деле вы должны прийти в восторг, поскольку нашли фундаментальный закон жизни, добрались до точки, откуда возможен поворот внутрь себя. Больше некуда идти.

Вы можете попасть в самого себя. Если это случится, тогда вы скажете: «Другой-это рай, не ад». Тогда вы измените это высказывание, поскольку другой дал вам шанс потерпеть неудачу в слиянии, сплавлении, дал вам шанс повернуться к себе; вы будете благодарны ему всегда. Тогда другой – это рай.

И раз вы вошли в свое собственное существо, вы вошли в храм. Именно это и имеет отношение к религии.

И это вхождение в себя – предельный рост.

Вы внезапно расцветаете.

Это не медленный последовательный рост, нет. Слово «рост» дает неправильное впечатление, как что-то медленное, медленное... Нет, это внезапный взрыв. В один момент вы были ничем; в другой момент – качественный скачок, вы стали всем. Поскольку вы вкусили свое существо, и это существо – в точности то же, что и существо вселенной. Но есть только одна дверь. Другой двери нет. Никакая церковь не поможет вам, никакая синагога не поможет вам, никакой храм не поможет вам.

Есть только одна дверь, которая может помочь вам, – и она внутри вас.

Прыгнув в себя, вы ныряете в существование.

В этот момент вы ощущаете потрясающее единство со всем существованием.

Тогда вы более не одиноки, более не уединены, поскольку нет никого другого.

Есть только вы, распространившиеся во всех направлениях, во всех возможных проявлениях. Это вы цветете в деревьях; это вы движетесь в белых облаках. Это вы в океане, в реке. Это вы в животных, в людях.

И это не то, что вы должны нафантазировать, представить себе. Так делали псевдорелигии. Они говорят вам: «Думай, что ты един со всей вселенной. Концентрируйся. Натаскивай свой ум на то, что ты заодно со всей вселенной». Да, если вы стараетесь, вы можете поверить в это, в то, что вы едины со всем, но это будет просто вера.

Ко мне привели одного суфия; у него было много последователей. Многие из его последователей приходили ко мне и говорили: «Когда придет наш учитель, мы хотели бы, чтобы вы встретились». А он имел обыкновение приходить в это место раз в год.

Поэтому я сказал: «Когда бы он ни пришел, приведите его ко мне».

Они сказали: «Он совершенный человек. Он видит Бога повсюду».

Я сказал: «Я не буду комментировать этого, пока не увижу его». День настал, он прибыл. Я сказал его ученикам: «Ведите его прямо ко мне. Пусть он будет моим гостем». Они привели его ко мне прямо со станции, и он пребывал в экстатической дрожи, если это так можно назвать. Его глаза, его тело – все было не в обыкновенном состоянии, оно как бы вибрировало. Всякий мог видеть это. И он обычно крепко обнимал деревья. У меня был прекрасный сад. Только я называл его садом, все остальные обычно называли его джунглями. Это были действительно джунгли, поскольку мне не нравятся английские сады – хорошо подстриженные, симметричные. Нет, я хотел что-то вроде джунглей, естественное, без всякой симметрии.

Он вошел в дверь, а как раз рядом с дверью стояло прекрасное розовое дерево. Он обнял его. Оно было в цвету и издавало один из самых прекрасных ароматов. Он начал кричать от радости. Я вынужден был оттащить его от дерева. Я сказал: «Это дерево еще недостаточно сильное. Вы убьете его. Пожалуйста, войдите в дом, и, если хотите обнимать деревья, у меня есть много больших деревьев, с которыми вы можете проделывать и объятия, и борьбу, и гимнастику, и все, что хотите. Но это дерево – не мучьте его».

Внезапный гнев: «Что! Вы говорите, что я мучаю дерево? Я люблю его».

Я сказал: «Я знаю. Иногда можно обнимать кого-то с любовью. Так обычно случилось со мной, когда я путешествовал по Пенджабу».

Пенджаб – это, должно быть, Орегон в Индии. Почему-то все идиоты страны умудрились жить в Пенджабе. Мне бывало так трудно добраться от платформы до автомобиля, поскольку каждый обнимался, все от любви, а пенджабские объятия... вы не представляете себе: все мое тело ощущало боль, особенно ребра. Я говорил своим друзьям: «Пожалуйста, эти объятия, я не готов принимать так много любви. Это слишком. Вам нужно прекратить это, иначе я перестану приезжать в Пенджаб». Эти идиоты не знают, что «обнимать» не значит сокрушать ребра другого человека. И они точно делали это с большой любовью, но с большой любовью можно и убить.

Поэтому я сказал суфию: «Вы пришли ко мне в дом. Не гневайтесь. Это дерево еще недостаточно сильное, и оно очень особенное, не ломайте его. Я стал просветленным под розовым деревом. Поэтому мои люди принесли семя от материнского дерева. Они посадили и вырастили его, но оно еще недостаточно сильное для ваших объятий. Войдите внутрь».

Он вошел внутрь и начал говорить в той же манере, в которой говорил, должно быть, с учениками: «Я вижу Бога повсюду, только Бога и ничего больше».

Я сказал: «Если вы видите только Бога и ничего больше, тогда с кем вы разговариваете? Если есть только Бог и никого другого нет, то с кем вы разговариваете? И с какой целью? Бог должен все знать. Храните молчание». И когда все его ученики ушли, я сказал ему: «Я знаю, что случилось с вами. Вы гипнотизировали себя на протяжении тридцати лет, что Бог – повсюду, и теперь это стало у вас постоянным постгипнотическим

состоянием. И вы продолжаете все это, поскольку прекрасно знаете, что если прекратите говорить об этом, то все исчезнет за несколько часов».

Он сказал: «Нет, это не может исчезнуть. Я вижу Бога повсюду».

Я возразил: «Тогда на три дня прекратите говорить о Боге и не делайте ничего. Не повторяйте этого "Бог повсюду"; на три дня забудьте об этом. Тридцать лет вы делали свою работу, теперь в течение трех дней позвольте мне показать, что вы приобрели за тридцать лет».

И не было... не потребовалось и трех дней. Уже на следующее утро он сказал мне: «То, что я приобрел за эти тридцать лет, вы разрушили за один день. Вы против религии. Вы - враг религии».

Я сказал: «Конечно, я враг религии - религии того рода, в которую верите вы. И я против всей этой чепухи, ведь какой смысл тридцать лет практиковаться, если все можно разрушить за один день? Тогда практикуйтесь хоть триста лет, все будет потеряно в три дня! Или хоть три жизни - будет разрушено в три месяца. Это не ваше переживание; это просто навязанная вам идея».

Поэтому я не говорю, чтобы вы начали думать так, как будто все божественно и все есть Бог. Это хлам. Никогда не начинайте с того, что в своей основе является верой. Просто прыгните в себя и не спрашивайте меня, что найдете там. Поскольку, если я скажу, что вы найдете там, вы немедленно начнете гипнотизировать себя на этом. Тогда вы и найдете это, но то не будет истиной. То будет лишь галлюцинацией.

Просто прыгните внутрь - и тогда узнаете. Вы почувствуете. Вы испытаете переживание.

Религия - это переживание истины.

Человеку нужна религия; это последняя роскошь, предельная роскошь.

Ниже ее - любовь. И я так много учил о любви, что вы можете подойти к критическому моменту, когда почувствуете, что другой - это ад, ведь это точка поворота. Сартру был нужен кто-то, кто сказал бы ему: «Другой - это ад». А что о вас? Вы так много старались, чтобы стать единым с другим, почему бы не постараться еще немного, чтобы стать единым с собой, ведь это не будет трудно. Вы уже заодно с собой, вам только нужно заглянуть вовнутрь. Немного повернуться - и все случится.

Но тогда вы - не христианин, не индус, не мусульманин, не иудей, вы просто религиозный человек.

Я за религию, за религиозность, и я определенно против всех религий, поскольку все они псевдо.

Беседа 28

ЗАПОВЕДЕЙ НЕТ, ЕСТЬ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ПРОСЬБ

26 ноября 1984 года

Бхагаван, что Вы думаете о десяти заповедях Моисея? Есть ли у Вас какие-нибудь заповеди для нас?

Моисей - один из самых харизматических лидеров, известных миру, но он не религиозный человек.

Он законодатель. Но быть законодателем - это одно, а быть религиозным человеком - совершенно другое. Он решает, что хорошо, что плохо для его людей.

Но хорошо и плохо - это не вечные понятия. В один момент что-то хорошо, в следующий момент это не хорошо. Что-то хорошо в одном контексте, а в другом контексте это может стать своей прямой противоположностью.

Законы мертвы. Раз вы определили их, они стали фиксированными. Они не изменяются вместе с контекстом, с ситуацией, со временем. Они не могут меняться, они - не живые существа.

Моисей выводил своих людей из рабства, давал им великую надежду на будущее, воодушевлял их, но не мог сделать их религиозными. И так как он не мог сделать их религиозными, он был вынужден заменить религию законами. Законы - плохая замена сознательности. Но когда сознательности нет, ничего не остается, как издавать законы и следовать законам.

Почему Моисей не смог сделать своих людей религиозными? Он сам не был религиозным человеком. Его встреча с Богом – не что иное, как галлюцинация. Бог не существует, поэтому те, кто повстречались с Богом, повстречались со своим воображением. Скитаться по горячей, обжигающей дикой пустыне годами; голодать, испытывать жажду; люди умирают, умирают их надежды... кажется, нет конца этому поиску земли обетованной.

Он взошел на гору подумать, поразмышлять, помолиться Богу. Он был, должно быть, в безнадежной ситуации. Люди спрашивали – и не было ответа, они спрашивали: «Где обещанная земля? Похоже, что у тебя нет и понятия, где она. Ты оторвал нас от корней. Конечно, мы были рабами, но, по крайней мере, мы жили. Теперь мы умираем».

Люди выбирают рабство по той простой причине, что если альтернативой является смерть, то лучше быть рабом. По крайней мере, можно жить, и есть вероятность когда-нибудь освободиться от рабства. Но когда вы мертвы, вероятность исчезает. Так что ничего плохого нет в том, чтобы выбирать рабство, когда альтернативой является смерть.

Моисей вывел своих людей из рабства, дал им самые разные мечты, и эти мечты постепенно начали превращаться в пыль пустыни. Проходили дни, проходили месяцы, проходили годы, и люди умирали так, как этого еще никто не видел. Сорок лет он скитался по пустыням Ближнего Востока. За сорок лет из каждых четырех человек трое умерли. Не стало трех четвертей первоначального народа; и те, кто еще оставались, не могли сказать, что они живы. Эти сорок лет были таким страданием, что было бы намного лучше, если бы они умерли. Они были, как скелеты.

Естественно, Моисей испытывает огромную муку, великую боль. Он не думал, что случится такое. Он не обманывал своих людей; он был искренним с ними, его намерения были добрыми. Не было другого пути вывести этих людей из египетского рабства, если не дать им великой надежды.

Но такое случалось со всеми великими лидерами. Когда они добиваются успеха, потом наступает момент их неудачи.

Такое случилось в Индии. Махатма Ганди вел страну сорок лет и заставил людей поверить в свои слова: «Когда наступит независимость, все ваши проблемы будут решены. Не будет нищеты, не будет страданий, не будет мятежей, не будет насилия. Эти индо-мусульманские мятежи, в которых тысячи людей погибают, сжигаются заживо, порождены британским правлением». Легко все свалить на британское правление. Вы страдаете, потому что вы в рабстве. Вы бедны, потому что вас эксплуатируют. Вы не можете жить уважаемой жизнью, потому что вы под каблуком Британской Империи. Люди поверили ему, точно так же, как евреи поверили Моисею. Они последовали за ним. Независимость наступила... и это был великий момент неудачи для Махатмы Ганди, поскольку не так просто устранить все свои проблемы, лишь освободившись от британского правления.

Вашим проблемам миллионы лет. Британцы же были в Индии только триста. До этого вы были бедны, голодны, необразованны. В действительности Британская Империя делала все для поднятия стандарта жизни в Индии. Она внедрила самые разные технологии, науки. Она ввела медицину, школы, но никто не думает об этом. Кто будет благодарить человека, поработившего вас? Они – причина всех мятежей, всех убийств, всех кровопролитий.

Поэтому люди ждали: «Когда уйдут британцы, мы впервые заживет как люди: не будет бедности, жизнь будет устлана розами. Но жизнь не только не осталась такой же, она стала хуже, поскольку британские правители знали, как править. За триста лет они создали систему контроля, систему сохранения дисциплины. Теперь вместе с ними все это исчезло. А люди, пришедшие к власти, не имели понятия о том, что такое власть. Что делать с властью? Как пользоваться ею? И неожиданно возник потрясающий взрыв насилия, которого до этого не знала Индия, может быть, не знала и ни одна другая страна.

Ганди был полностью сокрушен. Вот британцы ушли, а насилия в миллион раз больше, ведь у британцев была определенная дисциплина, власть, и они справлялись со страной триста лет. Теперь не было никого; каждый был свободен делать то, что хотел. Тысячи людей были убиты, сожжены;

сжигались поезда, останавливались и просто поджигались, и никому не разрешалось выходить из поезда. Поджигались дома. Вся страна была в хаосе. В Пакистане убивали индусов. В Индии убивали мусульман. И лидеры не знали, что делать. Сам Ганди сказал: «Теперь никто не слушает меня». А он был абсолютным лидером людей на протяжении сорока лет. Его голос был голосом страны. И теперь он говорит: «Никто не слушает меня. Я стал фальшивой монетой, бесполезным человеком».

До обретения Индией независимости он говорил, бывало, что хотел бы прожить сто двадцать лет, поскольку после наступления независимости будет настоящая жизнь; а сейчас – что за жизнь? Но когда страна стала независимой, она вся запылала в огне, повсюду были насилие, разрушение, даже его сторонники, самые надежные сторонники, больше не слушали его. Впервые он сказал: «Теперь я не хочу жить до ста двадцати лет». Может быть, когда Натхурам Годзе выстрелил в него, он почувствовал освобождение, поскольку нес тяжелый груз. Он не мог показать людям своего лица; у него не было ответа.

Такая же проблема встала и перед Моисеем. Он пошел в горы только потому, что хотел уйти от толпы, ведь они постоянно мучили его, спрашивали его: «Где обещанная земля? Мы не видим никакой земли обещанной. Проходят дни, мы не встречаем никакого оазиса. Люди умирают от жажды, и если нам встречается оазис, то совсем непросто найти пищу». Ведь они все были бедными людьми, у них не было денег, они были рабами. Им нечем было платить, все, что они несли с собой... так, какая-то мелочь. Стоит запомнить караван Моисея. Что несли с собой люди? Кто-то вел своего осла, кто-то тащил повозку, кто-то нес пару глиняных горшков, немного одежды... Не было ничего ценного. У них ничего не было. И по пути они продавали все, что несли с собой, – всю эту мелочь они продавали за хлеб.

Моисей испытывал, должно быть, ужасную боль. Никто не подумал об этом. Я никогда не встречал ни одной еврейской книги, в которой бы содержалось размышление о ситуации Моисея. Он отправился в горы не для того, чтобы медитировать, – это великая роскошь; Моисей не мог себе ее позволить, то было не время для медитации, – он отправился, чтобы просто убежать от этой толпы, посидеть немного и обдумать план. Что-то нужно было делать, иначе бы он нес ответственность за смерть целой нации. И он ведь обещал им...

Помните всегда, вот так работает человеческий ум: когда вы начинаете обещать, вы забываете, что есть предел; не надо преувеличивать. Ум очень легко начинает преувеличивать. Он наслаждается преувеличением. Он преувеличивает двумя путями. Всего лишь небольшая боль, а он создает вокруг нее такую суматоху. Всего лишь небольшое страдание, а он становится величайшим страдальцем мира. Всего лишь небольшое удовольствие, а вы уже на вершине целого мира, как будто никто другой не знает, что такое удовольствие. Вы влюбляетесь в женщину и думаете: «Такой любви никогда не было и никогда не будет. Наша любовь уникальна». Так случается повсюду, и каждый думает: «Наша любовь уникальна».

Ум все преувеличивает, усиливает – он усилитель, и вы верите ему.

У людей Моисея были настоящие проблемы. И здесь не было преувеличения. Уже невозможно было утешать их дальше: «Подождите еще немного, мы приближаемся, приближаемся». Казалось же, что они удаляются, удаляются. Не было видно ни единого признака того, что они приближались. В этом состоянии муки, в обжигающе горячей пустыне, на горе, – а на горе еще жарче, поскольку на горах в пустыне не растут деревья, не растет зелень, – там, на горе, у него возникает галлюцинация. При таком состоянии ума у любого возникнет галлюцинация.

Он начинает разговаривать с Богом. Его человеческий ум не находит ответа. Это состояние галлюцинации: он видит сон с открытыми глазами. И он верит, что Бог дает ему совет, десять заповедей: «Вот эти десять правил. Иди к своим людям и дай им эти десять заповедей. Если они будут следовать этим десяти заповедям, все будет хорошо». Его галлюцинация – это не религиозное переживание. Прежде всего, нет Бога. Даже если есть,

то он не говорит на древнееврейском. Как это вы подумали, что Бог – еврей? Если Бог есть и он узнает, что вы называете его евреем, как вы думаете, будет он счастлив? Но Бога нет вообще, так что нет и этой проблемы.

Галлюцинации возникают не только у Моисея; другие религиозные лидеры – конечно, так называемые религиозные лидеры – испытывали то же самое. Он приходит и с великой уверенностью говорит своим людям: «Бог дал нам десять заповедей. Вы найдете землю обетованную только в том случае, если вы живете правильно, исполняя волю Бога. Но сначала вы должны стать достойными этого».

Вот хорошая стратегия. Эти бедные люди и не могут стать достойными исполнения этих десяти заповедей, и не могут спросить снова: «Где же обетованная земля?» Я не думаю, что он был политиком, но кто знает, это хорошая политическая стратегия – дать людям определенную идею: «Исполняйте; а если не исполните, тогда вся ответственность ляжет на вас, меня вы не сможете обвинять. Я заранее предупредил вас, что эти десять заповедей необходимо исполнить».

А эти десять заповедей не могут быть исполнены ни одним нормальным человеческим существом.

Сама их структура такова, что, как вы сами убедитесь, она идет против ваших естественных инстинктов, вашей биологии, вашей психологии, вашей физиологии. И скорее всего, чем обвинять лидера, вы начнете сами испытывать чувство вины, ведь это из-за вас обетованная земля оказывается недостижимой.

Я не думаю, что Моисей вообще был религиозным человеком. Он великий революционер и, конечно, обаятельный лидер, человек не среднего калибра, величественный. Не просто держать людей в скитаниях по пустыне на протяжении сорока лет и при этом поддерживать в них живую надежду. Это была великая стратегия, сознательная или бессознательная. Мне кажется, что она была бессознательной. Ему точно казалось, что с ним разговаривал Бог, что он видел Бога, что эти десять заповедей от него. И, дав эти десять заповедей евреям, он снова доказал, что евреи – избранный Богом народ.

Вы спрашиваете меня, есть ли у меня какие-нибудь заповеди для вас?

Прежде всего, для меня само слово заповедь (по-английски «заповедь» – commandment) безобразно. Оно хорошо для командира в армии. Само слово означает, что вы должны подчиняться. Не должно возникать вопросов, заповедь не подлежит сомнению. И заповедь идет от Бога – вы должны исполнять ее. И заповедь от Бога дает Моисею власть держать этих людей в спокойствии, в дисциплине, под его правлением.

Я не командир, и я не хочу, чтобы кто-нибудь был под моей властью.

Я не представляю никакого Бога, каким бы он ни был, иудейским, индуским, мусульманским, христианским. Я не являюсь ничьим представителем.

Я представляю просто себя. И авторитет, который у меня есть, мой собственный.

Я могу авторитетно сказать вам, каково мое переживание, но я не могу быть авторитарным с вами. Заметьте разницу: все, что я говорю, я говорю от авторитета моего собственного переживания. Но с вами я не авторитарен.

Если я говорю: «Верьте мне, – тогда я становлюсь авторитарным с вами. Не сомневайтесь во мне... Если верите, то рай – ваш. Если сомневаетесь, попадете в ад».

Я не обещаю вам никаких небес. Я не пугаю вас никаким адом.

Да, мои слова несут присущий им авторитет, но они не авторитарны. Они не поработают вас.

Поэтому, конечно, я не могу давать вам никаких заповедей. Это оскорбляло бы вас, это унижало бы вас. Это отняло бы у вас вашу целостность, вашу свободу, вашу ответственность. Нет, я не могу совершить такого преступного деяния.

Я могу попросить вас, я могу пригласить вас разделить со мной мое переживание. Я могу стать для вас гостеприимным хозяином, а вы будете моими гостями. Это приглашение, приветствие, – но не заповедь.

Какие просьбы я могу обратиться к вам? Это будет выглядеть немного странно, поскольку Моисей, Иисус, Мухаммед, Кришна, Махавира, Будда – никто не обращался к вам с просьбами. У них для вас были только приказы: «Следуй или попадешь в ад». Они не дают вам даже шанса подумать. Они сокращают само ваше существование, само ваше существо, сводят его до состояния объекта. Они сокращают вас до номера расчета в армии. Они не уважают вашу индивидуальность. Поэтому я вижу что-то нерелигиозное во всех этих людях. Они особенные; он особенный потому, что видел Бога своими собственными глазами... Как же вы можете быть равны ему? По какому праву вы задаете ему вопросы? Он видел самого Бога, разговаривал с ним. Он принес вам послание; он посланник.

Он – единственный рожденный сын. Что вы с этим можете сделать? Вы не можете быть равными Иисусу. Все, что вы можете, – это следовать, имитировать, быть в психологическом рабстве, которое опаснее любого другого рабства.

Экономическое рабство – ничто по сравнению с рабством психологическим.

Я вспоминаю Диогена. Я люблю этого парня, Диогена, по той простой причине, что он не заявляет никакого авторитета от лица Бога. Он не дает никаких приказов, заповедей, наставлений другим. Он жил голым – не по какой-нибудь религиозной причине, не для того, чтобы попасть на небеса; он совсем не беспокоился о небесах и аде. Он жил обнаженным, потому что говорил: «Я таким родился. Таким меня захотела природа. Почему я должен быть другим? Я собираюсь быть просто естественным».

Однажды случилось так, что он пошел на реку. Он в то время носил с собой чашу для подаваний, в которую складывал пищу или наливал воду. Он бежал к реке – ему хотелось пить, – а рядом с ним бежала собака, которая добралась до реки раньше и начала пить. Диоген сказал: «Великолепно. Эта собака гораздо более независима, чем я». Он выбросил свою чашу в реку и сказал собаке: «Учитель, ты действительно показал мне способ. Я носил с собой этот груз напрасно».

Несколько воров схватили его: в те времена людей хватили и продавали в рабство, а он выглядел для этого вполне заманчиво. Он был очень здоровым человеком и имел, определенно, выразительную внешность. Воры были уверены, что получат за него большие деньги, если смогут удержать его. Их было трое, а он – один, но они не были уверены, что даже втроем смогут одолеть его. Он мог бы убить всех троих. Они пошли за ним, колеблясь, попытаться ли им осуществить свою идею или отказаться, от нее, поскольку Диоген выглядел опасным. И кто знает, может быть, он был сумасшедшим, ведь он ходит голым и так радуется, а радоваться-то ему нечему.

Диоген услышал, о чем они думают и говорят, и сказал:

«Не беспокойтесь. Вы хотите украсть меня? Вы хотите продать меня на рынке?»

Они были потрясены. Они сказали: «Вот проблема. Если мы скажем да, он бросится на нас».

Но Диоген ответил: «Не бойтесь. Я сам собираюсь на рынок. Вы можете пойти со мной и можете продать меня. Я знаю только одно: никто не может сделать меня рабом. Так что вы получите деньги и будете счастливы. А я знаю точно, что никто не может сделать меня рабом. Так зачем мне беспокоиться? Пойдем со мной».

Они не смогли даже сказать: «Мы не хотим идти с тобой», – поскольку этот человек выглядел так странно, он мог заставить их силой идти вместе с собой. Поэтому они сказали: «Хорошо, если ты так говоришь, мы пойдем». Он пошел впереди, а они за ним, и он выглядел, как император, а они – как рабы.

Когда они добрались до рынка, где торговали рабами, он поднялся на платформу, куда обычно ставили рабов, чтобы люди могли рассмотреть их со всех сторон, измерить, взвесить, заглянуть в зубы, – точно так же, как покупают лошадь или быка, – они шупали мускулы, сильный раб или слабый,

молодой или старый. Но эти три вора не могли сказать Диогену: «Пожалуйста, поднимись на платформу». Он сам забрался на нее, и то, что он сказал с платформы, стоит запомнить. Он сказал: «Послушайте!» – так громко, что весь рынок смолк, видя голого человека и такого здорового, такого прекрасного, такого пропорционального. Они никогда не видели такого раба.

На всем рынке установилась полная тишина, все люди собрались там, и Диоген сказал: «Впервые продается хозяин. Любой раб из вас может купить хозяина. Но помните, вы покупаете хозяина». Те три вора спрятались в толпе, поскольку подумали, что толпа может разгневаться, их могут схватить; «Это вы привели сюда этого человека».

Но одному богачу эта идея очень понравилась. Человек говорит: «Продается хозяин; любой раб может купить его». Богач спросил: «Кому ты принадлежишь?»

Диоген сказал: «Я, конечно, принадлежу себе, но я обещал этим трем ворам, поэтому деньги пойдут им. Они прячутся где-то здесь. Они шли за мной. Я, на самом деле, заставил их прийти сюда – на полпути они пытались сбежать, да и сейчас они пытаются затеряться в толпе. Их трое. Вам нужно будет отдать деньги этим людям. А я пойду с вами. В том, что касается принадлежности, то я принадлежу себе, и никто другой не может владеть мяою».

Богач сказал: «Мне это подходит. Я не возьму тебя как раба. Я приму тебя как хозяина. Достаточно твоего пребывания в моем доме, твоего присутствия». Ворам заплатили. Диоген вступил на колесницу богача, и тот вел себя в точности так, как если бы он был рабом, а Диоген – хозяином.

Этот эпизод описывает определенное явление: если вы по-настоящему независимы психологически, то никто не может сделать вас рабом. Да, вас могут убить, но никто не сможет сделать вас рабом.

И все эти люди, отдававшие заповеди, наставления, показывавшие, как жить, как есть, как одеваться, что делать, чего не делать, – все эти люди так или иначе стараются сделать вас психологическими рабами. Я не могу называть таких людей религиозными.

Для меня религия начинается с психологической свободы.

Я не могу давать никаких заповедей, но я могу обратиться к вам с некоторыми просьбами. До сих пор никто не делал этого, поэтому это может показаться немного не от мира сего, но что я могу поделаться? Я могу обратиться к вам с некоторыми приглашениями.

Моя первая просьба, или приглашение, такова: не позволяйте умирать своему сомнению.

Это самое драгоценное, что у вас есть, поскольку когда-нибудь сомнение поможет вам открыть истину.

Все эти люди говорят: «Верь!» Их первое усилие направлено на то, чтобы разрушить ваше сомнение. Начните с веры, поскольку если вы не начинаете с веры, то на каждом шагу у вас будут возникать вопросы.

Поэтому я хотел бы, чтобы моей первой просьбой к вам было: сомневайтесь, пока не откроете. Не верьте до тех пор, пока не узнаете сами.

Раз вы верите, вы никогда не сможете узнать сами. Верование – это яд, самый опасный яд; ведь оно убивает ваше сомнение. Оно убивает ваши вопросы. Оно отнимает у вас ваш самый точный инструмент.

Все, что достигла наука за триста лет, все это – благодаря сомнению. А за десять тысяч лет религия не достигла ничего – из-за веры.

Вы можете видеть, всякий, у кого есть глаза, может видеть, сколь многого достигла наука, несмотря на все препятствия со стороны религиозных людей. В чем была основная сила науки? В сомнении.

Сомневайтесь, все время сомневайтесь, пока не дойдете до точки, где больше не сможете сомневаться. А вы не сможете больше сомневаться только в том случае, если узнаете что-то сами. Тогда не будет вопроса о сомнении, не будет способа для сомнения. Такова моя первая просьба.

Моя вторая просьба: никогда не имитируйте.

Ум – это имитатор, ведь имитация – это так просто. Быть кем-то очень трудно. Стать кем-то очень легко: все, что для этого нужно, – это быть лицемером, что не представляет собой большой проблемы. Глубоко внутри вы остаетесь теми же самыми, но на поверхности – вы все время раскрашиваете себя согласно какому-то образу.

Христианин старается стать похожим на Христа – это и означает слово «христианин». Вы хотели бы уподобиться Христу. Вы на пути к нему, может быть, еще далеко, но все же движетесь помаленьку. Христианин означает человека, который старается помаленьку стать Христом, мусульманин (по-английски «мусульманин» – Mohammedan) означает человека, который старается стать Мухаммедом. Но, к сожалению, это невозможно; этого нет в самой природе вещей. Вселенная создает только уникальные существа. У нее нет понятия о копиях, дубликатах, ксероксах; существование не имеет понятия об этом – только оригиналы.

И каждая индивидуальность настолько уникальна и оригинальна, что стараться стать Христом – значит совершать самоубийство. Стараться стать Буддой значит совершать самоубийство.

Поэтому вторая просьба такая: не имитируйте. Если хотите знать, кто вы, пожалуйста, избегайте имитации, имитация – способ избежать познания себя.

Мне всегда нравилось одно высказывание Фридриха Ницше, и я, как и сейчас, во многих случаях находил его загадочно верным. Ницше говорит: «Первый и последний христианин умер две тысячи лет назад, на кресте». Первый и последний... Все остальные просто косные, неумелые люди. Они всеми способами стараются быть христианами, а это совершенно невозможно. Существование и его законы не позволяют этого.

Вы не можете изменить законы вселенной.

Вы можете только быть собой и ничем другим.

И это прекрасно – быть собой.

Все оригинальное имеет красоту, свежесть, аромат, живость. Все имитируемое мертво, тупо, фальшиво, искусственно.

Вы можете притворяться, но кого вы обманываете? Кроме себя вы не обманываете никого. И какой смысл обманывать? Что вы выиграете от этого?

Те же религиозные люди, Моисей, Махавира, Будда, те же религиозные люди говорили вам, что если вы будете имитировать в точности так, как предписано ими, то вы достигнете великого наслаждения на небесах, в раю. Все они как-то усиливали вашу алчность, вождление. Они говорят об отсутствии желаний, – но ради чего? Видите ли вы противоречие, присущее всем религиям? Они говорят: «Отбросьте желания, так вы достигнете рая». А что это такое, не желать? Это величайшее желание. И какие другие желания вы отбрасываете ради этого? Носить красивые одежды – отбросить. Иметь прекрасный дом – отбросить. Есть хорошую еду – отбросить. Все это желания. Все это мелочи, а что вы получите взамен? Целый рай.

Эти люди не учат вас отсутствию желаний. Напротив, они дают вам, как предмет сделки, великое желание – вам нужно лишь отбросить ваши маленькие глупые желания. И из-за этого великого желания вы готовы имитировать, ведь это единственный способ исполнить его. Вы готовы имитировать. Тысячи людей живут, даже сейчас, по наставлениям Будды. Может быть, они хороши для Гаутамы Будды, он, должно быть, радуется им; я не спору. Но сам он никого не имитировал, этого вы совсем не видите. Старался ли Иисус имитировать кого-либо? Если у вас есть немного разума, совсем немного разума, этого довольно. Не нужно быть гением, чтобы понять этот простой факт. Кого имитировал Христос? Кого имитировал Будда? Кого имитировал Лао-цзы? Никого. Вот почему они расцвели. А вы имитируете.

Первое, что нужно понять, это то, что отсутствие имитации – один из фундаментов религиозной жизни.

Не будьте ни христианином, ни мусульманином, ни индусом – тогда вы сможете открыть, кто вы есть. До этого открытия вы уже покрыли себя всеми видами ярлыков и потом все время читаете эти ярлыки и думаете, что это вы: вы мусульманин, вы христианин. Эти ярлыки наклеены на вас вами самими

или вашими родителями, вашими доброжелателями. Они все ваши враги. Всякий, кто пытается извлечь вас из вашего бытия, – ваш враг.

Это мое определение: всякий, кто помогает вам остаться, – какова бы ни была цена, каковы бы ни были последствия, – решительно оставаться самими собой, тот ваш друг.

Я – не мессия, и я – не пророк. Я только друг, а друг не может сделать то, что вы просите. Какие заповеди я могу дать вам? Нет, никаких. Я не могу сказать вам, что делать и чего не делать. Я могу только объяснить вам, что или вы можете быть собой, или вы пытаетесь притворяться кем-то другим. Пытаться и притворяться проще, поскольку так вы и действуете.

Как вы думаете, хорошо ли в фильме лорда Аттенборо Ганди играет человек, представляющий Ганди? Он играет очень хорошо; он выглядит очень похожим на Ганди. Аттенборо вынужден был объездить весь мир, чтобы найти человека, похожего на Ганди. Это было очень трудно, а этот человек просто зашел в офис, – и Аттенборо сказал: «Как? А я искал повсюду». То был просто бедный актер из одного маленького театра. Он похож на Ганди, носит одежды, как у Ганди, ходит, как Ганди, говорит, как Ганди, что же еще нужно? Но вы что думаете, он стал Ганди? Иногда он действовал даже лучше Ганди, ведь Ганди все делал впервые, а он во второй раз. У него была возможность отбросить все ошибки и погрешности. Он мог исправиться. Случилось так...

Друзья Чарли Чаплина на его пятидесятилетие устроили особые приготовления для празднования. По всей Англии были приглашены люди играть роль Чарли Чаплина. Их выбирали по деревням. Потом были состязания следующего уровня, по округам, потом следующие состязания, уровнем еще выше. И наконец финальное состязание состоялось в Лондоне. Чарли Чаплин был шутником, он сказал: «Подходящее время, чтобы разыграть шутку». Поэтому он с задней двери вступил в состязание. Но шутка обернулась против него – он стал вторым! Кто-то другой стал первым. Судьи не узнали, что Чарли Чаплин играл сам себя; то, что он оказался вторым, стало известно позже. Кто-то другой преуспел больше в том, чтобы быть Чарли Чаплином.

Поэтому возможно, что христианин пройдет немного дальше Христа, буддист пройдет немного дальше Будды. Но это все игра, вы лишь так действуете; это не ваше существо. Держите дистанцию между существом и делом. Вы без проблем можете делать что-то против своего существа. Существо очень терпеливо, очень спокойно и тихо; оно не тревожит вас. Если вы хотите играть чью-то роль, оно позволит вам.

Этот человек, оказавшийся лучше Чарли Чаплина, все же знает, что он не Чарли Чаплин. Его бытие – это его бытие; он просто играл. И когда он узнал, что обошел самого Чарли Чаплина в том, чтобы быть Чарли Чаплином, он не мог поверить этому. Он извинился перед Чарли Чаплиным: «Простите меня, у меня не было и понятия о том, что вы были в этом состязании».

Чарли Чаплин сказал: «Я думал разыграть шутку, но сам стал посмешищем. Но вы открыли великую истину, что игра и бытие – две разные вещи».

Но в обычной жизни вы не играете роль христианина, вы начинаете думать, что вы христианин. Медленно, медленно, медленно, обусловленные обществом, родителями, образованием, вы становитесь христианином. Вы полностью забываете, что не родились христианином. И вы полностью забыли, в чем ваш потенциал. Вы двигались прочь от направления, в котором мог лежать ваш потенциал. Вы ушли очень далеко, вам нужно вернуться назад.

Когда я говорю это людям, это ранит. Но я не могу делать иначе. Вы прошли многие мили в бытии христианином; вам нужно возвращаться многие мили назад, и это будет трудной задачей. И если вы не вернетесь в ту точку, от которой вы отклонились, вы не сможете никогда открыть себя, а это все, что должно быть открыто.

Моя третья просьба такова: остерегайтесь знания. Стать знающим так мало стоит. Везде можно найти священные книги, везде есть библиотеки, университеты; так легко стать знающим. А раз вы стали знающими, вы стали очень уязвимыми, поскольку теперь это хочет верить, что это – ваше знание, и не просто знание, но и сама ваша мудрость. Это хочет выдать

знание за свою собственную мудрость. И вы начинаете верить, будто действительно знаете.

Вы не знаете ничего. Вы знаете только книги и то, что в них написано. Наверное, и книги эти написаны такими же людьми, как вы. Девяносто девять процентов книг написаны другими читателями. На самом деле, если вы прочли десять книг, ваш ум настолько переполняется всяким хламом, что вам хочется вылить все это в одиннадцатую. Что еще вы с ним будете делать? Вам же нужно будет разгрузить себя.

Число книг продолжает расти. Каждый год на каждом языке выпускается тысячи и тысячи книг. Опасность никогда не была так велика, как сегодня, поскольку никогда раньше знание не было так легко доступно вам – через все виды средств массовой информации. Теперь есть не только книга; вы можете получать знания из газеты, из журнала, по радио, по телевидению, и все эти источники становятся все более и более доступными. Опасность становится еще сильнее.

Я был профессором в двух университетах и наблюдал сотни профессоров. Это самое снобистское племя в мире. Профессор думает о себе, что является представителем другой породы, – ведь он знает. И что же он знает? Лишь слова, а слова – это не переживание. Вы можете все время повторять слово любовь, любовь, любовь, миллионы раз; но это не даст вам вкуса любви. Если вы прочтете книги о любви, а о любви тысячи книг, романов, поэм, рассказов, исследований, диссертаций, то узнаете о любви так много, что забудете, что сами-то никогда не любили, что не знаете, что есть вся эта любовь, – но вы знаете все о любви, знаете все, что написано в книгах.

Поэтому третье: остерегаться знания, быть бдительным к тому, чтобы в любой момент вы могли отложить свое знание в сторону, чтобы оно не закрывало вам видения. Его не должно быть между вами и реальностью. Вы должны идти в реальность предельно обнаженными. Но если между вами и реальностью так много книг, тогда все, что вы видите, – не реальность. Реальность, пока она достигнет вас, будет разрушена вашими книгами, она уже не будет иметь ничего общего с реальностью.

Четвертое... Я не буду говорить «молитесь», поскольку нет Бога, которому молиться. Я не могу говорить, как это делают все религии, что молитва делает вас религиозными. Она даст вам ложную религиозность, поэтому в моей религии слово молитва полностью отброшено. Бога нет, поэтому разговаривать с пустым небом – предельная глупость. Есть опасность в том, что вы начнете слышать голоса с неба и выйдете за пределы нормы. Тогда вы станете ненормальными. Тогда вы будете больше не в состоянии что-либо делать, вам нужно будет психиатрическое лечение.

Поэтому, пока этого не случилось – пока Бог не ответил вам, – пожалуйста, не просите. Ведь это в вашей власти – не просить, не молиться. Бог не может заставить вас молиться и просить. Если вы молитесь, просите, настаиваете, он может ответить – вот в чем опасность. И раз вы услышали ответ, тогда вы не будете слушать никого. Тогда вас нужно заставить пройти психиатрическое лечение, иначе вы станете душевнобольными.

Мое слово, заменяющее слово «молитва», – «любовь». Забудьте слово «молитва», замените его любовью.

Любовь не к какому-то невидимому Богу. Любовь к видимому – к человеческим существам, животным, деревьям, океанам, горам. Расправьте крылья любви так широко, как только можете.

И помните, любви не нужна система веры. Любит даже атеист. Любит даже коммунист. Любит даже материалист.

Любовь – это нечто, присущее вам, а не нечто, навязанное извне. Нельзя сказать, что может любить только христианин или только индус, – это ваш человеческий потенциал. И я хотел бы, чтобы вы полагались скорее на свой человеческий потенциал, чем на ложную обусловленность христианства, иудаизма, индуизма... Не несите их с собой, но несите с собой любовь, это частица вашего бытия – любовь без всякого запрета, без всякого табу.

Все эти религии наложили на любовь табу. Можно понять их стратегию. Стратегия такова, что если любовь находится под запретом, то ваша энергия

любви начинает двигаться к молитве. Это просто: вы блокируете путь любви, она находит другой путь. Вы заблокировали ей путь к реальности, она постарается достичь нереального. Вы заблокировали человеческие возможности, она испытает что-нибудь воображаемое, какую-нибудь галлюцинацию.

Все религии против любви, потому что это опасно: если человек входит в любовь, он может перестать думать о церкви, храме, мечети, священнике. Почему он должен думать? Он может совсем не думать о молитве, ведь он знает что-то более существенное, что-то, дающее большую пищу. Он знает что-то более основательное, зачем ему обращаться к мечтам?

Только подумайте о следующем: попоститесь один день и на следующее утро вспомните, о чем вы мечтали. Конечно, вы мечтали о еде, о пире – это совершенно ясно. Только попоститесь один день, и вам это будет сниться всю ночь... Что случилось? Вы отбросили реальное, но все ваше существо хочет его. Если вы отбросили реальное, то единственное, что остается, – найти ему замену, нереальное. О чем бы вы ни мечтали, проверьте: сама эта мечта говорит о том, что вы упустили реальность. У человека, живущего в реальности, мечты исчезают. Ему не о чем мечтать, ему нечего видеть в снах. Когда он отправляется спать, он оканчивает дневную работу. Он оканчивает, и ничто не переходит в его сны.

Зигмунд Фрейд, Юнг, Адлер – все эти люди работали над сновидениями. Им следовало бы заглянуть в жизнь хотя бы одного человека, у которого исчезли сновидения, это дало бы им ключ к пониманию проблемы. Но эти люди так же глупы, как и остальные. Вы не можете себе представить, как Фрейд боялся приведений. Вы так не боитесь их.

Юнг был исключен из психоаналитического движения по той простой причине, что он верил в приведения. Однажды, когда Зигмунд Фрейд и Юнг сидели в гостиной у Фрейда, Юнг начал говорить о приведениях. Он очень интересовался приведениями. И как раз когда он начал говорить о приведениях, в шкафу раздался сильный взрыв. Фрейд упал со стула и сказал: «Я говорил вам много раз: упомяните о дьяволе, и он тут как тут, – а вы не слушаете». Даже Юнг был потрясен. Они открыли шкаф; там ничего не было. Откуда взялся этот звук, как будто взорвалась бомба? Он закрыл шкаф и снова сел. Они снова начали говорить о приведениях, ведь как можно остановиться после такого переживания? И снова последовал взрыв! Это был конец. После этого Фрейд никогда не виделся с Юнгом.

Фрейд так сильно боялся смерти, что с ним нельзя было говорить об этом. Его учеников предупреждали, особенно новеньких, никогда не упоминать слово «смерть». Дважды случилось так, что люди упоминали что-то, связанное со смертью, и он падал в припадке, терял сознание. Он так сильно боялся смерти, что даже слова «смерть» было достаточно для того, чтобы он потерял сознание. И эти люди создали психоанализ, это ваши великие ученые в области ума.

Юнг боялся мертвых тел. И это естественный закон: то, чего вы боитесь, тем вы и восхищаетесь. Поэтому он хотел отправиться в Египет посмотреть на древние мумии, эти мертвые тела, хранившиеся в пирамидах, а теперь находящиеся в египетском музее. Много раз он хотел отправиться. Заказывались билеты, иногда он добирался до аэропорта, но начинал нервничать, так нервничать, так дрожать, что возвращался обратно – прерывал путешествие. Он никогда так и не смог добраться до Египта. Он предпринял дюжину попыток и всякий раз начинал нервничать. Сама мысль увидеть мертвое тело возрастом три, четыре, пять тысяч лет выводила его из нормы.

Эти люди не знали ни одного человека, у которого исчезли сновидения. Например, я не могу видеть сны, даже если захочу; это невозможно. Я пытался, но у меня не получалось. Я пытался много раз, придумывал их, ведь нет книг, где говорилось бы о том, как создать сновидение, поэтому я придумывал их по-своему. Я отправляюсь спать, думая о чем-нибудь, представляя что-нибудь в зрительных образах, так чтобы это осталось во сне и стало бы сновидением. Но когда наступает сон, эти зрительные образы исчезают. Сон есть, но того, что я представлял себе, нет.

Если вы живете реальной жизнью подлинно, искренне, полно, сновидения прекращаются. Если вы любите, вы никогда не подумаете о молитве, поскольку знаете реальное – зачем же вам следовать за нереальным, за псевдо? А все эти религии знали только одно: прекратите реальное, вам нужно следовать за нереальным.

Пятое, что я хотел бы сказать вам: живите от мгновения к мгновению – в каждый момент умирайте для прошлого. С ним покончено. Не нужно даже отмечать, хорошим оно было или плохим. Нужно знать только одно: с ним покончено, его больше нет. Его больше не будет... ушло и ушло навсегда; зачем теперь на него напрасно тратить время?

Никогда не думайте о прошлом, поскольку вы растрчиваете настоящее, которое является единственной реальной вещью в ваших руках. И никогда не думайте о будущем, поскольку никто не знает, что будет завтра, как будет завтра, как все повернется, где вы приземлитесь, – вы не можете себе представить этого.

Думаете ли вы о том, что случится с нашей коммуной? Думали ли вы когда-нибудь, что мы осядем в Орегоне, в Америке? Мне кажется, что вряд ли кто-нибудь даже в сновидениях, в мечтах, в галлюцинациях думал об Орегоне. Но мы приземлились здесь. Так случается каждый день. Вы не замечаете этого: вчера вы напрасно тратили время, думая о сегодняшнем дне, а он повернулся не по вашим мыслям и планам, и теперь вы волнуетесь, зачем напрасно тратили время, – и снова вы тратите его напрасно.

Оставайтесь в мгновении, истинно в мгновении, предельно здесь и сейчас, как если бы не было вчера и не будет завтра, – только тогда вы сможете быть полностью здесь и сейчас.

И эта полнота пребывания в настоящем соединяет вас с существованием, поскольку существование не знает прошлого, не знает будущего. Оно всегда здесь и сейчас.

Существование знает только одно время – настоящее. Язык образует три времени и создает в вашем уме три тысячи напряженных состояний.

Существование знает только одно время, и оно – настоящее, и оно – совсем не напряженное состояние, оно – предельное расслабление.

Когда вы полностью здесь, вчера не тянет вас назад, завтра не тянет вас куда-то еще, вы полностью расслаблены.

Для меня быть в мгновении – это медитация, предельное пребывание в мгновении. И тогда все так прекрасно, так благоуханно, так свежо. Ничто не стареет. Ничто никуда не идет.

Это мы приходим и уходим; существование остается, как оно есть. Это не время проходит, это мы приходим и уходим. Но вот заблуждение: вместо того, чтобы увидеть, что это мы приходим, мы создали великое изобретение, часы, – и теперь время проходит.

Только подумайте, если бы на Земле не было человека, проходило бы время? Вещи еще есть, океан еще набегаёт на берег, разбивая свои волны о скалы. Солнце всходит, солнце садится, но нет утра, нет вечера. Нет времени как такового. Время – это изобретение ума, в своей основе время существует только тогда, когда есть вчера и завтра; настоящее мгновение – это не часть времени.

Когда вы просто здесь, просто сейчас, времени нет. Вы дышите, вы живете, вы чувствуете, вы открыты для всего, что происходит вокруг.

Вы религиозны, когда каждое ваше мгновение становится медитацией.

Вот эти пять просьб к вам.

Бхагаван, Моисей дал нам десять заповедей, а Вы говорили только о шести просьбах; не будете ли Вы любезны дополнить список до десяти?

Кажется, я никогда не был способен выучить арифметику. Может быть, уже слишком поздно. Я думал, что высказал вам только пять просьб, но если я высказал шесть, тогда, конечно, я должен дополнить список до десяти. Почему число десять кажется завершенным? За этим есть какая-то причина. Человек начал считать на своих пальцах, и поскольку у него десять пальцев, то число десять дает представление о завершенности. Пять было бы лучше; не такое завершенное, как десять, но и не такое незавершенное, как шесть.

Шесть просьб. Все религии мира без исключения давали человеку сверхчеловеческие идеалы. Они удовлетворяют эго. Вы хотели бы быть сверхчеловеческим существом, но вы существо лишь человеческое. Даже если роза захочет стать лотосом, это желание приведет к огромному разочарованию, поскольку потенциал розы – быть розой. Как может она быть лотосом?

Но все религии всеми возможными путями дают вам идеалы гораздо выше человеческих. Единственным результатом попыток быть сверхчеловеком является то, что вы упускаете возможность быть человеком.

Вместо того, чтобы достигнуть сверхчеловеческого уровня, вы в результате этих глупых усилий скорее упадете ниже человеческого уровня – станете недочеловеком.

Важно будет вспомнить Фридриха Ницше и его идею сверхчеловека. Адольф Гитлер взял эту идею у Фридриха Ницше, он пытался на свой манер создать целую расу суперменов. И создал прямо противоположное. Он создал наинизший вид человеческих существ, – но под именем суперменов. Фридрих Ницше больше, чем кто-либо другой, несет ответственность за то, что человечество пришло к такому кризису. Адольф Гитлер и люди, подобные ему, – просто пигмеи; но Ницше – гигант. Вся свою жизнь он распространял идею сверхчеловека.

Он находил поддержку в учении Чарльза Дарвина, и его логика выглядит простой, точной, оправданной. Он говорит: «Чарльз Дарвин и его теория эволюции доказывают, что однажды маленькая ветвь обезьян превратилась в человеческие существа. Масса, конечно, осталась обезьянами, но небольшая группа стала людьми». Это случилось, должно быть, миллионы лет назад – если это вообще случилось. Уверенности в этом нет. Ученые больше не соглашаются с Чарльзом Дарвином, поскольку некоторые обезьяны превратились в человеческие существа, то почему за миллионы лет другие обезьяны не превращались в человеческие существа? По крайней мере, некоторые из них должны были бы превратиться в человеческие существа. Но обезьяны – это обезьяны.

Мы обнаружили древние скелеты обезьян; они такие же, как и у современных обезьян, – эволюции нет. То же относится и к человеку. Самые древние скелеты, найденные в Пекине, в Китае, почти такие же, как у вас, – ничего особенного не произошло. Кажется, что эволюции нет. Может быть, у нас больше вещей, больше технологии, гораздо более высокий стандарт жизни, но сам человек – он может летать на самолете или в ракете, – но само человеческое существо точно такое же, как и в те времена, когда он вел воловью упряжку.

Может быть, вместо развития человек потерял многие качества, ведь, когда человек был охотником, у него была огромная сила. Она была нужна ему. Он сражался без всякого оружия, он обнаженным боролся с тиграми и львами. Современный человек ничто в сравнении с ним. Его жизнь была непрерывной борьбой. Мы не смогли бы выжить в такой жизни. Мы потеряли ту силу, мускулы, может быть, даже волю. Если такая ситуация возникнет снова, многим из нас будет лучше покончить с собой, чем жить голыми в джунглях и сражаться с дикими животными. Вы обнаружите, что вы слабейшее животное на Земле. Даже собака может доказать этот факт, а собака ведь больше не живет в джунглях. Она приручена. С вами она ослабела, она ведь двоюродная сестра волков. Она не может сражаться с волками, но с человеком... она без всякого труда может убить вас.

Действительно, почему человек был вынужден придумать мечи, ружья, пушки? Чтобы обеспечить замену силе, потерянной в ходе естественного развития. Вы не сможете сделать того, что может лев своими зубами. Вы не сможете сделать того, что может лев своими когтями. Вам нужно подыскать замены, которые были бы посильнее когтей льва, его зубов. И, кроме того, вы хотели бы сражаться на расстоянии – поэтому человек придумал стрелы, пули. Это способы сражаться на расстоянии, поскольку когда вы близко, то даже с ружьем в руках вы чувствуете себя слишком беспокойно. Увидев льва и услышав его рев, вы можете напрочь забыть о ружье – вы перестанете владеть собой. На расстоянии, сидя на вершине дерева, в абсолютной защищенности – лев туда не доберется, – можно стрелять во льва.

Какая произошла эволюция? Но Фридрих Ницше основал всю свою идею на теории эволюции Чарльза Дарвина. Он сказал: «Самая прекрасная сцена в моей жизни произошла тогда, когда я сидел в моем саду и по улице проходил батальон солдат: звук их башмаков сливался в гармонию, их ружья сверкали на утреннем солнце...» И Ницше сказал: «За всю свою жизнь я не видел ничего более прекрасного». Он не говорит о закате, он не говорит о восходе, он не говорит о цветах, он не говорит о полете птицы, – но о солдатах... звук их башмаков гораздо более музыкален, чем любой Бетховен или Моцарт. Сверкание их ружей на утреннем солнце для него более восхитительно, чем само солнце. Утро могло быть полно цветов и птиц, но это не подходит ему. Солдат будет сверхчеловеком.

Эта идея попала в идиотский ум Адольфа Гитлера. Очень трудно вложить идею в ум идиота, но, раз вложив, извлечь ее оттуда уже невозможно. Абсолютно невозможно. Идиот будет исполнять ее; и Гитлер исполнил ее – результатом стала вторая мировая война. Может быть, вы не думали в том направлении, что эта война была следствием философии «сверхчеловека».

Джордж Бернارد Шоу все время описывал сверхчеловека, как будто просто быть человеком – это что-то безобразное, что-то противное, что-то, чего мы должны стыдиться. Но Бернارد Шоу никоим образом не был оригинальным в этой философии. Все религии делали это на протяжении столетий, говоря вам, что вы должны превзойти себя. Такие, как есть, вы обязательно попадете в ад. Если вы не превзойдете себя, не будет вам искупления, не будет вам спасения.

Шри Ауробиндо, один из великих философов современной Индии, был также полон этого дерьма – идеи сверхчеловека. «Пришло время появиться сверхчеловеку», – и он готовил почву для появления сверхчеловека. Ауробиндо умер; сверхчеловек не появился. Сверхчеловек не появится никогда, это вымысел. Это вымысел, придуманный священником, который хочет осудить вас. Ему нужно сравнение, иначе осудить вас невозможно.

Нужно придумать что-то более высокое, превосходящее, чтобы вас можно было сравнить с этим – и низвести вас до праха.

Я хотел бы, чтобы вы запомнили мою седьмую просьбу: воспринимайте с великой радостью то, что вы человек.

Уничтожьте все идеалы, созданные для осуждения вас. Уничтожьте их, пока они не уничтожили вас. Они уже причинили человечеству достаточно вреда. Миллионы людей жили под грузом этих идеалов, раздавленные, с чувством вины, как черви.

Джайны говорят, что сверхчеловек обладает определенными качествами – их тиртханкары, их двадцать четыре сверхчеловека, уже достигли этого состояния. Я говорю вам; никто не достиг его, поскольку эти качества не могут быть достигнуты ни одним человеческим существом. Когда вы услышите об этих качествах, вы поймете, почему я так уверен... «Сверхчеловек не потеет». Для любого человеческого существа невозможно не потеть, если, конечно, он не сделан из пластика; только пластик не потеет.

Но реальное человеческое тело специально предназначено для того, чтобы потеть; потение не бесцельно. Это естественный способ поддержания постоянной температуры вашего тела. Когда вы входите в тепло и в жару, ваше тело начинает потеть. Это естественный метод кондиционирования воздуха. Тело начинает испарять накопленную воду, так что тепло работает

не против вашего тела, а на испарение воды, освобождаемой телом, и ваше тело остается не затронутым, сохраняет постоянную температуру.

Потение абсолютно необходимо. Если бы вы не потели, у вас немедленно началась бы лихорадка. А интервал между вашей температурой и температурой, когда ваше тело перестает жить, не очень велик – чуть меньше семи градусов. Если тридцать шесть и шесть – ваша нормальная температура, то при температуре сорок три и три вы умрете. Интервал не очень велик; смерть всегда рядом. Потая, вы предохраняете тело от перегрева, ведь тепло начинает действовать на воду, которую вы высвобождаете, начинает испарять ее. Оно включается в другую работу, оставляя ваше тело вне своего воздействия. Это естественная система.

Джайны говорят, что их сверхчеловеки, их тиртханкары, не испражняются, не мочатся. Ведь это делают обыкновенные человеческие существа, подобные животным, как может такой человек, как Махавира...? Невозможно представить Махавиру, сидящим в туалете. Джайны не могут представить себе этого, может быть, вы можете. Со мной вы почти испортились, но джайны не могут представить себе Махавиру, сидящим в туалете. Невозможно! Для чего он там сидит? Все это глупые идеи, но двадцать пять столетий джайны несли эти идеи.

Иисус – это сверхчеловек. Он ходит по воде. Я слышал об одном американском христианине, который посещал святую землю. Он пришел посмотреть Галилейское озеро, где, как предполагается, Иисус ходил по воде. Лодочник, увидев американца, очень обрадовался. Он спросил американца: «Не желаете ли совершить прогулку по озеру? Это то самое озеро, по которому ходил Господь Иисус Христос».

Американец, как всякий американец, сказал: «Сначала о главном. Сколько это стоит?»

Лодочник ответил: «Немного, двадцать пять долларов за целое путешествие».

Тогда американец сказал: «Теперь я знаю, почему ходил ваш Господь. Мне не нужна эта прогулка вокруг озера. Но одно теперь мне ясно: почему он ходил по воде. Даже я не могу позволить себе потратить двадцать пять долларов на такое маленькое озеро, а этот бедный человек, разве он мог позволить себе?»

Иисус превращает камни в хлеба, превращает воду в вино, возвращает мертвых к жизни. Это качества сверхчеловека, и все это – просто вымысел. Ничего этого не было. Иисус не ходил по воде, не превращал камни в хлеба, не превращал вино в воду, не возвращал мертвых к жизни. Если он все это делал, то и папа должен бы сделать что-нибудь такое – просто в качестве примера. Не нужно превращать большие скалы, достаточно маленькой скалы... вы ведь представитель Иисуса, он поможет вам. Ваша неудача – это его неудача.

И никто не думает о том, что если Иисус был способен превращать камни в хлеба, то почему весь Средний Восток живет в такой нищете? Этого одного человека было бы достаточно. Он все превратил бы. Если можно получать хлеб из камня, то в чем трудность превратить камень в алмаз? Если вода может стать вином, то почему бы не создать целый океан вина? Если вы знаете секрет, как превратить в вино одну каплю воды, то вы знаете секрет превращения в вино всей воды на Земле.

И если он был способен возвращать к жизни мертвых, то почему только одного Лазаря? Так много людей умерли, пока он был здесь. История с Лазарем выглядит трюком. Похоже, что этот человек только притворился мертвым. Он не умер; это подстроенное чудо. Это можно сделать очень просто; в Индии это делалось много раз, так что мы знаем, как это делается. Просто один человек должен притвориться мертвым, а для этого нужна лишь небольшая подготовка в задержке дыхания.

Когда вы вдыхаете, тело после вдоха, естественно, хочет выбросить из себя использованный воздух, чтобы мог войти свежий. Когда вы поглотили кислород воздуха, воздух, который вы вдохнули, становится бесполезным; не только бесполезным, но опасным, поскольку теперь в нем остается только двуокись углерода. Вы должны быстро выбросить его из себя. Так что это не

против вас – то, что воздух стремится выйти, – это за вас. Это ваш телесный механизм. Весь ваш химический состав зависит от этого; раз кислород взят клетками вашей крови, воздух должен быть немедленно, как можно скорее, выброшен, а когда вы выбрасываете воздух... Ваша потребность в кислороде постоянна.

Вы не осознаете этого, но ваша потребность в кислороде постоянна. Вы забираете кислород не только через нос, вы забираете его через маленькие поры, расположенные по всей вашей коже. Если ваше тело покрасить так густо, что будут закрыты все поры, и оставить открытым только нос, вы умрете через три часа. Больше вы не проживете.

Тогда вы узнаете, что все тело само постоянно впитывает в себя кислород. Это дыхание. Эти поры в вашей коже, они не бесполезны. Когда нужно, они выбрасывают наружу воду: это потение. Кроме того, они непрерывно поглощают воздух. Когда вы выдыхаете, немедленная потребность тела – снова вдохнуть, поскольку клетки вашей крови непрерывно обегая все тело, доставляя кислород туда, где он нужен, и возвращаются пустыми к сердцу, где они хотят наполниться снова. Для наполнения их вам нужно набрать свежего воздуха.

Единственный способ сохранения вашего дыхания в неподвижном состоянии требует определенного упражнения йоги, при котором вы учитесь оставаться в точно срединной точке, когда дыхание не идет ни внутрь, ни наружу – или наполовину внутрь, наполовину наружу. В этой точке достигается определенное равновесие, и тогда на несколько минут вы можете оставаться без дыхания. Иисус бывал в Индии. Он путешествовал по Египту, Индии, Ладакху и, может быть, также по Тибету. Он, должно быть, выучил где-нибудь этот простой метод. В Индии уже есть люди, которые могут делать это не только на протяжении часов, но и дней, – в маленьких деревушках; чтобы найти их, не нужно отправляться в Гималаи.

В своей собственной деревне в детстве я видел три раза трех разных людей, ложившихся в могилу и полностью закопанных там – могила почти два метра глубиной. Невозможно представить себе, что на глубине двух метров они могли дышать. Семь дней, пятнадцать дней, а последний раз я видел двадцать один день... и через двадцать один день могилу раскапывают. Человека находят почти белым, как будто мертвым, без дыхания.

Я был там. Я брал с собой зеркало, потому что обнаружить дыхание рукой часто оказывается невозможным, но если поместить рядом с носом зеркало, то оно немедленно покажет всякий вдох и выдох. Пульса не было. Там присутствовали доктора – не было пульса, не было дыхания. А тот человек говорил: «Когда вы поднимете меня, проделайте в точности следующее: положите меня в определенную позу и не делайте ничего сами – только положите меня в определенную позу». Его нужно было положить в определенную позу, и через пять-семь минут он начинал дышать. Постепенно его бледность исчезала, возвращался пульс, сердце начинало биться.

Этот Лазарь не был мертвым. Он был близким другом и учеником Иисуса. То была просто игра, ведь евреи спрашивали: «Можешь ли ты воскрешать мертвых? Если можешь, тогда ты – мессия, тогда ты – сверхчеловек». Все это было подстроено. И помните, ни один еврейский источник не упоминает об этом. Такое большое событие – мертвый вернулся к жизни. Вы думаете, это не новость? Но ни один еврейский источник даже не упоминает о том, что что-либо подобное рассказывали об Иисусе. Они не упоминают даже имени Иисуса.

Эти истории или были придуманы позднее, или были подстроены, чтобы доказать, что Иисус был сверхчеловеком.

Сначала выставляются определенные требования к тому, кто является сверхчеловеком, а потом люди начинают доказывать, что они именно такие. В результате вы получаете или шарлатанов, обманщиков, мошенников, или, если они честные, искренние люди, они начинают чувствовать себя такими низкими, едва ли достойными называться людьми; начинают чувствовать себя грешниками. Их вина так тяжела, ведь они не смогли сделать ничего из того, что должен делать сверхчеловек.

О Гаутаме Будде говорят, что всякий раз, когда он проходил через лес, на деревьях неожиданно начинали расти зеленые листочки – даже если для этого было неподходящее время года. Буддисты говорят, что это признак сверхчеловека. Даже деревья... лишь его вибрация, и деревья в лесу забывают свои естественные законы, забывают, что не время цвести. Мог быть листопад, но поскольку проходит Будда, листопад превращается в весну. Где бы ни проходил Будда – там весна. Где бы он ни был – там цветут деревья. Это неправда. Это абсурд, и ни один джайнский источник, а эти источники современны Будде, не упоминает об этом, хотя это должно было быть великим событием. Будда ходил на протяжении сорока лет, тысячу раз проходил через леса; вся страна должна была бы полниться слухами о том, что этот человек... но ни один джайнский источник даже не упоминает об этом. Ни один индусский источник не упоминает об этом.

Буддийским источникам нельзя верить. Они написаны буддистами и много лет спустя после смерти Будды. Прошло триста лет, когда первая община решила записать все, чтобы люди знали и помнили, что был такой человек, как Гаутама Будда. Они очень постарались, чтобы доказать, что он сверхчеловек, – но в соответствии с их представлением о сверхчеловеке. Он не ходит по воде. Он потеет. Это не буддийские критерии, и с ними нет проблем. И даже если бы он мог превращать воду в вино, я не думаю, что он стал бы это делать; он стал бы делать прямо противоположное, превращал бы вино в воду – вот это было бы чудо. У каждого свои представления о сверхчеловеке.

Все религии навязывали свое представление о сверхчеловеке.

И все они говорили вам, что если вы добродетельны, если вы делаете все, что предписано священными книгами, если вы следуете им с верой, то это случится и с вами. Они дали вам идеал, который вы не в состоянии исполнить, поэтому вы и испытываете чувство вины. Вы чувствуете себя недостойными, ничтожными, и вся ваша энергия, которая могла бы помочь вам стать подлинными человеческими существами, растрачивается понапрасну на все эти глупости.

Поэтому моя седьмая просьба: будьте подлинными человеческими существами,

В существовании нет иерархии.

Малейшая травинка имеет равную ценность с величайшей звездой на небе.

В существовании нет иерархии, никто не ниже, никто не выше. Каждый сам по себе сущность. Одно дерево высокое, другое дерево не такое высокое. Это не означает, что высокое дерево является более великим, превосходящим, а маленькое дерево – не таким великим, не превосходящим. Нет, в природе нет иерархии. Маленькое дерево обладает потенциалом быть маленьким. Оно привело свой потенциал к воплощению, оно счастливо, блаженно. Оно не сравнивает себя с высоким деревом. А высокое дерево не смотрит сверху вниз глазами президента или премьер-министра, рассматривающего обыкновенных людей. Высокое дерево – это просто высокое дерево. Оно реализовало свой потенциал. Оба сделали в точности одно и то же; каким бы ни был их потенциал, они привели его к реализации и эта реализация – это блаженство. Что вы реализуете – не имеет значения.

Реализация своего потенциала – вот блаженство. Так что помните, нет иерархии, никто не выше вас, никто не ниже вас. Собака есть собака, подлинно собака. Да, вы можете извратить собаку. Люди так и делают. С этими прирученными животными они делают то же, что так называемые праведники делают с ними.

Вы – как прирученные животные для этих праведников. Они пытаются подстричь вас по своему образу, где-то удлинить, растянуть ваши руки, подрубить ноги. У них есть определенное представление; вы должны соответствовать этому представлению. Не представление для вас, вы для представления. И то же самое вы все время делаете с собаками, кошками и другими животными, бедными животными, как-то попавшими в ваши капканы. Что бы вы ни сказали, они должны исполнять это. Конечно, учение требует мук. Вы видели в цирке танцующего слона? Чтобы слон танцевал... ему и ногу-то поднять тяжело. Нужен один подъемный кран, чтобы поднять одну

ногу, другой подъемный кран, чтобы поднять другую... танец должны создавать подъемные краны. Но как они справляются с этим в цирках? Мучением – только мучением.

Они кладут горячие, обжигающе горячие железные пластины и заставляют слона ходить по ним. Одна пластина горячая, другая холодная. Естественно, на горячей пластине он поднимает свою ногу; на холодной он опускает ногу. На следующем шаге все наоборот: эта сторона холодная, та горячая, поэтому эту ногу он опускает, а другую поднимает. Это учение занимает годы... И каждая пластина имеет свой цвет; а слоны – мудрые животные, очень мудрые, поэтому они выучивают, что красная плитка или красная пластина горячая, а зеленая – холодная. После того, как слоны выработали такое представление, у них появилась ассоциация, и вы просто используете красные и зеленые пластины. Ни одна из них не горячая, все холодные, но слон уже обусловлен: на красной он поднимает ногу, даже не попробовав, горячая или холодная эта плитка или пластина – это не имеет значения. Их так же учат сидеть на стуле. Слон, сидящий на стуле...

Но вы видите лишь результат долгого мучительного учения. То же самое делаете вы с собаками, кошками, то же самое делают в цирке с другими животными.

Ваши так называемые религии делают то же самое с вами.

Все человечество они загнали в цирк... все человеческое. Мотивом при этом является то, что вы станете сверхлюдьми. Сверхчеловек не умирает. Раз вы прошли за пределы своей человечности... которая согласно христианству – грех; быть человеком – грех, родиться человеком – грех.

Много раз я удивлялся... я ведь немного сумасшедший, поэтому я удивляюсь странным вещам, которым никто не удивляется. Адам и Ева были изгнаны из сада Эдема, а все эти животные, птицы, миллионы самых разных пород, как они вышли из сада Эдема? С Адамом и Евой все ясно, они ослушались Бога, пошли за дьяволом. Они совершили изначальный грех, – но как же со всем животным царством? Они тоже совершили изначальный грех? Дьявол и их спровоцировал на бунт? Странно, что ни один еврейский, ни один христианский философ, теолог, ученый не спросил: «Откуда взялись все эти животные? И почему?»

Человек рождается в грехе. Животные, конечно, не рождаются в грехе; поэтому если кто-нибудь и выше вас, то это животные. С такой математикой я могу справиться.

Так что запомните седьмую просьбу: воспринимайте свою человечность с радостью, как дар существования, – а не так, что это вас изгнали из сада Эдема, не так, что это наказание, не так, что вы должны раскаиваться.

Иисус все время говорит: «Покайтесь! Покайтесь!» Но в чем? В том, что Адам и Ева съели яблоко? И мы должны каяться за это? Мой доктор Деварадж не разрешит мне, ведь всю свою жизнь я ел яблоки – не одно, по меньшей мере, шесть в день. Это было моей основной диетой. Если кто-то и совершил изначальный грех, то это я. Эти бедные Адам и Ева... только одно яблоко. И они, должно быть, разделили его пополам; может быть, и змей принял в этом участие. Я не знаю, ведь люди, придумавшие эти истории, не дали никакого ключа к пониманию. Лишь небольшой фрагмент, и они думают, что этого достаточно.

Мы все еще в саду Эдема, другого сада Эдемского нет.

Мы уже в нем. И как кто-то может быть изгнан из существования? Только взгляните на абсурдность этой идеи. Даже если бы Бог захотел, он не смог бы никого изгнать из существования. Куда бы он ни изгнал кого-либо, там все еще было бы существование – и все еще его творение. И все, что создает Бог, должно быть святым – или он создает и несвятое? Поэтому, если он изгоняет вас, вы все еще ходите по святой земле, по святой планете.

В этой истории нет смысла. Она придумана лишь для того, чтобы покрепче привязать вас к той идее, что если вы не разделаетесь с тем, что сделал Адам, то вы никогда не поднимитесь выше вашей человечности. А что такого сделал Адам? Он ослушался. Вместо того, чтобы слушаться Бога, он

послушался дьявола. Конечно, дьявол оказался более логичным, более убедительным, более привлекательным.

Бог в этой истории кажется лишенным смелости. Если их уговаривал дьявол, Бог мог бы поспорить с ними. Это было бы гораздо более по-джентльменски, чем вывозить их прочь на автомобиле Форда. Зачем обижать их. А то был, должно быть, фордовский автомобиль модели Т, самый древний, без заднего хода. Поэтому Адам и Ева едут и едут – и не могут вернуться назад. Идея заднего хода пришла позднее. Когда Форд попытался вернуться домой и обнаружил, что это занимает так много времени... нужно было объехать вокруг всего города, только тогда можно было вернуться; если пропустить хотя бы один поворот, то снова надо объезжать весь город. Отсюда ему пришла идея заднего хода. Но модель, которой пользовался Бог, появилась еще до этой идеи Форда; у нее не было заднего хода.

Почему он гневается? И если он гневается, то должен гневаться на змея, на дьявола – не на этих невинных людей. Но в этой истории змей по-прежнему остается жить в саду Эдема. История ничего не говорит о змее – что с ним случилось? Он все еще живет там. И, должно быть, соблазняет других людей есть яблоки. Кажется, что он агент Бога.

Для того, чтобы вживить в вас идею о вашем рождении в изначальном грехе, различные религии использовали различные методы, но должны были делать это. Вот почему Иисус рождается от девственницы, ведь родиться от секса – это родиться в грехе. Секс – это грех.

Я снова не перестаю удивляться, как это Святой Дух сделал девственницу Марию беременной. Я не думаю, что он применял искусственное осеменение. Каким образом эта бедная женщина стала беременной? И христиане сделали из бедного Иисуса внебрачного ребенка, лишь бы удержать его подальше от греха секса. Все остальные рождаются от секса, рождаются в грехе – лишь Иисус рождается не так. Иисус особенный.

Странными способами пользовались эти люди. В различных религиях используются различные методы. Например, как родился Будда? Его мать была беременна, беременна девять месяцев. Она могла родить в любой день, сегодня, завтра. Она сказала, что хочет посетить дворец своей матери. Она была дочерью соседнего царя и супругой другого царя, отца Гаутамы Сиддхарты.

До настоящего времени в Индии, в деревнях, сохранился обычай, что если беременная женщина попросит о чем-то, то ей нельзя отказывать. И я понимаю психологию этого обычая. Это основательная мудрость. У беременной женщины не должно быть отрицательного настроения. Беременная женщина должна все время оставаться в положительном настроении. Она попросилась пойти и повидаться с отцом и матерью. Шудходхана, отец Будды, обеспокоился, поскольку время для путешествия было неподходящее, но ее желание не могло быть не выполнено. Поэтому немедленно была вызвана колесница, немедленно она была послана.

И как раз в пути, когда она отдыхала под сааловым деревом... Это прекрасное дерево с очень густой тенью. Даже на горячем солнце под сааловым деревом прохладно. Чтобы укрыться от горячего солнца, стоявшего прямо над головой, она пережидала под сааловым деревом. И история такова: она родила Гаутаму Будду стоя, пока шла к сааловому дереву.

Может быть, ни одна женщина никогда не рожала стоя. Это странная поза. Женщина испытывает такую боль, что стоять...

Но это еще ничего; история, настоящая история начинается только сейчас. Будда родился стоя! Обыкновенно из утробы матери первой выходит головка. Очень редко очень немногие идиоты пытаются выйти по-другому, высовывают сначала ножки. Очень немногие идиоты... ведь естественный путь – высунуть сначала головку. Но Будда родился ножками вперед – стоя! Мать стояла, Будда стоял, но подождите... он еще прошел семь шагов! Гаутама Будда прошел семь шагов. Первое, что он сделал, это прошел семь шагов; и второе, что он сделал, это объявил: «Я величайший Будда в мире». Сверхчеловек! Как бы вы могли сделать такое? Вы не можете по той простой причине, что уже родились. Можете попытаться лишь в следующей жизни, но и

это зависит от женщины, поедет ли она во дворец к своей матери, остановится ли под сааловым деревом или нет...

Зачем эти глупые истории? Чтобы сделать этого человека особенным, отличным от вас. Чтобы унижить вас. Это отвратительно!

Как оскорблено человечество всеми этими религиями!

Пришло время людям сказать: «Прекратите всю эту чепуху. Нет сверхчеловека и никогда не было – мы все человеческие существа. А все эти истории – лишь обман воображения».

Восьмая просьба.

Все религии учили вас бороться с естеством.

Предосудительно все, что естественно.

Религии говорят, что вы должны делать что-то противоестественное, только тогда вы сможете вырваться из темницы биологии, физиологии, психологии, из всех стен, окружающих вас.

Но если вы в гармонии со своим телом, со своим умом, со своим сердцем, тогда, говорят религии, вы никогда не сможете выйти за свои пределы.

Вот здесь я против всех религий.

Они посеяли отравленные семена в ваше бытие, поскольку вы не смеете любить своего тела, хотя и живете в нем.

Тело служит вам семьдесят, восемьдесят, девяносто, даже сто лет, и наука не сумела еще придумать механизма, сравнимого с телом. Его сложность, его чудеса, которые оно постоянно творит для вас... а вы и не подумаете поблагодарить его.

Вы рассматриваете свое тело, как врага, а ваше тело – друг.

Оно заботится о вас всеми возможными способами, когда вы бодрствуете, когда вы спите. Даже во сне оно продолжает заботиться о вас. Когда вы спите, а по вашей ноге начинает ползти паук, ваша нога сбрасывает его прочь, не беспокоя вас. Ваша нога имеет свой собственный маленький мозг. Поэтому за маленькими делами не нужно обращаться к центральной нервной системе, обращаться к мозгу – с этим справится сама нога. Если вас кусает комар, ваша рука поднимается и убивает его, а ваш сон не нарушается. Даже пока вы спите, ваше тело постоянно защищает вас и делает такое, что обычно не предполагается ожидать от него... не предполагается, что у руки есть мозг, но определенно она имеет что-то, что может быть названо очень маленьким мозгом. Может быть, каждая клетка вашего тела имеет в себе свой маленький мозг. А в вашем теле миллионы клеток, миллионы маленьких мозгов, движущихся повсюду, постоянно заботящихся о вас.

Вы все время едите различные вещи, не беспокоясь о том, что случается после того, как вы проглатываете их. Вы не спрашиваете у своего тела, сможет ли его механизм, его химическое строение переварить то, что вы едите. Но каким-то образом ваше внутреннее химическое строение постоянно работает на протяжении почти столетия. У него есть автоматическая система для замены частей, работающих неверно. Оно отбрасывает их прочь, создает новые части, и вы этого совершенно не касаетесь. Это все время происходит само по себе. Тело само обладает определенной мудростью.

А религии говорят, что тело – ваш враг, вы должны морить его голодом, вы должны истязать его, ведь если вы не морите его голодом, не мучите его, то как вы сможете от него освободиться? Единственный способ освободиться – это обрубить все ваши привязанности к нему.

Они учат вас ненавидеть свое тело, и это нечто весьма опасное.

Сама эта идея превращает вашего лучшего друга в наихудшего врага.

Эти религии все время говорят вам: «Вы всегда должны бороться, вы должны идти против течения. Не слушайте тела – что бы оно ни сказало, делайте наоборот». Джайнизм говорит:

«Тело голодает, пусть голодает. Морите его голодом, ему нужен такой уход». Оно служит вам без всякой платы с вашей стороны, без жалования, без средств, а джайнизм говорит идти против него. Когда оно хочет уснуть, старайтесь бодрствовать.

То же самое делал Гурджиев в этом двадцатом веке. Это, конечно, дает великую силу эго. Когда тело хочет пищи, вы говорите нет. «Нет» несет в себе великую силу. Вы хозяин. Вы низвели тело до положения раба – и не

только раба, вы заставили тело закрыть свой рот: «Все, что я решу, должно быть сделано; ты не вмешивайся». Гурджиев делал нечто противоположное тому, что делал джайнизм. Джайнизм морит вас голодом – но метод тот же самый и результат тот же самый; Гурджиев заставлял своих учеников все время есть. Когда тело говорит нет, он скажет: «Продолжай...» Каждая ночь была пиковой точкой для учеников Гурджиева.

Он был великим поваром и в том, что касается экзотических кушаний, был несравненным, но это не делает его религиозным человеком. Он обычно готовил странные блюда, которых вы никогда не ели, ваше тело совершенно не привычно к усваиванию их, что за ингредиенты клал он в эти блюда! И потом он обычно стоял и заставлял каждого есть; никто не смел сказать нет Учителю. Тело бунтовало, но он настойчиво заставлял их есть, а потом начинался прием спиртного. Потом он заставлял всех выпивать. Вскоре, посреди ночи... Ритуал продолжался, бывало, от трех до шести часов, это было не простым делом. Посреди ночи из всех только Гурджиев оставался бодрствующим. Все остальные были без сознания, страдали рвотой, лежали вповалку в самых различных позах. То было мертвое место, омерзительное.

Но какова цель? Цель была все та же: научить, как бороться с телом. Старые ученики постепенно начинали привыкать к этому. Их не рвало, хотя они и съедали так много, что у них шло горлом, но их не рвало. Теперь они это достаточно умело контролировали. Ученики, последовавшие за ним из России, были самой старшей группой. Они выпивали столько вина, сколько он хотел, и никогда не падали без сознания. Это давало великую силу: вы больше не раб своего тела, вы – хозяин своего тела. Это та же самая сила, которую получают джайнские монахи, постясь месяцами. Удовлетворяется то же самое это.

Моя восьмая просьба к вам такова: не боритесь со своим телом.

Это не враг ваш, это ваш друг. Это дар вам от природы. Это часть природы. Оно связано с природой всеми возможными путями. Вы соединены мостами не только с дыханием, вы соединены с солнечным лучом, вы соединены с ароматом цветов, вы соединены с лунным светом. От вас идут мосты во всех направлениях; вы – не изолированный остров. Отбросьте эту идею. Вы – часть целого континента, и еще... природа дала вам индивидуальность. Это я и называю чудом.

Вы неотъемлемая часть существования, и все же вы обладаете индивидуальностью. Существование сотворило чудо, сделало нечто невозможное возможным.

Пребывая в гармонии со своим телом, вы будете в гармонии с природой, с существованием.

Поэтому вместо того, чтобы идти против течения, идите по течению. Будьте в состоянии всеприятия. Позвольте случаться жизни. Не вызывайте ничего силой, как бы хорошо это ни называлось. Не нарушайте своей гармонии ради какой-то святой книги, ради какого-то святого идеала.

Нет ничего более ценного, чем быть в гармонии, в согласии с целым.

Моя девятая просьба.

Все религии соглашаются в одном: настоящая жизнь начинается после смерти. Эта жизнь – лишь репетиция, но не настоящий спектакль. Настоящий спектакль случится после смерти. Здесь вы лишь готовитесь к представлению. Поэтому жертвуйте всем, чтобы подготовиться к спектаклю, который случится после смерти.

Они учат жертвовать. Жертвуйте любовью, жертвуйте жизнью, жертвуйте радостью, жертвуйте всем. Чем больше вы жертвуете, тем больше вы сможете принять участия в драме, великой драме после смерти. Они пытаются сфокусировать ваш ум на жизни после смерти.

Один человек спрашивал меня – я был в Калькутте, то был один из богатейших людей Индии, Саху Шанти Прасад; у него был величайший дворец в Калькутте... мы вдвоем прогуливались по его огромному саду, ведь у него посреди Калькутты было по меньшей мере сто акров зеленого сада. Дворец когда-то принадлежал вице-королю Индии, когда Калькутта еще была столицей. Когда столица переместилась в Нью-Дели, дворец был продан.

Теперь президент Индии живет в таком же дворце в Нью-Дели с сотней акров сада.

Итак, мы прогуливались вдвоем, и он спросил меня: «Я всегда хотел спросить вас, что случается после смерти».

Я сказал: «Вы живы или нет?»

Он сказал: «Что за вопрос, жив ли я?»

Я сказал: «Вы живы. Знаете ли вы, что есть жизнь?»

Он сказал: «На это я не могу ответить. Честно говоря, я не знаю».

Я сказал: «Вы живы и даже тогда не знаете, что есть жизнь. Как вы можете знать смерть, когда вы еще не мертвы? Так подождите. Пока живы, постарайтесь узнать жизнь; вскоре вы умрете, тогда в своей могиле поразмышляйте о смерти. Вас никто не будет беспокоить. Почему сейчас вас заботит то, что будет после смерти? Почему вас не заботит, что будет до смерти? Вот о чем должна быть настоящая забота. Когда придет смерть, мы столкнемся с нею лицом к лицу, мы посмотрим на нее, посмотрим, что она есть. Я не мертвый, как же я могу сказать? Вам нужно бы спросить у кого-нибудь мертвого, что там случается. Я живой. Я могу рассказать вам, что есть жизнь, я могу рассказать, как узнать, что есть жизнь».

«Но, – сказал он, – все религиозные учителя, которых я ходил слушать, говорят о смерти; никто не говорит о жизни».

Они не заинтересованы в жизни, на самом деле все они хотят, чтобы и вы не были заинтересованы в жизни. Их бизнес основывается на вашем интересе к смерти. А о смерти можно выдумать самые прекрасные вещи, и никто не сможет оспорить этого. Этого нельзя будет ни доказать, ни оспорить. И если вы верующий, тогда, конечно, все эти священные книги дают поддержку священнику, монаху, раввину, который может цитировать их для вас.

Я хотел бы, чтобы вы запомнили: живите и старайтесь узнать, что есть жизнь.

Не беспокойтесь о смерти, о небесах и аде, об этом проклятом Боге.

Просто оставайтесь вместе с жизнью, которая танцует в вас, дышит в вас, живет в вас.

Вам нужно подойти ближе к себе, чтобы узнать ее. Может быть, вы стоите слишком далеко от себя. Ваши заботы далеко увели вас. Вы должны вернуться домой.

Поэтому помните, что, пока вы живы, это так драгоценно – не упускайте ни единого мгновения.

Выжмите из жизни весь сок, и этот сок даст вам ощущение существования, и это будет открытием всего спрятанного от вас и остающегося спрятанным.

Уважайте жизнь, благоговейте перед жизнью.

А жизнь не состоит из больших вещей. Эти религиозные дураки говорили вам: «Творите большое», – а жизнь состоит из малого. Их стратегия ясна. Они говорят вам: «Творите большое, что-то великое, что-то такое, за что ваше имя будут помнить. Творите что-то великое». И, конечно, это удовлетворяет эго.

Это – агент священника.

Все церкви, и все синагоги, и все храмы имеют лишь одного агента, и этот агент – эго. Других агентов нет. Нет других агентств. Есть только одно агентство, и это агентство – эго: творите что-то великое, что-то большое.

Я хочу сказать вам, что нет ничего большого, ничего великого. Жизнь состоит из очень маленьких вещей. Поэтому если вы начинаете интересоваться так называемыми большими вещами, вы упускаете жизнь.

Жизнь состоит из потягивания чашечки чая, из болтовни с другом, из утренней прогулки, когда вы не идете куда-то, а просто гуляете, без всякой цели, без намерения, когда в любой момент вы можете повернуть назад; из приготовления пищи для любимого человека; из приготовления пищи для себя, ведь свое тело вы тоже любите; из стирки одежды, из мытья полов, из поливки сада... это маленькие вещи, очень маленькие вещи... из того, чтобы сказать «привет» незнакомцу, что совершенно необязательно, поскольку с этим незнакомцем у вас нет никаких дел.

Человек, который может поздороваться с незнакомцем, может поздороваться и с цветком, может поздороваться с деревом, может спеть песню птицам.

Они поют каждый день, и вы совсем не думали, что однажды вы ответите на их призыв. Одни лишь маленькие вещи, очень маленькие вещи.

И я не говорю о хождении в синагогу – это большое дело; о хождении в церковь – это большое дело. Оставьте все эти большие дела дуракам, их много. Их тоже чем-то нужно занять; для этого есть эти синагоги, и церкви, и храмы.

Но для вас существование – и ничто кроме существования – вот единственный храм.

Ничто кроме жизни – вот единственный Бог, которому я учу вас.

Уважайте свою жизнь. Исходя из этого уважения вы начнете уважать жизнь других.

Много раз меня спрашивали, почему наша коммуна вегетарианская. По одной простой причине... Мотивация не такая, как в джайнизме. Мотивация джайнизма заключается в том, что если вы вегетарианец, то попадете на небеса; если нет – попадете в ад. Мои люди – вегетарианцы без всякой мотивации. Они не собираются получать никакой платы за это где-нибудь после смерти. Они ничего не откладывают на банковский счет для другой жизни. Просто если вы уважаете жизнь, то вам становится трудно даже сорвать цветок. Вы будете наслаждаться цветком, вы будете любить цветок, вы можете касаться цветка, вы можете целовать цветок, – но, срывая его, вы его уничтожаете, вы раните растение, которое является таким же живым, как и вы.

Уважение к жизни, благоговение перед жизнью делает мою коммуналку вегетарианской – других проблем нет. Как вы можете есть мясо? Лишь ради удовлетворения своих вкусовых ощущений вы можете уничтожать жизнь? Сама мысль об этом тошнотворна.

Сколько, Шила...?

«Мне кажется, я ошиблась вчера. Я посчитала неправильно».

Все в порядке, прекрасно, поэтому продолжим.

Девятое: будьте творческими.

Только творческие люди знают, что есть блаженство. Рисуйте, музицируйте, сочиняйте поэзию, делайте все не ради какой-то цели, просто ради радости, без всякой иной причины. Если вы можете слагать стихи, просто ради собственной радости или чтобы поделиться с немногими друзьями; если вы можете развести прекрасный сад просто из чистой радости творения, чтобы всякий прохожий мог бы остановиться на время и полюбоваться им, – тогда это достаточная награда.

В этом мое переживание: только творческие люди знают, что есть блаженство.

Они могут познать и счастье, а я должен пояснить вам различие. Счастье всегда вызывается какой-то причиной: вы получили Нобелевскую премию – вы счастливы; вы награждены – вы счастливы; вы стали чемпионом в каком-нибудь виде состязаний – и вы счастливы. Что-то является причиной счастья, и это счастье зависит от других. Нобелевская премия присуждается Нобелевским комитетом. Золотая медаль присуждается комитетом по золотой медали, университетом. Счастье зависит от других. И если вы работаете ради этого мотива, хотите добиться Нобелевской премии, пишете поэзию, романы именно для того, чтобы получить Нобелевскую премию, – то, пока вы работаете, этот мотив – лишь помеха, обуза. Блаженства не будет, поскольку ваше счастье там, далеко, в руках Нобелевского комитета. И даже если вы получите Нобелевскую премию, блаженство будет лишь мимолетно. Как долго вы сможете хвастать ею?

Джордж Бернард Шоу получил Нобелевскую премию. Он был очень умным человеком. Он использовал счастье получения Нобелевской премии наиболее полно, полнее, чем кто-либо другой; он победил всех обладателей Нобелевского приза. Сначала он получил Нобелевскую премию – эта новость облетела весь мир. Потом он отказался от Нобелевской премии. Это было оскорблением для всей страны, для короля, главы Нобелевского комитета,

для самого комитета, для людей, предложивших его имя. До этого момента не отказывался никто; он создал прецедент.

Со всего мира на него начали оказывать давление. Три дня он держал весь мир в напряжении – что произойдет? – поскольку каждый король, каждый премьер-министр, каждый президент каждой страны – все слали ему телеграммы: «Это нехорошо. Это не по-джентльменски. Пожалуйста, примите ее. Потом можете ее пожертвовать, но сначала примите. Отказ оскорбителен». На третий день он сдался и принял; снова он стал даже еще большей новостью – он принял премию. Он подождал еще два или три дня. Когда новость поостыла, он пожертвовал премию. Снова его новость стала горячей, ведь премия – это не только приз, это и деньги, большие деньги. Я думаю, что сейчас это около двухсот тысяч долларов.

Снова его имя распространялось всеми средствами массовой информации, а через два-три дня, когда все снова поостыло, он сумел как бы проговориться, что пожертвовал премию своему собственному обществу, фабианскому обществу. Он был и президентом, и единственным его членом! И когда его спросили:

«Что все это значит?» – он сказал: «Почему бы не получить столько счастья, сколько возможно, иначе вы один день в новостях – и все кончено... Я же испытывал это счастье месяц». Но счастье зависит от других. Даже если вы можете нести его месяц, оно все равно кончится – одна минута или один месяц, не имеет значения.

Блаженство – это нечто совершенно иное, оно не зависит ни от кого. Это радость создания чего-либо; не имеет значения, принимает ли это кто-нибудь или нет. Вы наслаждаетесь этим, пока создаете, – и этого достаточно, больше чем достаточно.

И последнее, какой там номер, не могу же я думать о номерах. Я сам забыл. Но я должен сказать вам последнее, для завершения. Номера – вы сами можете расставить их.

Последнее – это моя самая важная просьба к вам, и она такова: в существовании самое необыкновенное – это быть обыкновенным.

Каждый хочет быть необыкновенным, это очень обыкновенно. Но быть обыкновенным и просто расслабиться в этом обыкновенном бытии – это высшая необыкновенность.

Тот, кто воспринимает свою обыкновенность без всякого недовольства и ропота – с радостью, поскольку все существование таково, – только у такого человека никто не сможет разрушить его блаженство. Никто не украдет его, никто не отнимет.

Тогда, где бы вы ни были, вы будете в блаженстве.

Я был в Нью-Дели, и после того, как я выступил, один человек встал и спросил меня: «Что вы думаете о себе? Попадете ли вы в рай или в ад?»

Я сказал: «Насколько мне известно, ничего такого нет. Но если случайно и есть, я могу надеяться только на ад».

Он изумился: «Что!»

Я сказал: «В аду вы найдете всех ярких людей – обыкновенных, но ярких. В раю вы найдете великих ученых, теологов, святых, философов – они все серьезные, все ссорятся, все друг против друга, непрерывно дискутируют. Это, должно быть, самое сварливое место, где невозможно найти ни мгновения тишины. Насколько я понимаю, если у Бога есть хоть какой-нибудь разум, он должен сбежать в ад, поскольку это единственное место, где никто не спорит о глупостях, где люди просто наслаждаются, танцуют, поют, едят, спят, работают».

Я сказал ему: «Для меня обыкновенное – это самое необыкновенное явление в существовании».

БЕСЕДА 30

ЕДИНСТВЕННОЕ ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО: НЕТ НИКАКИХ ПРАВИЛ

28 ноября 1984

Бахаган, В, забыли включить в число просьб одну из ваших сентенш. Эта сентенция такая: живите опасно. Не поговорили бы Вы об этом?

Сама жизнь для меня настолько интенсивна, что я все время действительно забываю правильные сентенции о жизни, правильные правила для жизни. Это может показаться противоречием, но это не так. Люди, помнящие сентенции о жизни, полностью забывают о самой жизни. Да, я забыл не только эту, но и немного больше. Эта сентенция напоминает мне... Одна, которую я люблю больше всего, звучит так:

«Золотое правило жизни заключается в том, что нет никаких золотых правил».

Их не может быть. Жизнь так обширна, так огромна, так странна, загадочна, она не может быть сведена к правилу или сентенции. Все сентенции коротки, слишком малы; они не могут вместить жизнь и жизненные энергии. Поэтому то золотое правило, что нет золотых правил, весьма значительно.

Подлинный человек не живет правилами, сентенциями, заповедями. Так живет псевдочеловек.

Подлинный человек просто живет.

Да, если вы спросите подлинного человека, он может сказать вам определенные правила, но они не являются правилами, которым он следует сам. Он просто нашел их на жизненном пути, как собирают морские раковины на пляже. Он не планировал собирать морские раковины, он собрался насладиться ранним утром, свежим воздухом, солнцем, морем, песком. Так, между прочим, он нашел и эти морские раковины.

Все правила собирают люди, которые не живут по ним, поскольку люди, живущие по ним, давно покончили жизнь самоубийством.

Всякий, кто живет по правилу, разрушает себя, отравляет себя, ведь это правило найдено кем-то, не вами, где-то, где вас никогда не будет, в каком-то времени, в каком-то пространстве, которые не ваше время и не ваше пространство. Следовать такому правилу очень опасно. Вы будете отвлекать свою жизнь от ее центра, ее основания – вы будете уродовать себя. Стараясь украсить, вы будете уродовать себя, деформировать себя.

Поэтому все эти правила, о которых я говорил эти два или три дня, – вы должны помнить: перед ними идет золотое правило.

Но я просто забыл об этом. Я был так погружен в борьбу с Моисеем, – а бедный Моисей никогда не причинял мне никакого вреда, и я не намеревался причинять ему никакого вреда, но слово «заповедь (commandment)» включило что-то во мне.

Мне вспоминается, как я был студентом-выпускником. В Индии стало правилом, что каждый студент должен принять участие в двухгодичной военной подготовке. Я пришел к вице-канцлеру и сказал: «Я отказываюсь. Я не буду участвовать ни в какой военной подготовке; сама эта идея вызывает во мне тошноту – мне скажет кто-нибудь: "Нале-во", – и я должен повернуться налево. Кто он такой? И прежде всего, почему я должен поворачиваться налево? А если я хочу поворачиваться направо или вообще не хочу поворачиваться... Все это будет трудно. Лучше найти какой-нибудь способ спасти меня от этого».

Он сказал: «Я понимаю вас и вижу трудности. Вы никогда не следовали никаким правилам. Я снова и снова получаю сообщения против вас, но я никогда вас не вызывал, поскольку знаю, что, может быть, вы и не следуете правилам, но все, что вы ни сделаете, будет лучше всякого правила. Я знаю вас. Я следил за вами. Например, многие профессора сообщали, что вы засыпаете на их занятиях. Это нехорошо. И если они будят вас, вы создаете вокруг этого столько нервного возбуждения, суеты, что никто не имеет права вас будить. И кому вы делаете плохо? Вы же просто спите».

Я говорил своим профессорам: «Это не нарушает вашей лекции, и, кроме того, кому интересна ваша лекция? Все, что вы говорите, – чепуха, лучше ее не слушать. И это мое время – с двенадцати до двух я всегда сплю. С самого детства, в школе, на младших курсах, на старших, я всегда спал. Всегда было признанным фактом, что с двенадцати до двух я сплю. И люди признали это, поскольку я не собирался делать ничего другого в это время, вы можете выбросить меня из аудитории; я буду спать там. Я буду спать снаружи, для меня не имеет значения, – но это мое время для сна».

И вице-канцлер сказал: «Я говорил вашим профессорам: "Не беспокойтесь. Можете посмотреть на его оценки за прошлый год. Как он успевает? Девяносто восемь процентов. Может ли он добиться большего, если будет бодрствовать?"»

Я ответил вице-канцлеру: «Здесь вы неправы. Если бы я бодрствовал, то девяносто восемь процентов были бы недостижимы. Было бы трудно добиться и восемнадцати процентов. Этот человек набросал в ум каждого студента столько всякой чепухи; мне как-то удалось избежать этого. Упущены два процента... по-видимому, он что-то кричал, и кажется, сквозь сон это проникло в мой ум. А иначе почему не все сто процентов? Эти два процента, должно быть, его работа, я собираюсь пойти прямо к нему и спросить, что случилось с этими двумя процентами?»

Он сказал: «Мне сообщали, что вы не следуете правилам, принятым в общежитии студентов, а ведь вы староста всего общежития. Предполагается, что вы должны управлять тысячей студентов и заставлять их следовать правилам, но сами этим правилам вы совершенно не следуете. Как вы собираетесь управлять тысячей студентов?»

Я сказал: «Кого это волнует? Они так счастливы со мной, как ни с каким другим старостой, поскольку я никогда не вмешиваюсь. На самом деле, я даже не знаю их всех в лицо. Я не знаю их имен. Я никогда не проверял их присутствие. Каждый месяц я отмечаю каждого словом "присутствует" и посылаю список по инстанции. Я сказал им: "Если вы отсутствуете, поставьте меня в известность, и проблем нет. Если вы не поставили меня в известность, значит вы присутствуете"».

Он сказал: «Вы встаете в три часа ночи, и несколько ваших учеников – у меня уже были ученики – тоже встают в три часа, и вы доставляете так много беспокойства другим».

Я сказал: «Эти люди – дураки». Университет, в котором я пребывал, и его общежитие находились в таком прекрасном месте, что три часа ночи было там самым подходящим временем. Место это располагалось на вершине холма, а как раз под холмом находилось большое озеро. Оно было таким ясным, спокойным, тихим, что проспать все это... Очень хорошо просыпать лекции, ведь эти идиоты говорят о вещах, в которых просто ничего не понимают. Какой-то другой идиот рассказывал им, и они повторяют.

А я каждое утро видел новое свежее озеро; оно никогда не оставалось тем же самым. Каждое утро... я просто удивлялся и восхищался; даже сегодня я не могу поверить, что это место, университет Саугара... Я был в Индии повсюду, но я никогда не видел так много красок на небе, как на этом озере. Так много красок, так много цветов на небе, и все они отражаются в озере. Там можно было просто сесть – и начиналась медитация. Ее не нужно было воссоздавать.

Поэтому я сказал: «Конечно, я встаю в три. Меня будит озеро, в три начинают петь птицы, и эти несколько человек, которые раз пошли со мной посидеть под деревьями... исчезают последние звезды, мало-помалу нисходит утро... открываются первые цветы».

Озеро было полно лотосов. И пока солнце поднималось над горизонтом, лотосы начинали раскрываться. Они закрываются с закатом. Всю ночь они спят. Когда солнце встает – при первых его лучах лотосы начинают раскрываться. А это самый прекрасный цветок, который можно себе представить, – самый большой цветок, самый ароматный и самый живой... он плавает в воде, но его поверхность такая бархатистая, что вода не касается его. Даже капли росы на листьях и цветках лотоса остаются как жемчужины. Вода не касается цветка, поэтому роса не растекается и не делает лист мокрым. Капли росы остаются подобными округлым жемчужинам. И когда солнце поднимается немного выше, все эти лотосы, их листья и эти миллионы жемчужин, начинают отражать солнечные лучи. Иногда на озере возникает радуга.

Я сказал вице-канцлеру: «Тех, кто ходили со мной, я пригласил один раз, но дважды я не просил их. А люди, сообщившие вам, ничего не знают о красоте, о существовании». Я сказал ему: «Я знаю, кто сообщил вам. Я не думаю, что хотя бы один студент станет что-либо сообщать против меня. Это

проктор, профессор, надзирающий над общежитием, который очень беспокоится, почему я не слушаю его».

Я сказал ему: «Вы – профессор, надзирающий над студентами, но не над старостой». Я показал ему книгу, в которой были написаны правила, и конечно, там не упоминалось о том, что он имеет власть над старостой. Власть – то у него, конечно, была, поскольку староста – тоже студент, но упоминания об этом не было. Поэтому я сказал: «Нет упоминания об этом. Если хотите, заботьтесь о студентах. Я же буду заботиться по-своему. Я забочусь, но не вмешиваюсь. И мои студенты чрезвычайно счастливы, поскольку впервые ими никто не командует, не заставляет их делать то, не делать этого: "Отправляйтесь спать в девять; в девять все огни должны быть потушены"».

Свет лично у меня, конечно, не гас в девять. В первый же день проктор пришел ко мне сказать, что это неправильно. Я сказал: «Не беспокойте меня больше. Я буду читать так долго, как захочу, – иногда всю ночь, поскольку для сна есть целый день, и никто не смеет контролировать это». Я всегда держал при себе книгу правил, которая была дана мне, как старосте. Я сказал: «Посмотрите вот сюда. Здесь ничего не сказано о том, имеете ли вы какую-нибудь власть над моим сном или бодрствованием. Я буду бодрствовать, когда захочу; я буду спать, когда захочу, и мои студенты будут поступать по-своему, чего бы им ни захотелось».

Вице-канцлер сказал: «Все эти сообщения поступили ко мне, но я знаю вас. Правила мертвы. Все старосты до вас были подобны мертвым. Поэтому меня не беспокоили сообщения против вас, я не вызывал вас, но в данном случае возникает проблема. Это государственное дело. Правительство хочет, чтобы каждый студент прошел подготовку в армии, – иначе ему не будет выдан диплом».

Я сказал: «Проблемы нет. Я не буду требовать диплома, я могу дать в том слово в письменной форме. Это не проблема. Что я буду делать с вашим дипломом? И я не собираюсь подчиняться всяким идиотам».

В армии вся процедура направлена на разрушение разума. Ведь если человек разумен, то он не может быть хорошим солдатом.

Чтобы быть хорошим солдатом, необходимо выбрать... Нужно отбросить разум, иначе как убивать того, кто ничего вам не сделал, кому вы даже не были представлены? И вы убиваете его! Вы не знаете, может быть, у него престарелые мать и отец, которые зависят от него, или жена и дети, которые останутся сиротами и нищими, – а вы убиваете этого человека без всякой причины, просто потому, что получаете жалование за убийство? И он получает жалование за убийство; вы оба наемные убийцы.

Я не собирался становиться наемным убийцей.

Чтобы создать такую ситуацию, когда можно легко убивать, прежде всего нужно полностью разрушить разум.

Вот, что такое подготовка, то, что в армии называют подготовкой: напра-во, нале-во, кру-гом, шагом-марш, стой – и так три часа в день. Человек действует просто как робот. Он не должен спрашивать: «Почему мне нужно поворачиваться налево? По какой причине? Зачем это, если я снова должен буду поворачиваться обратно? Останемся в прежнем положении. Люди рано или поздно возвращаются в прежнее положение». Нет, вам не полагается спрашивать.

Все эти процедуры созданы для того, чтобы уничтожить вопросы, сомнение – все то, что дает остроту вашему разуму.

Если на протяжении ряда лет вы не спрашиваете, а просто следуете всему, что вам скажут, то ваш ум начинает ржаветь. И однажды поступит приказ: «Огонь!» И вы выстрелите. Не то чтобы это вы выстрелили. Просто у вас больше нет разума, который был раньше. Теперь все это подобно тому же «налево».

Я сказал вице-канцлеру: «Я не собираюсь вступать в армию. Увольте меня. Если есть какие-то проблемы, вы должны побороться за меня. И я готов бороться со всяким; с правительством штата... Я готов выступить перед парламентом штата и бороться за свои права – я не могу быть уничтожен. Мой разум, я не позволю никому касаться его таким образом. А

если это федеральное правительство, то я готов пойти и туда, - но знайте, я не вступлю в армию. И я не буду требовать диплома».

Он сказал: «Не беспокойтесь». Он сказал: «Взять вас в правительство штата или в федеральное правительство - это создаст лишь больше проблем. Поэтому ведите себя тихо, просто ведите себя тихо; ничего никому не говорите. Я позабочусь об этом, это будет моей заботой. Я отвечаю, если возникнут какие-нибудь проблемы». Я сказал: «Это ваше дело».

И я ни разу не пришел к нему просить диплом; он сам пришел в общежитие. Я не пошел на заключительное собрание, поскольку таково было наше соглашение. После собрания он посмотрел вокруг: человеку, оказавшемуся лучшим в университете и завоевавшему золотую медаль, дают диплом, а его нигде нет! Все спрашивали, почему меня нет; только вице-канцлер знал. Он сказал: «Я знаю, почему его нет, - таково было наше соглашение. Я должен буду пойти в общежитие и вручить ему его золотую медаль, его диплом и попросить у него извинения. Я беспокоился о том, что он решит получить золотую медаль, и тогда огласка проблемы станет неизбежной».

Он пришел, вручил мне диплом. Я сказал: «Все в порядке. Если вы даете мне его, я не откажусь; но я выполнил соглашение. Я бы никогда не пришел просить свой диплом. И рано или поздно я все равно сожгу его».

Он изумился: «Что!»

Я сказал: «А что мне делать? Носить его всю жизнь?»

И через девять лет, когда я расстался с профессорством, первое, что я сделал, я сжег все свои дипломы. Мой отец присутствовал при этом; он сказал: «Даже если ты оставил профессорство, зачем сжигать дипломы. Они могут остаться здесь. В чем проблема? Отдай их мне, я сохраню их».

Я сказал: «Нет, это означало бы, что вы все еще надеетесь, что когда-нибудь они могут понадобиться мне. Нет, раз я перешел мост, я хочу уничтожить его, чтобы не было возможности вернуться назад. Я не дам вам этих дипломов».

И я сжег их перед ним. Он сказал: «Ты странный человек. Я не препятствую тебе оставить профессорство».

Я сказал: «Раз я оставил это, я не собираюсь никогда в жизни пользоваться этими дипломами - так зачем носить их?»

Я никогда не следовал никаким правилам, так что забыть для меня очень естественно. Да, я забыл сказать вам, что одна из моих просьб к вам такая: живите опасно.

Что это в точности означает? Это просто означает, что в жизни всегда есть альтернативы. Вы всегда на перекрестке, всегда-всегда.

Каждое мгновение - перекресток, и вы должны выбирать, куда пойти, каким будет ваш путь; вы должны выбирать каждое мгновение.

Каждое мгновение решающее, поскольку вы отвергаете многие пути и выбираете один.

Если вы выбираете удобное, привычное, вы никогда не сможете жить интенсивно.

Удобное, привычное, общепринятое, утвержденное обществом означает, что вы готовы стать психическим рабом.

Вот почему все эти привычные вещи...

Общество даст вам все, если вы отдадите ему свою свободу.

Оно вам даст респектабельность, оно даст вам большой пост в иерархии, в бюрократии, - но вы должны отбросить только одно: вашу свободу, вашу индивидуальность. Вы должны стать единицей в толпе.

Толпа ненавидит человека, не являющегося ее частью.

Толпа приходит в большое напряжение, увидев среди себя незнакомца, ведь этот незнакомец становится знаком вопроса.

Вы жили определенной жизнью, в определенном стиле, в определенной религии, в определенной политике. Вы следовали за толпой и чувствовали себя очень удобно, уютно, поскольку окружающие вас люди были точно такие же, как вы. Что делали вы, делали и они. Каждый делал одно и то же; это дает ощущение, что вы делаете что-то правильное. Так много людей не могут ошибаться. И в благодарность за то, что вы следуете за ними, они

оказывают вам уважение, честь. Ваше это удовлетворено. Жизнь привычная, но плоская. Вы живете по горизонтали – в очень тонком срезе жизни, как в кусочке хлеба, срезанном очень тонко. Вы живете линейно.

Жить опасно – это жить по вертикали.

Тогда каждое мгновение имеет глубину и высоту. Оно касается самых высоких звезд и самых глубоких пропастей. Оно не имеет понятия о горизонтальной линии. И тогда вы – незнакомец в толпе, тогда вы ведете себя отлично от всех остальных. И это создает у людей чувство стесненности, ведь они не наслаждаются своей жизнью, они никогда не жили своей жизнью, они не принимали на себя ответственности прожить ее, они ничем не рисковали, чтобы иметь ее, – этот вопрос и не возникал, поскольку всё такие же, как они.

Но приходит этот незнакомец, живущий по-иному, поступающий по-иному, и тогда, неожиданно, что-то начинает шевелиться в этих людях.

Сдавленная жизнь этих людей – подобная с силой сжатой пружине – неожиданно приходит в движение, начинают возникать вопросы: этот путь для нас ведь тоже возможен. И кажется, что у этого человека другое сияние в глазах, иная радость окружает его. Он идет, сидит, стоит не так, как другие.

В нем есть что-то уникальное. Но самое выразительное в нем то, что он кажется предельно удовлетворенным, блаженным, как если бы он достиг. Вы все еще странствуете, а он уже достиг.

Такой человек опасен толпе, Толпа убьет его. Это не случайное совпадение, что людей, подобных Сократу, отравляют. Что за проблема была с Сократом? Он был таким уникальным гением, что если бы Греция дала миру только одного Сократа, то этого было бы достаточно для истории, достаточно, чтобы ее запомнили навсегда. Но толпа не может терпеть такого человека. А ведь он был простым человеком, абсолютно безвредным. Они отравили, убили его.

В чем было его преступление? Его преступление было в том, что он был индивидуален.

Он шел своим собственным путем, не тем прекрасно освещенным, которым идут все. Он шел своим собственным лабиринтом. И вскоре общество испугалось, поскольку некоторые другие люди тоже начали сходить с проторенной дороги, чтобы найти свои собственные пути.

Сократ говорил, что нельзя идти путем, проложенным для вас другими. Вы должны своими собственными ногами прокладывать дорогу.

Это не те дороги, которые уже готовы, по которым вы можете просто ходить, – совсем нет. Вы должны проторить дорогу своими собственными ногами; как раз когда вы ходите, вы и прокладываете дорогу. И помните, эта дорога только для вас, ни для кого другого.

Это все равно как птицы, летающие в небе, не оставляют следов, по которым могли бы следовать другие птицы. Небо снова остается пустым. Летать может любая птица, но она должна проложить свой собственный путь.

Это было опасно. Сократ представлял реальную опасность. Иисус не был реальной опасностью. И вам нужно понять различие, поскольку Иисус также был распят. Но чего хотел Иисус? Он хотел быть признанным толпой. Он не был настоящим бунтарем. Он добивался уважения: «Я ваш ожидаемый мессия». Он хотел того, чтобы толпа придала ему святость, респектабельность. И он всеми способами пытался исполнить требования толпы. Это другая история.

Люди всегда думали, что Сократ и Иисус принадлежат к одной категории людей, – это не так; они как раз противоположны. Сократ не добивался, чтобы его признавали. Сократ говорит: «Пожалуйста, оставьте меня одного – так же, как я оставляю вас одних. Пожалуйста, дайте мне свободу. Я не вмешиваюсь в вашу жизнь, вам не следует вмешиваться в мою». Это выглядит абсолютно честным. Он не добивается, чтобы его признавали. Он не говорит: «Все, что я говорю, – истина, и вы должны принимать ее». Нет, он говорит: «Все, что я говорю, составляет мое право говорить. У вас есть ваше право говорить».

Когда судьи приговорили убить этого человека, они ощутили небольшое чувство вины. Он был высшим расцветом греческого гения. Поэтому они

предложили ему несколько возможностей; они сказали: «Вы можете покинуть Афины...» В те дни Греция состояла из городов-демократий, и это на самом деле гораздо более демократический способ правления. Чем меньше по размеру государство, тем больше демократии в нем возможно, поскольку это прямая демократия.

Люди в Афинах обычно собирались на площади, поднимали свои руки «за» или «против», принимали решения. Теперь в такой стране, как Америка, демократия стала настолько непрямой, что вы выбрали человека на несколько лет и теперь не знаете, что он будет делать. В течение этих нескольких лет вы не можете контролировать его. Он что-то обещал вам, но может делать прямо противоположное. Так оно и происходит все время. Но в Афинах была прямая демократия. Любое важное дело – и народ Афин собирается вместе и голосует «за» или «против». Так что власть не делегировалась на пять лет. Власть всегда была в руках народа.

Поэтому судьи сказали: «Это просто. Вы покидаете Афины. Вы можете устроить свой дом в любом другом городе, и, где бы вы ни были, вы везде найдете учеников, друзей – в этом нет вопроса».

Сократ сказал: «Это не вопрос моего выживания. То, что вы говорите, конечно, удобно, и любой деловой человек выбрал бы это. Все просто. Зачем без нужды быть убитым? Переезжай в другой город». Сократ сказал: «Я не собираюсь покинуть Афины, поскольку это вопрос выбора между удобством и жизнью и я выбираю жизнь – даже если она принесет смерть. Но я не выберу удобства, это было бы трусостью».

Они предложили ему другую альтернативу. Они сказали: «Тогда сделайте следующее: оставайтесь в Афинах, но прекратите учить».

Он ответил: «Это еще труднее. Вы просите птиц не петь по утрам? Деревья – не цвести, когда приходит время цветения? Это моя единственная радость: разделять мою истину с теми, кто идет ощупью в потемках. Я собираюсь быть здесь, и я собираюсь продолжить учить истине».

Судьи сказали: «Тогда мы бессильны, поскольку толпа, большинство хочет, чтобы вы были отравлены, убиты». Он сказал: «Очень хорошо. Вы можете убить меня, но вы не сможете убить мой дух...».

Но помните, под духом он не имел в виду душу. Под духом он имел в виду свою смелость, свою преданность истине, своему пути в жизни. Этого нельзя изменить.

«...Вы можете убить меня. Меня совершенно не беспокоит смерть, поскольку есть только такая альтернатива. Или я просто умру – и тогда нет проблем. Когда меня нет, какие могут быть проблемы? Так что или я просто умру, и проблем нет, или я не умру, и моя душа продолжит жить. Тогда, по меньшей мере, я получу удовлетворение от того, что я не был трусом, что я тверд в своей истине, что вы могли убить меня, но не смогли согнуть».

Он умер радостно. Сцена смерти Сократа – нечто самое прекрасное в истории человека.

В Греции не было креста; приговоренному давали яд. Поэтому на стороне определенный человек, официальный отравитель, готовит яд, который он дает людям, приговоренным к смерти. Отравление было назначено на шесть вечера. Солнце садилось, и Сократ снова и снова спрашивал: «В чем дело? Поторопите этого человека, становится поздно».

А тот человек действительно пытался оттянуть казнь как можно дольше. Он любил Сократа и хотел, чтобы тот пожил еще немного. Это все, что он мог сделать... он мог очень медленно, не торопясь, готовить яд. Но ученики снова и снова приходили к нему и говорили: «Учитель спрашивает, почему вы так задерживаетесь?»

Слезы стояли в его глазах, он говорил: «Он на самом деле опасный человек. Я стараюсь, чтобы он прожил немного дольше, а он торопится».

Отравитель спросил Сократа: «Почему вы так спешите?»

Сократ сказал: «Я спешу, потому что я потрясюще прожил жизнь, я полно прожил жизнь; я знаю ее. Смерть мне не известна; это великое приключение. Я хотел бы испытать вкус смерти».

Невозможно убить такого человека. Нет способа убить такого человека, который хочет испытать вкус смерти, который хочет познать смерть, который хочет принять вызов и испытать приключение неизвестного.

Жить опасно означает, что всякий раз, когда есть альтернативы, остерегайтесь: не выбирайте привычного, удобного, респектабельного, принятого обществом, почетного.

Выбирайте то, что заставляет звенеть колокольчик в вашем сердце. Выбирайте то, что вы хотели бы делать, несмотря на какие бы то ни было последствия.

Трус думает о последствиях. Что случится, если я сделаю это? Какой будет результат? Он больше всего заботится о результате.

Настоящий человек никогда не думает о последствиях. Он думает только о действии – в это мгновение. Он чувствует: «Это то, что подходит мне, и я буду делать это». Тогда что бы ни случилось, будет приветствоваться. Он никогда не пожалеет.

Настоящий человек никогда не сожалеет, никогда не раскаивается, поскольку он никогда ничего не делает против себя.

А трус умирает тысячу раз перед смертью и непрерывно сожалеет, раскаивается; было бы лучше сделать то, сочетаться браком с тем женщиной, с той женщиной, выбрать ту профессию, пойти учиться в колледж... всегда есть тысячи альтернатив, и вы не можете выбрать их все.

Общество учит вас: «Выбирайте привычное, удобное; выбирайте хорошо проторенный путь, по которому прошли ваши предки и предки их предков со времен Адама и Евы. Выбирайте хорошо проторенный путь. Этот путь доказан: так много людей – миллионы – прошло по нему, вы не ошибетесь».

Но запомните одну вещь: толпа никогда не имела переживания истины. Истина случается только индивидуумам.

Этот хорошо проторенный путь проторен не Сократом и людьми, подобными Сократу.

Он проторен массой, посредственностью, людьми, которые никогда не имели смелости пойти в неизвестное, – они никогда не сходили с основной магистрали. Они цепляются друг за друга, поскольку это дает им определенное удовлетворение, утешение: «С нами так много людей...»

Вот почему все религии постоянно пытаются обратить к себе все больше и больше приверженцев. Причина не в том, что они заинтересованы в людях, их жизни, их преобразовании, – нет, они и сами не преобразуются, но если христиан больше, чем индусов, то, естественно, кажется, что у христиан больше шансов на обладание истиной, чем у индусов. Если буддистов больше, чем христиан, тогда, конечно, они могут продолжать верить, что они обладают истиной и именно поэтому с ними так много людей.

Но я хочу, чтобы вы помнили: истина всегда случается индивидуумам.

Это не коллективное явление. Она не случается толпе. Она всегда случается отдельным личностям.

Она все равно как любовь.

Видели ли вы влюбленную толпу? Это невозможно... чтобы одна толпа влюбилась в другую толпу. По крайней мере, до сих пор такого не случалось. Это индивидуальное явление. Один человек влюбляется в другого человека... Влюблены два человека.

В истине нет и двоих. Вы одни в своей абсолютной уединенности переживаете ее.

Поэтому остерегайтесь толпы. Остерегайтесь хорошо протоптанного пути. Остерегайтесь миллионов христиан, и буддистов, и мусульман, и индусов, и евреев; остерегайтесь всех этих людей.

Если вам нужно найти кого-то, ищите того, кто не принадлежит ни к какой толпе.

Вот почему я говорю, что Сократ и Иисус совершенно различны. Иисус старается принадлежать толпе. Толпа отвергает его; это уже другое дело. Толпа не желает признавать его, но он всеми способами пытается... Он никогда не думал ни о каком христианстве. Он был евреем, родился евреем, жил евреем, умер евреем, молился еврейскому Богу, все пытался убедить евреев: «Я ваш ожидаемый мессия». Он не бунтарь.

Истина приходит только к мятежным, а быть мятежным – это определенно жить в опасности.

И каждое мгновение, со всех сторон, всеми возможными способами вы сталкиваетесь... Вы живете с человеком, которого не любите, но вы продолжаете цепляться за явный комфорт, зато, что есть хоть кто-то, за кого можно уцепиться. Подумаете о том, чтобы расстаться с этим человеком, – и темнота, одиночество – что вы будете делать? Как будете жить? Может быть, вы не любите, но все же есть хоть кто-то. Вы выбираете удобное, привычное. У вас профессия, которую вы ненавидите...

Один мой дядя – поэт, и он мог бы быть одним из величайших поэтов Индии, если бы послушал меня. Но я был слишком молод, а он был выпускником университета. Я старался сделать, как лучше, я сказал: «Вы можете не слушать меня, это ваше дело, но я хочу сказать вам».

Он возразил:» Почему ты беспокоишь меня?»

Я сказал: «Это определит всю вашу жизнь. Вы поэт. Я не много понимаю в поэзии, но то, что я видел в ваших блокнотах, дает мне уверенность в том, что, если вы выберете привычное, удобное – то есть профессию нашей семьи...»

Мой дед говорил ему: «Теперь ты выпускник. Заканчивай; начинай присматриваться к делу».

Я сказал ему: «Не слушайте его. Он убьет все ваше будущее».

Он сказал: «Ты странный мальчик. Ты предлагаешь мне, чтобы я не слушался своего собственного отца, а слушался тебя».

Я ответил: «Однажды вы будете раскаиваться. Ну и слушайте его». Он послушался деда. И как раз перед тем, как мы покинули Пуну, он пришел ко мне и сказал: «Простите меня. Я все еще помню вас, такого маленького, пытающегося убедить меня не слушать отца. Конечно, такой выбор был самым удобным для меня. Имелось дело, бизнес; я получил свое наследство. Дело было налажено, мне не нужно было много стараться».

А раз он вошел в дело, мой дед немедленно начал присматривать ему девушку. Я сказал ему: «Смотрите, вас мало-помалу захватывает все это».

Он ответил мне: «Ты мой друг или враг? Отец подыскивает мне жену, а ты говоришь, что он подыскивает мне тюрьму».

Я сказал: «Вам решать. Вы сами должны искать себе жену. Почему этим должен заниматься отец? Странно, его отец искал жену для него – и он стоял в стороне. Теперь он ищет жену для вас – и вы стоите в стороне. Как он может найти жену для вас?» Но мой дед был сильным человеком. Мой дядя не мог ничего возразить ему; если дед что-то решал – это было окончательное. И однажды он решил для него брак. Бракосочетание состоялось.

Я пришел на его бракосочетание и всячески дразнил его: «Вы собираетесь жить в заключении».

Когда он прибыл в Пуну, он сказал мне: «Вы были правы. Это была жизнь в заключении, и заключение становилось все большим и большим: сначала дело, потом жена, потом дети, теперь образование детей, теперь женитьба детей». И теперь ему шестьдесят пять, у него нет времени на поэзию. Когда он был в Пуне, всего две или три недели, он снова начал писать стихи. И он говорил мне: «За годы я все совершенно забыл; не было времени. Но глядя на вас, вспоминая, что вы говорили мне, я понял, что вы были правы. И я хотел бы прийти сюда на несколько месяцев и вернуть мои мечты, мои видения, уже исчезнувшие».

И как раз два или три дня назад Шила принесла его письмо: «Теперь вы уехали слишком далеко, мне невозможно добраться туда, а я надеялся приехать в Пуну». Для чего он надеялся приехать в Пуну? И как вы думаете, теперь, когда со времени моего совета так много воды утекло в Ганге, способен ли он оживить свою поэзию? Я так не думаю, поскольку он показал мне несколько вещей, написанных во время его пребывания в Пуне, – они не были того качества, которое, как я знал, было присуще ему, когда он был молодым. Теперь набралось так много хлама. Он более не молод, устал, скучен, постоянно кается. Те несколько дней, что он пробыл там, он постоянно раскаивался: « Увы, я не послушался вас». Но никто не

послушался бы ребенка. И то, что я предлагал, было мятежом против отца – его отца.

Вы выбираете профессию, которая поудобнее; вы выбираете друзей, которые поудобнее. Я видел странных людей. У меня был один друг – у меня редко бывали друзья, да и те, которые были, были не очень-то друзьями. Так что я на самом деле не помню, были ли у меня друзья, это лишь слово. Но он думал, что является моим другом, – он был профессором химического факультета.

Во всем университете только у меня и у него был автомобиль. Сначала автомобиль был только у него; он был сыном богатого человека, и автомобиль не был для него проблемой. Мне иметь автомобиль было невозможно. Я, бывало, проходил пешком четыре мили, чтобы преподавать в университете, и обратно четыре мили – два часа каждый день. Но я наслаждался ходьбой, она была прекрасным упражнением. Но один из моих поклонников терпеть не мог такое упражнение; он подарил мне автомобиль. В тот день, когда я приехал в колледж на автомобиле, – а до этого профессор химии ни разу и не подумал познакомиться со мной, – он подбежал ко мне. Он назвал мне свое имя и сказал: «Я был бы счастлив быть вашим другом».

Я сказал: «Странно, так неожиданно... Я здесь уже два года. Мы сталкивались друг с другом каждый день по два или три раза, и вы ни разу не поприветствовали меня». Конечно, я сам никогда не приветствовал его, поскольку не вмешиваюсь ни в чью жизнь. Кто знает, о чем вы думаете... а я могу бросить камень, и ваши мечты разрушатся, или случится что-нибудь подобное. Я не вмешиваюсь, если только кто-нибудь не приглашает меня; тогда это его ответственность. «Что случилось так неожиданно?»

Он сказал: «Отойдем в уголок, и я скажу вам». Он отвел меня в уголок и сказал: «Я решил поддерживать дружеские отношения только с теми, у кого есть автомобиль».

Я спросил: «Почему?»

Он сказал: «Если водить дружбу с людьми, у которых нет автомобиля, они просят... им нужен ваш автомобиль, каждый день они просят их подвезти, а вы должны платить за бензин. И они портят автомобиль, делают то, делают это, а вы должны присматривать за ними. Поэтому я решил поддерживать дружбу только с теми, у кого есть автомобиль».

Я сказал: «Это прекрасная идея. Но вы, пожалуйста, простите меня. Выслушав вашу идею, я решил не водить никакой дружбы с теми, у кого есть автомобиль».

Он спросил: «Но почему?»

Я ответил: «Из-за вашей идеи: может быть, это будет и их идеей тоже!»

Людской ум функционирует одинаковым образом. Люди становятся друзьями, если они принадлежат одному обществу, имеют одинаковый стандарт жизни; если они ходят в одну синагогу, в одну церковь, если они члены Ротари-клуба или клуба светских львов. Они – люди одного стандарта жизни, это удобно. Если вы заведете дружбу с бедным человеком, это неудобно. Однажды он придет и попросит у вас несколько рупий, его жена больна...

С членом Ротари-клуба не так. С ним поддерживать дружбу хорошо. С вами все в порядке, с ним все в порядке; проблем нет. У вас есть дом, у вас есть автомобиль; у него есть дом, у него есть автомобиль. У вас есть слуги, у него есть слуги. Нет проблем. Но всего лишь шаг ниже – и будут проблемы, ведь человек может попросить, обязательно попросит... Когда-нибудь у него возникнут неприятности, тогда где же ему еще искать помощь? Вы друг... Вот почему люди не водят дружбы со слугами. Годами слуга присутствует в их доме – и никакой дружбы. Они остаются почти не знакомыми.

Жить опасно означает не ставить таких глупых условий между собой и жизнью, как удобство, комфорт, респектабельность.

Отбросьте все это и позвольте случаться жизни, идите с ней, не беспокоясь, находитесь ли вы на основной магистрали или нет, не беспокоясь, где вы кончите.

Живут лишь очень немногие.

Девяносто девять и девять десятых процента людей лишь совершают медленное самоубийство.

Последнее, что следует запомнить, настолько существенно, что мне непростительно забыть об этом. Живите наблюдая.

Что бы вы ни делали: ходите, сидите, едите или ничего не делаете, просто дышите, отдыхаете, расслабляетесь на траве, - никогда не забывайте, что вы наблюдатель.

Вы снова и снова будете забывать об этом. Вы будете вовлечены в какие-то мысли, в какие-то чувства, в какие-то эмоции, в какие-то настроения - во все, что будет отвлекать вас от наблюдателя.

Вспомните и бегите назад к центру вашего наблюдения.

Непрерывно совершайте внутренний процесс...

Вы удивитесь, как жизнь изменит свое качество. Я могу двигать этой рукой без всякого наблюдения и могу двигать ею, всецело наблюдая ее движение изнутри. Эти два движения совершенно различны. Первое движение - это движение робота, механическое движение. Второе движение - это сознательное движение. И когда вы сознательны, вы чувствуете руку изнутри; когда вы несознательны, вы знаете руку только снаружи.

Вы узнали свое лицо только через зеркало, снаружи, поскольку вы - не наблюдатель. Если вы начнете наблюдать, вы почувствуете свое лицо изнутри - и это такое переживание, наблюдать себя изнутри.

Затем постепенно начнут происходить странные вещи... Исчезают мысли, исчезают чувства, исчезают эмоции, и вокруг вас возникает молчание.

И вы - как остров посреди океана молчания.

Просто наблюдатель, как пламя света в центре вашего существа, излучающее все ваше существо.

Вначале это будет только внутреннее переживание. Постепенно вы увидите, как это излучение распространяется за пределы вашего тела, его лучи достигают других людей. И вы будете удивлены и потрясены тем, что другие люди, если они хоть немного чувствительны, немедленно осознают, что что-то невидимое коснулось их.

Например, если вы наблюдаете себя... Просто идите позади кого-нибудь и наблюдайте себя, и почти с уверенностью можно сказать, что тот человек обернется и посмотрит назад без всякой причины. Ведь когда вы наблюдаете себя, ваше состояние наблюдения начинает излучать, и это излучение обязательно коснется человека, идущего впереди вас. И если его коснулось что-то невидимое, он обернется назад - в чем дело? А вы далеко, вы не могли даже дотронуться до него рукой.

Вы можете провести такой эксперимент: кто-то спит, а вы садитесь рядом с ним и просто наблюдаете себя. Человек неожиданно просыпается, открывает глаза и оглядывается вокруг, как будто кто-то дотронулся до него.

Постепенно вы также сможете ощущать касание через лучи. Это то, что называется вибрацией. Это реальное явление. Другой человек чувствует ваши лучи; вы тоже почувствуете, что вы коснулись его.

Слово «коснулось» используется с очень большим значением. Вы можете использовать его, не понимая, что означает, когда вы говорите, что «меня коснулся» человек. Он мог не сказать вам ни слова. Он мог лишь проходить мимо. Он мог лишь раз заглянуть в ваши глаза, и вы чувствуете, что этот человек «коснулся» вас. Это не просто слово - так именно и случилось.

И тогда эти лучи начинают распространяться и достигать людей, животных, деревьев, скал... и однажды вы увидите, что изнутри вы касаетесь всей вселенной.

Ваша уединенность абсолютно такая же, как и была. Но она становится больше, обширнее.

Это переживание, которое я называю переживанием божественности.